Национальная академия наук Беларуси
Институт философии НАН Беларуси

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ:
духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития

Материалы
Пятой международной научной конференции
(19–20 ноября 2020 года, г. Минск)

В трех томах
Том 1

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2020

УДК [1+008](476)(082)
ББК 87.3(4Беи)я43
И73

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института философии НАН Беларуси
(протокол № 11 от 29.10.2020 г.)

Редакционная коллегия:
А. А. Лазаревич (председатель), А. Ю. Дудчик (зам. председателя),
Т. И. Адуло, С. Г. Доронина, В. Б. Еворовский, С. И. Санько,
М. Б. Завадский (секретарь), А. О. Карасевич, Е. А. Круподеря,
Н. Н. Куксачёв, И. М. Новик, Е. П. Саковский

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор *Ч. С. Кирвель*
доктор социологических наук, кандидат юридических наук,
профессор *Н. А. Барановский*

И73 **Интеллектуальная** культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития : материалы Пятой междунар. науч. конф. (19–20 ноября 2020 г., г. Минск). В 3 т. Т. 1 / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2020. – 390 с.

ISBN 978-985-581-431-4 (т. 1).

Сборник в трех томах содержит тексты докладов и выступлений, включенных в программу работы Пятой международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития» (Республика Беларусь, г. Минск, 19–20 ноября 2020 года). Материалы раскрывают роль духовно-нравственных традиций в обеспечении устойчивого инновационного развития Республики Беларусь, выявляют главные направления исследований и факторы, позволяющие более эффективно использовать их результаты для выработки практических решений по гармонизации общественных процессов.

Издание предназначено для ученых, преподавателей, специалистов органов государственной власти и управления, представителей общественных структур, аспирантов, магистрантов и студентов, а также всех интересующихся проблемами современной философии и гуманитарных наук.

УДК [1+008](476)(082)
ББК 87.3(4Беи)я43

ISBN 978-985-581-431-4 (т. 1)
ISBN 978-985-581-430-7

© ГНУ «Институт философии НАН Беларуси», 2020
© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 10

Раздел 1 Современная наука как синтез гуманистически ориентированного знания и технологических инноваций 11

Л. Г. Антипенко Традиционно-ценностные ориентиры в философии: античный логос в современном истолковании 11

А. И. Афанасьев, И. Л. Василенко Наука и псевдонаука в духовном мире современного человека 14

Е. М. Бабосов Человек как мера всех вещей – квинтэссенция философского постижения реальности 17

В. Ф. Берков О предмете субъектологии 20

О. В. Беркова Философско-методологический анализ отношений собственности и его практическая реализация 23

M. Bădileanu, S. Ciumac Knowledge advances in environmental performance indicators 27

А. И. Верещако Постфеноменология как инновационный подход в философии техники 29

И. Н. Вольнов Наука и искусство. Порождение времени 32

А. С. Гонашвили Актуальность идей К. Маркса в XXI веке 35

Н. Е. Гусева Инновации, идеи постнеклассической науки и образование 38

M. A. Debych The environmental healing toward the "internationalization of higher education" 40

А. Б. Демидов Языковое моделирование действительности как критерий человека 43

Р. Н. Дождикова Когнитивные аспекты философии повседневной жизни 46

Я. С. Ермакоў Сінергетыка сацыяльных сістэм і постнекласічны этап развіцця навукі 49

В. И. Жук Глобализационные процессы как объект теоретического исследования 52

С. А. Жук Подготовка кадров в Институте философии и права АН БССР во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг. 55

В. К. Игнатов "Адвечным шляхам": час настал? 59

В. А. Ильганаева Тенденции интеграции в науке, культуре как обоснование идентификации человека в современном мире..... 62

Л. Г. Интымакова, З. Г. Стародубцева Интегральные характеристики понимания как индивидуально субъективизированного феномена..... 65

А. О. Карасевич Структура психики по Аристотелю 69

Е. Г. Кириченко Философский дискурс в интеллектуальной культуре цифровой цивилизации..... 71

Н. К. Кисель Проблема моральной регуляции науки в условиях когнитивного капитализма 73

К. В. Корсак, Ю. К. Корсак Ноонауки о будущем без пандемий и коллапсов..... 76

А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов Роль великих революций в развитии техногенной цивилизации 80

Е. В. Кузнецова Феномен идентичности личности: особенности проявления в информационном обществе..... 84

С. Р. Курохтина Концепт наблюдателя и "техники видения" в визуальных исследованиях 87

А. А. Лазаревич Особенности научной политики в информационном обществе 90

Н. А. Лазаревич Проблема обеспечения экологической устойчивости в техногенном обществе 93

Б. М. Лепешко Феноменологическая методология: практический аспект..... 96

И. И. Лещинская Теория "разумного эгоизма" и ее современная проекция 100

Л. Е. Лойко Междисциплинарный ресурс категории "время": социально-исторические исследования школы Анналов..... 103

В. К. Лукашевич Современные измерения научного прогресса..... 106

А. О. Макарова Архетип как призыв к действию: ценностные основания техноцентризма 110

М. А. Малиновская, С. В. Воробьева Концепция смысла в постмодернистской теории Ж. Делёза: семиотические и когнитивные аспекты 113

В. И. Миськевич, Г. И. Малыхина Гуманизм *versus* техногуманизм 117

А. К. Мамедов Имманентность истины в социальном знании 120

О. А. Матусевич Медийные практики публичной истории (на примере *Wargaming*) 124

Т. Г. Мдивани Новый тип детерминизма во втором музыкальном авангарде 127

А. П. Мельников Политическая культура эпохи постмодерна 131

А. Е. Михайлов, М. В. Михайлова Биоэтическая составляющая мировоззренческой подготовки обучающихся в медицинском вузе 134

В. С. Михайловский Деконструкция как метод синтеза социогуманитарных теорий? 136

П. Ю. Молчанов Системно-синергетический подход к классификации современных течений гуманизма 139

E. V. Muryukina The main content of the synthesized model of media education in the school in the USSR in 1984–1991 years 143

Е. А. Наумкина Методологические возможности синергетики в инновационном менеджменте 146

Ю. В. Нестерович Некоторые значимые особенности методологии и практики интердисциплинарного синтеза теоретических знаний в гуманитраных и информационных науках 150

Т. Е. Новицкая Медиатизация в институциональной перспективе: подход Стига Хьярварда 153

С. В. Орлов Пути развития традиционной концепции диалектики в условиях трансформации современного общества 156

В. Л. Павлов Духовный мир человека и пути его формирования 159

В. И. Павлюкевич Стиль мышления и принципы теоретического познания (логико-эпистемологические аспекты) 163

Е. В. Перепелица Коммуникация государства и общества в условиях медиареальности 166

Э. О. Плотникова Реализация способности суждения судьями в контексте внедрения систем искусственного интеллекта в судопроизводство 169

М. В. Пономарев Герменевтика визуального в современном социально-гуманитарном познании 173

В. С. Попова Идея времени в моделях мира А. И. Введенского и Н. О. Лосского: сравнительный анализ 176

І. В. Поўх Прастора і час у еўрапейскай і амерыканскай фальклярыстыцы эпохі постмадэрнізму 178

М. М. Прохоров Борьба нового и старого как одно из главных направлений философского исследования в современном мире социальной материи 181

С. А. Пушкевич Миграционные паттерны белорусских и российских ученых 187

И. Б. Савелова Эстетический подход в образовании: к вопросу формирования гуманистически ориентированного знания 190

В. И. Савинцев Г. И. Челпанов: учение о психологическом времени в контексте междисциплинарного подхода 194

Д. Ш. Сагдуллаева Духовно-культурные аспекты модернизации общества 196

Е. П. Саковский Анализ буддистской рациональности и системы ее ответов на современные информационные вызовы 199

А. В. Сарычева Методологический потенциал системного моделирования аргументации в исследовании духовного мира человека 202

В. Е. Семенков, А. С. Черноиванова Перспективные направления профилактики выгорания 205

В. Н. Семенова Понятие политического: от традиции к постмодерну ... 208

Е. К. Ситько Метод эвристических вопросов и заданий в преподавании биологии 212

Т. Д. Скуднова Антропологическая философия как вектор развития этической теории в трансформирующемся социуме 215

В. Н. Слюсар, Н. В. Слюсар Реклама как социальное явление в обществе мультиверсума 218

Н. М. Солодухо О методологии гуманитарно-цивилизационного мониторинга технических-технологических инноваций 221

Э. М. Сороко Качество, мера, гармония – инварианты системогенеза ... 224

Л. А. Сосновский, С. С. Щербаков, А. А. Лазаревич Культура и золотая триада "наука–образование–производство" 227

А. Н. Спасков Субстанциально-информационная онтология пространства-времени в контексте постнеклассической рациональности 239

А. А. Спектор Роль философии как рефлексии над эволюцией науки 243

В. П. Старжинский, Д. В. Кравченко Приоритеты инновационной реструктуризации интеллектуального ресурса в сфере ИКТ 245

А. И. Субетто Закон опережения прогрессом человека научно-технического прогресса: в контексте ноосферного гуманизма 249

А. И. Субетто Ноосферная парадигма рациональности науки XXI века 251

А. И. Сыкало Императивы выживания и развития человека, природы и общества в XXI веке 253

Н. М. Твердынин Взаимовлияние динамики изменений в техногенном обществе и эволюции социальных особенностей интеллигенции: аксиологические аспекты 256

Т. Е. Титовец Интерпретация образовательной ситуации при смене типов научной рациональности 259

О. А. Туркина Конфликт и конфронтация в дискурсе гуманитарного знания и реконструкция их теоретических моделей 262

Э. М. Хакимов Разум материи, материя разума 265

С. О. Хилькевич Влияние интернета на процесс социализации 268

А. С. Червинский Качество окружающей среды как нормативная характеристика природной среды обитания: проблема методологии 271

И. В. Черникова, Д. В. Черникова Влияние вызовов технонауки на развитие социогуманитарного знания и образовательные стратегии 274

Ю. В. Черновицкая Отношение науки и власти в условиях трансформаций современного общества 277

Цянь-цянь Чжун "Инь и ян" – как основа древнекитайской философии 281

І. А. Швед Да пытання інавацыйнага развіцця культуралагічных даследаванняў анімалістыкі 284

Д. И. Широканов, М. К. Буслова Эмпирическое и теоретическое в структуре научного познания 288

А. С. Шохов Игра фигур в кастомизированных средах 294

В. К. Щербин Интеллектуальная культура нации: система традиций или сумма технологий? 298

Э. М. Щурок Подготовка научных кадров высшей квалификации и ее эффективность в академической докторантуре 301

И. Н. Юдкин-Рипун Эвристика как инструмент интуиции в феноменологии культуры 304

В. Н. Яхно Социальная ответственность и информационное правосудие как проблема философии информации 307

Круглый стол «Гегель и гегельянство: история, рецепции, критика», посвященный 250-летию со дня рождения Г. В. Ф. Гегеля и 200-летию публикации «Философии права» («Grundlinien der Philosophie des Rechts») 311

А. І. Бабко Станаўленне навукі сучаснага тыпу і філасофія Гегеля 311

В. Н. Белов Г. Коген о философской системе Гегеля 314

В. А. Белокрылова Диалектическая модель превращения в философии Гегеля: онтологическая интерпретация и методологические следствия 316

С. В. Воробьева Правовые коллизии в ракурсе гегелевской критики классической модели определенности 320

С. Г. Доронина Феномен детства: в контексте идей философии Г. В. Ф. Гегеля 323

Э. Жирар "Право героев": неожиданное понятие гегелевской философии 327

О. Ф. Иващук Гегель в XX в. как мишень галиматизирующего перевода 329

В. И. Каравкин Естественное право как мера социальной жизни в "Философии права" Гегеля 332

П. А. Козарева "Народ" и "нация": Гегель об истории как прогрессе в осознании свободы 335

И. С. Курилович Вопрос происхождения новоевропейской науки у А. Койре и А. Кожева: за и против Гегеля 338

А. А. Легчилин Философия Гегеля: белорусский региональный контекст в XIX в. 342

А. Д. Майданский Гегель и Гомель в советской философии и психологии 345

Д. В. Полежаев Национально-государственные аспекты философии права Г. В. Ф. Гегеля: ментальное измерение 348

И. Е. Прись Гегельянский абсолютный идеализм Роберта Брэндома 351

Н. В. Пухова Становление и периодизация натурфилософских идей Шеллинга и Гегеля 355

Т. Г. Румянцева Образ Гегеля: вчера и сегодня 358

В. А. Салеев Гегель и эстетика 362

М. В. Салеева Б. Кроче и неогегельянство в Италии 366

Н. С. Семенов Вступить в разговор о Гегеле 369

А. В. Титов Диалектика Гегеля как новый образ науки 372

А. В. Филиппович Гегель и западный эзотеризм 376

Сведения об авторах 380

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Международная научная конференция «Интеллектуальная культура Беларуси – V: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития» продолжает традицию ежегодных научно-практических форумов в стенах Института философии НАН Беларуси, приуроченных к Всемирному дню философии ЮНЕСКО и посвященных раскрытию и популяризации для мирового сообщества интеллектуальной культуры Беларуси, ее философской и общественно-политической мысли, науки и образования.

Проблематика конференции 2020 года связана с раскрытием роли духовно-нравственных традиций в обеспечении устойчивого инновационного развития Республики Беларусь. Актуальность названной темы обусловлена тем, что современное белорусское общество вступило в фазу кардинальных социально-экономических трансформаций, сопряженных с внедрением новых технологий, невиданным распространением электронных средств коммуникаций, расширением взаимодействия культур. Все эти процессы требуют глубокого философско-теоретического анализа, осмысления их онтологических и гносеологических оснований, выявления их этико-аксиологических и социально-психологических аспектов, определения перспектив социокультурного развития.

С этой целью был организован предметный диалог представителей научного сообщества, работников сферы культуры, образования, органов государственной власти и управления. Он проходил в виде пленарного заседания, работы трех секций: «Современная наука как синтез гуманистически ориентированного знания и технологических инноваций», «Духовно-нравственные ценности в системе культуры», «Взаимосвязь традиций и инноваций в контексте гуманитарной безопасности» и пяти круглых столов: «Гегель и гегельянство: история, рецепции, критика», посвящённый 250-летию со дня рождения Г. В.Ф. Гегеля и 200-летию публикации «Философии права» («Grundlinien der Philosophie des Rechts»), «Сознательное творение истории: К 200-летию со дня рождения Фридриха Энгельса», «Владимир Короткевич и новая белорусская идентичность конца XX – начала XXI ст.», «Общество в эпоху биокапитализма: антропологические, этические, гендерные вызовы», «Этика войны и религиозная культура: история взаимовлияния».

Полагаем, что публикуемые материалы станут определенным вкладом гуманитариев в теоретическое осмысление современных общественных процессов и разработку конкретных предложений по их гуманизации.

Раздел 1 СОВРЕМЕННАЯ НАУКА КАК СИНТЕЗ ГУМАНИСТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОГО ЗНАНИЯ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

ТРАДИЦИОННО-ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В ФИЛОСОФИИ: АНТИЧНЫЙ ЛОГОС В СОВРЕМЕННОМ ИСТОЛКОВАНИИ

Л. Г. Антипенко

Кажется, нет ни одной отрасли научного знания, которая не включала бы в себя отзвук того, что древние греки именовали *логосом.* Логос, при его философском истолковании, предстает не иначе как *предмет* философии. Это видно на примере фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера, в которой мы распознаем античный логос, преображенный в Бытие (Seyn), возвышающееся над сущим (Seiende). Интересно будет поэтому углубиться в его сущность, приоткрыть его творческий потенциал в рамках современного философского мировидения.

Напомним, что древнегреческий термин *λόγος* означает *речь, слово, разум*. Понятием логоса древние греки обозначали, согласно изысканиям С. Н. Трубецкого, направляющее разумное начало, «единую мудрость» Гераклита [1, с. 149]. По тому как единый вселенский логос претворяется в жизнедеятельности человека, в нем различают три аспекта (или для краткости выражении − три логоса): вербальный (словесный), музыкальный (мелос) и числовой (математический). Ни один из них не сводим к иному. Они существуют неслиянно и нераздельно. Так, поясняя сущность мелоса, К. Метнер писал, что музыка запевает о несказанном. Для несказанного же нужны не слова, а смыслы. «Смыслы эти заключены в согласованной сложности звуков. Иначе говоря: корнями музыки никоим образом не являются разрозненные атомы звуков, существующих в природе, и так же как не буквы породили слова речи, а из слов образовался буквенный алфавит, так и из музыкальных смыслов − звуковой алфавит» [2, с. 450].

Каждый аспект логоса располагает своими стилями. Вербальному логосу присущи стиль прозаический и стиль художественно-поэтический, мелосу присущи стиль песенный и стиль музыкально-инструментальный, числовому логосу − стили логический и исторический. В стилевом плане отдельные аспекты логоса могут очень тесно смыкаться друг с другом. К примеру, вербально-поэтическая модификация словесного логоса, которую

А. С. Пушкин называл божественным глаголом, часто настолько близко подходит к мелосу, что стихи сами собой напрашиваются на музыку.

В данном формате мы сможем лишь кратко очертить математический и вербальный логосы, оставляя мелос на будущее.

Наиболее глубокая сущность математического логоса схвачена в фундаментальной онтологии Хайдеггера. Я имею в виду то обстоятельство, что в математической системе знания в качестве ее основания заложено время, взятое не как абстракция от чего-то другого, среди других абстракций, а как время *экзистенциальное.* Признаками его служат, по данным фундаментальной онтологии, термины *Бытие* и *Ничто*. Бытие возвышается над сущим, но с *ним* рядом стоит *Ничто*. Впервые Ничто было введено в философский дискурс Платоном в диалогах «Софист» и «Тимей». В них же была использована (мета) логическая операция, которая у Хайдеггера получила название *привации.* Привация есть форма диалектического отрицания, определяемая, по слову Хайдеггера, следующим высказыванием: «Если мы нечто отрицаем так, что не просто исключаем, а, скорее, фиксируем в смысле недостачи, то такое отрицание называют *привацией* (*Privation*)» [3, с. 86]. Привация, стало быть, есть руководство к такому действию, которое, будучи примененным по отношению к теоретически установленной мере каких-либо вещей или явлений, не исключает эту меру, а указывает на ее недостачу. Когда мы говорим о сочетании Бытия и Ничто, то смысл этого высказывания состоит в том, что Бытию недостает своей противоположности. В булевой алгебре классической логики и в математической теории множеств аналогом Ничто служит пустой класс или пустое множество.

Поскольку Бытие и время, по Хайдеггеру, неразделимы, привация Бытия и времени приводит к тому, что недостача времени во времени оборачивается сменой течения − с прямого на обратное. И тут надо согласиться с тем, что переход от одного направления времени к противоположному происходит *вне* времени (т. е. мгновенно), что и позволяет нам обозначить его как *Ничто*. При этом само Бытие сбывается (сходит) в Ничто, чтобы возродиться вновь по ходу обратного течения времени.

Теперь обсудим вопрос о вербальном логосе (проза и поэзия). Одна из наиболее значительных попыток определить разницу между прозой и поэзией принадлежит нашему соотечественнику А. А. Потебне (1835−1891). Отправными положениями в учении Потебни являются положение о чувственном восприятии, которое маркируется словом, и положение о представлении или, точнее говоря, о *представительном* признаке, выбранном из данного чувственного восприятия. Так берем, к примеру, какое-нибудь слово и видим, что в лексике это слово имеет определенное значение, раскрываемое и объясняемое рядом других слов.

Слово, говорит Потебня, есть психологическая ассоциация звукового комплекса с определенным значением. Содержание, фиксируемое словом, Потебня называет внешней формой слова. Но помимо этой внешней формы у слова есть еще форма *внутренняя*. Внутренняя форма − это ближайшее этимологическое значение слова. Например, когда мы произносим такие слова, как «подснежник», «медведь», «защита», в них просматриваются признаки, взятые каждый по одному из общего восприятия, говорящие о том, почему данный предмет назван именно таким, а не иным словом. В слове «защита» мы имеем отзвук того щита, которым древний воин защищал себя от копья и стрел противника. В том, что слово, не обретшее статус логического понятия, имеет образное содержание, едва ли кто может усомниться.

Проза, указывает Потебня, порождается тогда, когда происходит потеря поэтичности слова в результате превращения чувственного образа в понятие. «Но какой бы отвлеченности и глубины, − пишет он, − ни достигла наша мысль, она не отделается от необходимости возвращаться как бы для освежения к своей исходной точке, представлению. Язык не есть только материал поэзии, как мрамор − ваяния, но сама поэзия, а между тем поэзия в нем невозможна, если забыто наглядное значение слова» [4, с. 169−170]. Термин «представление» не должен вводить в заблуждение, его не следует смешивать с чувственным восприятием. Представление, для Потебни, есть характерный признак («корова» = «рогатая»), и как признак оно является абстракцией наряду с теми абстракциями, с помощью которых образуются понятия. Так что именно из этих представительных признаков-абстракций и получается художественный образ. С этой точки зрения *всякий* поэтический образ или художественный тип есть не что иное, как абстракция-идеализация, идеализация в том смысле, что она, как полагает Потебня, означает возможность перехода низших слоев нашей психической жизни в высшие.

Однако не совсем ясно, как реализуется указанная автором возможность. Ибо в порядке пояснения данного суждения у него говорится, что идеализация художественного типа состоит, опять же, в выделении из основного комплекса восприятий одних значимых черт, в устранении других, присутствие которых сбивало бы мысль с пути, по которому направляет ее образ. Поэтому и в науке, и в искусстве решается, хотя и разными средствами (разными в смысле видовых признаков абстракции как таковой) одна и та же грандиозная задача: перенести в страну идей всю природу, т. е. сравнять по объему содержание опыта с миром. Конечная цель умственных усилий человека – «соединить эту огромную массу отрывочных явлений в нераздельное единство и организованную целость» [4, с. 154−155].

Если образ формируется только снизу, формируется путем абстракций, то непонятно, как образ может направлять процесс

абстрагирования, ведущего к этому образу. Потебня здесь, как видно, впадает в ошибку, называемую *petitio principii*, хотя это не умаляет его заслуг в открытии внутренней формы слова.

Восхождение к логосу, к Бытию Хайдеггера открывается не через прозу, лишенную поэзии, а через поэзию, которая обладает аналогом Ничто. Этот аналог есть цезура. Мы находим ее, к примеру, в следующем суждении, высказанном на конфессиональном языке А. Тавровым. Одиссея Гомера, отмечает он, написана гекзаметром − стихом, у которого непременно должно быть две паузы − в средине строки, на второй или третьей стопе и в конце, где строка завершается. Для чего нужна цезура, вот эта пауза, мгновение тишины среди потока слов? − спрашивает автор. И отвечает: «Для того, чтобы среди слов мог присутствовать Бог. … Тишина, не только и не столько занимает место среди слов-объектов, сколько эти слова-объекты формирует, творит. … Без Божественной паузы не было бы Одиссеи» [5, с. 143].

Литература и источники

1. Трубецкой, С. Н. Курс истории древней философии / С. Н. Трубецкой. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; Русский двор, 1997. − 576 с.

2. Метнер, Н. К. Муза и мода / Н. К. Метнер // Ильин И. А. Собр. соч. в 10 т. – М.: Русская книга, 1996. – С. 445−533.

3. Хайдеггер, М. Цолликоновские семинары / М. Хайдеггер. – Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2012. − 404 с.

4. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. 4-е изд. Одесса, 1922. − 188 с.

5. Тавров, А. Смена парадигм − объекты или цезура? / А. Тавров // Перспективы Христианской философии в России. Международный философский семинар. Москва, 31 мая 2010 года. – С. 142–149.

НАУКА И ПСЕВДОНАУКА В ДУХОВНОМ МИРЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

А. И. Афанасьев, И. Л. Василенко

Духовный мир современного человека, как и человека любой культурно-исторической эпохи, имеет специфические особенности. Одной из них является опасное присутствие псевдонауного знания.

На нашего современника обрушивается огромное количество разноплановой информации. Существует бесконечное количество написанных и произнесенных текстов, особенно с учетом массмедийных средств, всемирной паутины, всевозможных интернетканалов, сайтов и пр. Еще в недавнем прошлом человек создавал и читал целостные тексты, причем немалого объема, включавшиеся в целостную культурную ткань, носителями которой были индивиды с целостным мировоззрением. Сейчас

традиционные целостности распались. Это касается и социально-культурных, и религиозных, и научных, и философских образований. Целостность индивидуального духовного мира также отсутствует. Современное клиповое мышление и клипово-хаотическое мировоззрение воспринимают короткие, часто несвязанные и противоречащие друг другу, тексты. Поэтому в мировоззрении современного человека сочетаются религиозные и атеистические компоненты, элементы различных верований, суеверий вперемежку с научными и антинаучными взглядами, точными данными и мифами. Здесь открывается благодатная почва для потребления и производства псевдонаучных идей. Не случайно псевдонаука стала объектом научного и философского исследования [1, с. 3].

Современный человек намного более информирован по самым разнообразным вопросам благодаря появлению многочисленных способов распространения информации, число и значение которых будет возрастать с переходом к информационному обществу. Как ни парадоксально, но здесь заложен солидный потенциал для псевдонауки. В средствах массовой информации, но особенно в интернете, наряду с важной и полезной, распространяется огромное количество непроверенной, необоснованной, просто ложной информации. Ее тематика представляет любой вид и жанр: политическая, экономическая, медицинская, историческая, литературная и пр. Разобраться в ней, отсеять ложную, некачественную, лженаучную может далеко не каждый даже образованный человек, особенно, если его образование основано на доверии к печатному, опубликованному слову, неявной наивной вере в быстрые, легкие решения, чудесные способы и чудодейственные приемы.

Знания современного человека профессионально ориентированы, особенно у образованных людей с научным мировоззрением, а тем более у ученых. Глубокая специализация научного знания, усложнение научной картины мира, умножение специализированных научных теорий обусловливает специализацию образования и, как следствие, односторонность духовных ориентаций. Человек смотрит на мир сквозь призму профессиональных знаний, что часто иронично называют профессиональным кретинизмом. И весьма редко широта интересов обеспечивает гармоничность мировоззрения и вообще духовного мира. Чаще всего узкий специалист, в том числе высокого уровня, не в состоянии адекватно оценить знания по другой специальности и легко становится жертвой псевдонаучных представлений даже в смежных областях знания. Если же он является политиком, менеджером и от него зависит принятие важных, порой судьбоносных решений, а последние опираются на лженаучные представления, то ситуация выглядит весьма печально. Тут, правда, все не так безнадежно, поскольку иногда к решению ряда крупных политических или экономических вопросов привлекают крупных ученых,

обеспечивающих разностороннюю оценку проектов и нередко широкую дискуссию. В развитых станах ученые частые гости на различных околонаучных форумах, являются членами различных комиссий и комитетов, проводят разъяснительную, популяризаторскую работу и участвуют в экологической и тому подобной важной деятельности. Но актуален вопрос: в достаточной ли мере? К тому же в большинстве стран мира подобная практика далеко не так распространена. И здесь открывается множество ниш для псевдонауки, особенно когда у руководства страной нет достаточных средств для долгой недешевой исследовательской работы над крупным медицинским, экономическим или военным проектом [2].

Сама собой псевдонаука не исчезнет. Более того, если наукоемкие технологии в будущем обеспечат изобилие, то большая часть населения сможет вообще не работать, а только потреблять. Потребительство, как единственный духовный ориентир, не требует серьезного образования, широты кругозора, богатого духовного мира. Ему достаточно простых, в том числе псевдонаучных истин.

В этой связи представляются важными всевозможные способы распространения достоверных знаний, повышение уровня общего разностороннего образования, что может стать барьером для псевдонауки. Исходя из этого, образовательные стратегии и программы должны заботиться не только о хорошем специализированном знании обучающегося, но и об высоком уровне его общеобразовательной подготовки. В них должны быть представлены достижения науки в разных областях и способы критики их искажений. Немаловажное значение имеет также и критика антисциентизма, который обвиняет науку, порой вполне обоснованно, в экологических и других проблемах, но при этом забывает, что справиться с экологическими и вообще глобальными проблемами без науки нереально.

Через современные информационные средства, в том числе интернет, необходимо создавать атмосферу ценности богатого духовного мира, разносторонних знаний, ценности научного знания. Здесь нужна продуманная, долгосрочная и недешевая стратегия борьбы с псевдонаукой. Могут быть использованы всевозможные ресурсы, блоги, колонки, сайты, которые распространяют не только знания, но и методические приемы того, как перепроверять информацию, как «гуглить» первоисточники, каким из них доверять. Разумеется, тут нужны и организационные усилия, чтобы, например, скоординировать пропагандистов науки и борцов с псевдонаукой. Подобная работа должна строиться не только на общественных началах, но и при поддержке и прямом активном участии государственных структур, например, Академий наук [3].

Литература и источники

1. Подымов, Л. Псевдонаука / Л. Подымов. – М.: АСТ, 2018. – 320 с.

2. Примаченко, И. Другой мир. О страшной ситуации с лженаукой в Украине [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nv.ua/ opinion/ druhoj-mir-o-strashnoj-situatsii-s-psevdonaukoj-v-ukraine-2499417.html. – Дата доступа: 01.10.2020.

3. Afanasiev, A. I. The methodology of science in the fight against seudoscience / A. I. Afanasiev, I. L. Vasylenko // Modern engineering and innovative technologies. – 2020. – Issue 11 / Part 2. – P. 36–42.

ЧЕЛОВЕК КАК МЕРА ВСЕХ ВЕЩЕЙ – КВИНТЭССЕНЦИЯ ФИЛОСОФСКОГО ПОСТИЖЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Е. М. Бабосов

Еще в античной Греции сложилось истолкование человека как своеобразного ключа в разгадке тайн универсума. Сущность его выражена в суждении, сформулированном Протагором; «Человек есть мера всех вещей». Эта удивительная, не имевшая в свое время доказательных корней, догадка незримо реет над размышлениями Гераклита о том, что «из расходящихся возникает прекраснейшая гармония», «в одну и ту же реку нельзя войти дважды!», потому что, «на входящего в одну и ту же реку текут все новые и новые воды».

Эта догадка ощущается в диалогах Сократа о «рождении знания», в процессе развития которого не вопрос, а отчет является положительным утверждением, двигающим познание вперед, дающим новое знание.

Отзвуки протагоровской доктрины ощущаются и в учении Платона об идеях. Предметом философии, с его точки зрения, выступает идея – вечная и неизменная, а вещи представляют собой только блеклые отражения тени идей. В эмпирическом мире становления все вещи находятся в состоянии непрерывного перехода от небытия к бытию и обратно, а порождающие их идеи – это и есть подлинно сущее, воплощенное в таких ценностях, как красота, справедливость, благоразумие, благочестие, добродетель, мужество, мера и эрос – беспредельное стремление души в вечную среду бытия. В понимании Платона в обширном своде идей главную добродетель представляет справедливость, которая воплощается в идеальном государстве. Только философы-мудрецы, считает он, могут осуществить мечту о справедливом идеальном государстве.

Крупнейшим представителем античной философии был Аристотель, который разработал понятийный аппарат, по сию пору пронизывающий философский лексикон и общепринятый стиль научного мышления. Вся окружающая действительность, утверждал он, состоит из органического

сочетания материи и формы. Каждая вещь состоит из материи. Но, чтобы обрести завершенный вид статуи, чаши или какого-либо другого предмета, данная вещь должна стать оформленным материалом, т. е. сформироваться, актуализироваться, превратиться в реальную действительность. В своем труде «Политика» он провозглашал, что «демократический строй представляет большую безопасность и реже влечет за собой внутренние возмущения нежели «строй олигархический», поскольку «сам против себя народ бунтовать не станет». Одна их самых выдающихся заслуг Аристотеля в развитии философии заключается в том, что он выделил особенности ряда философских областей, обосновал их научную значимость и тем самым предугадал возможность отпочкования отдельных наук (психология, политология, социология и др.) от прежде недифференцированного философского знания.

В эпоху средневековья существенную роль в философско-теологическом постижении сущности человека сыграл Фома Аквинский. Он первый провел четкую разграничительную линию между верой и знанием. Утверждал, что универсальный иерархический порядок внутри бытия установлен Богом и в соответствии с данным установлением человек есть сущность сотворенная, но в силу уподобления своему творцу он выделяется из всего тварного мира способностью познавать и вследствие этого совершать свободный осознанный выбор, лежащий в основе этических богоугодных действий.

В созданной Иммануилом Кантом многогранной метафизической системе, где «метафизика природы» тесно сопряжена с «метафизикой нравственности», стержневым узлом выступает «категорический императив», сущность которого гласит: «поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего знания». Это означает, что человек поступает нравственно только тогда, когда возводит в закон своих поступков долг перед человеком и человечеством. В этом считал Кант состоит всеобщий нравственный закон, которым должен руководствоваться каждый человек.

Во всеобъемлющей философской системе, сотворенной великим немецким философом Георгом Гегелем, в органической взаимосвязи объединены принципы его абсолютного идеализма, диалектики, системности и историзма. Выше всего он оценивал «способности человеческого духа», особенно же первейшей среди них – разума. Придавая большое значение исследованию и истолкованию исторического процесса, он существенно мистифицировал его, превратив «в отголосок» шествия абсолютного духа, а индивидов, действующих на исторической арене, – в орудие мирового духа. Сам же мировой дух следует понимать не только как духовную субстанцию, но и как субъект, т. е. активное, движущее начало всех изменений. На протяжении всего процесса исследования духа (феноменологии духа) мы имеем дело с сознанием и его

предметом: сознание познает предмет, сравнивает свое знание о предмете с самим предметом, проверяет их соответствие. Поэтому «философия определяется как сознание необходимости». В философии духа существует обширная дифференциация духовных форм структур: субъективный дух в человеческом индивидууме, объективный дух – в объективных формах морали, абсолютный дух – в форме культуры, включающей в себя искусство, религию, философию. Разум и мышление эксплицируются согласно принципам идеалистического субъективизма и атрибутируются в качестве способных к саморазвитию и самоуправлению. Критерием исторического процесса он признает свободу, в которой выражается степень сознания людьми исторической необходимости. Поэтому по его крылатому выражению, свобода есть познанная необходимость. Но чтобы достичь свободы, необходимо развивать активность деятельности разума.

Карл Маркс убедительно доказал, что рабочие в процессе труда создают новую, значительно большую, чем прежде, прибавочную стоимость, а это дает возможность капиталистам получать прибыль за счет присвоения неоплаченной части труда рабочего. Вызревающий вследствие этого социальный конфликт между производительными силами и производственными отношениями приводит в конечном счете к социальной революции. На основе обобщения особенностей данных социально-экономических тенденций он формулирует две основополагающие сентенции о сущности человека: 1) человек есть совокупность всех общественных отношений; 2) свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех.

Философия экзистанциализма исходит из того, что сущность бытия человека состоит в его смертности, конечности, временности, заброшенности в безличный, чуждый ему, анонимный мир, в котором все за всеми подсматривают и никто ни за что не отвечает. Самый выдающийся немецкий философ XX века Мартин Хайдегер исходил из того, что человек в самом себе не завершен, а процессуален. Создавая в своем движении вперед «все новые и новые меры, человек, – по убеждению М. Хайдегера, – воспринимает и задает меру неистинно сущего, и вследствие этого призван либо *принять* истину о сущем как меру своей самости, либо *создать* в своей сущности меру для истинно сущего». А когда он задумывается о сущем как мере своей самости и начинает задавать, исходя из этой самости, меру для истинно сущего, тогда он понимает значимость перехода от модуса прошлого к модусу настоящего и будущего, т. е. создает проект «бытия сущего», ускользает за пределы самого себя и становится вследствие этого более свободным, повышая тем самым меру своей человечности.

Опираясь на эти выводы, французский экзистенциалист Жан-Поль Сартр уточняет роль человека своим стремлением создавать самого себя, несет в себе свой собственный проект и тем самым обречен на свободу

действий в данной конкретной ситуации, обусловленной индивидуальным опытом и ситуативным потенциалом.

В современном постмодернизме наиболее впечатляющие суждения о человеке, в самом себе несущем меру всех вещей, высказал Мишель Фуко. В его парадоксальных размышлениях о человеке речь идет чаще всего не об индивиде познающем и познаваемом, а о «человеке вожделеющем», поглощенном задачей самоформирования и самоопределения, в движении которых он стремится «вырвать человека у него самого и не позволять ему быть тем же самым, каким он существует в настоящее время». М. Фуко настаивал на необходимости различать «анализ дискурса» и «анализ мысли». С его точки зрения человек в своей сущности есть различие: наш разум – это различение дискурсов, наша история – различие времени, наше Я – различие масок. Фуко выделяет в качестве определяющих такие «формы и способы субъективации», посредством которых люди самоосуществляются в качестве субъектов того или иного опыта. Науки о человеке, убежден он, не отделимы от делающих их возможными отношений власти, которые к тому же поощряют знания. В комплексе «власть – знание» составляющие его компоненты играют свою специфическую роль и сочленяются друг с другом, исходя из различия между ними.

О ПРЕДМЕТЕ СУБЪЕКТОЛОГИИ

В. Ф. Берков

В научном обиходе термин «субъектология» появился не так давно и пока что нет однозначного его истолкования. Мы также не претендуем на последнее слово в решении этого вопроса, памятуя о том, что правильное определение есть не столько начало, сколько завершение длительного исследовательского процесса. Сегодня мы имеем дело лишь с интуитивным пониманием предмета субъектологии. Вместе с тем, для нее есть основания предъявлять права на что-то более серьезное – на ранг настоящей научной дисциплины. Когда К. Маркс в своих «Тезисах о Фейербахе» критиковал предшествующий материализм за отсутствие в подходе к познанию действительности такой существенной предпосылки, как его (подхода) субъективность [1, с. 1], то он, как представляется, не сомневался в необходимости соответствующей научной программы. Не случайно Ф. Энгельс назвал «Тезисы…» заметками, подлежащими дальнейшей разработке [2, с. 371]. К сожалению, левые политические партии, в том числе и коммунистические, не придали этим высказываниям учителей должной значимости.

Лишь в 60-е годы прошлого столетия были предприняты попытки (и

довольно плодотворные) переосмысления всего философского наследия марксизма, особенно под воздействием опубликованных тогда на русском языке ранних рукописей Маркса. Было показано, что проблема происхождения теоретического знания, принципы и способы его построения могут быть осознаны только с позиций заложенной Марксом фундаментальной идеи о мире не как об объекте познания, а как о результате практической, субъективной деятельности людей. При движении в этом направлении стала выделяться в своем эмпирическом, теоретическом и философском обличии и наука об этой деятельности, ее формах и методах – субъектология.

Фрагменты субъектологии обнаруживают себя у многих представителей частных наук (С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, В. П. Зинченко, А. Н. Колмогоров и др.). Еще раньше яркие образцы применения деятельностного принципа являли многие исторические произведения Маркса – «Капитал», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции» и др.

Законно предположение, что, во-первых, субъектология должна быть *трандисциплинарной* наукой, характерная черта которой – наличие возможности сведение частных знаний в более общую, согласованную науку, основанную на едином комплексе понятий и метаязыковых средств, и, во-вторых, для освоения и использования этих знаний целесообразно обратиться к категории *деятельности* – как особого рода действительности, основным свойством которой является целенаправленное изменение и преобразование внешнего мира в интересах людей. В процессе деятельности человек (субъект) практически противостоит объективному миру (объекту) и его фрагменту (предмету) как материалу, из которого непосредственно получается необходимый человеку продукт.

Абстрагирование и обобщение самых разнообразных, многократно повторяющихся «фигур» деятельности привело к становлению и принятию *принципа* (лат. *principium* – основа, первоначало) *деятельности*. Это уже не только продукт отображения внешнего мира, но и предпосылка его дальнейшего исследования и преобразования.

Логическое содержание принципа деятельности «развертывается» прежде всего в категориях цели, средства и результата. Их соотношение имеет объективные основания. В свое время об этом интересно и убедительно писал один из первых авторов, посвятивших свои исследования феномену человеческой деятельности, – Н. Н. Трубников [3, с. 461].

Для субъектологии принцип деятельности имеет решающее значение. Задача состоит в том, чтобы не только признавать, но и применять его в качестве методологической основы этой дисциплины, и лишь при таком условии она сможет приобрести завершенный вид. Но на

этом пути ее ждут серьезные проблемы, особенно с признанием того, что субъективной реальностью в первую очередь является человеческое общество. Одна из таких проблем – формы и процессы функционирования действующего субъекта в сфере науки.

Начиная с XVII в., в традицию вошло понимание субъекта как активно действующего и познающего, обладающего сознанием и волей индивида или социальной группы, а объекта – всего того, что противостоит субъекту и на что направлены его предметно-практические, познавательные и иные действия. В советской философской литературе на изучении отношения субъекта и объекта была сконцентрирована основная проблематика теории познания.

Выделяется три варианта взаимоотношений науки и социума [4, с. 69–76]. Во-первых, основы истории общества интерпретируются как законы развития научных идей. Вектор воздействия при этом направлен от науки с социуму. Во-вторых, научное знание определяется социумом, и вектор воздействия направлен в обратном направлении – от общества к науке. Наконец, в-третьих, наука и общество развиваются параллельно, по своим собственным законам. Представляется, что этим выводам можно придать более общий вид и рассмотреть как: а) воздействие, направленное от субъекта к объекту, б) воздействие, направленным от объекта к субъекту и в) изменение субъекта в относительной независимости от объекта, «сдвиг в сторону» от самого себя. Последний вариант заслуживает особого внимания. Прежде всего здесь, с нашей точки зрения, определяется специфика субъектологии как науки.

Сдвигаясь «в сторону», субъект (познающий агент) отправляется как бы в свободное плавание, но не по волнам океана, а по реке, с ее ограничениями и рубежами. Предметы и отношения, которые воспринимаются нами в любой момент и фиксируются нашими познавательными средствами (понятиями, представлениями и пр.), представляют собой не что иное, как *конструкции*, основанные на наших познавательных стратегиях, нашем предшествующем опыте, пристрастиях, ожиданиях, мотивации, внимании и т. д.

В. А. Лекторский развивает концепцию конструктивного реализма, согласно которой реальность открывается познающему агенту в рамках возможностей его деятельности: реальность для пчелы, летучей мыши и человека будет разной. Познавательная конструкция не то же самое, что реальные объекты. Мир идеальных образований есть мир сконструированный и понимается как объективная реальность особого рода. Он может обнаруживать нечто, что неизвестно тем, кто его создал, может иметь содержание, независимое от сознания отдельных людей и от познания ими этого содержания, и поэтому относительно него можно строить теории (оказывающиеся истинными или ложными). Такие идеальные, сконструированные образования – язык, социальные

институты, научные теории и т. д. – можно изучать как реальное, хотя все это создано людьми и вне их деятельности не существует [5, с. 37].

Признавая ценность многих идей и выводов конструктивизма, В. А. Лекторский (и не только он) указывает на недостатки крайних его форм, подчеркивая, что все на свете не может конструироваться, что есть в наличии реальный мир, который напрямую не зависит от активности человека и существует сам по себе, «голый» конструктивизм, не опирающийся на данность реального мира, контрпродуктивен.

Как видим, есть основания считать конструктивизм (особенно в его подлинно материалистическом понимании) одним из методов, играющих важную роль не только в собственно «конструктивистских» философских концепциях, но и в такой частной науке о человеке, которой является становящаяся субъект.

В заключение выскажем некоторые предположения.

1. Субъектология, синтезируя результаты ряда частных дисциплин о человеке – социологии, политологии, психологии, методологии науки, теории управления и т. д. – возникает как трансдисциплинарная наука.

2. В становлении субъектологии решающую роль играют идеи конструктивизма, понимаемые в духе подлинного материализма.

3. Философско-методологическую основу субъектологии составляет марксистский принцип деятельности.

Литература и источники

1. Маркс, К. Сочинения. Издание второе / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 3. – 630 с.

2. Маркс, К. Сочинения. Издание второе / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 21. – 880 с.

3. Трубников, Н. Н. Цель / Н. Н. Трубников // Философская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – Т. 5. – С. 469–462.

4. Маркова, Л. А. Трансформация оснований историографии науки / Л. А. Маркова // Принципы историографии естествознания: XX век. – Спб.: Алетейя, 2001; М.: Институт естествознания и техники, 2001. – С. 69–76.

5. Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / В. А. Лекторский (отв. редактор). – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 368 с.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

О. В. Беркова

Отношения собственности занимают в экономической системе особое место, поскольку они обусловливают ее цель функционирования и

развития, экономический способ соединения работника со средствами производства (со своими и чужими), общественные формы производства, а также обмена, распределения и потребления результатов труда, социальную структуру общества, положение определенных групп, классов, слоев в обществе, характер стимулов трудовой деятельности и др. По сути, отношения собственности формируют все остальные виды экономических отношений, являются системообразующими и поэтому основными.

В экономической теории существует ряд подходов к собственности. В соответствии с марксистским подходом, собственность занимает основное место в том или другом способе производства, поэтому смена их осуществляется в соответствии со сменой господствующих форм собственности [1, с. 43–44]. Иной подход к собственности сформирован в «Экономикс», где понятие собственности связывается с ограниченностью ресурсов по сравнению с потребностями в них. Это противоречие разрешается путем исключения доступа к ресурсам, что и обеспечивает собственность.

В работах западных экономистов получает все большее распространение экономическая теория прав собственности. Суть ее заключается в том, что собственностью являются не ресурсы, а «пучок прав» по их использованию. Этот «"пучок" включает в себя следующие права: *владение* – исключительный физический контроль над благами; *распоряжение* – определение судьбы объекта собственности: продажи, дарения, сдачи в аренду; *пользование* – применения полезных свойств блага для себя; *управление* – принятия решений по использованию благ; *право на доход (присвоение)* – право обладать результатами от использования благ» [2, с. 89]. Таким образом, с этих позиций собственность рассматривается как право контролировать использование определенных ресурсов и распределять возникающие при этом затраты и выгоды.

В современном мире владение, распоряжение, использование, управление и присвоение могут быть функцией пяти разных субъектов. Каждый из них, исходя из своих полномочий собственности, имеет право на часть результата функционирования средств производства – прибыли.

В экономической литературе наблюдается полная неразбериха с формами, типами и видами собственности. Если начать с наиболее обобщенного понятия – *тип* (как в биологии), то здесь выделяют чаще собственность *частную и общественную* или *частную и государственную*, говоря о том, что общественная собственность в рамках всего хозяйства (как в СССР) практически реализуется как государственная. Таким образом, мы видим, что уже на уровне типов нет четкого толкования понятий. Далее, к частной в одних источниках относят партнерскую, кооперативную, акционерную, в других эти формы (или виды?) уже выступают как общественные.

На наш взгляд причина подобных разногласий в том, что экономисты пользуются разными критериями при выделении типов собственности. Если исходить из того, сколько собственников (один или не один) реализуют права владения, распоряжения, управления, использования и присвоения, то к частной можно отнести лишь индивидуальную и, может быть, с натяжкой, семейную собственность. Все остальные формы (акционерная, кооперативная, общенародная) предполагают совместное владение, распоряжение и являются общественными. Если же исходить из того, в какую экономику, рыночную или плановую, включены субъекты собственности, то к общественной можно отнести лишь государственную (муниципальную, районную и т. д.). Все остальные формы, даже будучи внутри своей «оболочки» общественными, играют на рынке по правилам частной собственности.

Интересным представляется философский взгляд на данную проблему. Возникновение цивилизации связывается с разделением труда и вытекающим из этого появлением товарно-денежных отношений как регулятора производства и распределения продуктов труда на базе естественно-возникших законов стоимости, а в конечном итоге – и с появлением собственности как политико-экономического отношения.

По Гегелю, собственность вообще в сущности своей есть всегда и везде частная. Поэтому словоупотребление «частная собственность» равносильно тавтологии «собственная собственность», т. е. нонсенс. Альтернативой так называемой частной собственности является не общественная собственность, а отсутствие собственности.

Совершенно справедливо в философской литературе отмечается, что на естественные факторы – воду, воздух, свет и т. п., без чего не мыслима жизнь любых существ, а не только человека, – собственность всегда отсутствовала и пока продолжает отсутствовать. Собственность возникла на почве дефицита продуктов человеческого труда в период преобразующей технологии, легшей в основу цивилизации. В известном смысле, можно прийти к выводу: если труд породил человека, то собственность сыграла решающую роль в переходе человека от дикости и варварства к цивилизации.

И далее подчеркивается, что нынешние споры о том, вводить или не вводить частную собственность, в свете рассмотренного положения лишаются смысла. Все дело в том, как практически реализовать (например, в сельскохозяйственном производстве) присущие собственности компоненты (в том числе право на распоряжение), можно или нет производить продажу или покупку земли и т. д. Земля же как таковая, точно так же, как и вода, и воздух, и солнечный свет – т. е. все то, без чего человек вообще не может существовать, – ничья, «божья», как метко еще исстари говорили сами крестьяне. Собственность как политико-экономическая категория исторически возникла на базе нехватки,

дефицита продуктов труда [3, с. 398].

Известным исторической науке (но сознательно замалчиваемым в последнее время) является факт существования общественных систем, не знавших в прошлом традиций частной собственности. Такие системы, в том числе и российская, по своему происхождению являются социально-экономическими системами, имеющими в своей основе общественную собственность на средства производства и механизм координации хозяйственной деятельности, предполагающий централизованное управление.

Подобное происхождение предполагает определенные особенности функционирования института собственности в настоящий момент. Поскольку специфика функционирования в каждом из двух типов общественных систем элементов системы противоположного типа наиболее эффективно раскрывается через институциональную теорию прав собственности, то системы редистрибутивного типа (которые не имеют частной собственности как системообразующего признака) строятся по принципу приоритета права владения со стороны верховной власти. Поэтому возникающие в рамках этих систем институты частной собственности являются квазичастными, то есть их деятельность определяется условиями и ограничениями со стороны центрального координирующего органа. В то же время хозяйственные единицы, основанные на общественной собственности, но функционирующие в экономиках рыночного типа, представляют собой четко обособленные самостоятельные образования, обладающие всей полнотой прав собственности внутри своих собственных границ. Деятельность их не координируется каким-либо центральным органом, а подвержена действию конкурентных законов. В свою очередь равноправие и наличие собственных законов развития двух противоположных типов общественных систем определяет разнокачественные исходные платформы их дальнейшей трансформации.

Литература и источники

1. Маркс, К. Процесс обращения капитала / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч., М.: Политиздат, 1961. – Т. 24. – 648 с.

2. Кирдина, С. Г. X – и Y-экономики: институциональный анализ / С. Г. Кирдина. – М.: Наука, 2004. – 255 с.

3. Философия: учебник для студентов учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / Ю. А. Харин [и др.]; под общ. ред. Ю. А. Харина. 9-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 448 с.

KNOWLEDGE ADVANCES IN ENVIRONMENTAL PERFORMANCE INDICATORS

M. Bădileanu, S. Ciumac

Given the multiple correlations between the environmental state parameters and the economic and social development, the need to assess the quality of the environment has led to the continuous increase in the complexity of the indicator systems used for this assessment.

The emergence of the sustainable development concept was the cornerstone of the research that would be further carried out for the construction of environmental performance indicators. The dedicated literature identifies Canadian and Danish researchers as pioneers in the field who, in the late 1980s, laid the conceptual foundations of environmental indicators [2, p. 1995]. In 1989, the G7 member states called on the OECD to lay the formal foundations for such a system of indicators, and in 1992, at the Rio de Janeiro Conference, through Agenda 21, the need to create a system of sustainable development indicators was highlighted. In parallel with the efforts that followed to define this system of indicators, the World Bank and the World Resources Institute proceeded to adapt the macroeconomic indicators in the National Accounts to include environmental degradation issues. This is how the so-called Green National Accounts appeared. Not long after, the United Nations emphasized the importance of human capital by developing the Human Development Index (HDI) – an indicator of sustainable development that reflects the extent to which human needs – including a safe, healthy and productive environment – are met. Among the international organizations that have been continuously involved in creating a valid universal system for monitoring the state of the environment are: UNEP (through the Global Environmental Outlook series), UNDP (annual Human Development Report), World Bank (World Development Report series), World Resources Institute (World Development Report series), and the European Environment Agency (Dobříš Assessment Series) [4, p. 129].

The first systems of environmental indicators comprised three components: state indicators, indicators of pressure determined by economic activities and indicators of response to the pressures exerted by anthropogenic activities [6, p. 87]. The development of this general framework was followed by sustained efforts to develop environmental performance indicators. The major difficulties encountered by researchers and decision-makers were related to limiting the number of indicators and identifying key common environmental problems at international level (climate change, ozone depletion, loss of biodiversity, urban quality, waste, degradation of forest, water, soil resources etc.). In order to ensure a practical character through simplicity, the next aim was to follow the three-dimensional framework by building a matrix in which for each major environmental problem three indicators were assigned: one of

pressure, one of state and one of response. To this end, further research has focused on how to aggregate environmental indicators. The result was a series of composite indicators such as: composite pollution index, resource depletion index, ecosystem risk index, environmental sustainability index, dashboard of sustainability, wellbeing index, ecological footprint, living planet index, direct material consumption, geobiosphere load index, composite index of environmental performance, environmental performance index etc.

If at the beginning, environmental problems were mainly integrated with the *economic* ones, later the *social* factor began to make its mark more and more visible. The issue of social equity was raised. The main finding was that a composite index of environmental impact on human welfare would be particularly important for conducting comparative studies between developing and developed countries. Then, it was concluded that statistical information on population *health* could complement the composite indicator mentioned above and could thus generate an overall health index as a comprehensive indicator of sustainable development.

Later, two components are added to the three-dimensional system of environmental performance indicators: drivers describing the economic, social, demographic, lifestyle developments and how this evolution changes the level and structure of consumption and production, which in turn put pressure on the environment, and impact indicators that measure the multiple entraining effects of environmental degradation [5, p. 113].

With the intensification of the *innovation* process in the field of environmental protection – as part of the knowledge-based economy – researchers have turned their attention to identifying indicators that reflect the process of replacing the consumption of natural resources through knowledge. Thus, new components are added to the system of environmental indicators: drivers (such as environmental legislation, mentality and public opinion), innovative inputs (investments in research and development, patents), facilitators (organizational culture, management, standards), output indicators (investments in environmental protection, trade in environmental goods and services), effect indicators (reduction of resource consumption, of pollution, GHG emmissions etc.) [3, p. 28].

Also, researchers begun to question whether *religion* has an impact on environmental performance. Some of them conclude that Christian territories may have better environmental indicators than territories dominated by other religious traditions [1, p. 251–271]. Obviously, this research field has many open directions for further debate.

The increase in the number of composite environmental indicators began to raise issues of comparability, asymmetries in the information provided to decision makers, convergent and divergent characteristics. Researchers' concerns are thus directed towards the continuous improvement of existing indicators [5, p. 59–74].

The 2020 environmental performance index (EPI) provides information on sustainable development – reflected in the health of the environment and the vitality of ecosystems – for 180 states around the world. By aggregating 32 performance indicators that describe 11 different environmental issues, EPI provides a ranking that shows how nations manage to achieve their environmental policy goals [8, p. 78].

References

1. Chuvieco E., Burgui M. and Gallego-Álvarez I. Impacts of Religious Beliefs on Environmental Indicators.Is Christianity More Aggressive Than Other Religions? // Worldviews: Global Religions, Culture, and Ecology. – 2016. – Vol. 20(3). – P. 251–271.

2. Hammond A., Adriaanse A., Rodenburg E., Bryant D. and Woodward R. Environmental indicators: a systematic approach to measuring and reporting on environmental policy performance in the context of sustainable development // World Resources Institute, 1995.

3. Kanerva M., Arundel A. and Kemp R. Environmental innovation: Using qualitative models to identify indicators for policy // Working Paper Series 2009–047, United Nations University – Maastricht Economic and social Research and training centre on Innovation and Technology.

4. Moldan B., Hák T., Kovanda J., Havránek M. and Kušková P. Composite indicators of environmental sustainability // Statistics, Knowledge and Policy OECD World Forum for Key Indicators, 2004.

5. Neves Almeida, T. A., García-Sánchez I.-M. A comparative analysis between composite indexes of environmental performance: An analysis on the CIEP and EPI // Environmental Science & Policy. – 2016. – Vol. 64. – P. 59–74.

6. Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) // Environmental Indicators. OECD. – Paris, 1994.

7. Smeets E., Weterings R. Environmental indicators: Typology and overview // Technical report No. 25, European Environmental Agency. – Copenhagen, 1999.

8. Wendling Z. A., Emerson J. W., de Sherbinin A., Esty D. C. et al. 2020 Environmental Performance Index. – New Haven, CT: Yale Center for Environmental Law & Policy. epi.yale.edu, 2020.

ПОСТФЕНОМЕНОЛОГИЯ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ

А. И. Верещако

Проблемное поле философии техники можно считать давно сформировавшимся. Тем не менее, вызовы современности способствуют его постоянному расширению, вынуждая философов выходить из метафизической плоскости абстрактных понятий в сферу конкретных артефактов, погруженных в конкретные социальные практики. Из

интенсивно развивающихся подходов в русле такой стратегии можно отметить постфеноменологию техники. Данная методология исследований возникла в конце 70-х г. XX в., под влиянием работ Э. Гуссерля и Х.-Г. Гадамера, переосмысленных в контексте американского прагматизма Дж. Дьюи и аналитической философской традиции. Постфеноменология рассматривает технические объекты и артефакты культуры как особый технологический фон, непрерывно взаимодействующий с человеком. «В технической культуре машины становятся частью нашего самовыражения, становятся нашими знакомыми, коллегами, т. е. квази-другими, они окружают нас своим присутствием, из которого мы редко убегаем, становятся технологической текстурой Мира, и вместе с ней несут презумпцию в отношении тотальности» [1, с. 15].

Современный этап развития философии техники можно охарактеризовать как систематический поиск путей снятия накопившихся внутренних противоречий [2, с. 75]. Таким образом, основная цель постфеноменологии – это критика инструменталистского подхода классической философии техники, в многочисленных работах последователей которого защищается идея чистой нейтральности техники и ее функционального значения как инструмента преобразования материального мира. Классической критикой инструментализма можно считать работы К. Ясперса, М. Хайдеггера, а также О. Шпенглера с его «…несводимостью цели техники к созданию машин и инструментов» [3, с. 28], которые во многом утратили свою актуальность. Современным ответом инструментализму можно назвать попытку описания мира технических артефактов через идею «фоновости».

Технологический фон создается благодаря двум первичным отношениям: «машина как саморасширение» (телесный опыт, получаемый с помощью техники) и «машина как квази-другой» (опыт, получаемый при работе с машиной). По этой причине техника никогда не является нейтральным инструментом для достижения целей и задач человека. «Если бы техника полностью отделилась от человеческой практики, она была бы просто хламом» [4, с. 34]. «Ненейтральность» техники всегда конкретна и выражается в способе ответа на вызов извне, главным параметром которого служит его эффективность.

Технические объекты выступают способом дополнения и обогащения телесности в жизненном мире. Свидетельством тому служит созданный за тысячелетия обширный инструментарий исследования и / или преобразования мира. Инструменты расширяют границы нашей чувственности, выводя их далеко за пределы тела индивидуума. При этом опыт мира, получаемый через инструменты (технику), существенно отличается от опыта, получаемого «во плоти».

Неизбежность трансформации опыта осуществляется благодаря свойству инструментальной «прозрачности», которое обеспечивает

возможность распознаваемости мира в новом чувственном диапазоне. В этот момент техника становится посредником между человеком и миром, частично принадлежащим нашей самости и в то же самое время – миру. Так, например, использование стоматологического зонда предполагает получение нового телесного опыта об исследуемом объекте. Объектом опыта является не инструмент, а зуб пациента. Инструмент – это средство получаемого опыта, в свою очередь, интенция стоматолога по извлечению информации осуществляется на стыке зонда и зуба.

Отношение «квази-другой» возникает в процессе взаимодействия человека с техническими объектами. Например, процесс формулировки мыслей «вслух», ручкой на бумаге или на мониторе компьютера, с использованием клавиатуры, – это три различные практики. В первом случае человеку не требуются посредники. Во втором – таким медиатором выступает ручка, которая заставляет пользователя подстраиваться под нее. Наиболее очевидным примером вынужденной трансформации взаимодействия служит компьютер. Для работы с ним мы должны знать, как он включается, как запускается нужная программа, как сохранять в ней информацию и так далее. Другими словами, его применение ведет к существенному переустройству процесса «производства» мысли.

Простые примеры показывают, что повседневное взаимодействие с техническими объектами не просто трансформирует обыденные практики, но зачастую это приводит к выстраиванию специфических связей, которые можно охарактеризовать как герменевтические. Термометр используется повсеместно и давно стал фоновым предметом обихода. Он предназначен для определения температуры воздуха окружающей среды, и даже дети знают, как пользоваться им. Но для того чтобы получить информацию о мире, нам необходимо расшифровать его показания, то есть сопоставить показания делений с уровнем жидкости на шкале. Другими словами, человеку нужно «прочесть» показания прибора, в противном случае мы не можем получить необходимую информацию. Такое взаимодействие можно охарактеризовать как «герменевтическое». В процессе «прочтения» приборы обретают посредническую функцию между человеком и миром. При детальном рассмотрении взаимодействия человека с измерительными приборами, раскрываются специфические особенности, часто не обнаруживаемые в силу своей простоты и обыденности. Результатом взаимодействия между человеком и термометром можно считать то, что данная интеракция задает вектор дальнейшего отношения к миру. То есть, зная о погоде, человек принимает решение, какую одежду или обувь ему одеть или просто чего ждать от грядущего вечера, где провести досуг, если пойдет дождь и так далее.

Постфеноменологическая методология изучения техники как важной части жизненного мира человека формирует обширную базу для создания прикладных исследовательских проектов. Последние направлены на

нивелирование трудностей взаимодействия человека с машиной через подробный анализ феноменологического восприятия конкретного технического объекта. Указанный подход пользуется большим успехом в ведущих дизайнерских лабораториях США и Западной Европы, результатом чего служит проектирование эргономичной, экологичной и безопасной техники.

Литература и источники

1. Ihde, D. Technics and praxis / D. Ihde. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1979. – 162 p.

2. Верещако, А. И. Теория медиации в контексте современной постфеноменологии техники / А. И. Верещако // 76-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: материалы конф., Минск, 13–24 мая 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Г. Сафонов (пред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2019. – Ч. 2. – С. 75–77

3. Верещако, А. Философия техники О. Шпенглера: машинная рациональность и современность / А. Верещако // Проблемы социокультурных и кросскультурных взаимодействий: взгляд молодых ученых: сб. ст. / ред. Кол.: Ю. Г. Черняк [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – С. 27–34.

4. Ihde, D. Postphenomenology: essays in the postmodern context / D. Ihde. – Evanston: Northwestern University Press, 1993. – 162 p.

НАУКА И ИСКУССТВО. ПОРОЖДЕНИЕ ВРЕМЕНИ

И. Н. Вольнов

Основная задача истории – изучение событий прошлого и связывание их в хронологическую последовательность, порождая историческое время и переводя его из бесформенного состояния в форму четкого, понятного, связанного времени, в котором наше сознание может мыслить. Простейшая форма такого времени определена в классической физике линейным, бесконечным временем, направленным из прошлого в будущее и, измеряемым хронометрами. Однако время физики и истории не совпадает. Если в первой оно однозначно и просто определено, то «… историческая наука до сих пор не выработала единого и более-менее ясного определения исторического времени, определяя его как темпоральное воплощение социального… время человеческое…» [1, с. 59]. Это различие проходит по противоречию «материализм – идеализм». В материализме время существует объективно (время физических наук), в идеализме – оно есть свойство сознания.

Но время науки меняется вместе с ней самой. Первое такое изменение: осознание конечности времени, к которому приводит развитие физики в направлениях термодинамики, космологии и др. Отметим, что эта идея была ясно представлена во всех ненаучных системах

мировоззрения (эсхатология, Атропос и др). Из современных построений конечность времени выражена в концепциях «конца истории» Ф. Фукуямы и «технологической сингулярности» Р. Курцвейла. Последняя интересна тем, что быстро и радикально преобразовывая техносферу, обладает особенностью, на которую предпочитают не обращать внимания. С экспоненциальным ростом симметрично нарастает инерция техносферы, ее зависимость от принятых ранее решений и приводящая к тому, что будущее как пространство выбора схлопывается до одного единственного сценария, а мы оказываемся заложниками истории, пойманными в ловушку прошлого без возможности из нее выбраться средствами этого прошлого. Единственный выход – это отвязывание сознания от прошлого, перенос его в будущее, туда, где оно уже не предопределено прошлым, а время еще не оформлено, и к его оформлению могут быть приложены творческие усилия сознания. Возникает большой интерес к методам работы с будущим, которые создаются во второй половине XX в. и включают в себя как научные методы математического моделирования истории и будущего, так и ненаучные методы его прогнозирования: делфи, форсайт, стратегирование, средовое прогнозирование и др. История обретает новое измерение и получает возможность работы не только с событиями прошлого, но и формировать события будущего и связывать их между собой.

Следующий аспект увязан с созданием неравновесной термодинамики и открытием процессов самоорганизации. Порождение времени как нового структурного состояния системы связано здесь не только с объективными внешними факторами воздействия на систему, но и с определенным уровнем сложности ее строения, т. е. внутренним фактором, в некотором смысле, субъективным. Структура времени усложняется, в нем теперь есть не только привычный греческий Хронос, но и непривычный Кайрос – событийные качественные изменения, обусловленные спонтанной совокупностью внешних обстоятельств и внутренней к ним готовностью. История теперь фокусируется не только на объективных процессах и событиях, связанных рационально, но и субъективных, допускающих спонтанное.

Спонтанность, как указывает В. В. Налимов, только сейчас обретает статус философской категории, являясь одной из самых трудных для понимания: «она трудна тем, что должна проявлять себя вне причинно-следственных связей; тем, что она находится вне привычных временных представлений, т. к. в спонтанности решения всегда есть забегание вперед, смешивание будущего с прошлым и, наконец, тем, что спонтанность – трансличностное начало, несущее в себе нечто, непонятным образом связующее личностное и вселенское и тем самым задающее единство Мира …» [2, с. 255]. Через спонтанность хронологическое поле истории расширяется, обретая черты мифологического или сакрального, в которых

время циклично и бесконечно. Именно в циклическом времени возможно «забегание вперед» и «смешивание будущего с прошлым». Присваивая себе циклическое время мифологического и сакрального, история редуцирует его актуальную бесконечность в потенциальную.

Осматривая все это поле исторического знания, мы замечаем ряд присущих ему противоречий.

– История, с одной стороны, не знает сослагательного наклонения, с другой – только с ним и работает.

– История имеет дело только с эмоционально окрашенным временем, тогда как в своих формализованных построениях она тщательно абстрагируется от эмоциональной сферы.

– История как наука требует воспроизводимости и в тоже время она есть невоспроизводимый поток неповторимых событий, формирующих историю как уникальный сценарий развития.

Наличие этих противоречий указывает на высокую подвижность исторического знания и возможность развития через проектные преобразования этих противоречий. Действительно, сейчас мы наблюдаем предложения новых хронологий (А. Фоменко), развитие исторического знания в сторону мета – и психоистории (А. Азимов, С. Б. Переслегин), возникновение математической истории и др. Отметим, что структурные противоречия становятся ресурсом развития истории только в определенных условиях. Так, классическая наука, исключающая противоречия в своих построениях, сегодня не может быть приемлемым инструментом развития, тогда как инженерия с ее диалитическим мышлением и проектными методами больше подходит для этой цели. Но с учетом большого интереса к будущему, с которым инженерия работает только в ограниченных пределах, особую значимость в современных условиях обретает искусство и его способы оформления и эмоционального окрашивания времени в областях, недоступных исторической хронологии (миф, эпос, сакральное, будущее).

Особую значимость искусство обретает в сценариях где происходит потеря оформленного времени. Это сценарии окончания индустриальной фазы развития общества, его столкновения с фазовым барьером и перехода через этот барьер в следующую когнитивную фазу развития или «отскока» в новые «темные века» по типу кризиса поздней Римской империи. Другой сценарий экзистенциального кризиса потери всех имеющихся оснований, – модель исторической сингулярности А. Д. Панова, согласно которой в середине текущего десятилетия ожидается окончание действия законов планетарной эволюции [3], их полная смена на иные законы, предсказать которые не представляется возможным. Человека наполняет ужас потери оснований, перед «лицом» актуальной бесконечности бесформенного времени. На этом эмоциональном фоне и при сознательной деконструкции существующих исторических форм времени (одна из практик

постмодерна) происходит «всплытие реликтов» – форм времени, не относящихся к историческим (сакральное, мифологическое). Задачу «одомашнивания» или «приручения» времени таких реликтов в сжатые, короткие сроки может взять на себя, пожалуй, только искусство.

Подведем итог. Искусство сегодня становится навигатором цивилизации, который прокладывает путь в неизведанные пространства и приручает неоформленные времена там, где современные наука и история останавливаются в своей беспомощности. Искусство принимает на себя сложную задачу вывода цивилизации из ловушки прошлого через перенос в будущее фокуса сознания в целостности его чувственного восприятии и мышления. Оно также устремляет нас в иные области вне современной исторической хронологии, где привычные три формы времени – прошлое, настоящее и будущее – сливаются в его четвертой форме – Вечности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ № 20–511–00003.

Литература и источники

1. Чеканцева, З. А. Время историческое / З. А. Чеканцева // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. – М.: Аквилон, 2014. – 576 с.

2. Налимов, В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности / В. В. Налимов. – М.: Водолей Pablishers, 2007. – 368 с.

3. Панов, А. Д. Сингулярная точка истории / А. Д. Панов // Общественные науки и современность. – 2005. – № 1. – С. 122–137.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ К. МАРКСА В XXI ВЕКЕ

А. С. Гонашвили

2018 год связан с 200-летием известного классика экономических учений Карла Маркса. К этой дате была приурочена международная научная конференция «Научное наследие К. Маркса: современная цивилизация и капитализм», проходившая в г. Санкт-Петербурге [1].

За это время различными учеными написано большое количество работ, в которых одно из центральных мест занимает теория марксизма. В научном дискурсе до сих пор ведутся дебаты относительно актуальности идей К. Маркса [2]. Сторонники идеи о том, что работы К. Маркса на сегодня не актуальны, делают историческую отсылку к «дремучести» учений К. Маркса, ведь он жил в XIX веке в условиях конъюнктурной закономерности того времени, и, основываясь на этом, утверждают, что его теория не соответствуют современному духу времени. Другие сторонники подобной позиции ссылаются на реалии XXI века – с

повсеместным распространением информатизации и резким сокращением промышленного пролетариата, что также подвергает критике теории марксизма. Третьи говорят, что марксизм «продолжает жить» сегодня и что его идеи до сих пор актуальны, так как они стали составной частью наших представлений о развитии экономики, в фокусе которых мы мыслим. Таким образом, возникает вопрос: какие убеждения относительно идей К. Маркса и в целом марксизма все-таки являются приближенными к истине?

При рассуждении об актуальности марксизма следует прибегнуть к исторической отсылке его происхождения. Классический марксизм появляется в качестве результата наблюдений К. Маркса за развитием общества раннего капитализма, которое совершало первые шаги в сторону развития после долгого доминирования феодального общества. В процессе упадка феодального общества произошла череда социальных и политических революций, в ходе чего старая система отношений переходит лишь малой частью в новую образовавшуюся систему отношений [2, с. 184]. Одним из ключевых принципов марксизма является историзм, так как история, согласно К. Марксу, является естественным процессом, способным поддаться научному познанию.

Фундаментальным трудом К. Маркса является «Капитал», в котором анализ экономических отношений начинается с категории «товар» как ключевого субстрата экономических отношений. «К. Маркс считал, что именно в товаре, как в "зародыше", сочетаются все противоречия системы, которую он изучал. Более того, значимым является не сам товар, а его стоимость. Природа стоимости – один из центральных вопросов теории ученого» [2, с. 184]. Работа К. Маркса «Капитал» в полной мере отражает широту положительных и отрицательных сторон капиталистической модели производства; ввиду того, что все механизмы, отраженные в данной работе успешно функционируют в современном обществе, оспорить значимость этого труда сегодня не представляется возможным [2, с. 186]. Однако в то же время многие критические замечания идей К. Маркса на сегодняшний день являются вполне оправданными. Так, например, класс пролетариата с XIX века до сегодняшнего дня претерпел значительную трансформацию. Как отмечает историк и философ Ю. И. Семенов: «Экономическая теория марксизма в том виде, в котором она продолжала излагаться, явно устарела. Но это вовсе не значит, что она должна быть полностью отброшена...» [3].

Несмотря на то, что нынешняя действительность отличается от той современности, о которой писал К. Маркс, выявленные им закономерности не утрачивают своей актуальности; так, например, вне зависимости от того, кто будет находиться у власти с различными девизами и лозунгами, базисом жизни индивидов будут являться социально-экономические отношения. «Государство, построенное на капитализме, может сколько

ему будет благоугодно именовать себя социальным, демократическим и др., однако интересы крупного капитала для него всегда будут превыше любых словесных "прикрытий"» [2, с. 187].

Как отмечает в одной из своих работ Т. Иглтон: «Главной сутью работы К. Маркса является человеческое удовольствие. Хорошая жизнь для него – это та, которая состоит не из труда, а прежде всего, из отдыха. Свободная самореализация, вне всякого сомнения, есть форма "производства", но не того, которое является принудительным. А отдых необходим, поскольку люди уделяют время организации своих общих дел. Поэтому на первый взгляд может показаться удивительным, что массы штатных "лодырей" и "профессиональных бездельников" не спешат влиться в ряды марксистов. Но все встает на свои места, если вспомнить, какие огромные усилия должны быть затрачены для достижения этой цели. Отдых есть то, что вы должны заработать» [4]. Иглтон полагает, что именно марксизм до сих пор считается глубочайшей оценкой капитализма и той теорией, которая сумела оказать воздействие на большую долю жителей земного шара. Отсюда вывод: пока функционирует капиталистическая доктрина коммерционализации, теория марксизма должна выступать антагонистом и использоваться при оценке результатов капиталистического развития.

Таким образом, следует отметить, что идеи К. Маркса оказали огромное воздействие на сознание экономистов XX века; полемика вокруг его идей, вне зависимости от их принятия или отрицания, сыграла значительную роль в развитии современной экономической науки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–311–90002.

Литература и источники

1. Международная научная конференция «Научное наследие К. Маркса: современная цивилизация и капитализм» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sociologists.spb.ru/ news/ 1114-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferencziya-qnauchnoe-nasledie-k-marksa-sovremennaya-czivilizacziya-i-kapital izmq. – Дата доступа: 29.08.2020.

2. Кремлева, Е. А. Актуальность учений марксизма в современном мире. 200-летию К. Маркса посвящается / Е. А. Кремлева, Д. С. Бенц, Н. О. Мамаева, А. Е. Платонова, Д. М. Басырова, Е. Д. Савельев, И. С. Рыжаков // Вестник ЧелГУ. – 2018. – № 7 (417). – С. 184–191.

3. Семенов, Ю. И. Марксизм и псевдомарксизм / Ю. И. Семенов // Науч.-просветит. журн. «Скепсис: свобода начинается с сомнения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.net/ library/ id_351.html.

4. Иглтон, Т. Почему Маркс был прав / Т. Иглтон. – М.: Карьера пресс, 2012. – 304 с.

ИННОВАЦИИ, ИДЕИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЕ

Н. Е. Гусева

Разработка инноваций в сфере образования в современный период рассматривается как реальный путь его совершенствования. Надо отметить, что не всякое изменение можно оценивать как инновацию. Это касается любых сфер, в том числе и образования. Инновацией можно считать такие изменения, которые качественно трансформирую рассматриваемый процесс.

Моделировать изменения без учета специфики характеристик обучаемых, обучающих и особенностей их взаимоотношений не возможно. Каждый из трех названных элементов включен в формирование инновации, процесс осмысления возможности ее внедрения, что в итоге определяет результат, позволяющий утверждать или отрицать достигнутые изменения, выводящие весь процесс образования на качественно новый уровень.

Выше перечисленные элементы каждый по-своему могут реагировать на создаваемые изменения. Отделить их друг от друга нельзя, так как при этом нарушается архитектоника инновации в процессе образования. Это означает, что совершение и внедрение изменений в область образовательных технологий не являются тождественными процессу инновации. Технологические изменения могут оставаться в рамках корректировок механизмов передачи данных, но при этом они не коснуться основной части структуры образовательного процесса – становления человека как личности.

Ситуация с признанием влияния науки на образование, в качестве некоего базового условия, конкретизирующего контекст и принципы, на которых оно осуществляется, сохраняется и сегодня. При этом реальный механизм этого влияния, как правило, не рассматривается. Разница состоит лишь в трактовке самой науки и сути процессов, характеризующих современный этап ее развития. Исследователи науки как особого феномена, современный этап ее развития называют постнеклассическим.

Положительным в развитии постнеклассической науки является возникновение идеи движения к «новому типу целостного знания». Эта идея имеет своим вектором достижение адекватной, процессуальной не мозаичной научной картины мира. Реальное формирование такой картины мира в науке будет означать серьезный шаг человечества в своем развитии, достижение нового уровня понимания природы, общества и мышления, качественное изменение практических возможностей в самых различных сферах жизни.

Однако само по себе присутствие, безусловно, положительной идеи

и вектора движения к целостному знанию не означает их адекватного осуществления. К числу видимых отклонений и несоответствий реализации этой идеи и вектора, с точки зрения автора, является обращение к понятию «системность», которое связывают с синергетической концепцией. Такое обращение, по сути, подменяет понятие «целостность» на «системность». В результате чего проектируется не целостность, а интегративный феномен, части которого оказываются лишь взаимодействующими между собой, но не слитыми в единство.

Идея целостности, с точки зрения авторской позиции, категорически не совпадает по своей сути с идеей интеграции и системностью. Подмена идеала достижения целостного знания, адекватного процессам развития в природе, обществе, мышлении, его эталонами, имеющими интегративный и системный характер, чревата существенными искажениями как самого научного знания, так и его практической реализации в любой области современного общества. В полной мере это касается и сферы образования. К сожалению, уже имеют место попытки напрямую осуществить идеи постнеклассической наукой в частных образовательных проектах.

Реализация идей постнеклассической науки в качестве некоего инновационного потенциала в образовании должна предполагать решение как минимум трех задач. Во-первых, эти идеи нуждаются в критическом осмыслении и теоретико-методологическом анализе, цель которого – определить насколько та или иная идея постнеклассической науки, к которой обращается исследователь, выражает верное понимание процессов, являющихся предметом рассмотрения и совершенствования. Во-вторых, существенной задачей является определение пути реализации потенциала тех или иных идей, не превращая этот процесс в создание очередных «мертвых» схем, матриц, используемых в качестве панацеи для решения серьезных проблем развития образования. Такое манипулирование переводит даже достойные идеи в статус готового результата, нивелированию процесса формирования знания, которое превращается просто в переданную информацию. В таких идеях отсутствует то, что делает их живыми, мотивирующими к достижениям явлениями.

Подчеркнем, что идея в научном исследовании характеризует концентрированное «сквозное» выражение перспективы и способа разрешения противоречия, заключенного в проблеме. То есть она не является просто предложением, выводом, словесно выраженным информационным агентом. Необходимо учитывать, что спецификой науки является достижение нового знания, в то время как процесс образования отвечает за становление человека. Образование человека – процесс далеко не равный передаче знаний, сколь бы передовыми они не являлись.

Литература и источники

1. Инновации в образовательном процессе: методологические, теоретические и дисциплинарные аспекты // под. общ. ред.: Гусевой Н. В. – Усть-Каменогорск–Москва: Издательство «Медиа-Альянс», 2013–2014. – 542 с.

2. Диалектическое мышление и феномен методологических исследований в развитии науки // под общ. ред. Гусевой Н. В. – Усть-Каменогорск, 2017. – 275 с.

3. Возняк, В. С. Диалектика духовной реальности. Философско-методологические исследования и воспоминания как точки духовных перспектив / В. С. Возняк, Н. В. Гусева. – Усть-Каменогорск, 2016. – 373 с.

4. Гусева, Н. В. Культура. Цивилизация. Образование. Социально-философский анализ оснований развития человека в контексте цивилизации и культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – Усть-Каменогорск, 2019. – 328 с.

5. Диалектика и проблемы развития науки: в 2 частях // Под общ. ред. Н. В. Гусевой. – Усть-Каменогорск, 2017.

THE ENVIRONMENTAL HEALING TOWARD THE "INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION"

M. A. Debych

The pandemic COVID–2019 is not an accidental phenomenon. It is a logical consequence of the human destructive impact on the environment. Modifying the environment to fit the needs of society is causing severe effects, which become worse as the problem of human overpopulation continues.

It was in the mid-twentieth century, when ecologists made a list of defensive measures that environment (biosphere) will address human population. New diseases and thought disorders have been included in that list.

Like other colleagues, we hope that pandemic, environmental and other collapses will be prevented not by politicians and demagogues, but by innovators and researchers. We think that universities and research institutions should be responsible for healing of environmental on a global scale. So, it is important to collaborate and use our common voice in order to prevent global disasters. The best way to contribute to the environmental healing is to take actions toward the "Iinternationalization of higher education" (IHE), science and research in order to implement humanistic knowledge and environmentally friendly technological innovations globally.

The IHE has been recently given attention by a great number of scientific researches including the author of this article [1].

The international research aiming at the healing of environmental has been conducted by scholars (in the humanities branch of study) and by scientists (in the natural or physical sciences branch of study) from different countries. Neither scholars nor scientists have found a perfect solution for global environmental problems. The achievements in the Sciences and engineering are

progressing fast, but even today there are still a lot of threats to the environment. Reduction of CO2 emissions and protection of rainforests are being widely suggested by the international organizations (United Nations, 2015; UNESCO, 2015). Ukrainian scientists are also concerned about healing of environmental. They offer environmentally friendly technologies (nootechnologies) and development of noo-sciences. They prove the possibility of healing of environmental (biosphere) and improvement quality of life in spite of human overpopulation [2].

Global interdependence makes researchers find solutions for global challenges. The current economic crises, pandemics, military conflicts, natural disasters remind us that we are all equally vulnerable, that safety and comfort are not guaranteed to any country. We realize that to cope with global challenges researches must collaborate and do common research. On the other hand, then the economy becomes more international then the higher quality specialists it needs.

At the end of the twentieth century economy underwent a transition from the production of goods to the provision of services and knowledge that became a valued form of capital. Professional workers (e. g., scientists, creative-industry professionals, and IT professionals) grow in value and prevalence. The transition from industrial society to post-industrial began [3; 4]. The post-industrial society is marked by an increased valuation of knowledge and a restructuring of education has begun.

World higher education entered a new state and it gradually became massive. Knowledge-oriented economy gave rise to the growing role of universities and research institutions. The OECD data give evidence that demand for university education is increasing geometrically and instead of the current 99 million students there will be approximately 414 million in 2030 [5]. In addition, in the sector of higher education, a number of international students on a global scale is increasing. In 2019, there were 5.3 million international students in the world, and in 15 years their number can become ten times more.

It is well-known that the Bologna Process continues improving and ministers responsible for higher education make strategic decisions at their meetings. All Bologna communiqués address to staff and student mobility. Recently, this priority has been the quantitative expansion of masters training programs and the increasing percentage of holders of these diplomas in the postgraduate education (doctoral) sector to obtain scientists, technologists and engineers of the highest professional competence. We are convinced that the most important trend is not a competition of universities for high position in the international rankings, but a progress of the higher education sector towards the transformation of doctoral studies from a unique phenomenon preparing a small percentage of exceptionally intelligent and capable students to a large number master degree graduates. The European Union has become a leader in modernization of higher education systems. In parallel with its territorial

expansion and the creation of a visa-free Schengen area, the reforms to ensure comparability in the standards and quality of higher-education qualifications have been implemented: Standardization of degree composition (the European Credit Transfer System, ECTS); Qualification frameworks – National and overarching; Quality Assurance standards; ENIC/ NARIC networks; Diploma supplement; Bologna implementation reports and communiqués. It was largely facilitated by the introduction of three-cycle study (Bachelor, Master, PhD). The European Higher Education and Science Area operate, and much information is being collected by the European Union.

We want to demonstrate that doctoral studies have shifted from elitism to mass in Ukraine and in Belarus. To prove this statement we have created Table 1 [5].

Table 1. Population and student population
by diploma level (EHEA, 2014/ 15)

Country	Population	Students total	Students by level of education			
			ISCED 5	ISCED 6	ISCED 7	ISCED 8
Ukraine	44 429 471	1 776 190	452 292	947 210	346 657	30 031
Belarus	9 589 689	505 637	128 975	362 907	8 855	4 900

Explanation: ISCED 5 – short cycle of higher education with clear professional orientation (Ukrainian correspondent – junior specialist); ISCED 6 – Bachelor; ISCED 7 – Master; ISCED 8 – postgraduate (doctoral).

Our idea is that internationalization of science, research and production requires staff able to work on an international labor market. Consequently engineers and designers should know English in order to learn international standards of production. Complicated machines and devices need highly qualified specialists holding a PhD-diploma or equivalent. Curricula, institutions, internships, etc. are becoming international in the process of training a modern intellectual worker.

Instead of providing the necessary competencies in a single state, it is more profitable to get basic schooling in one place, a profile secondary in another, a baccalaureate or master's program in the country "A", postgraduate study somewhere in the country "B", the final professional improvement in the best world center of MBA or education at Oxford or Harvard. Thus, following conclusion can be made: high quality specialists should get their education in different countries.

We are convinced that in the 21st century higher education of the elite quality cannot be provided by national even "world-class universities". The specialist with highest competence is the product of the international higher education, a new world-class formation that is being developed rapidly on the planet. In order to prevent global disasters, technological innovations must be oriented on sustainable development. A man must become a part of nature, not its master.

References

1. Дебич, М. Теоретичні засади інтернаціоналізації вищої освіти: міжнародний досвід [Электронный ресурс]. – Режим доступу: http:// ihed.org.ua/ wp-content/ uploads/ 2019/ 11/ Debych_M_2–12 2019_monogr_disert.pdf. – Дата доступу: 24.06.2020.

2. Korsak, K. V. & Korsak, Y. K. The only way to save humanity from total collapse – nootechnologies and noosciences [Electronic resource] // Humanitarian bulletin of Zaporizhzhye state engineering academy. – Mode of access: https://doi.org/ 10.30839/ 2072–7941.2018.149632. – Date of access: 24.06.2020.

3. Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting / D. Bell. – New York: Basic Books, 1973. – 507 p.

4. Toffler, A. The Third Wave. – New York: William Morrow and Company, 1980. – 544 p.

5. Education at a Glance 2019: OECD Indicators. OECD iLibrary [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.oecd-ilibrary.org/ education/ education-at-a-glance-2019_f8d7880d-en. – Date of access: 24.06.2016.

ЯЗЫКОВОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ КАК КРИТЕРИЙ ЧЕЛОВЕКА

А. Б. Демидов

Каждый вид живых существ уникален, а «человек разумный», в биологически-видовом отношении, – всего лишь, по выражению Роберта Фоули, «еще один неповторимый вид» [1]. Указать признаки, по которым человека отличают от других существ, могут и животные, поведение которых указывает на специфическое отличие человека от других существ. Возможны ситуации, когда интуитивного понимания или рассудочной идентификации человека по известным критериям недостаточно. Пример такой ситуации представлен в философском романе Веркора «Люди или животные?» [2], герой которого умертвил некое существо – то ли человека, то ли животное. С юридической точки зрения, если это существо было человеком, то его убийство влечет уголовную ответственность. Коллизия разворачивается вокруг оставшегося без ответа вопроса: есть ли несомненный критерий, отличающий человека от животного.

Критерии, отличающие человека от прочих существ, требуются и в научных исследованиях, связанных с проблемами происхождения человека. В статье М. С. Козловой предложено различать подходы, рассматривающие человека как биологический вид, носителя разума и существо общественное, производящее средства своего существования [3]. Эти подходы опираются на эволюционное воззрение, неизбежно включающее в себя представление о пункте перехода некоего вида существ в качественно иное состояние: от «еще нет» к «уже есть». Этот

момент – качественный скачок, рубеж, который является самым трудным и проблемным для теоретического осмысления. На основании существующих опытных данных, можно констатировать следующий факт: эволюция имеет место, поскольку человека когда-то не было на Земле, а позже он появился. Однако, когда требуется дать объяснение о том, как это произошло, то речь заходит о постепенной эволюции. Такой ответ, с точки зрения автора, неприемлем, поскольку является лишь констатацией фактов, но не их объяснением.

Ответ на вопрос о постепенном возникновении качественно новых форм влечет за собой поиск переходных «недостающих звеньев» между «еще нет» и «уже есть». Публикация книги Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» дала толчок дискуссиям, в которых вызревала мысль о необходимости существования промежуточных форм между обезьяной и человеком – так называемого пресловутого «недостающего звена». Э. Геккель придумал для него название «питекантроп» (обезьяночеловек). Спустя небольшое время Э. Дюбуа нашел останки обезьяночеловека, и находка получила название *pithecanthropus erectus*. В течение XX века коллекция найденных «недостающих звеньев» пополнялась, и формировалось представление о линейном развитии человека: австралопитеки – человек умелый – архантропы – палеоантропы – современные люди. Можно ли с полной уверенностью указать на то звено, с которого начинается или на котором заканчивается цепь промежуточных форм, а далее следует существенно иное – человек? Для этого нужен достаточно внятный критерий определения человека.

К настоящему времени картина линейного развития от некоего вида обезьян к современному человеку вообще уже не выглядит соответствующей действительности. В 90-е годы XX века было много ископаемых находок, которые сложились в образ скорее «ризоматической», чем линейной эволюции. А. В. Марков констатировал: «В определенные периоды одновременно существовало от пяти до трех видов гоминид, в том числе на одной и той же территории. Современная ситуация, когда существует только один вид Homo sapiens, не является типичной и сложилась сравнительно недавно. Так, еще 40–50 тыс. лет назад одновременно существовало, по-видимому, целых четыре вида людей: современный человек, неандерталец, реликтовые эректусы в Восточной Азии… и карликовые люди с о-ва Флорес» [4, с. 360]. Здесь следует обратить внимание на слово «людей». На основании данных палеоантропологии, как естественнонаучной дисциплины, не представляется возможным утверждать, что существа, принадлежащие к разным биологическим видам, являются людьми.

На пути чисто естественнонаучного исследования достаточный критерий человека не обнаруживается. Ч. Дарвин по-своему честно

признал: «Как бы ни было велико умственное различие между человеком и высшими животными, оно только количественное, а не качественное» [5, с. 239]. За такое суждение его немало упрекали и критиковали, особенно те, кто усвоил диалектический закон перехода количества в качество. Однако, представители вышеупомянутых историко-гуманитарно-философских подходов тоже не достигли удовлетворительного решения проблемы определения критерия человека. В этих тезисах уже не остается места для их критического анализа, можно лишь отметить, что такие известные авторы, как Б. Ф. Поршнев и Ю. И. Семенов тоже дифференцируют процесс «превращения обезьяны в человека» на «переходные формы», но уже в аспекте «палеопсихологии», а не физической палеоантропологии. Оба они придерживались тезиса Ф. Энгельса «труд создал самого человека» [6, с. 486] и, соответственно, способность к труду считали критерием человека. Б. Ф. Поршнев выдвинул на роль «недостающего звена» троглодитов, которые уже «не обезьяны», но еще и не люди [7, с. 371–372]. Ученый подчеркивал, что, говоря об их инстинктивном труде, нужно заключать слова «труд» и «орудия» в кавычки [7, с. 374]. Ю. И. Семенов разделял понятия «труд», «орудийная деятельность», домысливая в качестве переходных форм животный рефлекторный труд, праорудийную деятельность в процессе «предчеловеческого труда предлюдей» [8, с. 12, 173].

Автор этих тезисов предлагает считать критерием человека – способность к языковому моделированию действительности. Речь идет не о факте возникновения языка и речи, который многие рассматривают как признак человека, но о том, что посредством языковых знаков люди моделируют действительность, как наличную, так и предполагаемую, прошедшую. Именно эта способность к языковому моделированию дает существу, обладающему ею, необычайные преимущества не только в коммуникации и координации действий, но и в исследовании, проектировании, изобретении средств овладения природными силами и самими собой.

Важное замечание: языковеды-теоретики и философы-лингвисты пока недостаточно уяснили суть языка как системы знаков. Своей системностью язык принципиально отличается от любых других совокупностей знаков, используемых не только людьми, но и животными. Языковые знаки конвенциональны, что обеспечивает их системность. Однако конвенциональность языковых знаков пока не получила достаточного объяснения в лингвистических теориях. Автор этих тезисов полагает, что вербальный язык мог возникнуть только при опоре на другой язык – жестовый, как систему знаков, сформированную в совместных трудовых орудийных действиях древних предков современных людей. Так можно подкрепить тезис Ф. Энгельса о том, что труд создал человека. Частично эти воззрения изложены и обоснованы в диссертации автора [9].

Литература и источники

1. Фоули, Р. Еще один неповторимый вид: Экологические аспекты эволюции человека / Р. Фоули. – М.: Мир, 1990. – 367 с.

2. Веркор. Люди или животные? / Веркор // Избранное: Сборник. – М.: Радуга, 1990. – С. 45–224.

3. Козлова, М. С. Эволюция человека. История и теория / М. С. Козлова // Вестник Московского университета. – Серия 23: Антропология. – 2009. – № 4. – С. 34–44.

4. Марков, А. В. Происхождение и эволюция человека. Обзор достижений палеоантропологии, сравнительной генетики и эволюционной психологии / А. В. Марков // Журнал общей биологии. – 2009. – Т. 70, № 5. – С. 359–371.

5. Дарвин, Ч. Р. Сочинения / Ч. Р. Дарвин. – М.; Л.: Гос. изд-во биол. и мед. литры, 1935–1959: Происхождение человека и половой отбор. Выражение эмоций у человека и животных. – 1953. – 1040 с.

6. Маркс, К. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. –2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1954. – Т. 20. –1961. – XXII, 827 с.

7. Поршнев, Б. Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии / Б. Ф. Поршнев; науч. ред. Олег Вите. – СПб.: Алетейя: Историческая кн., 2007. –713 с.

8. Семенов, Ю. И. Как возникло человечество / Ю. И. Семенов. – 2. изд. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2002. – 789 с.

9. Демидов, А. Б. Прогрессия интенциональности и генезис коммуникативных средств: дис. канд. филос. наук: 09.00.01 / А. Б. Демидов. – Минск, 1994. –166 л.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Р. Н. Дождикова

Актуализация проблем повседневной жизни привела не только к возникновению «третьей социологии», но и развитию философии, имеющей специфические характеристики. С нашей точки зрения, философия повседневной жизни имеет свою онтологию, гносеологию и аксиологию.

Онтология повседневной жизни должна рассматривать не только событие людей, реализующееся через социальные практики (надбиологические программы человеческой жизнедеятельности), но и трансформации, происходящие в жизненном мире современного человека, в его быту, деятельности, поведении и общении. Гносеология повседневной жизни рассматривает не только проблему взаимодействия субъекта и объекта, но и сущность, структуру, динамику, типичные формы, способы, средства обыденной познавательной деятельности, их модификацию и трансформацию, осуществляющихся на современном

этапе техногенной цивилизации. Аксиология повседневной жизни исследует смыслообразующую составляющую, цели и ценностные ориентации, то есть идеалы и нормы обыденного познания.

Методологические установки рассмотрения структуры обыденного познания мы находим в концепции генезиса научной теории В. С. Степина, которая включает в себя: 1) научную картину мира; 2) идеалы и нормы познавательной деятельности; 3) философские идеи и принципы, «посредством которых обосновываются принятые в науке картины мира и эксплицируются идеалы познания» [1, с. 276]. Мы считаем, что данную гносеологическую парадигму, можно применить как к научному, так и к обыденному познанию.

Исходя из данного методологического подхода, когнитивная схема обыденного познания включает в себя: 1) картину жизненного мира; 2) идеалы и нормы обыденного познания; 3) философию здравого смысла. С помощью картины человеческого жизненного мира, отражающей функционирование универсалий культуры, вводится представление о человеке и мире, фиксируется шкала ценностей, принятая в традиционном или техногенном типе культуры.

Философия здравого смысла – это оптимальный алгоритм решения жизненных задач, основанный на житейской мудрости и рассудительности. Философия здравого смысла выступает как проверенный практикой жизни уровень понимания мира, позволяющий субъекту самостоятельно, ответственно и оперативно действовать.

В качестве когнитивно-аксиологических оснований обыденного познания нами были рассмотрены его идеалы и нормы. В соответствии со степинской «схемой метода» нами были сформулированы следующие принципы их классификации: 1) в зависимости от специфики и задач познавательной деятельности; 2) по степени общности; 3) в зависимости от формы общественного сознания; 4) по типу культуры.

В идеалах и нормах обыденного познания содержатся нравственно-мировоззренческие ориентиры человека, коды национального менталитета и архетипы характера народа, образцы решения задач, правила принятия ответственных решений – они проникнуты духом гуманизма, коммуникации, согласия и здравого смысла, которые необходимы сегодня для выживания в современном мире.

Уже простое сопоставление категории истины научного познания с ее пониманием в обыденном познании позволяет выявить их существенные различия. В научном познании существуют достаточно жесткие критерии истинности, такие как объективность, опытная подтверждаемость, логическая обоснованность, непротиворечивость, доказательность, строгость, конкретность.

Истину обыденного познания по преимуществу характеризует субъективность, ситуативно-релятивный, интуитивный и прагматический

характер, чувственная достоверность, соответствие здравому смыслу. Особенно ценными и редко встречающимися свойствами понятия «истина» в обыденном познании и повседневной коммуникации является бытийная достоверность, искренность и ее способность вызывать доверие. В народе часто считают истиной то, во что можно верить.

Владение истиной обыденного познания отражается в практической компетентности субъекта. В качестве относительной истины обыденного познания может выступать такое понятие, как «правда», отражающее субъективную сторону интерпретации данного феномена. В качестве абсолютной истины обыденного познания могут выступать:

1. социокультурные, интерсубъективные истины, выступающие как обязательные нормы поведения, правила морали, заповеди;
2. «вечные истины», отражающие фактичность достоверных событий;
3. истина как соответствие справедливости, добру и другим высшим ценностям;
4. Бог как носитель высшей истины;
5. «расхожие истины» как формы житейской мудрости, выраженные, порой, в крылатых выражениях и пословицах;
6. самоочевидные истины («целое больше части» и т. д.);
7. истина как подлинность человеческих отношений и чувств (дружбы, любви и т. д.);
8. образец жизни, деятельности, поведения и общения;
9. истина как обретение подлинного Я и смысла жизни.

Вопрос о критериях достоверности обыденного познания на современном этапе техногенного общества является актуальным не только в связи с экспансией неверно истолкованного или непонятого научного знания. Отсутствие четких когнитивных, нравственных и правовых регулятивов данной деятельности у субъекта приводит к моральному релятивизму.

Долгое время критерием истины обыденного познания был жизненный опыт, наличная повседневная практика, деятельность и общение, «фактичность событий». Однако сегодня наличная практика характеризуется существенным расширением, можно даже сказать, что она претерпела трансформацию, поскольку в качестве источника обыденного познания выступает не только реальный мир, но и виртуальный.

Основным методом постижения житейской истины является повседневная индукция, которая по мере социализации субъекта дополняется социокультурной дедукцией, освоением и использованием исторически сложившегося опыта. Обычный путь движения в житейской истине – это метод проб и ошибок, искренних заблуждений, верных интуиций и мудрых прозрений. Ложью в обыденном познании является намеренное введение кого-либо в заблуждение, которое квалифицируется

как неправда, обман и клевета. В современном информационном обществе в качестве лжи выступают и так называемые «фэйковые» новости.

Исследование обыденного познания помогает понять чрезвычайно важный для социума механизм программирования девиантных моделей поведения и привычек, которые формируются у субъекта под влиянием виртуальной реальности, компьютерных игр, интернета, электронной коммуникации порой на подсознательном уровне.

Американский социолог Говард Рейнгольд в своей книге «Умная толпа: новая социальная революция» говорит о том, что умная толпа состоит из людей, способных действовать согласованно, даже не зная друг друга. Поэтому «решающими факторами грядущей индустрии мобильной информационной связи будут не "железо" и не программное обеспечение, а общественные привычки» [2, с. 8]. Общественные привычки в коммуникации, поведении и деятельности формируются через механизм обыденного познания как формы когнитивной социализации. Поэтому исследование стремительно меняющегося, технически и мобильно оснащенного обыденного познания позволит понять механизм формирования новых форм коммуникации и деятельности, предвидеть социокультурные последствия происходящих трансформаций техногенной цивилизации.

Литература и источники

1. Степин, В. С. Научное познание в социальном контексте. Избранные труды / В. С. Степин. – Минск: БГУ, 2012. – 416 с.

2. Рейнольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция. / Г. Рейнольд. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с.

СІНЕРГЕТЫКА САЦЫЯЛЬНЫХ СІСТЭМ І ПОСТНЕКЛАСІЧНЫ ЭТАП РАЗВІЦЦЯ НАВУКІ

Я. С. Ермакоў

Сучасны этап развіцця навукі характаразуецца інтэнцыяй на даследаванне складаных самаарганізаваных сістэм рознай прыроды, што актыўна рэалізуецца ў сінергетыцы. Як адзначыў У. С. Сцёпін, «сінергетыка па сваіх анталагічных і метадалагічных прынцыпах прадстае ў якасці адной з найважнейшых экземпліфікацый постнекласічнай рацыянальнасці» [1, с. 51]. Сінергетыка ўзнікла ва ўлонні прыродазнаўчых навук і матэматыкі, аднак зараз яна актыўна пашыраецца на даследаванне сацыяльных сістэм рознага кшталту. Узніклі шэраг канцэпцый і тэорый, якія спрабуюць растлумачыць самаарганізацыю ў адкрытых нелінейных нераўнаважных дысыпатыўных сацыяльных сістэмах. Даследуючы магчымасці сінергетыкі ў пытаннях кіравання сацыяльнымі сістэмамі,

А. І. Зеленкоў падкрэслівае, што «неабходна дастаткова ўзважана і асцярожна ставіцца да спроб некрытычнай экспансіі сінергетычнай метадалогіі на вобласць сацыякультурных з'яў і працэсаў» [2, с. 14–15]. На наш погляд, цэнтральным аспектам даследавання самаарганізацыі сацыяльных сістэм павінна стаць таксама і *дзейнасць* чалавека, што падкрэслівае постнекласічная парадыгма. Адсюль мэтай нашага даследавання з'яўляецца раскрыццё сутнасці самаарганізацыі сацыяльных сістэм у кантэксце ролі і дзейнасці чалавека.

Сацыяльныя сістэмы з'яўляюцца адкрытымі сістэмамі, якія праз розныя каналы абменьваюцца з асяроддзем рэчывам, энергіяй і інфармацыяй. Аднак узровень кантактаў з асяроддзем розны і, адпаведна, розныя магчымасці самаарганізацыі. Мы мусім казаць, што самаарганізацыя ў сістэмах сацыяльнага тыпу *залежыць* ад ступені ўплыву асяроддзя на іх і здольнасці гэтых сістэм аператаваць тымі магчымасцямі, якія даюцца асяроддзем. Такім чынам, сістэма і асяроддзе непарыўна звязаныя паміж сабой, таму трэба казаць аб аўтапаэтычным характары сацыяльных сістэм. Згодна Ф. Валера і У. Матураны, аўтапаэтычныя сістэмы – гэта асобны тып сістэм, які адрозніваюцца ад астатніх сваім аўтаномным характарам узаемадзеяння з асяроддзем, калі няма адназначнай сувязі паміж вонкавымі ўздзеяннямі і паводзінамі сістэмы, што прыводзіць да іх самаўзнаўлення, пры гэтым сістэмы працягваюць складаць з асяроддзем адзінае цэлае [3, с. 40–41]. Таму аўтапэтычныя сістэмы – гэта сістэмы з такім тыпам арганізацыі, для якой уласціва дамінаванне ўнутранай дэтэрмінацыі паводзін сістэмы пры ўплыве асяроддзя і, адпаведна, наяўнасць арганізацыі спосабу сваіх паводзін на падставе ўнутранай узгодненасці іх элементаў і іх узаемных сувязяў для *захавання* ўласнай ідэнтычнасці праз фармаванне сваёй граніцы.

Паводле Н. Лумана, самаарганізацыя ў сацыяльных сістэмах ёсць працэс стварэння сэнсу. Сэнс і ёсць тая граніца, якая аддзяляе сістэму ад асяроддзя. Гэтая граніца ўзнікае дзякуючы камунікатыўным дзеянням, якія *фарміруюць* ключавую асаблівасць сацыяльных сістэм і вызначаюць саму іх прыроду. Сэнс не мае ніякай ролі па-за гэтым граніцамі, абмяжоўваючы такім чынам уздзеянне асяроддзя на сацыяльную сістэму. Аднак гэта не азначае, што сістэма існуе без асяроддзя. Наадварот, яны структурна звязаны, калі далёка не ўсё, што адбываецца ў асяроддзі, важна для функцыянавання сістэмы. Як адзначыў Н. Луман, «структурная звязанасць... накіроўвае ў пэўнае русла каўзальнасці, якія сістэмы могуць выкарыстоўваць. Пры гэтым захоўваецца абавязковае свойства гэтага паняцця, у адпаведнасці з якім яно заўсёды звязана з аўтапаэзісам. Менавіта таму існуе магчымасць уплываць на сістэму – калі пры гэтым не разбураецца аўтапаэзіс» [4, с. 125].

Такім чынам, не вонкавыя ўмовы і, адпаведна, рэсурсы вызначаюць асаблівасць самаарганізацыі сацыяльных сістэм, але пэўны *спосаб*

узаемадзеяння сістэмы з асяроддзем. Тут акцэнт зводзіцца да таго, наколькі граніцы сістэмы ўстойлівыя для фарміравання гэтага спосабу праз узаемадзеянне ўнутраных элементаў і кампанентаў сістэмы. Улічваючы, што адным з ключавых элементаў з'яўляецца чалавек, то павінна ісці размова пра яго ролю ў вызначэнні і фарміраванні дадзенага спосабу ўзаемадзеяння. На наш погляд, гэтая роля зводзіцца да тандэму «назіральнік-удзельнік»: не толькі камунікацыя, не толькі аперыраванне наяўнымі вонкавымі рэсурсамі, колькі магчымасці па рэалізацыі ўнутраных патэнцый сістэмы з улікам стану і ўплыву вонкавага асяроддзя. Аднак адкрытасць з'яўляецца толькі *формай*, праз якую элементы сацыяльнай сістэмы і сама сістэма ў цэлым выводзяцца на дынамічную сувязь з асяроддзем і іншымі сістэмамі.

Вонкавымі рэсурсамі, у тым ліку і чалавек, перапрацоўваюцца сістэмай у розныя віды энергіі, таму яна з'яўляецца важнай часткай і крыніцай самаразвіцця сацыяльных сістэм. У кантэксце сацыяльных сістэм размова ідзе пра адмысловы від энергіі, які фарміруецца ўнутранымі кампанентамі сістэмы і накіраваны на вывад сістэмы на шлях самаарганізацыі праз дынамічнае злучэнне з асяроддзем, іншымі сістэмамі і іх кампанентамі. У Л. М. Гумілёва яна набывае форму *пасіянарнасці*, у А. Тойнбі – *«адказу»* на «выклік», у К. Маркса – *рэвалюцыі*. У іх абазначаныя формы ўзнікаюць дзякуючы неаддзялімасці сістэм ад асяроддзя, дзе першыя аўтаномныя па сваёй сутнасці, а асяроддзе ўплывае на іх толькі апасродкавана. Таму сістэма і асяроддзе ніколі не ўступаюць у кантакт у поўнай меры. На наш погляд, гэта адбываецца дзякуючы пэўнай напружанасці паміж імі, якая абумоўліваецца наяўнасцю энергіі «прыцягнення-адштурхоўвання», якая з'яўляецца ўнутраным параметрам сістэмы любога тыпу і звязвае іх кампаненты паміж сабой.

Адсюль самаарганізацыя ў сацыяльных сістэмах адбываецца дзякуючы актыўнаму ўплыву «назіральніка-удзельніка», які здольны праз свае дзеянні прыводзіць сістэмы да неабходнай прасторавай перабудовы. У гэтых працэсах роля параметраў парадку становіцца *ключавой*, бо менавіта праз іх узнікае магчымасць уплываць на эвалюцыйны шлях сацыяльных сістэм – унутранаму назіральніку наўпрост, а знешняму – апасродкавана, праз змяненне асяроддзя, у якім пэўнае сістэма існуе.

У заключэнні трэба адзначыць, што ў адрозненні ад параметраў парадку ў прыродных сістэмах, на якія можна ўплываць механістычным шляхам, у сацыяльных сістэмах адзначаныя параметры падвяргаюцца зменам толькі праз *творчасць*, якая, як лічыць А. Бергсон, і вызначае дынамічныя ўласцівасці развіцця сацыяльных сістэм [5, с. 168–169]. З ім салідарны Г. Хакен, які адзначае наступнае: «новыя ідэі павінны нараджацца спантанна, або ствараюцца новыя вынаходніцтва, або ствараюцца новыя наватарскія прапановы... Неабходна... прадугледзіць або прадставіць магчымыя глабальныя структуры... Відавочна, што гэта патрабуе ярка

выяўленай зваротнай сувязі паміж іерархічнымі ўзроўнямі кіравання. Дзякуючы гэтаму… будзе адбывацца бесперапыннае змяненне лакальных структур у адпаведнасці з магчымымі глабальнымі структурамі» [6, p. 38].

Такім чынам, толькі падчас працэсаў самаарганізацыі сістэмы здольныя прыходзіць у адпаведнасці з унутраным станам і вонкавымі ўмовамі да новага дынамічнага ўзроўню, фарміруючы тым самым адпаведную, часам *карэнную* карціну зменаў у дынаміцы сацыяльных сістэм. Неабходна падкрэсліць, што дзейнасць чалавека, як цэнтральнага кампанента сацыяльных сістэмы, абумоўлівае адну з найважнейшых умоў самаарганізацыі гэтых сістэм – іх *дынамічнае злучэнне* з асяроддзем і іншымі сістэмамі, ствараючы тым самым перадумову для фарміравання іх новай прасторавай арганізацыі. Праз змяненне параметраў парадку чалавек здольны паўплываць на траекторыю развіцця сацыяльных сістэм, канструюючы іх будучае аблічча. Пытанне застаецца ў тым, праз якія дзеянні і формы чалавек можа гэта рабіць і якім чынам будуць рэагаваць сацыяльныя сістэмы на гэта. У дадзеным кантэксце праблема кіравання самаарганізацыяй прадстае ў якасці адной з цэнтральных праблем сінергетыкі сацыяльных сістэм.

Літаратура і крыніцы

1. Стёпин, В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2013. – № 4. – С. 45–59.

2. Зеленков, А. И. Социальная синергетика: методологические возможности и пределы в эпоху глобальных рисков // Философия и социльные науки. – 2016. – № 4. – С. 11–15.

3. Матурана, У. Дерево познания: биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.

4. Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. – 641 с.

5. Бергсон, А. Творческая эволюция. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. – 384 с.

6. Haken, H. Can Synergetics Be of Use to Management Theory? // Self-Organization and Management of Social Systems Insights, Promises, Doubts, and Questions. – 1984. – P. 33–41.

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ОБЪЕКТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В. И. Жук

Конец холодной войны, положил конец отчетливому этапу в истории международных отношений, хотя «постбиполярная» каталогизация все еще распространена в ее характеристике и представляет тот момент, который способствовал геостратегическому изменению внутренней и

внешней политики проводимой государственными субъектами. Это ознаменовало изменение структуры международной системы и конфигурация мирового порядка. В результате этих преобразований была создана и постепенно укрепилась полицентричная модель миропорядка. Отношения между участниками международных отношений строятся не только по вертикали, но и по горизонтали, за счет их расширения и диверсификации. Децентрализация международных отношений, уменьшение «государственноцентризма» сопровождается ростом негосударственных агентов. Эти процессы вызванные глобализацией и регионализацией не исключают, но взаимодополняют друг друга. Глобализация вместе с транснационализацией усилили взаимозависимость, изменив размер пространственно-временных параметров и одновременно, усилили зависимость между «центром» и «периферией».

Отражая глобальные реалии после холодной войны, категориальный аппарат науки о международных отношениях также претерпел изменения, более соответствующие новым обстоятельствам. Новым содержанием наполняются понятия «политика», «международная политика», «международный порядок» на том основании, что реальные отношения вышли за рамки строго «центристского государства», а понятие «полюс» уже это не связано исключительно с геополитическим измерением, а демонстрирует принадлежность к геоэкономическому элементу. Исчезновение биполярности оказалось благоприятным для достижения геостратегическиех изменений проводимых не только государственными субъектами.

Произошедшие изменения основаны на стремление к активному участию в процессах двустороннего сотрудничества и многосторонней деятельности, повышающей уровень человеческой жизни. Они по-прежнему действенны для европейских стран и выступают как варианты обеспечения национальной безопасности и эффективной функциональности демократических институтов. Структурные связи основных факторов разворачиваются горизонтально, а в их основании лежит принцип баланса сил, с учетом относительной иерархии, которая проявляется вертикально в отношениях между «центром» и «периферией». Такое разделение во многом остается метафорой, потому что само понятие «центр», как и «периферия», геополитически, экономически и институционально размыты.

Характер международных отношений претерпел несколько существенных трансформаций. Больше нет двух миров, но актуализирован только один, глобальный, объединяющий широкую и разнообразную сеть сложных отношений, одновременно симметричный и асимметричный, включающий обширный и разнообразный список участников.

Глобализация и регионализация – это общие отношения единства и разнообразия, они не находятся в антагонистических конфликтных

отношениях. Глобализация оказывается необратимым явлением и выражением единства мира, а регионализация – определяющий фактор занятости и достижения многостороннего сотрудничества, в том числе на трансграничном уровне.

Процессы глобализации и регионализации вместе с формированием единственной наднациональной структуры, порождающие международные правительственные организации и транснациональные корпорации, составляют детерминанты, влияющие на эрозию территориального суверенитета, но это не приводит к исчезновению государства как института, наоборот, приспосабливаясь к новым реалиям, оно остается важным и активным агентом.

Мир находится в процессе глубокой трансформации, и некоторые формы традиционных организаций вынуждены приспосабливаться к новым обстоятельствам с тем, чтобы обеспечить выживание. Вновь созданные структуры, по крайней мере в среднесрочной перспективе, приобретают статус эффективной замены или альтернативы. Сосуществование и сотрудничество институциональных систем разного уровня и структурно-функционального характера, образующих сложную сеть симметричных и асимметричных взаимодействий, несомненно, определяют международные реалии в ближайшей и средней перспективе, влияют на возможные траектории геополитического развития.

В контексте теоретического плюрализма предполагается, что каждый научный подход по-разному определяет законы и тенденции развития международных отношений, в том числе в период после холодной войны. Но при этом с учетом сложностей определения содержания законов, оказывается эпистемологически оправданным определение только закономерности, проявляющейся в различных формах, а именно:

– как усиление взаимозависимости современного мира, взаимообусловленности процессов глобализации, сопровождающейся ускорением передовых технологий;

– снижение пространственно-временных параметров и распространение некоторых моделей, особенно в варианте западных демократий;

– формирование гибких социально-политических конструкций.

Государство – не единственный международный игрок на мировой арене. Консолидированы негосударственные агенты, доля которых показывает международный рост. В этом смысле полностью оправдано разделение на международном и транснациональном уровне, но при этом процессы пересекаются, образуя конгломерат с асимметричный структурой и с многочисленными иерархиями.

Повышение роли экономики знаний и технологий формирует порядок, обеспечивающий увеличение веса геоэкономического фактора по сравнению с геополитическим. Эта тенденция усиливается участием в

процессах многостороннего торгово-экономического сотрудничества. Но нельзя недооценивать роль военного фактора в международных отношениях, которая подтверждается в многочисленных военных интервенциях, организованных и осуществленных как правило в коалициях. Регулирование международных отношений осуществляется с использованием принципов и норм международного гуманитарного права, применяемых с тем, чтобы оправдать военное вмешательство многонациональных коалиций.

Логика функционирования международной системы в период холодной войны не является интервенционистской, так как стратегическая цель демократий – изменить режимы, угрожающие безопасности и стабильности, легитимность которых поставлена под сомнение в большей или меньшей степени в разных средах.

В условиях глобальной иерархии управление мировым порядком обеспечивается основными игроками в контексте секторальной гегемонии. Оно осуществляется не только государствами, но особенно торгово-экономическими ассоциациями. Отмечая роль транснациональных корпораций и мировых финансовых рынков, надо иметь ввиду, что первые занимают только определенные сегменты экономики, а влияние последней действительно имеет глобальные масштабы. Обеспечение международной безопасности и миротворчество продолжают быть причиной военно-политических союзов, поэтому роль военно-политического фактора остается актуальной.

Период после холодной войны состоит из различных этапов, а события 11 сентября 2001 г., выступают своеобразной разделительной линией, показывающей решающую роль международного сотрудничества в укреплении полицентризма. В результате структура международной системы стабилизировалась, хотя относительные локальные конфликты и идеологическое отступления от принципов плюрализма на мировой арене не исключены.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ В ИНСТИТУТЕ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА АН БССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – СЕРЕДИНЕ 1950-Х ГГ.

С. А. Жук

С конца 1943 – начала 1944 гг. начинается активное восстановление АН БССР, разместившейся в эвакуации в основном в столице СССР – Москве. Уже в июне 1944 г. на заседании Президиума АН БССР Президентом К. В. Горевым высказывалось мнение о необходимости организации в составе восстановленного Института философии группы по истории философии, чтобы в будущем развернуть работу по исследованию теоретических вопросов марксистско-ленинской философии. 6 июля

1944 г. на заседании Бюро ЦК КП(б)Б рассматривались вопросы возрождения институциональных форм подготовки кадров: в результате обсуждения было принято принципиальное решение о возобновление работы академической аспирантуры. Президиуму поручалось восстановить управление подготовки кадров, существовавшее до войны, и провести в 1944 г. набор в аспирантуру по специальностям: история БССР – 20 человек, белорусская литература – 10 человек, белорусский язык – 10 человек, экономика – 6 человек, философия – 5 человек [1, с. 73]. Однако планы возрождения академического учреждения философского профиля не удалось реализовать вплоть до 1947 г. Основным фактором, оказавшим на это влияние, следует назвать недостаток научных кадров, имевших ученую степень кандидата и доктора наук. Вместе с тем в планах работы АН БССР 1945 и 1946 гг. предполагалось воссоздание научного учреждения, для проведения исследований в области философии и юридической науки.

Так, в 1946 г. планировалось создать группу (сектор) философии, которую планировалось подчинить непосредственно Президиуму. В связи с этим логичным стало решение о наборе аспирантов. Однако план открытия группы (сектора) так и не был реализован, а прием аспирантов по специальности «Философия» успешно состоялся. С большой долей вероятности можно допустить, что все они были прикреплены к известному советскому философу и партийному функционеру, доктору философских наук (1946 г.), члену-корреспонденту АН СССР, заместителю начальника управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). М. Т. Иовчуку.

В 1947 г. процесс создания института интенсифицируется. 1 июля 1947 г. создается Институт философии и права [2, л. 225], в который в течение первых месяцев существования привлечены на должности старших научных сотрудников 8 кандидатов наук, которые работали в БГУ, пединституте, 3 работника на должности младших научных сотрудников. В качестве руководителя одной из ведущих проблем института привлечен доктор философских наук, профессор, член-корреспондент АН СССР М. Т. Иовчук [2, л. 226]. Организация института философии и права в первые послевоенные годы связана, прежде всего, с необходимостью восстановления отечественной школы философии, обеспечением научно-педагогическими работниками вузов БССР. Можно предположить, что форсирование открытия исследовательского учреждения связано с переводом М. Т. Иовчука в Минск и поиском должности для И. М. Ильюшина (до лета 1947 г. работал Заместителем Председателя Совета Министров БССР), ставшего первым директором.

С первых лет существования подготовка научных кадров в институте была организована через аспирантуру, экстернат, годичную аспирантуру. Попытки же организовать работу докторантской аспирантуры

(докторантуры), несмотря на амбициозные планы, натолкнулись на нехватку кадров, способных осуществлять научное консультирование соискателей.

Таким образом, перед институтом стояла широкая задача по подготовке квалифицированных научных кадров на ответственном участке идеологической работы – в области философии и правоведения, а если говорить шире – формировать национальные советские элиты. Динамика количества аспирантов по институту представлена в таблице [3, л. 87–96; 4, л. 1–42; 5, л. 4–42].

Таблица 1. Подготовка аспирантов
в институте философии и права АН БССР (1946–1955 гг.)

Специальность	1946	1947	1948	1949	1951	1952	1953	1954	1955
Философия	3	2	2	-	-	-	-	-	-
Диалектический и исторический материализм		1	2	3	9	5	5	7	10
История философии	-	-	-	2	-	3	5	4	5
Теория государства и права	-	-	-	-	4	7	-	-	-
Советское государство и право	-	-	-	-	-	-	3	6	2

По институту наблюдается тенденция уточнения специальностей. Так, набор в 1946 г. был осуществлен на специальность «Философия», но уже с 1947 г. были введены новые специальности – «Диалектический и исторический материализм» и «История философии», что полностью соответствовало структуре института, где функционировали сектора диалектического материализма и истории философии. Наборы по правоведческим специальностям начали осуществляться в 1951 г., что связано с тем, что именно тогда в структуре института начал функционировать сектор права [6, л. 42]. Изначально подготовка велась по специальности «Теория государства и права», однако уже в 1953 г. все аспиранты были переведены на более практикоориентированную специальность «Советское государство и право». Но процесс институционализации правоведческих исследований и подготовки кадров в это области шел чрезвычайно медленно. Лучше всего продвигались исследования в области истории белорусской советской государственности, а гражданское и уголовное право и процесс исследовались эпизодически.

У аспирантов часто возникали трудности с подготовкой и сдачей кандидатских экзаменов по специальности. Например, одной из аспиранток было необходимо сдавать экзамены по специальности по предметам «Гражданское право» и «Гражданский процесс», но в БССР не было ученых, которые могли бы их принять. В связи с этим экзамены ей пришлось сдавать в Москве [7, л. 63].

В первой половине 1950-х гг. после отъезда из Минска М. Т. Иовчука (1949 г.) подготовку кадров в области философских наук вели член-корреспондент И. М. Ильюшин (даже после назначения на должность министра просвещения БССР), кандидаты философских наук Я. П. Голенченко и П. М. Кирюшин. Подготовка аспирантов кандидатами наук имела как положительные, так и отрицательные последствия. Наиболее чувствительной проблемой являлось поступление кандидатов наук в докторскую аспирантуру. В 1953 г. в связи с поступлением Я. П. Голенченко в докторанатуру АН СССР он был освобожден от руководства аспирантами В. И. Горбач и А. И. Головнева, а их научными руководителями были назначены кандидаты философских наук Г. И. Пивцайкине и З. У. Докторов. С 1955 г. в руководство аспирантами включился «сосланный» из Москвы по «делу гладиаторов» академик АН СССР Г. Ф. Александров (в 1955–1961 гг. заведовал сектором диалектического и исторического материализма).

В тематике диссертационных исследований по философским наукам возможно выделить три основные направления:

1. Осмысление идей классиков марксизма-ленинизма.

2. История общественно-политической мысли Беларуси досоветского периода.

3. Диалектический и исторический материализм и критика буржуазной философии.

Работу института, в том числе и подготовку кадров, в этот период отличает постоянная нестабильность: тематика исследований менялась практически каждый год. Непосредственное влияние оказали дискуссии об экономических проблемах социализма в СССР, языкознании, обсуждение учебника «История западной философии», пик которой пришелся на 1947 г.; несколько менее заметное влияние оказали дискуссии о генетике и «павловская» дискуссии о физиологии (1950 г.). Уже к концу 1940-х – началу 1950-х гг. практически была свернута работа по истории общественно-политической и философской мысли Беларуси, более ярко стали проявляться изучаемые проблемы в контексте парадигмы «столкновения цивилизаций», например «Расовые теории на службе империализма» или «Реакционная роль общественного учения Ватикана» [8, л. 13]. Все это вызывало систематические изменения тем диссертационных исследований аспирантов, изменение состава кандидатских экзаменов, что значительно усложняло процесс защиты диссертаций.

Таким образом, во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. были заложены основы для подготовки научных кадров в стенах института. Значительное внимание государства в философской тематике, с одной стороны, способствовало расширению Института философии и права (увеличение штата, наращивание подготовки кадров, увеличение

ассигнований для проведения исследований), а, с другой стороны, сковывало творческий процесс научного поиска, вынуждало ученых повторять идеологические штампы и клише.

Литература и источники

1. Гапоненко О. А. Национальная академия наук Беларуси / О. А. Гапоненко, Я. М. Куцер, Н. В. Токарев. – Минск: Белорусская наука, 2008.

2. Центральный научный архив НАН Беларуси (далее – ЦНА НАНБ). – Ф. 1. Д. 150. Л. 224.

3. ЦНА НАНБ – Ф. 1 г. Д. 112. Л. 54.

4. ЦНА НАНБ – Ф. 1 г. Д. 136. Л. 48.

5. ЦНА НАНБ – Ф. 1 г. Д. 162. Л. 70.

6. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 391. Л. 42.

7. ЦНА НАНБ. – Ф. 1. Д. 669. Л. 166.

8. ЦНА НАНБ – Ф. 1. Д. 631. Т. 2. Л. 244.

«АДВЕЧНЫМ ШЛЯХАМ»: ЧАС НАСТАЛ?

В. К. Игнатов

В предисловии к 4-му изданию философского эссе белорусского мыслителя И. В. Кончевского «Адвечным шляхам» С. И. Дубовец высказал суждение о том, что подлинный смысл этой книги откроется ее читателям лишь с наступлением XXI века, когда традиция оплакивания утраченного национального своеобразия сменится пафосом творчества новой Беларуси, когда в сознании белорусского народа воцарятся идеалы свободы, воплощенные в сочинении И. Абдираловича (псевдоним И. В. Кончевского) [1].

Спустя почти сто лет после выхода в свет первого издания «Адвечным шляхам» мы, возможно, как никогда близки к разгадке тайны его творения. Постичь всю глубину профетического дара белорусского мыслителя представляется невыполнимой задачей. Однако сегодняшний день дарит нам ключи к проникновению в духовный мир одной из самых ярких личностей национальной интеллектуальной истории.

Каким И. В. Кончевский видел будущее белорусского народа и родной страны?

Прозревая грядущее, философ выразил абсолютное несогласие с мыслью о духовной нищете белорусского народа, о скудости его культуры, об отсутствии у белорусов призвания к созиданию самобытного жизненного уклада. Истоки мнимой невыразительности белорусской национальной идеи следует искать, по мнению мыслителя, в драматической исторической судьбе белорусов, чья земля на протяжении

столетий была местом острейшего соперничества двух европейских цивилизаций. Испытывая колоссальное культурное воздействие Запада и Востока, белорусский народ, отмечал И. В. Кончевский, сохранил свои неповторимые национальные черты. Приход XX столетия, возвестившего о кризисе всех прежних идеалов европейской культуры, предоставил белорусам небывалую прежде возможность стать полноправным творцом новых культурных ценностей. «Жыцьцё ставіць мяжу старажытным ідэалам, – писал философ, – і кліча беларускі народ, зьняважаны і забіты, ісьці пароўні з іншым на будоўлю новага агульначалавечага ідэалу» [2, с. 11].

На пути к созданию универсальных духовных смыслов белорусский народ подстерегает соблазн принять готовые культурные формы Запада либо Востока Европы. Стремление стать органической частью «русского мира» либо западной цивилизации, по убеждению И. Абдираловича, приведет Беларусь к трагическому финалу: «Векавое дасьвядчэньне кажа нам, што вольнага разьвіцьця нашага духу не запяўняе ні заходняя ні ўсходняя культура, бо яны абяртаюцца ў формах гвалтоўнага, людаежнага мэсыянізму і розьніца між імі толькі ў назовах, лёзунгах, а іх аціскаючыя ланцугі – аднолькавы для нашага духу» [2, с. 17].

По мысли философа, полнокровную историческую жизнь белорусский народ обретет лишь тогда, когда он станет творцом уникальной национальной культуры. Но и на этом пути он должен преодолеть искушение превратить созданные им новые духовные ценности в усыпальницу померкших идеалов, обретших облик мессианской идеи, ставящей непреодолимый заслон для дальнейшего творчества, преобразования и развития уклада народной жизни. «Ўсе няшчасьці, – утверждал И. В. Кончевский, – як індывідуальныя, так і соцыяльныя, залежаць якраз ад таго, што формы жыцьця заместа таго, каб служыць чалавеку, маюць сілу валадаць над ім, сціскаючы і затрымліваючы яго духовыя імкненьні» [2, с. 20].

Независимость народа и свобода человеческой личности невозможны под гнетом омертвелых, безжизненных, окаменевших культурных традиций. Мыслитель отмечал, что время осознания этой мысли еще не пришло: «Трэба памятаць, што жыцьцё цячэ, што душа чалавека не стаіць, што чалавек павінен укладаць сваё жыцьцё так, як яно разьвіваецца і ліецца. Нажаль, гэта – незразумела і нячутна. Гэтае права гвалцяць і над ім зьдзекуюцца ад часоў, калі палалі жывыя вогнішчы Нэрона і сьв. інквізыцыі і да нашых часоў кулямёту і гумовай палкі» [2, с. 25].

Но подлинный смысл человеческой жизни, согласно И. Абдираловичу, состоит не в беспрекословном подчинении устоявшимся религиозным, моральным, общественным нормам, а в беспрестанном созидании новых социальных и индивидуальных картин мира, созвучных

свободной игре вечно бурлящих сил материальной природы. «Сапраўднай падставай жыцьця, – утверждал философ, – можа быць толькі творчасьць. Творчасьць на кожным кроку: у штодзеннай працы, ў сямейных адносінах, ў грамадзянскім руху. Толькі тады жыцьця ня будзе сьціскаць форма і чалавек здаволіць сваё прыроднае імкненьне быць тварцом» [2, с. 26].

Дабы избежать горестной участи пленника истлевших культурных канонов, человек призван пробудить в себе погребенную под спудом готовых догм, банальных истин, повседневной рутины жажду постоянного обновления жизни. «Зьдзейсьнілі адну форму жыцьця, – писал И. В. Кончевский, – а ўжо ў глыбіні душы хаваецца новае; яшчэ смутнае і нявыразнае, а ўжо нездаваленьне, што дрэнна і тое й гэтае. Ня глушэце такога нездаваленьня і сапраўды ня "ўсё існуючае – разумна", верце голасу вашага сумленьня, жаданьню зьмяніць, палепшыць жыцьцё» [2, с. 27].

Не замирающее ни на секунду свободное творчество позволит человечеству избежать трагических социальных и культурных катаклизмов, сокрушающих человеческую душу индивидуальных драм, национальных катастроф: «Разумней паляпшаць паступова, кожны дзень, слухаючы голасу сумленьня, чым у гаротныя часы рэвалюцыяў ня быць ў сілах стрымліваць голасу помсты і крыўды» [2, с. 27].

По мысли И. Абдираловича, без обретения политической независимости белорусский народ никогда не сможет стать свободным творцом своей исторической судьбы. Препятствиями для формирования творческой личности будут служить и ограниченный стараниями соседей национальный суверенитет, и доминирование в независимом белорусском государстве какого-либо социального слоя, которые способны разбить мечты пророков белорусского народа о «сапраўдна вольным жыцьці» [2, с. 35].

Единственным путем, приближающим время, когда «прыйдзе к нам воля святая, чаканая» (А. Гарун), является, полагал мыслитель, создание свободных общественных объединений. В своей деятельности они не будут руководствоваться раз и навсегда заведенным порядком вещей, извечными моральными установками, традиционными рецептами социального устройства. Общественные союзы, созданные без принуждения, насилия и диктата, станут той основой человеческой жизни, где «...знойдзе свой выраз творчасьць як асобы, так і соцыяльнага цэлага» [2, с. 42].

И. В. Кончевский сознавал, что дорога к грядущему творческому миропорядку будет длительной, и человечество еще не раз в своей истории будет склонно для реализации своего желания обрести свободу прибегать к использованию инструментов принуждения для осуществления общественных преобразований: «Будучына належыць да творчай асобы, але яшчэ доўгія гады "мёртвыя будуць хаваць сваіх мерцьвякоў". І

нечалавечы ўціск, і неміласэрныя рэвалюцыі, і паўстаньні павінна яшчэ перанесьці чалавецтва» [2, с. 42].

Но лишь тогда, когда род людской постигнет премудрость ненасильственного преображения присущих ему пороков и изъянов, в его плоть и кровь войдет подлинная свобода. «Тое, што істнуе цяпер: прымусовае гаспадарства, ўрады, цьвёрды закон, турма, кара, – писал И. В. Кончевский, – ёсьць вынік чалавечай, грамадзянскай нятворчасьці. Гэта ўсё згіне не пад прымусам, ня будзе зруйнована сілай, а будзе зруйнована далейшай чалавечай творчасьцю. Бо калі сілай зьнішчыць істнуючы парадак, дык нятворчасьць сучаснай чалавечай масы створыць сабе назаўтра яшчэ горшыя кайданы, турмы і мукі» [2, с. 42].

Почти век прошел с той поры, когда виленский философ И. Абдиралович написал эти строки. Рождение современной белорусской нации вселяет веру в то, что пророчества сбываются.

Литература и источники

1. Дубавец, С. Прадмова // Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветагляду / І. Абдзіраловіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – С. 5–6.

2. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветагляду / І. Абдзіраловіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 42 [2] с.

ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИИ В НАУКЕ, КУЛЬТУРЕ КАК ОБОСНОВАНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В. А. Ильганаева

Возникшая тенденция интеграции научного знания и поиски его единства с начала XX в. соответствует потребностям решения практических задач организации, функционирования и управления общественными процессами. Взаимопроникновение научных подходов и методов к исследованию научных объектов гуманитарных, естественных и технических наук, фактически, стирает различие между «внешним единством» и «внутренним единством» науки [1]. Несмотря расхождения в оценках новых тенденций, можно констатировать, что процесс научного познания на протяжении другой пол. XX в. – нач. XXI в., приобрел конвергентный характер. При этом четко обозначилось наличие концептуальной полюсности видения и обоснования перспектив развития науки. Подчинение ее целей традиционному вектору эгоцентрического развития Человечества связано, по нашему мнению, с отрицательной конвергенций, в противовес которой развивается положительная конвергенция, основанная на синтезе нового концептуально-

интеграционного знания, тяготеющего к раскрытию действия универсальных законов Вселенной в системах разной природы.

На сегодняшний момент отрицательная конвергенция коснулась гуманитарных научных направлений, которые предлагают сближение представлений о естественных, природных и технических процессах, на чем основывается разработка биокибернетических моделей, формирование нано-, био-, инфо-, когнитивных и социогуманитарных технологий, которые закладывают основы качественно новой социобиотехносферы [1]. Позитивная конвергенция развивается на основе мировоззренческого синтеза цивилизационных смыслов, которые определяет отношение людей к жизненному миру, к себе, к проблеме выживания и сохранения Природы, к сохранению своей биологической природы и развитие духовной стороны человеческого существа [2]. Эти две тенденции создают необходимую платформу для единения наук для достижения искомого единства в отображении глобальных сдвигов, произошедших в когнитивной сфере. При этом, институциональное созревание всех социальных подсистем, глобализация социальных структур, процессов, усиление влияния человека на природу усиливают интерес к проблемам социальности как фактора влияния на жизненное пространство человека [3]. Общество предстает как институализированное образование, система, соразмерная Природе по своим параметрам, процессам и структурно-функциональной организации, что подтверждает «прозорливость» ноосферной концепции развития.

Интегральным направлением науки становится воссоединение человечества в едином пространстве культуры, синтезирующим идеальные и материальные стороны человеческой цивилизации. Культурное пространство общества с начала XXI в. поражает своим всеохватывающим влиянием информации и знаний на жизненный мир людей. Известно, что процесс глобализации социально-культурных основ общества имеет давние корни, однако в своем интегральном значении он проявился только тогда, когда коммуникационная техносфера замкнула все человечество в единый круг единой человеческой цивилизации. С этого периода все различия цивилизационных пластов, фиксирующие особенности предыдущих этапов развития этно-национальных культур, варианты отображения Универсума в научных картинах мира, правила и нормы поведения, ценности, определяющие отношения между людьми в локально-культурных сообществах и другое, приобрели значение гуманистического потенциала развития современного общества как целостного образования.

Современная культура глобального общества не может дальше строиться на противоречиях и претензиях к различным формам культуры. Глобализация в культуре проходит через осознание значений постмодернистских представлений о «множестве в единстве», когда уникальность отдельных культур и менталитетов, становится достоянием и

необходимой частью единого культурно-когнитивного пространства культуры. Такое понимание культуры требует формирования нового взгляда на изменения, а также формирует потребность синтеза единого знания про человека, природу и общество. Процесс формирования новой концептуализации развития гуманитарных наук не ограничивается своими привычными объектами, а включает множество зависимостей их сосуществования с другими, которые входят в системы другого порядка. То есть речь идет про универсальные законы и закономерности существования объектов Универсума применительно к феноменам материальной и духовной культуры, их единства в поле универсальных законов. Таков гуманистический вектор общекультурного процесса современного общества, рассмотрение которого в науке и практике социальной жизни обеспечивается обоснованием равновесных отношений между людьми и всеми субъектами социального взаимодействия. Такие отношения на всех уровнях социально-культурного пространства социума могут быть достигнуты через преодоление расхождений в векторности человеческих отношений, значения которой совпадает со значениями вегторности развития научного знания. Она определяется позитивной или негативной наполненностью связей между участниками социального действия. Предлагается различать: первый вектор – как интуитивное приспособление к окружающей среде и использование другого / гих для приспособления к своим целям; формируется и приобретает отрицательное значение по мере социализации человека в определенных социально-культурных условиях, национально-культурных норм; поддерживается фрагментированным научным знанием и политически ангажированной наукой; 2-й вектор – как осознанная идентификация себя с миром через другого; приобретает позитивное значение через восприятие нового видения общего мира людей и тенденций его развития; обеспечивается интегральным научным знанием о мире, обществе и человеке.

С учетом новых тенденций в познании и культуре поновому выглядит проблема идентификации человека. Ценностно-смысловой аспект культуры, представленный новой структурой знания людей об окружающем их мире и его универсальными смыслами, а также ценностная оценка всего социально-культурного опыта, накопленного человечеством на протяжении всей истории, требует переосмысления исходя из новой социально-культурной ситуации и тенденций развития современной цивилизации. На уровень всего пространства культуры поднимаются новые социально-культурные идентичности, презентуя при этом мозаику многих идентичностей, которые символизируют разные социумы с их архаичными ритуалами, религиозными, мифологическими, политическими, локально-культурными и другими идентичностями, что поддерживается единым медиапространством общества и связывает человечество в единую систему Бытия. На этой основе возникают

противоречия между группами людей, которые находятся в разных рамках идентичности. От единого глобально-материального, но не ставшего еще глобально-равнозначным для всех культур пространством, идут очень сильные сигналы, которые беспокоят людей и вызывают соответствующие реакции противостояния или воодушевления, формируя при этом требования новой национальной, государственной, общественной и мировой идентичности.

Потенциал развития культуры в этих условиях на может быть реализован только из признания мультикультурности, всеобщей доступности к информации или признания главенства общечеловеческих ценностей. Этот потенциал может быть раскрыт только через осознание причастности каждого индивидуума к единому человеческому роду, как в знании, так и в ощущении. Только на основании такого видения «себя» может формироваться национальная общность, необходимое ощущение национальной идентичности и сознание народа, но как части единой цивилизационной общности людей – Человечества. Этот подход касается также и институциональных игроков культурного пространства: стран, их региональных союзов, международных общественных организаций, корпораций и др.

Литература и источники

1. Яцишина, Е. Б. Исторические типы единства науки: диссертация... кандидата философских наук: 09.00.01 / Яцишина Екатерина Борисовна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2013.

2. Научное познание: поиски новых парадигм. Коллективная монография // Под общ. ред. З. К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014.

3. Розанов, Ф. И. Современные исследования социальных проблем / Ф. И. Розанов // Modern Research of Social Problems. – 2015. – № 7 (51). – С. 186–204.

ИНТЕГРАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОНИМАНИЯ КАК ИНДИВИДУАЛЬНО СУБЪЕКТИВИЗИРОВАННОГО ФЕНОМЕНА

Л. Г. Интымакова, З. Г. Стародубцева

Категория «понимание» в достаточной степени разработана в современной литературе. В то же время невозможно категорично утверждать, что данный феномен получил специальное систематическое изложение. К исследуемой категории очень близки такие понятия, как «смысл» и «значение». И в русле данного исследования все большее значение при анализе рассматриваемой категории приобретает понятие контекста.

Контекстное содержание может иметь самую различную смысловую нагруженность. Оно также может быть структурировано от предельно общего – уровня социума, через исторические, культурные, национальные контексты до личностного индивидуализированного уровня. На высших ступенях этой иерархии дискурсы навязываются личности через различные механизмы социального воздействия и социального наследования. В частности, общественные слои и этнические группы продуцируют идеологически значимые дискурсы в целях установления и поддержания своей гегемонии, а также в целях изменения действительности. Что же касается личностного индивидуализированного уровня, то Л. Г. Интымакова справедливо утверждает: «В условиях индивидуализации человек создает не только новые предметы, но и новые социальные отношения, в которых он постоянно находится» [1, с. 36].

При анализе вопроса мы исходим из того, что понимание проблемы исследователем предполагает, что он не только осознает объективное содержание тех или иных событий, но и сравнивает его со своими внутренними установками, с собственными мировоззренческими ценностями. Параллельно он оценивает рассматриваемые события и дает их футурологическое толкование, которое выводит подобное исследование за рамки философского осмысления конкретных событий или прошлого и предполагает перенесение акцента на стрелу времени, с тем чтобы понимание прошлого вписывалось в контекст не только тех тенденций, которые идут из прошлого в настоящее, но и тех из них, которые из прошлого, пройдя сквозь настоящее, устремятся в будущее.

В связи с этим, процесс понимания предполагает осознание исследователем того, что текст, исторический источник, философское, литературное произведение и другие рассматриваемые им явления фактически становятся тем объектом, распредмечивание которого сформирует у изучающего их субъекта определенное видение процессов или явлений, описанных в них [2, с. 69]. Поэтому категория «понимание» в этом смысле приобретает своеобразные интегральные характеристики, так как ее содержание является неоднородным и включает в себя ряд уровней, таких как: лингвистический, интерпретационный, уровень, на котором постигается смысл текста.

В рамках изучения социальных явлений исследователь, так или иначе, рассматривает как общество в целом, так и каждого его представителя в отдельности. При этом сам человек в рамках рассмотрения и понимания основных характеристик общества может представать как в качестве деятельностного, так и в качестве познающего субъекта. Такое разделение в реальной практике встречается достаточно редко, но в исследованиях актуально. Деятельностный субъект в большей мере сосредоточен на конкретно-практических действиях по отношению к тому или иному социуму, той или иной социальной группе, в рамках

которой он находится.

Познающий же субъект в рамках определенной деятельности, для достижения наиболее эффективных результатов, для ее оптимизации, использует различные вспомогательные методы и средства, которые, возможно, будут наиболее эффективны не столько в контексте деятельностного подхода к рассмотрению общества, сколько в контексте представления этого общества с точки зрения того исторического опыта, который достигнут на данном этапе развития самого социума [3, с. 22].

Одной из существенных проблем изучения данного вопроса является выделение наиболее значимых характеристик самого феномена понимания. С точки зрения задач данного исследования, разделим данные характеристики на три группы:

В первую группу включены универсальные характеристики феномена понимания. К ним относится подход к тексту как к фрагменту определенной культуры, который будет, в свою очередь, соотноситься с ценностными установками личности, с накопленными ею знаниями. Подобное соотнесение представляет собой творческое освоение, познание мира, в ходе которого происходит осознание собственных личностных знаний, ценностей и возможностей. Таким образом, познание из метода будет превращаться в способ бытия [4, с. 74].

Вторая группа связана с так называемой субъективацией. В рамках этой группы исследуется полифункциональность категории «понимание», ее субъективированность, то есть осознание значимости собственного Я, своих возможностей, личной заинтересованности в осмыслении объективно существующего текста; его контекстуальность, духовная выраженность [5, с. 112].

Третья группа представляет собой объективацию понимания через обращение к тексту непосредственно как к источнику наших знаний. Она характеризуется направленностью на поиск и раскрытие смысла через наличие личностно-значимой общности между читателем и текстом, которая позволит ему, преодолев временную дистанцию и расстояние, стать современником текста и осмыслить его. Это раскрытие смысла происходит в форме диалога исследователя как с самим собой, так и с эпохой, текстом и автором текста.

Указанные характеристики способны придать познавательному процессу субъективно смысловую направленность в освоении исторического прошлого и являются достаточно эффективными с точки зрения систематизации любого изучаемого материала. Поэтому, в процессе поиска интегральной характеристики феномена «понимание» указанные черты будут определять концептуально-смысловой каркас. Этот каркас позволит дать объективный анализ феномену «понимание» и включить его в реальный контекст общения познающего субъекта с тем или иным философским, историческим или литературным источником, являющимся

своеобразным объектом для распредмечивания в направлении получения новых знаний о фактах и событиях, имевших место в прошлом [6, с. 92].

Само понимание литературного, исторического или философского текста является творческим процессом, имеющим гносеологическую и онтологическую природу. Вновь обретенные смыслы создают новые условия бытия. Творчество в процессе понимания текста заключается не только в его как можно более адекватном осмыслении, но также и в осознании исследователем себя в качестве активного преобразующего начала, реализующего в процессе познания не только себя как личность, но и свои собственные возможности и способности.

Соответственно, мы приходим к выводу, что знак через внешнее воздействие задает реакцию на него индивида, а индивид, через личное восприятие, определяет свою реакцию на данный знак. Этот процесс не стоит рассматривать как попытку уйти от одинаковости, типичности при помощи конвенционалистских уловок. Этот процесс взаимного влияния, например, А. О. Карпов характеризует как способность к взаимоинтерпретации. В этой ситуации не только человек пытается интерпретировать полученные знаки, но и знак, войдя в индивидуальное сознание, сам интерпретирует собственную коллективную интерпретанту [2, с. 38].

Таким образом, понимание является не только социальным феноменом, но и в достаточной степени индивидуально субъективизированным. На сегодняшний день не подвергается сомнению, что одни и те же тексты в разных культурно-исторических условиях понимаются по-разному. Дискурс рассматривается как совокупность социальных практик, в рамках которых конструируются и воспроизводятся значения и смыслы. Поэтому его принято рассматривать как атрибут любой социальной деятельности и любой социальной институализации, позволяющий прийти к более глубокому пониманию как исторических, литературных или философских источников в целом, так и отдельных событий, описанных в них, в частности.

Литература и источники

1. Интымакова, Л. Г. Проблема мифологизации и секуляризации сознания в современном обществе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013, № 7, С. 36–40 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-koncept.ru/ 2013/ 13568.htm.

2. Карпов, А. О. Интегрированное знание // Человек. – М., 2003. – 426 с.

3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 258 с.

4. Степин, В. С. Теоретическое знание. – М., 2000. – 744 с.

5. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – М., 2007. – 512 с.

6. Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарные познания. – М., 1991. – 192 с.

СТРУКТУРА ПСИХИКИ ПО АРИСТОТЕЛЮ

А. О. Карасевич

Изучение духовного мира человека всегда было важным направлением философской мысли, и современное понимание психики является результатом большого эволюционного пути, направление которого задали такие великие философы, как Аристотель. Далее будет рассмотрено, какие структурные компоненты психики определил этот выдающийся представитель древнегреческой философии.

В труде «О душе» Аристотель дал довольно подробное для своего времени описание психики и ее структуры, а в других своих сочинениях философ углубил и расширил свои психологические идеи. Утверждая, что душа является энтелехией тела, Аристотель наделил психику значимой ролью в диаде «душа – тело». Он выделил пять основных способностей души: растительную, стремления, ощущения, мышления (ума) и пространственного движения [1, с. 399]. Растительная способность сопряжена с питанием и воспроизведением, при этом «растениям присуща только растительная способность, другим существам – и эта способность, и способность ощущения; и если способность ощущения, то и способность стремления» [1, с. 399]. Философ уделил большое внимание описанию ощущений и сообразному своему времени объяснению их появления. Аристотель выделил пять основных чувств (ощущений): зрение, слух, обоняние, вкус и осязание [1, с. 423]. Как психический процесс указывается и описывается воображение: «воображение же есть нечто отличное и от ощущения, и от размышления; оно не возникает без ощущения, а без воображения невозможно никакое составление суждений» [1, с. 430]. Воображение связано с образами: «если воображение есть то, благодаря чему у нас возникает, как говорится, образ, притом образ не в переносном смысле, то оно есть одна из тех способностей или свойств, благодаря которым мы различаем, находим истину или заблуждаемся» [1, с. 430]. Аристотель описал процесс мышления в его связи с представлениями, которые заменяют ему ощущения, само же мышление состоит из деятельности представления и составления суждений [1, с. 430, с. 438]. По мнению Аристотеля, мышление может быть «правильным и неправильным: правильное – это разумение, познание и истинное мнение, неправильное – противоположное им», при этом «всякому мнению сопутствует вера, а вере – убеждение, убеждению же – разумное основание» [1, с. 430–431]. Мнение же основывается на умозаключении [1, с. 445].

Аристотель описал мотивационную составляющую души. Так, он рассматривал стремление как желание, страсть и волю, причем «в разумной части души зарождается воля, а в не основывающейся на разуме

– желание и страсть» [1, с. 441]. Каждое стремление имеет цель, а само стремление и ум, размышляющий о цели, побуждают тело к пространственному движению, воля же является стремлением сообразно размышлению [1, с. 442–443]. В трактате «Топика» Аристотель затронул процесс памяти, выделив в нем динамический (память как процесс) и потенциальный (память как знание) компоненты [2, с. 421–422]. В трактате «О памяти» («О памяти и воспоминании») философ дал разделение памяти на первичное схватывание, возвращение к воспоминанию и припоминание [3, с. 145], тем самым предвосхитив современные исследования в области кратковременной памяти. В «Никомаховой этике» Аристотель выделил в душе страсти, способности и устои: «Страстями [или переживаниями], я называю влечение, гнев, страх, отвагу, злобу, радость, любовь, ненависть, тоску, зависть, жалость – вообще [все], чему сопутствуют удовольствия или страдания. Способности – это то, благодаря чему мы считаемся подвластными этим страстям, благодаря чему нас можно, например, разгневать, заставить страдать или разжалобить. Нравственные устои [или склад души], – это то, в силу чего мы хорошо или дурно владеем [своими] страстями, например гневом»; при этом устои являются добродетелями [4, с. 84]. Так Аристотель не только перечислил основные эмоции, но и определил нравственные составляющие психики. В «Большой этике» Аристотель выделил в душе обладающую разумом часть, в которую включил «разумность, проницательность, мудрость, способность к научению, память и тому подобное», и внеразумную часть, в которую включил добродетели справедливости, благоразумия, мужества «и другие черты нрава, вызывающие одобрение» [4, с. 304–305]. При этом «ни одна добродетель внеразумной части души не возникает в нас от природы» [4, с. 306], то есть так Аристотель определил важность воспитания личности, включающего в себя усвоение социально одобряемых моделей поведения, знаний и опыта. Также в «Большой этике» Аристотель более подробно раскрыл свое понимание эмоций, выделив в душе «движения чувств, предрасположенности и состояния» и описав их следующим образом: «Движения чувств – это гнев, страх, ненависть, вожделение, зависть, жалость и все подобное, чему обычно сопутствуют огорчение и удовольствие. Предрасположенности – это то, в силу чего мы зовемся способными испытывать движения чувств, т. е. то, благодаря чему мы в силах гневаться, огорчаться, жалеть и т. д. Состояния – это то, соответственно чему наше отношение к движениям чувств бывает хорошим или плохим» [4, с. 306]. В сочинении «Категории» Аристотель разделил качества и состояния человека: качества свойственны с рождения, а состояния временны и зачастую обусловлены внешними обстоятельствами [2, с. 75]. Так Аристотель предвосхитил многие психологические концепции, описывающие важность для психической деятельности ситуации и окружения индивида, в частности – теорию поля

К. Левина.

Таким образом, Аристотель в своих трудах довольно подробно описал основные психические процессы – ощущения, мышление, воображение, память и эмоции. Кроме того, философ рассмотрел мотивационный и личностно-нравственный компоненты психики. Постигая внутренний мир человека, Аристотель ввел в круг своих исследований ряд важнейших вопросов, изучением которых по сей день занимаются философия сознания, психология и нейробиология.

Публикация подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г20МС-031).

Литература и источники

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах / Аристотель; ред. В. Ф. Асмус. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976.

2. Аристотель. Сочинения в четырех томах / Аристотель; ред. З. Н. Микеладзе. – Т. 2. – М.: Мысль, 1978.

3. Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти / Аристотель; пер. на рус. Е. В. Алымовой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.

4. Аристотель. Сочинения в четырех томах / Аристотель; пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. – Т. 4 – М.: Мысль, 1983.

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Е. Г. Кириченко

Вступление человечества в эпоху информационного общества сопровождается немыслимыми по скорости радикальными трансформационными процессами, нарастанием нестабильности и хаоса, а также стремительным технологическим прорывом. Так называемая постсовременность демонстрирует приоритет информационного управления обществом, нарастание процессов массовизации культуры и мифологизации общественного сознания. Наши представления об общественных событиях, явлениях и фактах формируют информационно-коммуникативные технологии, используя различные каналы и формы воздействия. Современный этап информационного общества многие эксперты называют цифровой цивилизацией, явившейся результатом процесса глобальной экономической, политической и культурной унификации и интеграции. Все сферы жизнедеятельности человека затронули цифровые трансформации. Это привело к тому, что online-бытие становится приоритетной формой существования современного человека. Виртуальная информационная гиперреальность, в которую погружен

человек, стирает различия между знаками и реальностью, прошлым и настоящим, игрой и реальной жизнью, подлинными событиями и различного рода симулякрами, фейками, искажающими реальные процессы. Человек перестает рефлексировать и трансформируется в «информационного зомби», «информационного аутиста» и даже «информационного идиота».

Темпы социальных изменений настолько стремительны, что человек не способен адекватно осмыслить происходящие события, а современные коммуникативные технологии не способствуют этому, а только усиливают процессы дезориентации и навязывания ложных образов, неверных жизненных ориентиров и установок. Происходит также переформатирование устоявшихся ценностных и идеологических приоритетов, вытекающих из глубинных традиций нашей истории и культуры. Такие духовные ценности восточного славянства, как добродетель, коллективизм, святость, патриотизм, гражданственность и трудолюбие либо полностью отвергаются, либо называются устаревшими. Это ведет к деформации сознания, утрате духовно-нравственных основ и, в конце концов, к девиантному поведению.

Трансформация современного социума в цифровое общество требует глубокого концептуального осмысления. В кризисные периоды истории именно философия брала на себя функцию постижения сущности бытия и построения целостной картины мира. Философия не дает сиюминутных рецептов, а всегда пытается с помощью своего универсального категориального аппарата дать анализ глубинных основ современного общества, выявить закономерности функционирования и перспектив социального развития.

Постмодернистская философия отразила процесс формирования и образ постсовременного общества, в котором ведущими становятся информационно-коммуникативные технологии. Проводя идеи релятивизма, постмодернизм отвергает любые «метанарративы», иерархию традиционных ценностей, постулирует равноценность морального и аморального, высокого и низкого, а также значимость мира обыденности. Универсальный подход сменяется фрагментарным, маргинальным. Такой философский дискурс, на наш взгляд, не может в полной мере дать адекватный ответ на вызовы времени. Человечество столкнулось с новыми цивилизационными рисками, и философия должна участвовать в разработке новой гуманистической парадигмы мирового развития и поиска выходов из глобального кризиса техногенной цивилизации. В связи с этими запросами возникают альтернативные нарративы академическому постмодернизму. Они ориентированы на преодоление упрощенного, однообразного, порой примитивного отражения современного этапа развития человечества и прогнозирования последствий развития цифровой цивилизации.

Благодаря достижениям современной науки, совершенствованию био-, нано – и информационных технологий зародилось движение трансгуманизма, претендующего на статус нового философского мировоззрения. В своих проектах трансгуманизм ратует за изменение и совершенствование природы человека, продолжение эволюции Homo sapiens. В результате трансформации человеческой телесности с помощью генной инженерии и нанотехнологий прогнозируется появление новой постчеловеческой фазы в эволюции человеческого вида, на которой люди будут обладать новыми физическими, психическими и интеллектуальным возможностями и смогут в перспективе стать бессмертными. Многие идеи трансгуманистов оцениваются как утопические и даже опасные. Однако нельзя не учитывать, что дальнейшее совершенствование конвергирующих технологий является одним из стратегических направлений развития цивилизации. Они формируют новой жизненный мир человека, который требует философской концептуализации в контексте традиций гуманизма. Поэтому в современной культуре необходимо актуализировать философский поиск адекватной оценки влияния новых технологий на человека, природы и сущности человека, границ его эволюции, этических и ценностных параметров современного человеческого существования.

Таким образом, философский дискурс в интеллектуальной культуре цифровой цивилизации, формируя целостную картину мира и гуманистических ориентиров деятельности человека, должен быть ориентирован на преодоление технократической модели мирового развития, проявившей свои недостатки и просчеты.

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ НАУКИ В УСЛОВИЯХ КОГНИТИВНОГО КАПИТАЛИЗМА

Н. К. Кисель

Транзитивный характер социальных процессов на современном этапе цивилизационного развития, демонстрируя свою многоаспектность и полифункциональность, дает о себе знать в развертке самых различных версий социальных практик и в функционировании многочисленных институций. Наука, будучи важнейшим социальным институтом, техногенной цивилизации, не остается вне механизмов его реализации. На повестку дня выносится вопрос о социальном управлении наукой в условиях перехода современной экономики в фазу когнитивного капитализма.

Когнитивный капитализм, приходящий на смену фордизму XX века, в качестве основного источника стоимости и прибыли предполагает знание и тем самым обнаруживает кардинальные отличия от так называемого промышленного капитализма. Развивающаяся экономика знаний

стимулирует интерес не столько к фундаментальным исследованиям, сколько к научным поискам прикладного характера, удовлетворяющим разнообразные потребности современного общества. В условиях когнитивного капитализма особую ценность приобретают нематериальные активы – человеческий капитал, культурный капитал, эмоциональный интеллект – в том числе и научная информация. Современная экономика использует научное знание в качестве нематериального капитала. Тем самым наука не просто осуществляет свою индустриально-производственную функцию, а оказывается важнейшим элементом экономической системы.

Не случайно, что методологическое сознание демонстрирует заинтересованное обращение к разным ипостасям науки в жизни современного общества, начиная от обновления ее содержания, методологического инструментария и организационных форм до ценностного измерения науки, механизмов ее моральной регуляции, конфигурации и содержания этоса научного сообщества.

Ценностная нагруженность научных исследований, консолидация научного сообщества на основе моральных императивов во всей полноте были проблематизированы применительно к постнеклассической науке. Однако подходы к их исследованию можно отнести и к более ранним этапам развития науки. Отсутствие кодификации этоса науки не исключало, как считал Р. Мертон, выведение его из морального консенсуса ученых, находящего свое выражение в обычной научной практике профессионального сообщества, «в бесчисленных произведениях научного духа и в моральном негодовании, направленном на нарушения этого этоса» [1, с. 769].

На сегодняшний день в условиях когнитивного капитализма идет становление и стремительное развитие новых знаниевых практик в науке. В контексте традиционного философско-методологического подхода к анализу исторического развития научных знаний нынешний этап их эволюции по-прежнему именуется постнеклассической наукой. В последние десятилетия XX века это позволило выявить факторы социокультурной детерминации научного познания и осуществить плодотворную реконструкцию его исторического развития. Эвристика данного подхода к исследованию научного познания неоспорима и по-прежнему играет значимую роль в осуществлении философско-методологического анализа современных научных исследований.

Вместе с тем реконструкция исторической динамики науки не только не исключает, но и предполагает рассмотрение изменяющихся функций науки как важнейшего социального института, анализ существенных трансформаций связи науки с запросами общества, исследование новых форм ее организации. Данный аспект историко-научных исследований носит явно выраженный междисциплинарный характер. Традиционный

философско-методологический анализ смыкается с аксиологией, социологией, культурологией знания и ассоциируется с так называемой «постакадемической наукой». При этом в экстерналистской транскрипции развивающегося научного познания обнаруживается существенный сдвиг от ее историко-теоретической версии к версии историко-социологической. Разворачивающийся во второй половине XX столетия новый, постакадемический этап в развитии науки символизирует собой не только ее функционирование в качестве особой конфигурации духовной жизни общества, но и стремительное превращение в сферу духовного производства.

Наряду с академической и университетской наукой стремительно набирает темпы развития производственный сектор науки, представленный чаще всего исследовательскими подразделениями предприятий, корпораций, резидентами кластеров науки. Рождающаяся постакадемическая наука демонстрирует нацеленность на решение практических задач, усиливающуюся значимость прикладных исследований, обеспечивающую растущую эффективность в функционировании разнообразных производственных циклов.

Становление и развитие постакадемической науки происходит под воздействием ряда причин, как внутреннего, так и внешнего характера. К ним, прежде всего, следует отнести необходимость исследования сложных, порой человекоразмерных систем, что влечет за собой трансформацию методологических регулятивов, в частности, утверждение междисциплинарных и трансдисциплинарных трендов в осуществлении научного поиска.

Постакадемическая наука (и в том числе технонаука) отличается присущей ей ориентацией на потребителя, о чем свидетельствуют программные инновации, отталкивающиеся от кастомизации инновационных научно-технических продуктов, выпускаемых на широкий рынок. Своеобразную «человекоразмерность» демонстрируют, например, коммуникационные и биомедицинские технологии. Человеческий индивид как массовый потребитель, наряду с инвестиционным капиталом, выступает мотивирующим фактором в развертке современной стадии научно-технического прогресса, определяет его лицо.

Поэтому формирующаяся в условиях когнитивного капитализма постакадемическая наука демонстрирует ряд существенных трансформаций как содержательного, так и институционального характера. К ним следует отнести коммерциализацию науки, новые социальные статусы субъекта современного научного исследования, инновационный характер взаимодействия науки и социальной практики, метаморфозы этоса науки.

Коммерциализирующаяся наука, необходимость привлечения огромных средств для ее успешного развития, ставят под вопрос свободу

интеллектуального творчества ученых. Свобода поиска исследователей оказывается перед лицом реальной угрозы, а это ведет к деструкции процесса саморазвития профессионального научного сообщества.

Сегодня этос научного сообщества демонстрирует определенную дивергенцию. С одной стороны, фундаментальные исследования если не демонстрируют высокие темпы развития, то и не исчезают из поля зрения, в частности, трансформируясь в базисные исследования современной технонауки. К тому же не теряет своей актуальности проблема социальной ответственности науки. Эти обстоятельства инициируют востребованность моральных императивов, зафиксированных в этических нормах, сформулированных Р. Мертоном.

С другой стороны, коммерциализация науки в условиях когнитивного капитализма влечет за собой их дискредитацию без наличествующих на сегодняшний день конструктивных подходов к выдвижению новых нормативов, регламентирующих профессиональную деятельность в науке. Ведь следование этическим нормам само по себе не обеспечивает эффективности научного поиска, а обретение коммуникативной целостности научного сообщества благодаря опоре на этос науки остается проблематичным процессом. Тем не менее, критическая зависимость многих современных практик от манипуляций с разнообразными человекоразмерными системами вновь и вновь ставит вопрос о расширении сферы действия норм и регулятивов, а, следовательно, и о дальнейших содержательных трансформациях этоса современной науки.

Таким образом, интенсивно развивающаяся в условиях когнитивного капитализма постакадемическая наука наглядно демонстрирует как изменения содержательного характера, появление новых форм научного знания, так и значимые изменения роли науки в жизни общества, влекущие за собой метаморфозы научного этоса. Современная наука обнаруживает способность к глубинным трансформациям, что, в свою очередь, делает ее своеобразным эталоном для разнообразных инновационных процессов в жизни общества нового тысячелетия.

Литература и источники

1. Мертон, Р. Амбивалентность ученого / Р. Мертон. – М., 2006.

НООНАУКИ О БУДУЩЕМ БЕЗ ПАНДЕМИЙ И КОЛЛАПСОВ

К. В. Корсак, Ю. К. Корсак

Нашей целью является изложение доказательств возможности организации ноосимбиоза современного человечества и всей среды его пребывания, а также оценка затрат, необходимых для создания средств

ликвидации опасности не только эпидемий и пандемий, но и многочисленных коллапсов – экологического, духовно-интеллектуального и других. Мы используем факт появления в потоке нанотехнологий первых экологически идеальных процессов, позволяющих человеку получать необходимое для своего существования и одновременно излечивать биосферу от всех накопившихся ран.

Эти процессы мы предлагаем именовать *ноотехнологиями* (nootechnologies), ввести седьмой технологический уклад и применять особое законодательство для выявления новых ноотехнологий и замены ими всех существующих. В процессе постоянного мониторинга научных открытий и технологических достижений в 2000 году первый автор обратил внимание на безвредные для биосферы процессы нанофотокатализации и получения разлагаемых пластиков при помощи особых бактерий. Но наши статьи и книги на темы экологии, использовавшие этот факт, не привлекли внимания научного мира. Многие коллеги вообще не верили в возможность производства чего-либо без загрязнения биосферы. Лишь с 2010 года после изобретения указанного выше удачного названия идея ноотехнологий и ноонаук начала свое спонтанное распространение. Тогда существовали и даже слегка применялись всего лишь четыре ноотехнологии:

«1) создание из биологических отходов с использованием специфических бактерий пластических масс с нормальными механическими свойствами, которые достаточно быстро саморазлагаются в окружающей среде.

2) трансформация с помощью дешевых фотокатализационных соединений обычного поглощения света в эффективное биообеззараживание поверхностей тел и воздуха в помещениях.

3) формирование дисплейных и других органических пленок с помощью управления изменениями вирусов и подобных наноструктур.

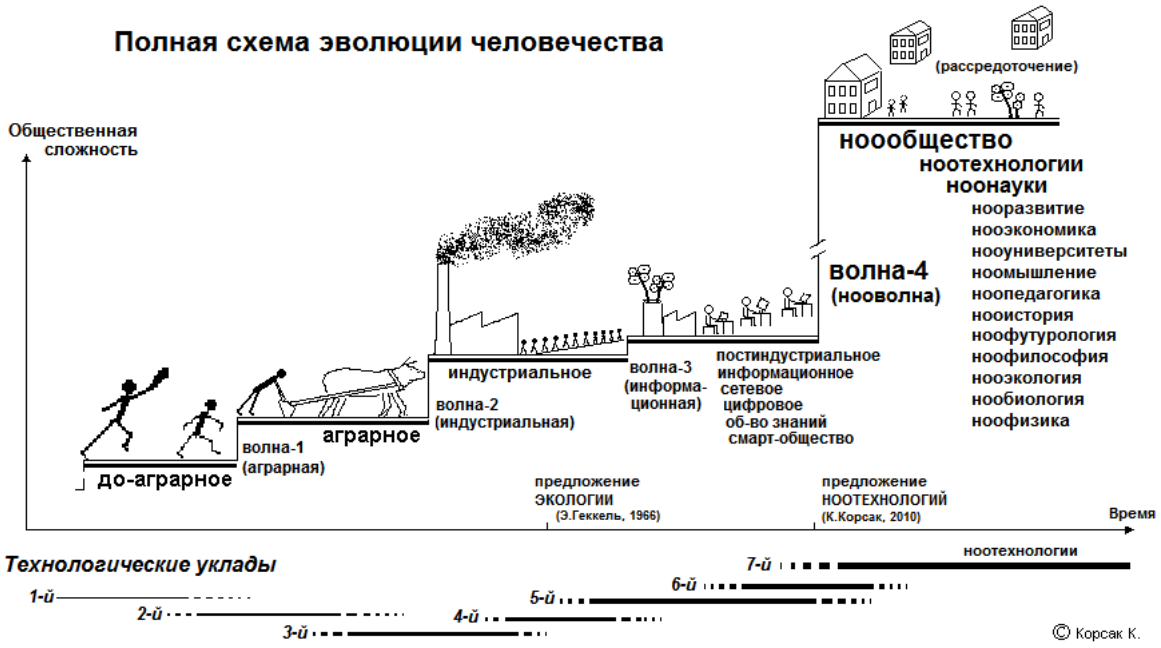
4) преобразования путем использования жизнедеятельности бактерий слоя песка в прочный песчаник, применимый в строительстве» [1, с. 22].

Продолжение исследований в ноонаправлении имело следствием предложение новых производственных и гуманитарных ноотехнологий и десятков ноонаук (мы получили авторское свидетельство на 225 новых ноотерминов). Это стало прочной основой нового взгляда на современное состояние популяции *Homo* и позволило провести анализ футурологических предсказаний зарубежных и украинских ученых. Стало очевидным, что прежние прогнозы ошибочны все без исключения, т. к. их авторы не заметили появления ноотехнологий и были убеждены в неминуемости коллапсов и пандемий в процессе роста населения Земли. Все свои надежды они связывали только с изменением поведения людей, с отказом от накопления благ, регулируемой демографией, экологическим

воспитанием и т. д., и т. п.

При помощи несложной инфографики предложим читателям лаконичное представление наших нооткрытий и прогноз будущего.

Рисунок 1. Волновая модель
технологической эволюции человечества



При общении со студентами мы вначале применили вариант рис. 1 с тремя ступеньками, опираясь на предложение американского социолога и футуролога Э. Тоффлера (1928–2016) воспроизводить эволюцию человечества моделью трех цивилизационных волн со сменой четырех обществ. Он считал самой главной третью волну. Ученые мира поддержали модель без критики и предложили для общества № 4 много названий. Но мы не встретили сравнений волн и указания на то, что волна № 3 намного меньше первых двух, радикально изменивших основы всего жизнеобеспечения людей. Она сохранила индустриализм, а производство осталось разрушительным для биосферы. Даже смарт-технологии являются опасными и загрязняющими, лишь слегка замедляя приход экологического и прочих коллапсов.

На рис. 1 указано, что еще в 1866 году профессор из Германии Э. Геккель ввел термины «экология» и «экологические науки». Его призывы были проигнорированы почти на столетие. Лишь после серии больших индустриальных катастроф человечество начало изучать угрозы, искать средства защиты биосферы и вводить экологическое образование.

Мы повторяем путь Э. Геккеля во всех деталях, ведь предлагаемые нами экологически идеальные ноотехнологии вместе со многими десятками ноонаук остаются малоизвестными. Даже сейчас они не стали средством борьбы с пандемиями и разнообразными коллапсами. Статьи с

ноотерминами с трудом удавалось опубликовать в Украине и России, а все прочие мировые издания или требовали от нас 3–5 тысяч евро, или вообще не реагировали на наши тексты. Наше предложение учесть появление и перспективы ноотехнологий и ноонаук полностью проигнорировали организаторы третьего мирового экологического форума в Рио-де-Жанейро в 2012 году.

В данный момент наши надежды связаны с провозглашением мирового проекта «Plan S», ориентированного на быструю оценку и применение всех научных достижений, имеющих новизну и перспективы в спасении человечества от эпидемий, пандемий и коллапсов. Уже в январе 2021 года мы пошлем в «Plan S» созданные нами на английском и других языках материалы по многим ноонаукам.

Добавим к этому предупреждение о начале радикального пересмотра парадигмы деятельности всей мировой научно-образовательной сферы. В последних своих статьях мы указали на то, что военно-оборонная парадигма Нового времени, приведшая людей к ежегодным тратам двух с половиной тысяч миллиардов долларов США на новые средства самоуничтожения, имеет все шансы стать антицивилизационной и уступить место новой парадигме, ориентированной на экозащиту человечества (первый звоночек – появление весной этого года нового *The Times Higher Education Impact Rankings* 2020).

В заключение изложим наш проект защиты от новых пандемий. Его идея почти очевидна. Всем известно, что для остановки волны заболеваний в ее зародыше требуется тотальная изоляция семей и малых групп людей на карантинные 2–4 недели. Совершенно необходимо предоставить каждой группе автономный источник электрической и тепловой энергии, средства получения и очистки воды, устройства для производства еды и основного необходимого из веществ окружающей среды.

Полному решению первой задачи сейчас препятствует прежнее невнимание к литию и прочим аккумуляторам (дешевые нанопленочные фотоэлементы уже можно производить почти без ограничений). Но в этой области трудятся множество специалистов, поэтому успех придет обязательно.

Есть много вариантов устройств для получения питьевой воды из соленой или загрязненной, а также для улавливания ее непосредственно из воздуха. При массовом тиражировании их цена значительно снизится. Для решения третьей задачи возможности растут буквально ежедневно, ведь в сфере «аддитивных технологий» прогресс неостановим и создаются уникальные 3D-принтеры.

Первые подсчеты современной стоимости карантинного комплекта привели нас к цифре 100 000 $. Учет возможных достижений в нескольких эмбриональных областях позволяет надеяться на 25 000 $ в 2025 году и всего лишь 5 000 $ в 2030 году. Для миллиарда мини-групп это означает

стартовые затраты в два-три годовых мировых военных бюджета. Полезно не терять из виду, что карантинные комплекты навсегда устранят проблему голода и *почти* ликвидируют опасность прихода экологического коллапса.

Мы вынуждены были применить слово «*почти*», так как низко оцениваем способность современных людей достаточно мудро действовать в изображенном нами в правой части рис. 1 «ноотехнологическом раю». Причиной скептицизма считаем почти сотню видовых недостатков поведения и мышления, унаследованных от сотен тысяч предшествовавших поколений [2]. Раньше доминировала адаптация к выживанию в крайне опасной среде, поэтому количество положительных черт едва ли превышает дюжину. Именно поэтому редкостью остается способность к критическому и стратегическому мышлению, столь слаба сопротивляемость эффекту Лачинса и т. д.

Но хочется верить в лучшее, в интегральную способность людей в очередной раз пройти точку бифуркации и не присоединиться к десяткам миллионов видов, оставивших после себя панцири, косточки или просто атомы. Для этого мы продолжаем свои нооисследования, распространяем информацию о чудо-ноотехнологиях и призываем всех совершенствовать свое ноомышление и поддерживать ноонауки и ноотехнологии.

Литература и источники

1. Корсак, К. В. Нооекономіка (4-та хвиля) – шлях сталого розвитку людства у XXI столітті / К. В. Корсак // Економіст. – 2011. – № 1. – С. 20–23

2. Флешли, Т. Энциклопедия пороков: оправдание изъянов и слабостей человеческой натуры / Т. Флешли. – К.: Наук. думка, 1996.

РОЛЬ ВЕЛИКИХ РЕВОЛЮЦИЙ В РАЗВИТИИ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А. В. Кузнецов, В. В. Кузнецов

Среди всех трансформационных процессов и революционных преобразований, которые начались в Европе в XVI веке (так называемые ранние буржуазные революции) и впоследствии охватили весь мир, можно выделить те революции, которые уже в период их свершения получили название «Великих». Это название по праву заслуживают и Великая английская революция (1640), и Великая французская революция (1789), и Великая Октябрьская социалистическая революция (1917), поскольку в ходе их свершения, с одной стороны, решались те проблемы, которые были обусловлены социально-политическими противоречиями своего времени, а с другой – в процессе радикализации этих революций выявлялись новые проблемы и предлагались такие их решения, которые

впоследствии станут актуальными для всего человечества.

Так Великая английская революция началась как процесс углубления и радикализации протестантской реформации в Англии. Недаром все революционные партии английской революции одновременно были сектами протестантской реформации (пресвитериане, индепенденты, левеллеры, диггеры) и боролись против господства англиканской церкви, которая идеологически оправдывала абсолютизм. При этом очень скоро этот процесс в ходе ожесточенной гражданской войны в Англии превратился в политическую революцию. А уже в процессе этой революции была ликвидирована монархия и король Карл I был казнен. В Англии утвердился тот политический режим, который с определенными изменениями существует и по сей день и который доминирует во всех странах так называемой либеральной демократии (разделение властей, доминирование законодательной власти над исполнительной, права человека как основа социальных отношений и т. п.). Поскольку во всех других европейских государствах в XVII–XVIII вв. доминировал абсолютизм, Англия долгое время была примером освобождения европейских стран от абсолютизма и утверждения буржуазного правового государства.

Поэтому начавшаяся революция во Франции прежде всего ставила во главу угла политическое преобразование французской монархии по примеру английской. Тем не менее радикализация французской революции вследствие сопротивления привилегированных сословий революционным преобразованиям, а также начавшаяся война против абсолютистской Европы привели к тому, что в процессе этой революции были поставлены социальные проблемы, т. е. проблемы не только политического равенства всех членов общества, как это зафиксировано в «Декларации прав человека и гражданина», но и социального равенства. Поэтому именно во Франции в 1871 г. произошла первая в истории пролетарская революция, – Парижская коммуна, – которая, по словам К. Маркса, поставила вопрос о социалистических преобразованиях общества.

Великая Октябрьская социалистическая революция в России была ответом на этот вопрос. При этом территория России в период свершения этой революции представляла собой одну шестую часть суши земного шара и объединяла народы, находящиеся на разных ступенях общественного развития. Российское государство включала в себя Прибалтику, часть Польши, районы Санкт-Петербурга, Москвы, Донбасса, в которых очень быстро развивались крупная промышленность и буржуазные общественные отношения, периферийные провинции (например, Белоруссия, Закавказье и др.), только начинающие развиваться по капиталистическому пути, народы Средней Азии, которые практически жили в условиях феодального общества и даже рабовладения, а также народы Крайнего Севера, живущие еще в условиях архаического, родового

общества. Другими словами, Россия в то время была уменьшенной моделью всего человечества, составные части которого и поныне находятся на разных ступенях общественного развития.

Поэтому строительство социализма в России требовало не только уничтожения на ее территории формального неравенства между народами (неравенства в юридических правах представителей различных национальностей, отсутствия обучения на родном языке, пренебрежения культурными особенностями народов и т. п.), но и преодоления фактического неравенства в области социально-экономического развития этих народов.

Примером решения этой проблемы является история БССР. Решительный поворот в развитии Беларуси произошел в период существования СССР. Именно в этот период времени Беларусь из довольно отсталой периферийной провинции в составе периферийных империй (Речи Посполитой и Российской империи) превратилась в индустриальную, очень быстро развивающуюся (недаром БССР называли «сборочным цехом» и «силиконовой долиной» всего Советского Союза) республику СССР.

Даже противники советского строя признают, что в 1960–1970-х гг. в СССР этнические различия между людьми чаще всего не оказывали никакого влияния на положение человека в обществе. Крупные промышленные объекты строились на окраинах тогдашнего Советского Союза. Уровень материального благосостояния отдельных регионов СССР был приблизительно одинаков. Например, средняя заработная плата в Эстонии как самой зажиточной республике по сравнению с Таджикистаном отличалась не в разы, как сегодня, а на 5–10 процентов.

В экономическом отношении СССР являлся второй страной в мире. В целом была преодолена по отношению к центру социально-экономическая отсталость республик Средней Азии и Закавказья, сформировались некоторые черты новой социальной общности людей – советского народа.

Поэтому распад СССР очень быстро привел к социально-экономической деградации этих регионов (особенно Среднюю Азию, Грузию, Армению, Молдавию, Украину и др.).

На наш взгляд, решение вопроса фактического неравенства между народами и странами, когда за счет наиболее развитых стран быстрее всех развиваются страны, отставшие в своем социально-экономическом развитии по тем или иным причинам, – примером которого является история Советского Союза, созданного в результате Великой Октябрьской Социалистической революции, – определяет главное условие выхода из кризиса современной капиталистической техногенной цивилизации.

С точки зрения одного из крупнейших футурологов Э. Ласло, современное человечество находится в точке бифуркации: «При такой

бифуркации к системе относительно стабильных "точек" и "периодических" аттракторов присоединяются "хаотические", или "странные" аттракторы. Последние появляются внезапно, как говорят специалисты по теории хаоса – "как гром среди ясного неба". Новые аттракторы вынуждают систему перейти в сверхчувствительное состояние – состояние хаоса. Хаотическое состояние – неупорядоченное, случайное состояние, обладающее тем свойством, что даже неизмеримо малые флуктуации вызывают измеримые макроскопические эффекты. … Исход "хаотического скачка" бифуркации первоначально не предрешен. Выбор из широкого ассортимента возможных альтернатив в конечном счете решается природой "флуктуации", происходящих либо внутри системы, либо в окружающей ее среде. В человеческих обществах такими флуктуациями можно сознательно управлять» [1, с. 21–22].

Пандемия короновируса еще больше обнажила хаотические черты кризиса современной техногенной цивилизации: социальный эгоизм великих стран либеральной «демократии», выхватывающих у слабых и бедных стран средства защиты от короновируса; провал национальных систем здравоохранения, превращенных из общественного блага в рыночную услугу; варваризация огромных масс населения так называемых цивилизованных государств.

Таким образом, весь мир стоит перед альтернативой: или продолжать инерцию капиталистического техногенного развития, которое приведет к неизбежной глобальной катастрофе, ничего не меняя в социально-экономических отношениях современного глобального капитализма, или радикально изменить эти отношения на принципах современного социализма, и тем самым открыть новую страницу мировой истории, т. е. ноосферный этап развития человечества, о котором говорил В. И. Вернадский.

Для Республики Беларусь это означает бороться за равноправные социально-экономические отношения с более крупными государствами Запада и Востока, а также за социализм как в области межгосударственных отношений, так и в вопросах внутренней политики.

Литература и источники

1. Ласло, Э. Макросдвиг: К устойчивости мира курсом перемен / Э. Ласло; предисл. А. Ч. Кларка, пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Тайдекс Ко, 2004. – 208 с.

ФЕНОМЕН ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. В. Кузнецова

Проблема тождественности человека всегда находилась в центре внимания исследователей. В настоящее время, когда происходят социальные потрясения, отвергаются духовные ценности, разрушаются нравственные идеалы, подвергаются трансформации те традиционные основания, на которых базировалась в течение ряда десятилетий и столетий идентификация личности. Информационное общество требует новых подходов в осмыслении проблемы идентичности личности, что обусловлено происходящими политическими, экономическими и социокультурными процессами.

В основе многих футурологических концепций формирования и развития информационной цивилизации лежат, как правило, технологические изменения в сфере средств коммуникации, учитывается создание новых форм и систем массового общения. Г. Маркузе характеризует нынешнее общество, сложившееся на основе технического прогресса, как «одномерное», утратившее «второе измерение». Отсюда термин «одномерный человек» – потребитель, стремящийся к удовлетворению лишь своих потребительских желаний [1, с. 148]. Быстротечность (фрагментарность, мозаичность) – еще один ключевой признак в определении цивилизации «третьей волны». Мы стремительно рвем с ценностями прошлого, отказываемся от прежнего образа мыслей, чувств. Растет психологическая, культурная, социальная пропасть, разделяющая разные поколения. Между тем, полный отказ от прошлого может поставить под вопрос способность современного человека адаптироваться, а, следовательно, выживать в новых цивилизационных условиях.

Все происходящее особым образом формирует, складывает, конструирует идентичность человека, живущего в период информационного общества. Многие современные философы вводят такие термины, как «фрагментарная идентичность», «нулевая идентичность», «постидентичность», «рассыпанная идентичность» (Г. Салливан, Э. Эриксон, Э. Фромм, П. Рикер, П. Гуревич). Говоря об идентичности современной личности, едва ли мы можем говорить об этом феномене как о чем-то устойчивом и постоянном.

Современный персонализм, развивающийся в перспективе антропологического дискурса и диалога, особенно выделяет тот аспект, что человек может стать личностью только благодаря опыту общения с другой личностью. Существовать для современной личности – значит быть с другими. Личность существует только в своем устремлении к другому,

познает себя через другого и обретает себя, свою идентичность только в другом, потому что этот другой меня персонифицирует, другой меня узнает. Поэтому идентификация современной личности – это результат коммуникативного взаимодействия (М. Бахтин, М. Бубер, Ю. Хабермас). Идентичность – это поиск себя и конструирование себя в своем социальном окружении [2, с. 110]. Только во взаимодействии со средой, через общение с другими людьми, в диалоге человек осознает себя в полной мере и приобретает свои личностные, индивидуальные характеристики. Диалог у М. Бубера означает, что мы можем обращаться к чему бы то ни было и к кому бы то ни было, как к Ты, как обращаются к личности, к собеседнику, другу, к единственному в мире и неповторимому [3, с. 97]. Объект фактически перестает быть таковым и становится тоже субъектом – равноправным партнером и собеседником в диалоге. И идентификация личности происходит только в диалоге, но не просто через общение с другим, а когда этот «другой» становится тобой, то есть происходит некая рефлексия.

Г. П. Щедровицкий не случайно считает, что самоопределение есть самый важный акт для всякого человека в его жизни. Он пишет: «Если обстоятельства складываются таким образом, что самоопределения не происходит, то человек не становится» [4, с. 58–59]. Другие исследователи проблемы идентичности обращают внимание на те или иные социальные роли, которые личность исполняет в социуме по своему выбору или под давлением общественных норм и институтов. Люди зачастую скрывают свою истинную сущность. Люди живут, играя – такова точка зрения И. Гофмана [5, с. 198]. В потребительском обществе, утверждает П. Стросон, субъект производит себя как объект экономического спроса. И личность подвергается дроблению и сакрализации. Вместо искомого постоянства индивид вынужден соответствовать общественной конъюнктуре [6, с. 189]. То есть зачастую в современных философских теориях социум выступает как разрушающий личность фактор, но при этом ее становление собственно личностью, идентификация происходит только благодаря актам социально-коммуникативного взаимодействия.

Глобальная сеть Интернет, интеграция экономических и социокультурных взаимоотношений, трансформация форм и содержания средств массовой коммуникации ведут к появлению совершенно новых форм идентичности личности. К таковым мы можем отнести виртуальную идентичность. Виртуальная идентичность – это попытка преодолеть отчуждение и одиночество человека эпохи индустриализма. Данный тип идентичности предоставляет личности, на первый взгляд, безусловную свободу, в первую очередь, свободу выбора. Если в реальной жизни человек зачастую не может в силу ряда причин (социальные нормы, религиозные предрассудки, культурные традиции) реализовать какие-то свои желания и потребности, то виртуальная реальность такие

возможности ему дает. Но здесь присутствует опасность создания ложной идентичности или псевдоидентичности. Во-первых, в сети Интернет человек предстает чисто символически, только через тексты, иллюстрации, фрагменты, раскрывающие его сущность, с его точки зрения. То есть определить подлинную идентичность в данном случае весьма затруднительно. Во-вторых, выбор ролей, «масок», в которых личность предстает в виртуальной реальности, может расширяться до бесконечности. С одной стороны, пользователь сети многолик, с другой – он никто, «человек без свойств» (Р. Музиль). Широкий выбор ролей обесценивает выбор субъекта, в конечном счете такой выбор случаен, он не имеет смысла. В-третьих, человек в информационной цивилизации оказывается слишком привязанным к компьютеру, машине. Испытывая трудности при взаимодействии в социуме, он пытается решить эти проблемы в виртуальном пространстве. Ему кажется, что машина – это его «друг», она его «понимает». На самом деле, это иллюзия, заблуждение, которые может привести к жесточайшему разочарованию и даже к психическому заболеванию, когда человек окончательно «потеряется» и в реальном, и в виртуальном пространстве. Виртуальная идентичность в целом оказывается не более, чем иллюзией, фантомом. Она может лишь помочь человеку в конструировании его реальной идентичности, но не должна подменять эту идентичность.

Как мы видим, в эпоху информационной цивилизации личность находится в постоянном поиске себя. Субъект ищет свою расу, нацию, гендер, социально-профессиональное сообщество. Постоянные поиски себя приводят зачастую к обратному результату: человек теряет себя во множестве идентичностей. Социальное взаимодействие личности, его участие в коммуникативно-дискурсивном обмене, способность к рефлексии, а также пребывание в знаково-коммуникативной среде следует считать основаниями для формирования или конструирования идентичности на данном историческом отрезке. Проблема идентичности не просто актуальна на современном историческом отрезке, но в контексте реализуемых политических, экономических, социокультурных процессов требует нового прочтения.

Литература и источники

1. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – Минск: Харвест, 2003.

2. Хабермас, Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2001.

3. Buber, M. Two types of faith / M. Buber. – Syracuse, N. Y.: Syracuse University Press, 2003.

4. Щедровицкий, Г. П. На досках. Публичные лекции по философии / Г. П. Щедровицкий. – М.: Изд-во Шк. Культ.полит., 2004.

5. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2000.

6. Стросон, П. Ф. Индивиды. Опыт дескрептивной метафизаки / П. Ф. Стросон. – М.: Рацио, 2009.

КОНЦЕПТ НАБЛЮДАТЕЛЯ И «ТЕХНИКИ ВИДЕНИЯ» В ВИЗУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

С. Р. Курохтина

В русле современной социальной философии визуальность является образованием, проявляющим свойства «познекапиталистического» (Ф. Джеймисон), «электронного» (М. Маклюэн), «постиндустриального» (Э. Тоффлер, Д. Белл) типов общества. Манифестация современного культурного пространства происходит через процесс визуализации, посредством видео-действий, видео-картинок. По мнению Ф. Джеймисона, визуализация является «культурной доминантой новой социальной и экономической конъюнктуры» [1, с. 197].

Визуально-образная проблематика и ее концептуальное оформление стало эффектом «иконического поворота» («iconic turn») или «пикториального поворота» («pictorial turn») [2]. Насыщенность пространства визуальными образами является поводом для описания современности как «цивилизации образа» (П. Вирилио), начиная от повседневного мира человека, заканчивая научным миром, в котором актуализируются визуальные дисциплины различного толка.

Рассмотрим фигуру наблюдателя или воспринимающего объекта в русле визуальных исследований, а также выявим основные проблемы, связанные со способностями зрителя. Отношение к наблюдателю как к реципиенту визуальности восходит к работам по истории искусства и культурным исследованиям, однако, новое понимание зрителя в визуальных исследованиях расширяется за счет перехода от рассмотрения визуальных артефактов как продуктов высокой культуры к рассмотрению широкого спектра явлений. Исследование неоднородного поля визуальных объектов и их рецепции предполагало применение особых практик смотрения. На начальном этапе визуальной культуры (до конца 1990-х г.: Мартин Джей, Джонатан Крэри, Джон Берджер, Лиза Картрайт) в исследованиях визуальности акцентировалось внимание на зрении в качестве основной способности субъекта воспринимать визуальные артефакты и смыслы, которые они несут. Социально-критический анализ видения и визуальности демонстрирует нам существование различных типов «взгляда», скопических режимов [3], «техник взгляда», инструментов объективации [4].

Наблюдатель – это субъект в теоретических построениях такой

специфической области гуманитарного знания как визуальные исследования. Наблюдающий субъект рассматривается одновременно в качестве реципиента, воспринимающего зрителя и участника коммуникации. Он выступает субъектом различных культурных практик: посетителем пространства музея, кинотеатра, выставки, потребителем визуального контента, или же фланером.

Концепт наблюдателя в современных визуальных исследованиях рассматривается критически и несет в себе пафос эмансипации: воспринимающий субъект считается обладающим характеристикой «пассивности», и, как следствие, нуждающимся в освобождении от завораживающего его зрелища. Критический настрой визуальных исследований инициирован марксистской философией, которая стояла у истоков культурных изысканий, из которых в свою очередь развилась визуальная культура. Помимо марксистской критики визуального, существуют и гендерные, и постколониальные критические исследования взгляда и наблюдения, этим и объясняется эмансипаторный дух, которым дышат исследования визуального. Вследствие этого, визуальность и визуальные образы с данной критической позиции воспринимаются в качестве артефактов, которые лишены самостоятельности, они представляются субстратами, несущими идеологическую нагрузку, которая нуждается в разоблачении. Несмотря на то, что визуальные исследования избавились от ориентации на марксистские установки, концепция наблюдателя и зрителя все же остается под влиянием такого подхода [5, с. 2]. Визуальность и наблюдатель в итоге нарекаются детерминированными внешними установками, от которых он должен быть освобожден, фигура наблюдателя рассматривается как пассивная по определению и для того, чтобы перейти в качественно иное состояние активности наблюдателю необходимо стать актором, но не зрителем.

Следствием тенденций критики концепции пассивного наблюдателя является множественные исследования, реабилитирующие воспринимающего субъекта. Для того чтобы определить социальные и культурные импликации эмансипированного наблюдателя, а также рассмотреть способы, с помощью которых визуальные исследования описывают перцептивные способности зрителя, обратимся к следующим проблемам.

Во-первых, активность наблюдателя тесно связана с процедурой распознавания, с противопоставлением знания и незнания. П. Кроутером отмечается, что визуальные исследования часто делают акцент на том, как субъект распознает визуальные репрезентации, в процессе чего происходит редукция визуального образа к источнику информации [6, с. 35]. Взамен он предлагает ввести концепт пикториального пространства, которое для воспринимающего субъекта обладает свойствами интерпретативности и модальной пластичности.

Во-вторых, смену ракурса в изучении фигуры наблюдателя в визуальных исследованиях 2000-х годов показывают работы М. Штуркен и Л. Картрайт. «Взгляд и изображение» рассматриваются ими как множество, разнообразие взглядов, не имеющее деления на мужское и женское, но обладающее направленностью на объективацию субъекта. Настройка на плюралистическую оптику позволяет М. Штуркен и Л. Картрайт говорить о том, что разные виды взгляда соотносимы с властью по-разному [7, с. 86]. Концепт зрителя как пассивного, воспринимающего сменился на концепт зрителя-производителя и реципиента визуальных систем репрезентации для интерпретации осмысления условий своего бытия. Исследователи выдвигают мысль о том, что общество наблюдателей конструирует идеологическую самость через систему визуальных репрезентаций, в различной степени участвуя в создании окружающего визуального пространства. Интерпретация визуальных содержаний задана практиками смотрения, которые являются совокупностью навыков, способностей наблюдателя, его социального положения, таким образом, значение визуального образа создается в момент потребления изображения.

Следующая проблема, касающаяся фигуры наблюдателя – это визуальная грамотность. Множество значений, которые несут визуальные артефакты, толкает исследователей визуального к рассмотрению вопросов о визуальной грамотности общества наблюдателей. Так, одной из задач визуальных исследований является предоставление «зрителям, гражданам и потребителям инструментов для лучшего понимания того, как визуальные медиа помогают нам осмыслить наше общество» [7, с. 3]. Визуальные исследования рассматривают концепцию визуальной грамотности с разных позиций, однако, общим основанием для них является установка на стимуляцию активности зрителя в современной социокультурной и исторической ситуации, когда визуальные образы имеют характер неоднородности, многочисленности и многообразности. Знание предыдущих эпох предполагало понимание визуальной грамотности только в аспекте распознавания произведений искусства.

Развиваясь, визуальная культура поставила новые вопросы относительно зрения, визуальности, а также фигуры воспринимающего субъекта. Стоит отметить, что главной тенденцией среди исследователей концепта наблюдателя является процесс эмансипации, толкающий к освобождению субъекта из-под власти зрелища. Проблемы, которые ставят визуальные исследователи следующие: П. Кроутер предлагает ввести концепцию пикториального пространства в рамках которого происходит активация зрителя. М. Штуркен и Л. Картрайт говорят о разнообразии взглядов, также поднимая вопрос относительно визуальной грамотности. Таким образом, визуальные исследователи настроены сотериологически, их желание состоит в разоблачении, интерпретации и критике идеологии,

содержащейся в любой визуальности.

Литература и источники

1. Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.

2. Инишев, И. Н. «Иконический поворот» в теориях культуры и общества // Логос. – 2012. – Т. 85, № 1.

3. Jay, M. Vision and Visuality / M. Jay, H. Foster. – Seattle: Bay Press, 1988.

4. Крэри, Дж. Техники наблюдателя. – УЛС Пресс, 2014.

5. Элкинс, Дж. Исследуя визуальный мир. – Вильнюс: ЕГУ, 2010.

6. Crowther, P. Phenomenology of the visual arts (even the frame). – Stanford University Press, 2009.

7. Sturken, M. Practices Of Looking: An Introduction to Visual Culture / M. Sturken, L. Cartwright. – Oxford: Oxford University Press, 2001.

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОЙ ПОЛИТИКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. А. Лазаревич

Современную эпоху в силу ряда причин называют информационной. Ключевым понятием в данном случае является понятие информации, хотя речь идет не только о ней, а в первую очередь о научных званиях, что и позволило назвать окружающую нас социальную действительность обществом, основанным на знании. Именно фундаментальные теоретические знания, возможность их интенсивного производства и мобильного использования на основе новейших информационно-коммуникационных технологий определяют прогресс в образовании, научно-технологическом, экономическом и социально-культурном развитии. В связи с этим чрезвычайно важное значение приобретают разработки эвристических моделей взаимосвязи науки и общества, которые бы раскрывали закономерности изменений, происходящих как в науке, так и в обществе, и служили бы нормативно-методологическим основанием выработки стратегических направлений развития научной и социально-экономической политики.

Наука всегда находится в определенном социально-культурном и экономическом пространстве, которое, с одной стороны, ждет от науки эффективных рецептов своего развития, а с другой стороны, определяет значение и возможности самой науки. В целом такая причинно-следственная линия взаимосвязи науки и общества и обусловливает то, что принято называть научной политикой.

Современную трансформацию социально-экономического, научно-технологического и культурно-образовательного пространства понимают

как эпоху цифровой трансформации или становления информационного общества (общества, основанного на знании). В информационном обществе наука и научные знания рассматриваются в качестве важнейшего фактора культурно-образовательного, экономического и социального развития. При этом, как было отмечено, во внимание принимается в первую очередь новое теоретическое знание, что особым образом актуализирует роль и значение фундаментальной науки, естественно, в ее тесной связи с образовательной и производственно-технологической практикой.

Информация и знания в любых типах общества всегда играли исключительно важную и определяющую роль. Но если научная политика индустриального общества определялась в конечном итоге кумулятивно-экстенсивным типом развития знаний и ориентацией на преимущественно машинное производство и соответствующие технологии, то ценности современной цифровой цивилизации связываются с исключительной мобильностью научного знания и высокими наукоемкими (интеллектуальными) технологиями. И если капитал и труд – главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знания – основа общества постиндустриального. При этом, как считают теоретики постиндустриализма, информация выступает основным производственным ресурсом общества, тогда как знание остается внутренним источником его прогресса [1].

Следует также подчеркнуть принципиально иной характер научно-инновационной политики в постиндустриальную эпоху. Речь идет, во-первых, об ориентациях экономики общества на такие технологии, которые являются результатом быстрого перманентного использования теоретического знания и интенсивного развития фундаментальной науки в целом. Во-вторых, постиндустриальная технология и теоретическое знание представляют собой фактически единое целое.

Данная тенденция свидетельствует о наступлении качественно новой стадии развития не только науки и технологии, но и их взаимодействия как между собой, так и с обществом в целом. Одним из выражений этого является становление нового типа взаимоотношений науки, техники и технологии, который получил название *technoscience* – технонаука. Бельгийский философ Ж. Оттуа, впервые предложивший этот термин в 70-е гг. прошлого столетия для обозначения особенностей современной науки, столь отличной не только от античного идеала чисто теоретического знания, но и от его понимания в индустриальной культуре. Сегодня все чаще и чаще приходится иметь дело со сложной реальностью, которую нельзя больше описать парой наука / технология. По мере прогресса науки и технологий все труднее увидеть различие между прикладным и фундаментальным исследованием, что не может не влиять на прежние схемы формирования научной политики и управления наукой.

Предпосылкой и результатом и того, и другого выступает высокоорганизованное знание, необходимое и фундаментальной науке и практике. Самый очевидный признак технонауки – это существенно более глубокая, чем прежде, встроенность научного познания в деятельность по созданию и продвижению новых технологий. По словам немецкого философа и политолога В. Шефера, «технонаука – это гибрид онаученной технологии и технологизированной науки» (Цит. по: [2, с. 49]).

Принципиально важным здесь является указание на то, что технонаука – это не только теснейшая связь науки и технологии, но и объективно назревший синтез, включающий также человеческие устремления, интересы и ценности. При этом речь идет не просто о новой форме взаимосвязи названных феноменов, но об особом мироустройстве, которое целиком, в своих основаниях, задается и наукой, и техникой, и гуманитарной культурой. Этот объективно назревший синтез формирует контуры *нового пространства научной политики,*

В выработке основополагающих идеологем этого пространства важно исходить из понимания того, что научная деятельность не может сводиться к организации автономного процесса производства знаний, ценность которых задана исключительно их внутренней структурой, а начинает выступать в такой форме человеческой активности, в рамках которой оценивается эффективность не только действий, но и целей. В связи с этим необходимо актуализировать задачи гуманизации и гуманитаризации социальной практики, в том числе и научно-технологической. Неслучайно, в эпицентре современного общественного мнения все чаще оказываются вопросы этики науки, нравственной ответственности ученого за плоды своего труда, вопросы гуманитарно-практической значимости произведенного знания, его роли в развитии образования и культуры, в выработке перспективных моделей социальной динамики.

Многое в структуре этого нового пространства научной политики зависит от факторов эффективной организации и социализации науки. Среди них:

– реализация государственной политики по поддержке и развитию фундаментальных научных исследований;

– четкое понимание природы, ценности и особенностей соотношения / взаимосвязи теоретического и прикладного знания;

– организационная, финансовая, правовая и другая поддержка научных организаций и коллективов, обеспечивающих прирост теоретического знания и инновационную динамику общества;

– дебюрократизация научного процесса;

– создание условий тесной взаимосвязи развития науки, технологий и социального прогресса;

– обеспечение высокого общественного статуса науки и субъекта

науки;

– подготовка специалистов в сфере менеджмента знаний.

Отмеченные факторы, с одной стороны, актуализируют проблему общественного понимания науки, а с другой стороны, в рамках решения этой проблемы получают новые возможности для своей реализации.

Тезисы подготовлены в рамках выполнения проекта Г20ИЗРГ-001 «Национальные модели научной политики как средство развития инновационных систем Беларуси и Израиля».

Литература и источники

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – 788 с.

2. Юдин, Б. Г. Наука в обществе знаний / Б. Г. Юдин // Вопросы философии. – 2010. – № 8.

3. Эпштейн, М. Техника-религия-гуманистика / М. Эпштейн // Вопросы философии. – 2009. – № 12.

4. Глозман, А. Б. Техника, технетика и биоэволюция / А. Б. Глозман // Вестник Моск. у-та. Сер. 7. – № 5. – 2010.

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ В ТЕХНОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Н. А. Лазаревич

В современную техногенную эпоху первостепенное значение приобретает проблема преодоления обостряющихся противоречий между экологорискогенной деятельностью человека и компенсаторными возможностями естественной среды обитания, изучение и разработка эффективных средств ее защиты в целях сохранения здоровья человека и обеспечения качества его жизни.

Воздействие человеческой преобразующей деятельности на природу, основанное на сравнительно минимальной мощности технических средств труда, а также при наличии в природных экосистемах достаточного потенциала компенсаторных восстановительных свойств, изначально не оказывало необратимых негативных воздействий на биосферу и практически не вызывало обеспокоенности общества за ее состояние. По мере все большего включения природы в структуру производительных сил человечества доля естественно-природных элементов биосферы стала уменьшаться. Наука и техника с начала индустриальной революции вносили в этот процесс свой «вклад», заметно ослабляя восстановительные свойства биосферы и, соответственно, углубляя экологический кризис, что естественным образом дестабилизировало основы устойчивого социального развития путем создания «все более изощренных технологий

потребления природных ресурсов» [1, с. 101].

Жизнь человека и человеческого общества, как известно, невозможна без здоровой окружающей природной среды. Человек включен в общую природную эволюцию и подчиняется ее законам, что является основным условием его существования. Очевидно, что интенсивное развитие технической деятельности влияет на те параметры биосферы, которые обеспечивают ее устойчивость. В результате происходят изменения ландшафта (рельефа, активности экзогенных геологических процессов, а также загрязнение территории и почв промышленными и бытовыми отходами, ухудшение состояния растительного и животного мира) и условий среды жизнедеятельности (тепловое и радиационное загрязнения, электромагнитное излучение, шум, вибрация и др.). Связь качества окружающей природной среды со здоровьем человека проявляется в нейтрализации воздействия отравляющих веществ из атмосферы, шума, электромагнитных излучений и ухудшения качества продуктов животноводства и овощеводства, т. е. качества питания. Создается известная ситуация снижения уровня качества жизни из-за «плохой экологии».

Эта проблема тесно связана как с необходимостью разработки профилактических мер по восстановлению приемлемой среды обитания, так и с формированием соответствующих норм поведения человека в условиях социотехногенного развития. Необходима государственная экологическая политика, которая бы ставила конкретные задачи перед социальными субъектами различных уровней, направленные на охрану природной деятельности, формирование соответствующего поведения и культуры жизни. Это достаточно сложный процесс, связанный с трансформацией сложившихся в обществе стереотипов. Главным тормозом на этом пути выступают старые модели поведения, основанные на антропоцентристской системе ценностей, которые характеризуются потребительскими идеалами, противопоставлением человека и природы. В координатах такой культуры потребления человек наделяется правом получать из окружающего мира нужные ему ресурсы в неограниченном количестве, не принимая во внимание потребности других поколений и видов.

В сложившейся ситуации назрела необходимость перехода к экоцентристской модели развития, когда природа рассматривается как непреходящая ценность, а отношения с ней строятся на принципах комплементарности и гармонии. В таком случае изменение основ социоприродной деятельности связано с перестройкой личностного мировоззрения, прежде всего той шкалы ценностей, которая укоренилась в сознании людей под воздействием приоритетов техногенного потребительского общества [2, с. 80]. Поэтому формированию у населения позитивных экологических ценностей отведена важная роль на пути

преодоления антропоцентристского идеала и создания эффективной модели устойчивого развития.

В условиях обострения глобального экологического кризиса обращают на себя внимание особые поведенческие стратегии актуализации адаптивных механизмов человека. Условно эти стратегии делятся на активные, направленные на взаимодействие с кризисной ситуацией и ее разрешение, и пассивные, характеризующие «избегающее» поведение человека – отказ от решения проблемы и соответствующих действий. В качестве внутренних мотивов на пути к экологоцентристской модели развития выступает ряд факторов, важнейшее значение среди которых имеет чувство ответственности. Оно определяет меру нравственного отношения человека к другим людям и окружающему миру в целом. Именно отсутствием чувства ответственности многие исследователи объясняют распространенность пассивной природоохранной позиции, которая характерна для многих людей, рассчитывающих на то, что об улучшении качества окружающей среды могут позаботиться другие. Такая позиция до сих пор является уязвимой в сфере обеспечения прорыва в разработке эффективных мер природоохранной деятельности.

Социальная антропология обосновывает необходимость создания таких социальных условий развития человека, в которых могли бы реализоваться и его биологические особенности. В стратегическом плане, в оптимизации условий жизни и стабилизации здоровья человека самым важным является разработка и введение научно обоснованной программы развития биогеоценозов в урбанизированной среде и совершенствование форм общественных отношений в рамках социоприродного развития.

На формирование поведения человека влияют как внутренние факторы (уровень экологических знаний, приоритет экологических ценностей в сознании и поведении, чувство ответственности по отношению к природе), так и внешние факторы (система экологического образования, деятельность СМИ, экологическая политика государства в целом). Преодоление экологического кризиса, вызванного техногенной деятельностью, невозможно без изменений мировоззрения людей, их отношения к окружающему миру. Уровень экологической ответственности наряду с уровнем социально-экономического и культурного развития становится мерилом цивилизованности общества, критерием его социоприродной устойчивости, одним из условий гармоничного развития. Экологическая составляющая устойчивого общественного развития не исчерпывается только государственной экологической политикой, она тесно соприкасается с понятием экологической и духовной культуры, включает этические и морально-правовые нормы, экологические характеристики социальной комфортности, учитывает наличие механизмов принятия решений по экологическим проблемам, а также

социальную ответственность, активную гражданскую позицию по актуальным вопросам социотехнического и технологического прогресса.

Существуют значительные сложности в структуре оценки устойчивого развития техники и общества, их коэволюции [3, с. 175]. Они связаны, в первую очередь, с вопросами сферы применения техники, исследования ее социальных и экологических последствий, потребительского поведения, общих условий развития, а также с вопросами о том, каким образом могут быть получены новые технологии, способствующие лучшей устойчивости общественного развития. В большинстве случаев необходимость новых поколений техники и технологий социально и экономически детерминирована, именно таким образом происходит их включенность в общественные отношения. Техникотехнологическое развитие фактически всегда строится с учетом задач общества и целей его развития, главными из которых является социальная устойчивость и качество жизни людей.

Устойчивое социотехническое развитие должно удовлетворять множеству критериев и быть проанализировано и оценено с разных точек зрения, чтобы получить истинное представление о том, в каком направлении человечеству двигаться, развивая технику и технологии и сохраняя параметры окружающей среды в приемлемом состоянии. В основу перспектив социотехникотехнологической устойчивости должны быть положены по меньшей мере две группы критериев: экологические критерии (снижение вредных выбросов, ресурсосбережение, сохранение видового разнообразия и др.), социально-экономические критерии (сохранение баланса между потребностями людей и возможностями их удовлетворения), что в конечном итоге приведет к уменьшению рисков, обусловленных техникотехнологическим прогрессом, и социоэкологической устойчивости.

Литература и источники

1. Вернадский, В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. – М., 1977. – 431 с.

2. Гирусов, Э. В. Экологическая культура как высшая форма гуманизма / Э. В. Гирусов // Философия и общество. – 2009. – № 4. – С. 74–92.

3. Ленк, Х. Размышления о современной технике / Х. Ленк // Под ред. В. С. Степина. – М., 1999. – 275 с.

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ: ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Б. М. Лепешко

Один из самых часто задаваемых ныне вопросов: а в чем суть той

или иной современной методологии в практическом аспекте? То есть, как применить теоретические новации последнего времени в практике работы обществоведов? Прилагаемые заметки – одна из попыток показать познавательные возможности феноменологии в практической сфере.

Один из самых известных (и успешных), на наш взгляд примеров применения феноменологических идей к сфере права – это концепция санкт-петербургского ученого А. В. Полякова, известного своей коммуникативно-феноменологической теорией права.

Как выглядит механизм применения феноменологической методологии к праву? Первое: это новая терминология, новая терминологическая и феноменологическая определенность. В частности, адепты теории Гуссерля призывают не определять понятия (догматизм, движение мысли по кругу, устарелость многих терминов, «привязанность» конкретной системы понятийного мышления к определенной методологической схеме и т. д.), а описывать их. Требуется очищать понятие от всего наносного (исторического психологического контекста) и искать так называемый эйдос права, то есть его, права, чистую сущность. Второе – это понимание феноменологии именно как методологии правового исследования. Третье заключается в том, что самая популярная ошибка в понимании феноменологической методологии (с точки зрения ее адептов) содержится в том, что ее анализ основывается на привычных, апробированных подходах, чаще всего связанных с марксизмом или иными популярными теориями права. Другими словами, критика и ответ критикам имеет место на разных методологических «полях». Можно заметить, что эти три отмеченные особенности феноменологической методологии представляют собой единое целое и один пункт сложно представить себе без второго и третьего пункта. К сказанному стоит добавить, что феноменология призывает не абсолютизировать любую методологическую сущность, любую формулу, а исходить из того, что результат научного поиска может быть разнообразным, возможно, парадоксальным.

Теперь обратимся еще к одной работе, «Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика», автор – К. Свасьян [1]. Здесь ученый апеллирует к новому пониманию исторического материала. Так, например, К. Свасьян обращается к известному историческому факту – переходу Цезаря через Рубикон. Нередуцированное (не феноменологическое) сознание ограничивается самим этим фактом. А уже из этого факта строится система интерпретаций (зачем перешел, как перешел и т. д.). Историк-феноменолог «разрывает замкнутую, эмпирически эгоцентричную монаду собственной отчужденности в акте живого и личного приобщения к смыслу человеческой истории» [1, с. 126]. В результате на первый план выходит не та или иная интерпретация, «взору предстает пережитая самоданность истории, ставшая фактом личной

биографии» [1, с. 126]. В этом смысле с точки зрения феноменологов переживание будущего ничем не отличается от переживания прошлого. Ученый в этом аспекте достаточно интересно рассуждает, прибегая к парадоксу. Для «нормального» сознания «будущее – это то, чего нет, соответственно и прошлое – это то, чего уже нет, а настоящее – это то, чего еще нет, пока мы его не фиксируем и то, чего уже нет, когда мы его фиксируем» [1, с. 129]. То есть на выходе получаем «очаровательный парадокс», в котором присутствует «полнота времен». Решить этот парадокс феноменологи предлагают с помощью категории «переживание». Прошлое современно с помощью категории воспоминание, будущее современно с помощью категории ожидание, а «реальным оказывается текучесть извечно настоящего». Отсюда будущее основано на прошлом.

Насколько этот методологический инструментарий может быть востребован историком? Получается, он сам формулирует абрис будущего полнотой своих переживаний. Ученый не пассивно ожидает эвристических результатов, завернувшись в тогу беспристрастия (объективности), он включен в процесс творения истории, в процесс сотрудничества. На передний план выходит категория смысла. Это вызов привычному объективизму и в этом, согласимся, есть рациональное зерно. Нет здесь места, полагают феноменологии, и привычному субъективизму, поскольку выбор в результате переживания коренится в прошлом. Прошлое задает определенные рамки, за пределы которых выйти не возможно, но очевидны и минусы такого подхода. Например, сложно понять, каким образом исследователь может обнаружить эйдос, «чистую» суть того или иного исторического факта, того или иного явления и каким образом он идентифицирует эту суть, с помощью каких критериев.

Заметную роль играют исследования феноменологического характера в работах, посвященных психологии, искусствоведению. Один из примеров – обращение крупного мыслителя М. Мерло-Понти к пониманию творчества французского художника-импрессиониста Поля Сезанна. Исследуя его творческую манеру, содержание полотен, Мерло-Понти пишет: «Его живопись – это своего рода парадокс; Сезанн стремится к реальности, но в то же время не отказывается от ощущений, использует в качестве поводыря лишь природу в преходящем впечатлении, не очерчивает контуры, не ограничивает цвет предварительным рисунком и не строит ни перспективу, ни композицию» [2, с. 105]. Отсюда утверждения Мерло-Понти, что Сезанн исключает привычные дихотомии (разум и чувство и т. д.), «он хочет писать материю в процессе обретения формы, возникновения порядка в ходе спонтанного построения». Живопись Сезанна не отрицает ни науку, ни традицию, ни реальность. Все случайности жизни Сезанна «представляют собой часть текста, который природа и история представили ему для расшифровки» [2, с. 113]. Поэтому выводы Мерло-Понти находятся в русле феноменологических исканий: нет

ничего устойчивого, ни на что нельзя опереться (ни на биографию того или иного человека, ни на его произведения), поэтому люди, окружающие Сезанна, «не понимали, как преобразовывались в нем события и опыт. Этим людям было не постичь его смысла и того света, который временами его окутывал» [2, с. 118]. Впрочем, полагает ученый, и сам Сезанн видел лишь несостоятельность своих опытов. Говоря привычным языком, ясности при анализе творчества Сезанна нет и быть не может. Тогда в чем смысл? Только в одном: непрекращающемся поиске этого смысла. Показательно название статьи Мерло-Понти: «Сомнения Сезанна». Не открытия, не новые цветовые гаммы, не содержательные откровения, а именно сомнения. Сомнения как венец поиска? А почему и нет?

Даже краткий и вынужденно фрагментарный анализ некоторых практических результатов научных усилий авторов, прибегающих к феноменологической методологии, демонстрирует определенный эвристический ресурс этой теории. Многие национальные кадры обществоведов привыкли к работе в условиях относительной ясности и прозрачности марксистских клише. Есть, к примеру, объективное понимание исторического процесса, есть и субъективное видение общественного развития. Могут быть и некие эклектические варианты. Здесь противопоставление между объективным и субъективным «снимается» с помощью целого ряда новых категорий (редукция, интерсубъективность и др.). Что это дает? Абсолютизация как сущего, так и категорий, которые выражают эту сущность, в принципе невозможна. Не существует четкого механизма, который бы «прописал» последовательные шаги по решению той или иной эвристической задачи. Да это и невозможно, поскольку на первом месте не варианты интерпретации, а описание процесса. Поэтому далеко не случайно феноменологи познание называют «рассудочной химерой», в том смысле, что оно лишено «конкретного предметного коррелята». На первый план выдвигается «вскрытие предпосылок, бессознательно фундирующих всякий строй познания» [1, с. 47]. Одним из предтеч такого подхода был Ф. Бэкон с его известными «идолами». Познание всегда опирается на опыт, понятийную определенность, мыслительные привычки той или иной конкретной эпохи. Но это вовсе не универсалии, которые могут быть применены всегда и везде. Это отражение именно эпохи и сложившегося стереотипа знания, когда высококачественного, когда менее качественного.

Литература и источники

1. Свасьян, К. А. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика / Свасьян, К. – М.: Академический проект, 2010.

2. Мерло-Понти, М. Сомнения Сезанна / Постфеноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами / М. Мерло-Понти. – М.: Академический проект, 2017.

ТЕОРИЯ «РАЗУМНОГО ЭГОИЗМА» И ЕЕ СОВРЕМЕННАЯ ПРОЕКЦИЯ

И. И. Лещинская

Степень интенсивности и масштабности социальных потрясений, которые охватили современный мир, позволили на днях аналитикам Deutsche Банка, к ставшему уже хрестоматийным определению состояния мира «как динамического хаоса», добавить еще одно, не менее красноречивое. По целому ряду признаков социально-политического и экономического характера новый глобальный период мировой системы ими был обозначен как «эра беспорядка». Правовая и нравственная беспринципность, своего рода «бои без правил», ставшие практически повсеместной нормой взаимоотношений политических субъектов, дают основание для характеристики данного этапа использовать известный концепт английского философа Т. Гоббса «как война всех против всех». Мыслитель эпохи буржуазных революций на страницах знаменитого труда «Левиафан…» использовал его для характеристики так называемого естественного состояния, в котором принцип эгоизма является господствующим.

Гоббс весьма ярко описывал картину данного состояния. Это ситуация «анархии и взаимной вражды», где каждый является врагом каждого, а сила и коварство становятся их основными добродетелями. Философ отмечал, что в этом состоянии господствует безграничная свобода, нет закона, а следовательно, нет несправедливости. Понятия правильного и неправильного, справедливого и несправедливого, как и понятия добра и зла неприложимы к описываемому состоянию. В состоянии войны не существует места ничему позитивному – ни собственности, ни владению, ни разграничению между своим и чужим. В нем господствует страх и постоянная опасность насильственной смерти [1].

Эгоизм, свойственный современному человеку и сообществам как акторам мирового процесса, не менее многолик и экспансивен. Он обнаруживает себя в политическом экстремизме, экономическом паразитизме, экологическом эгоцентризме. Он все более становится господствующим способом общественного бытия и распространяется на взаимоотношения между государствами и их конгломератами. Создается впечатление, что человечество вступило в такую фазу своего развития, когда не только разум утратил право голоса, но и даже инстинкт самосохранения не может совладать с тем безумием, которое демонстрирует в своих деяниях человечество.

Новоевропейская философии XVII–XVIII вв. для преодоления ужасов «естественного состояния» предложила две основные траектории:

социально-политическую и этическую. Первая привела к обоснованию целого ряда фундаментальных для европейской культуры концепций таких, как теория общественного договора, концепция естественного права и теория правового государства. Вторая траектория привела к обоснованию теории «разумного эгоизма», в основание которой положено убеждение об имманентной связи разума и свободы.

Теория разумного эгоизма призвана была обосновать необходимость и возможность притязаний разума в сфере свободы воли. По убеждению просветителей, ее мера и границы должны и могут быть установлены разумом. Она настоятельно требовала соотнесения каждым человеком своей свободы со свободой другого, без чего немыслимо достижение равновесия частного и общего интереса. Следование разуму должно привести к тому, что стремление к собственной пользе будет обеспечивать пользу других. Согласно просветителям, «правильно понятый собственный интерес», или «разумное себялюбие», не снимает эгоизм в качестве основного нравственного начала, но это уже эгоизм, непосредственно связанный с общественным интересом, можно сказать облагороженный «симпатическим» отношением с обществом. Разум определяет «"местоположение" интереса индивида, обеспечивающего отношение к другим индивидам, к обществу как к средству достижения своего личного блага…» [2].

Для просветителей ограничение свободы в первую очередь означало самоограничение. Оно представляло собой предписание разума как для индивида, так и для государства удерживать свои действия в установленных пределах. Автономный индивид как носитель критического разума вынужден считаться с ним, поскольку разум определяет ограничение свободы как необходимый принцип для наиболее благоприятного способа его бытия. Утверждение данных принципов в человеческом общежитии являлось важнейшей гарантией против своеволия индивида, с одной стороны, и узурпации всей полноты власти государством, с другой.

Вместе с тем, разумное ограничение не означало полное насильственное подавление эгоизма, без которого невозможно существование любого живого организма. Неискоренимость эгоизма человеческой природы выступала воплощением стремления к самосохранению и самоутверждению индивида. Как гипертрофированный эгоизм, так его чрезмерного подавление являются крайностями, которые представляют опасность как для отдельного человека, так и для сложного социального организма.

Эпоха глобальных рисков, поставившая под угрозу существование человечества, заставляет обратиться к теме разумного эгоизма и артикулировать некоторые ее современные и актуальные проекции. Необходимость следования здравому смыслу и принципу «разумного

эгоизма» приобретает форму важнейшего социального императива в контексте современного этапа развития мировой системы, для которого характерна высокая турбулентность, когда «значение управляющего параметра» может в любой момент достигнуть критического уровня [2].

Современному человеку, оказавшемуся заложником этих условий, без эгоизма как способности самосохранения и самоутверждения не обойтись. Ему трудно будет сохранить собственную ценностную суверенность и неприкосновенность жизненных ресурсов, обеспечить возможности для их самостоятельного и продуктивного приложения. Эгоизм в данном случае есть надежный способ защиты все того, чем владеет личность, в первую очередь, его собственности и свободы от чужих агрессивных поползновений Это также необходимое средство защиты от различных, порой весьма изощренных форм социального паразитизма, и условие возможности осуществления собственного жизненного проекта.

В равной степени эти положения могут быть отнесены и к государству как сложному социально-политическому организму. Современные исследователи отмечают, что «как закостенелый эгоизм, так и его полное отсутствие одинаково гибельны для государства. Гипертрофированный государственный эгоизм проявляется в навязывании своей воли другим государствам, а отсутствие его выражается в неспособности отстаивать свои интересы и свои ценности» [3].

Современная эпоха и ее вызовы поставили со всей остротой вопрос о поиске адекватных и эффективных форм ограничения эгоизма и укрощения безудержного стремления к господству, но без ущерба для развития каждого участника социального взаимодействия. Для современного социума необходима своя форма конструктивного компромисса интересов, без которого невозможно ни индивидуальное, ни совместное продуктивное развитие каждого из его членов. Основанием для такого компромисса может стать постоянно поддерживаемое равновесие центростремительных и центробежных сил внутри социальной системы. Это в свою очередь предполагает непрерывные корректировки интересов и ценностных установок в процессе их неизбежного столкновения и противоборства.

Подобным образом принцип «разумного эгоизма» может быть представлен в современной артикуляции. Он призван приостановить сползание человечества к самоуничтожению и содействовать гуманизации всей системы общественных отношений. Благодаря этому он выступит не только как правило нравственности, в качестве которого он было сформулирован просветителями, но и как конститутивный принцип жизнеустройства и отдельной личности, и субъектов мировой системы. Возможно, тогда у человечества появятся шансы, благополучно преодолев и состояние «динамического хаоса» и «эру беспорядка», выстроить

новый миропорядок.

Литература и источники

1. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Гоббс Т. // Сочинения. Т. 2. М.: Мысль**,** 1991 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/ files/ File/ Gobbs_Leviafan.pdf. – Дата доступа: 12.09.2020.

2. Онищенко, В. Л. Разумный эгоизм как предмет исследования в социально-философских теориях французских материалистов XVIII в. / В. Л. Онищенко, А. О. Лагутин // Общество: философия, история, культура. М., 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru /article/ n/ razumnyy-egoizm-kak-predmet-issledovaniya-v-sotsialno-filosofskih-teoriyah-frantsuzskih-materialistov-xviii-v. – Дата доступа: 12.09.2020.

3. Рудзит, И. А. Эгоизм как внутренний нравственно-этический фактор развития самосознания человека / И. А. Рудзит // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2006. – № 1.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ РЕСУРС КАТЕГОРИИ «ВРЕМЯ»: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ШКОЛЫ АННАЛОВ

Л. Е. Лойко

Категория «время» используется во многих науках, и это обстоятельство играет важную роль в формировании междисциплинарных исследований в области социальной истории. Анналам удалось реконструировать историю Европы через темпоральную основу категориальных структур города, мира-экономики, капитала, повседневности, социальной длительности. Для реализации этой методологии нужно было преодолеть традицию отождествления исторического и физического времени. В естественных науках время трактуется как однородная длительность, как средство измерения того или иного природного процесса. Совершился ли этот процесс сейчас, вчера или тысячу лет назад – не имеет принципиального значения. Все отрезки физического времени равноценны. Для историка же конкретное время тесно связано с протекающими в нем событиями, поэтому оно содержательно наполнено.

Каждому типу исторических явлений присуща своя плотность, своя система счисления, поэтому равные в физическом отношении отрезки времени могут оказаться неравными в историческом смысле. Более того, для истории нет единого времени, в ней всегда присутствует ансамбль времен. На них обратил внимание Ф. Бродель. Есть время краткосрочное, текущее. Оно отражает видимые события. Есть медленно текущее, циклическое и повторяющееся время. Оно отражает процессы,

охватывающие несколько десятилетий. И, наконец, есть длительная временная протяженность, оперирующая событиями и процессами в пределах столетий.

Эти процессы оказывают подчас совершенно неожиданное влияние на видимые и зафиксированные в исторической памяти события. Обращение к таким глубинным временам и есть достижение современной исторической науки, философии и методологии истории. Ж. Ле Гофф на этом основании говорит о Единой Европе, берущей начало в форме цивилизации средневекового Запада [1].

Каждая цивилизация вырабатывает свой тип государства и его функций. Для многих древних цивилизаций было характерно соединение в верховной власти государственных и сакральных функций. Средневековое государство в Западной Европе строилось на системе вассальных договоров, поэтому его пределы менялись в зависимости от личных судеб властителей, отношений между ними.

Как известно, постоянным спутником цивилизации являются города. Иногда переход человеческого общества к цивилизации даже называют «городской революцией». В городе сосредоточены функции политического, религиозного, экономического управления, торговля и ремесленное производство. Но города могут быть разными. У каждой цивилизации свой тип городов.

Античный город был открыт в сторону сельских поселений. По выражению Ф. Броделя, такой город еще только выделился из деревенской туманности [2. с. 33–34]. Средневековая культура Европы базировалась на структуре закрытого города. Выйти за крепостные стены в то время – то же самое, что пересечь государственную границу сегодня. Время оказалось сопряженным с психологией восприятия пространства. Эта психология обозначается как традиция [4. с. 52].

Урбанизированный изоляционизм европейских средневековых городов оказался обманчивым после того, как выяснилось наличие между ними тесных экономических связей и иерархии в виде центров материальной жизни и региональной периферии. Одним из индикаторов присутствия городов в едином пространстве региональных связей стало наличие у них Магдебургского права и торговых соглашений с определенными центрами торгово-экономической деятельности.

При отнесении белорусских городов к этим двум критериям выяснилось, что их темпоральная история интегрирована в историю Европы периода действия торговых соглашений в рамках Ганзы и Магдебургского права. Привилеи на самоуправление получили Брест (1390), Гродно (1391), Слуцк (1441), Высокое (1494), Полоцк (1498), Минск (1499). До конца XVII столетия магдебургское право получили более 50 белорусских городов.

Жители городов с магдебургским правом за предоставленные им

гражданские права принимали на себя дополнительные обязанности, в частности, ремонтировать и обновлять за свой счет оборонительные сооружения. Привилеи на самоуправление, которые выдавались за подписью великого князя, не противоречили традиционному местному праву, законам и не отменяли их. Они расширяли обычное право. Магдебургское право было частью законодательства Великого княжества Литовского, в состав которого входила Беларусь.

Кроме городов экономику Беларуси в Европе представляли товарные хозяйства магнатов. Они поставляли на европейский рынок зерно и древесину и были интегрированы в региональное разделение труда через порты Данцига и Амстердама. Из-за периферийного статуса белорусская экономика несла значительные потери. Часть прибыли доставалась голландским посредникам. При таком рассмотрении истории Беларуси в ней заметную роль начинают играть темпоральные экономические факторы пространственной топонимики средневековой Европы. На основе этой же методики можно поэтапно рассмотреть последующее нахождение Беларуси в векторе социального времени с учетом региональных особенностей.

Беларусь оказалась в пространстве единой экономической средневековой Европы благодаря активности Ганзы. Социально-экономические интересы союза немецких городов распространились вдоль торговых речных путей вглубь Восточной Европы. Их движению не мешали политические факторы противостояния Тевтонского и Ливонского орденов с Полоцким княжеством, Великим Княжеством Литовским. Экономические отношения закреплялись торговыми договорами. Они создавали основу для длительного и постоянного пребывания немецкого купечества на территории белорусских городов. Это присутствие формировало особую социальную и духовную инфраструктуру. Благодаря межкультурному фактору на территории православных (по основному населению белорусских городов) появились католические храмы.

К XV в. изменилась конъюнктура европейского рынка. Ганза в этих условиях оказалась неконкурентоспособной. Объемы торговли в Балтийском регионе упали. Деловая активность сместилась на территорию Нидерландов. Белорусские производители и города адаптировались на основе магдебургского права к новым условиям регионального пространства в рамках такой государственной структуры как Речь Посполитая.

В XVII в. ситуация на региональном рынке вновь изменилась к худшему для белорусских и польских производителей. Целое государство – Речь Посполитая оказалось обреченным на длительную стагнацию и политический распад. Кризис отразился и на положении белорусских городов. По словам Ф. Броделя, в XVII в. границы единой Европы уже были очевидными. Они исключали на востоке Московию, на юге

турецкие Балканы.

Новое разграничение между Россией и Европой произошло в XVIII в. В результате основная территория Беларуси оказалась вне экономического пространства Европы. Она вынуждена была адаптироваться к особенностям функционирования внутреннего российского рынка. В 1920–1939 гг. Западная Беларусь, входившая в состав Польши, оказалась вовлеченной в трансатлантическое разделение труда. Преобладала миграция населения в Новый Свет. Она мотивировалась приходом к власти в Германии нацистов. Беларусь покидали еврейские семьи. Важную роль в ускорении миграции играли факторы безработицы, поэтому население активно пользовалось возможностями, вытекавшими из права на свободное перемещение в рамках регионального разделения труда.

Таким образом, категория социального времени обеспечивает эмпирические исследования аналитической компонентой. В ее структуре важную роль играет междисциплинарная интерпретация событийных феноменов.

Литература и источники

1. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. – М.: Прогресс, 1992.

2. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVII вв. / Ф. Бродель. – М.: Прогресс, 1986. – Т.1.

3. Бродель, Ф. История и общественные науки. Историческая длительность / Ф. Бродель // Философия и методология истории. – М.: Прогресс, 1977.

4. Дюби, Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. / Ж. Дюби // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1991.

СОВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ НАУЧНОГО ПРОГРЕССА

В. К. Лукашевич

Понимание сущности и форм научного прогресса базируется на определенном представлении о науке как одном из способов интеллектуального освоения реальности и типах научной рациональности. Этого хватает для того, чтобы не только достаточно определенно отличать науку от других способов интеллектуального освоения реальности, но и не ослаблять внимания к формам и направленности их взаимодействия в широком контексте социального функционирования. Согласно и поныне доминирующей концепции Дж. Бернала наука в общем плане характеризуется указанием на ее основные аспекты. Их пять: наука как система знаний, как специфическая деятельность по производству и теоретической систематизации знаний, как социальный институт,

производительная сила и форма общественного сознания. Типы научной рациональности выделены по историческому критерию и в определенной мере по нарастанию форм социализации науки; это классический, неклассический и постнеклассический типы.

Начнем с представлений о науке. Длительное время в этом вопросе доминировала точка зрения, согласно которой наука – это форма интеллектуального освоения действительности, реализующая большую совокупность различных схем познавательных действий (операций, процедур), обеспечивающих получение достоверных знаний о природной, социальной и духовной реальности. Основное внимание было сосредоточено на специфике (качестве) познавательного результата: его объективности (истинности), полноте, системности представления и др. Осмыслению специфики познавательных действий не уделялось много внимания, а их цель воспринималась как сама собой разумеющаяся направленность на получение нового предметного знания.

Соответственно, критериями научного прогресса считались скорость приращения и объем нового знания о реальности. Особенно ценились результаты фундаментальных исследований («познания вглубь»), где вырабатывались наиболее общие представления о действительности и управляющих ею фундаментальных законах. Классические примеры такого понимания научного прогресса дает развитие механики (в особенности в период от теории импульса до системы Галилея – Ньютона). Это когнитивное измерение научного прогресса. Оно четко коррелирует с классическим типом научной рациональности, в соответствии с требованиями которого необходимым условием объективности (истинности) знания при теоретическом описании и объяснении было исключение (элиминация) в нем всего, что относится к познающему субъекту, средствам и операциям его деятельности, которые могли серьезно деформировать познавательный результат, однако не учитывает одну из важнейших интенций научного познания, а именно, его направленность не только на окружающую человека реальность, но и на сам процесс научного познания.

В последние десятилетия наука как способ интеллектуального освоения реальности и ее система знаний как основание практической деятельности обвиняется в насильственном расчленении органически целостных образований в ходе их изучения (представленная реальность исследуется фрагментарно); в нивелировании особенностей познающего и рефлектирующего субъекта, в вопиющей самонадеянности в оценке собственных средств и возможностей практического действия и конструирования новой реальности, в антропоцентризме, прагматизме и др. Приводятся примеры недостаточности научных знаний для системного объяснения процессов формирования существующей природной реальности, в том числе человека, и способов создания уникальных

артефактов древности, не ассимилированных современной наукой; для правдоподобной интерпретации определенных исторических событий и др [1; 2].

Ценность и само явление прогресса в науке ставятся под сомнение. Однако если сопоставить интересующие людей ситуации и процессы, сущность которых получила удовлетворительное научное объяснение, с известными людям и интересующими их реалиями, которые слабо ассимилированы наукой, но самоуверенно и безапелляционно интерпретируются представителями вненаучных способов интеллектуального освоения реальности, то очевидно явное преимущество и доминирование первых. И оно растет соразмерно расширению и усложнению сферы человеческой практики, а также в сугубо когнитивном измерении, где ключевое значение имеют способы и средства регуляции познавательных процессов в науке, т. е. ее исследовательский инструментарий.

Его развитие от простейших средств наблюдения за небесными телами до сканирующего микроскопа, радужного телескопа и ускорителей элементарных частиц, от близких к повседневно-обыденному мышлению логических схем индуктивных и дедуктивных выводов к «развитой» теории и различным способам математизации научного познания можно квалифицировать как инструментальное измерение научного прогресса. Представление о нем достаточно четко коррелирует с неклассическим типом научной рациональности, который отмечен требованием рефлексивного осмысления связей между знаниями об исследуемой реальности, с одной стороны, и знаниями о специфике используемых познавательных средств и соответственно познавательных операций, с другой.

Осмысление качества познавательного результата и сопряженного с ним инструментария научного познания – это сложный и трудно реализуемый процесс, который периодически сопровождался преувеличением роли отдельных средств и методов. Создавалась необходимость все более масштабной и утонченной рефлексии над познавательными процессами в науке, что привело к формированию постнеклассического типа научной рациональности, включающего требования учета соотнесенности результата исследования как со спецификой познавательных средств и операций, так и с ценностно-целевыми структурами науки и социума в их взаимосвязи. Таким образом естественно выделилось еще одно измерение научного прогресса, в русле которого осмысливается широкая совокупность природных, социальных и духовных реалий, ассимилируемых наукой как одним из способов интеллектуального освоения реальности, что дает основание выделить (наряду с когнитивным и инструментальным) в качестве еще одного из основных измерений научного прогресса – рефлексивное.

Названное измерение научного прогресса в настоящее время, очевидно, выходят на первый план. С позиций здравого смысла, то есть повседневно-обыденного сознания проблемы, составляющие содержание этого измерения, могут быть решены в короткое время посредством волевого выбора между более или менее материало-, трудо – и энергоемкими, более или менее экорезонансными и в целом менее опасными технологиями, разрабатываемыми на основе современной технонауки. Однако основания такого выбора все более и более теряют ясные очертания, если принимать во внимание в идеале всю растущую совокупность природных и социогуманитарных факторов, открываемых опять же преимущественно самой наукой. Например, вне усилий представителей современной астрономии, астрофизики и космологии вряд ли в человеческом сообществе была бы сколь-нибудь адекватно осмыслена опасность последствий столкновения Земли с астероидами крупных и средних размеров, истощения биоты вследствие необратимых изменений в других компонентах биосферы, тупиков современной кредитно-финансовой системы, биокапитализма.

Выделенные исторически сформировавшиеся измерения научного прогресса (когнитивное, инструментальное и рефлексивное) – это своего рода матрица исследования познавательных действий в науке и оценки их результатов. Насколько они актуальны в настоящее время, когда ставится под сомнение ценность результатов «незаинтересованного» познания, к которыму тяготеет основная масса данных фундаментальных исследований «первого типа» и значительная часть результатов ориентированных фундаментальных исследований; когда явно или неявно принижается позитивное значение прикладных результатов современной технонауки и акцентируются ее негативные технико-технологические, антропологические и экологические последствия, когда периодически возникает настороженно конкурентное отношение к интеллектуалам от науки со стороны представителей политической, финансовой, экономической, конфессиональной и художественной элит?

Безусловно, актуальны, поскольку, во-первых, выражают специфику науки как оправданного способа интеллектуального освоения реальности, не позволяя заинтересованным акторам социального действия нивелировать ее возможности до неопределенно низкого уровня, несмотря на их успешную позитивную реализацию практически во всех ключевых сферах человеческой жизнедеятельности. Во-вторых, – это основа исследования всех последующих представлений о научном прогрессе, коррелирующих с исторически формирующимися его измерениями – технико-технологическим, экономическим, экологическим, экзистенциальным, этическим, прогностическим и другими. В-третьих, – это фундаментальный контекст анализа современных событий в рамках самих выделенных измерений научного прогресса.

Литература и источники

1. Фейерабенд, П. Наука в свободном обществе // Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986.

2. Морозов, Е. В. Холизм. Духовное возрождение 2012 // Саарабрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2010.

3. Косарева, Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997.

4. Гайденко, П. П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. – М.: ПЕР СЭ; СПб: Университетская книга, 2000.

АРХЕТИП КАК ПРИЗЫВ К ДЕЙСТВИЮ: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТЕХНОЦЕНТРИЗМА

А. О. Макарова

Современный человеческий мир погружен в странную девиацию, немыслимую, однако, реальную. Так и не разобравшись в природе взаимодействия в диалоге с себе подобными, не говоря об Иных, человек провозглашает себя вышедшим за пределы sapiens, не осознавая, что это значит. Его действия отмечены возрастанием фантазий на фоне социогуманитарных катастроф [1]. Фактически, впервые в мире, возведенном человеком, человек полностью устраняется от управления не только своими творениями, но и самим собой, демонстрируя от этого ярое удовольствие.

Не впервые, впрочем, несуществующее либо невидимое провозглашается управителем человечества (будь то Бог или коллективное бессознательное), не впервые также мертвое (магические артефакты, например) вбирают в себя жизнь людей и руководят их действиями [2]. Однако раньше эти процессы сопровождались суеверным ужасом, кастовостью, закрытостью практик, противопоставлением «мага» профанам, религиозным экстазом. До сих пор непонятно, что именно потерял человек, прервав доисторическую связь с Абсолютом как Духом. *Космоцентрические* откровения, с одной стороны, наивны, с другой – в нынешней реальности открывают глаза на процессы мироздания, в которых «дух», «душа», «разум», «рассудок», «воля» и «тело» являются энергетическими двигателями и инструментами эксклюзивно человеческой деятельности – ее архетипами [3]. В современном обществе «знаний обо всем про всех» эту «специфику» предпочитают забыть. Дух воспринимается и действует в современном человеке как атавизм, не имея силы овеществлять ментальное как реальное через магию – эта органическая, буквально животворящая связь ушла далеко в прошлое. Человеку «осевого» времени осталось творчество как продукт потенции души – образное восприятие как воспоминание, чувство присутствия

Абсолюта (но уже не диалог с ним) и разум, как инструмент трактования словами чувственных образов сотворенного Духом мира. Разум (логос) долгое время пояснял, как именно действовать человеку, чтоб не разрушить Божий мир и Божих тварей, – проще говоря, создавал этические барьеры.

В ходе диалога души и разума как приближенных к Духу собственных сущностных сил человек «перешагнул» в *теоцентризм*. Одновременно диалог сущностных потенций человека слабел, а его самосознание туманилось формализмом. Определился процесс разделения и испарения «сакрального» по мере удаления от «глашатаев» Духа, – иерархизация: «Бог» – «мудрец» – «король» – «исполнители» – «масса». Это разделение было симптомом развития рассудочно-волевого начала в ущерб душевно-разумному. «Божественное» по пути в массы подходило к ступени *овеществления* через этапы умалчивания, рационального взвешивания, отсева. Начал осуществляться путь превращения (претворения) иррационального в рациональное, объяснения оснований и обоснования интерпретаций [4]. Главенствующей энергетической силой стал механизм препятствия тотальной иррационализации действительности через действия: восстания рабов, общин, народов, обществ. Проводников и проповедников иррационального, чья деятельность вредила общине (общему делу), уничтожали (охотились на ведьм, убивали королей и руководителей, изолировали «мудрецов»). То есть пресекали попытки развалить физическую реальность, протипопоставляя физические же действия. Так проявилась конструктивная сила *антропоцентризма.* На первый план вышли рассудок и воля, однако дух, душа и разум никуда не делись – хоть постепенно и десакрализировались [5, с. 51–87]. Это привело к мировым войнам, после которых с трудом удалось во второй половине XX века восстановить потенции разума и души. Потенция же духа в массах восстановлена не была, и в XXI век человечество вошло обездуховленным, с ослабленной потенцией разумности и душевности, но опасной энергетикой рассудочно-волюнтаристистских амбиций в доминанте телесной ориентации с основной ценностью «удовольствия» под маской «комфорта». Эта ценность и стала базой *техноцентристского* мировосприятия, грозящего при потере осознания целостности духовно-душевно-разумно-рассудочно-волевых компонентов человеческого существа развалом деятельности физической. Принудительная виртуализация под прикрытием эпидемии Covid-19 может превратить мир в «лоскутное одеяло» из неспособных к отстаиванию своих прав на жизнь монологичных, замкнутых на собственном комфорте вчера еще полноценных человеческих существ.

Можно возразить, что в современном техноцентристском мире акции протеста и объединения против невидимых управляющих систем также не редкость, но все больше они кажутся будто неосознанными,

конвульсивными, необоснованными. В. Бурлачук констатирует: «Социальные трансформации… как бы редуцируют культурный символический строй общества к состоянию "раскрашенной доски". Однако если раньше социальные трансформации осуществлялись посредством замены одной символической реальности другой… то в настоящее время социальные изменения выполняют только одну функцию – разрушение предшествующей символической реальности» [6, с. 139]. Демократически-постмодернистское общество, смешав королей и пешки, выплеснуло радужную волну непонятного сакрального в виде доступных и привычных технологий прямо на головы масс, заставив их поверить в это «омовение» как в радугу после дождя – знак новой, красивой и беззаботной жизни. То, что радуга – явление атмосферное, а, значит, далекое от земных физических реалий, мало волнует ее продавцов. Провозглашенное новым Абсолютом, техническое Нечто оживает прямо в головах представителей масс, напрямую диктуя каждому в отдельности и всем в целом, что и как им делать и чего не делать. Если в конце XX века идея возможности физически беспрепятственного моментального управления миллиардными массами и их моментального же обездоливания была фантастикой, то сегодня она реалистична. Контроль окончательно превратился в управление, но центр этого управления, как и раньше, управляемым неизвестен. Все больше «оживая», мертвые серверы давят на реальных людей, держа в несуществующих руках ключи от их денег, домов, мыслей, препятствуя их желаниям и перекрывая им доступ к собственной жизни символами забытого пароля. Мало того, человека начинают измерять по количественному, чисто машинному принципу отдельных актов, кратковременных «акций» – строк в общем командном алгоритме, – но не деятельности в целом, с ее различными векторами, обстоятельствами, планами и ценностными основаниями. Конструктивных идей по сохранению рационального контроля над реальностью все меньше, «белого шума» – все больше. Постмодернизм возгласил: «смотрите, я играю, следовательно, действую», и все ему поверили, безоговорочно и абсолютно. Однако тотальные отношения игры – это отношение к существующему как несерьезному, а к себе – как существу легкомысленному [1, с. 102]. Современная вариация последнего – «легко мыслящий» – (и конструкция «общества знаний» без ценности и желания знаний) – иллюзия для сохранения связи хоть с чем-то; апломб владения мышлением как легко действующим инструментом; тем, что у человека не отнять, чем он силен в действительности как действии. На самом же деле вновь совершается классическая ошибка подмены разума рассудком [5].

Все это происходит на фоне усиленных призывов к диалогу и продвижению все новых контролирующих устройств. Сегодня это чипы, «исправляющие» физиологические реакции тела и включающие электронику посредством «силы мысли». Завтра – чипы, включающие и

выключающие человека в целом, как автомат. «Мы наш, мы новый мир построим» – старая песня трансформаторов, грозящих на сей раз превратить все и всех вокруг в трансформеров. Такие акторы в масштабе мира опасны. Эти люди формируют наше будущее, не спрашивая нас. Их не останавливают ни архетипические голоса разума, ни рассудка, ни души, не говоря уже о Духе. Их призывы предотвратить техноцентризм средствами техноцентризма абсурдны, – это не диалог сущностей, а монолог тела под контролем техники.

С кем и о чем будет говорить человек будущего – главный вопрос настоящего. Не менее волнует вопрос – сможет ли он говорить вообще, или его искусственное бездушие и безволие создаст картины более устрашающие, чем все фантасмагории постапокалиптических пророчеств. Порою очень хочется вернуться «назад, в будущее!», – туда, где у человечества еще было «будущее» как осознание создаваемости реальности архетипными человеческими сущностными силами, а не электрическими импульсами [5, с. 159].

Литература и источники

1. Дронов, А. Сверхэффективность ирреального: понятие иделогии в контексте дискуссий о постмодерне. Бренное и вечное: социально-мифологические и политософские измерения идеологии в «массовых обществах»: мат. Всерос. науч. конф. 9–10 октября 2007 г. – Великий Новгород, 2007.

2. Архетипы и архетипическое в культуре и социальных отношениях: мат. Междунар. науч.-практ. конф. 5–6 марта 2010 г.

3. Колчанова, Е. А. «Архетип» как категория философии культуры: дис. канд. филос. наук: 24. 00. 01. – Тюмень, 2006.

4. Щепановская, Е. Систематизация архетипов мировой мифологии генетический метод // Обсерватория культуры. – 2011. – № 4.

5. Возняк, В. С. Метафизика рассудка и разума: опыт несистематической самокритики. – Киев, 1994.

6. Бурлачук, В. Ф. Символ и власть: роль символических структур в построении картины социального мира. – К: Институт социологии НАНУ, 2002.

КОНЦЕПЦИЯ СМЫСЛА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ТЕОРИИ Ж. ДЕЛЁЗА: СЕМИОТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

М. А. Малиновская, С. В. Воробьева

Актуальность постмодернистской концепции смысла Ж. Делёза заключается в необходимости критической оценки его семиотических идей, которые появились параллельно исследованиям в области когнитивной семиотики и логического анализа языка [1; 2]. Критическая оценка предполагает уточнение содержательных аспектов данных идей в

ракурсе сопряженности смысла, во-первых, со знаковой сущностью социального бытия, во-вторых, с логическими постоянными и логическими переменными как элементами когнитивного функционирования языка.

Знаковая сущность социального бытия обусловлена процессами референции и коннотации. Референция как внешнее отношение знака к обозначаемому объекту включает предметное и смысловое значение. Коннотация дополняет структуру референции интерпретациями, в процессе которых устанавливаются отношения между означающей и означаемой сторонами знака [3, с. 19–20]. Именно в данном аспекте исследует проблему смысла Ж. Делёз, открывая новые перспективы в раскрытии сущности знака, его значения и смысла как условия понимания сознания, мышления, познания, а также в определении их реальной когнитивной нагрузки в эпистемологических и коммуникативных процессах. Человек живет в построенном им мире смыслов и, напротив, сталкиваясь с бессмысленностью, переживает это как утрату основ указанных процессов.

В постмодернистском мировоззрении поиск логических критериев однозначности смысла в референции дополнен рефлексией различий, генерирующих плюрализм, фрагментарность, бессистемность и иные семантические свойства коннотаций. Сопоставим концепцию смысла Ж. Делёза с материалистической и феноменологической трактовками смысла. В материалистической трактовке смыслы находятся во внешнем мире и, преломляясь, отражаются в субъективных представлениях человека в различных логико-когнитивных формах, например, в формах мотивов, целей или оценок, которые формируются под влиянием внешних факторов. Такой подход был характерен для советской психологии и имеет свои положительные аспекты. В частности, Д. А. Леонтьев разработал концепцию жизненного смысла как внешнего [4].

В феноменологической трактовке, напротив, смыслы полностью находятся в сфере сознания, т. е. исключается их нахождение во внешнем мире. Феномены представляют собой созданную и удерживаемую сознанием трансцендентальную языковую вторичную реальность (воспринимаемые предметы и умопостигаемые сущности). Э. Гуссерль, в частности, утверждал, что «между сознанием и реальностью зияет пропасть смысла» [5, с. 11]. Он ставил перед собой цель обнаружить в синкретическом потоке переживаний всеобщие, или трансцендентальные, структуры, которые лежат в основе всех человеческих смыслов, характерных как для сферы научного познания, так и для повседневной жизни.

В постмодернистском толковании смыслы существуют на пограничье между вещами и языком как взаимно опосредованное соединение разграничений и взаимных переходов между несовместимыми

сущностями. Такое пограничье выступает основанием современных теорий медиации [6, с. 29–30]. В них принципы аргументации выводятся из постмодернистской критики структурализма, строго разграничивавшего означающее и означаемое в семиотическом процессе, а в качестве постулата принимается постмодернистский тезис о том, что бытие смысла в постмодернизме зависит от его дефиниции.

Концепция смысла Ж. Делёза выходит за пределы абсолютных и постоянных сущностей и разграничений предметов и смыслов, означающего и означаемого в сферу релятивизма. В онтологическом ракурсе реальность, включая реальность языка и коммуникации, не предопределена никаким трансцендентным началом. Это означает, что она создает себя сама, а движущим имманентным фактором порождения реальности выступает смысл. Смысл заключен не в бытии, как в материализме, и не в языке, как в феноменологии. Его источник – ментальность, поэтому программными идеями для Ж. Делёза стали «логика смысла» [1] и «различие и повторение» [2].

По определению Ж. Делёза, смысл связывает реальность вещей и реальность языка посредством пропозиций, так как человек конструирует реальность посредством предложений. А. С. Никулина по этому поводу подчеркивает, что «смысл выражает себя в предложении, но при этом никогда не совпадает ни с самим предложением, ни с конкретным положением вещей» [7, с. 114]. При этом компонентами процесса выражения выступает непосредственно выражение, выражаемое и выраженное. Такую процессуальную структуру смысла можно рассматривать как развитие структуры Г. Фреге, в которой логическое содержание отделено от содержания психологического с целью раскрытия смысла имен в контексте высказывания [8, с. 121].

Ж. Делёз ищет форму бытия смысла, не совпадающую с «положением вещей» или с сознанием. У смысла «нет ни физического, ни ментального существования» [1, с. 35]. Ему свойственно небытийное существование, связанное с логическими постоянными и переменными (пропозициями и функторами). Смысл как становящуюся субстанцию Ж. Делёз связывает с деятельностью человека, конструирующего смыслы в своем сознании. Сущность смысла двойственна, что определяется его посреднической (медиативной) функцией между сознанием и миром. Двойственность он обосновывает противостоянием серий означающего и означаемого, вещей (предметов) и предложений (пропозиций), сосуществующих на разных сторонах поверхности смысла. Таким способом Ж. Делёз опровергает укоренение смысла в трансцендентальном сознании. Смысл в его толковании «предстает и как то, что случается в мире, и как то, что упорствует в предложениях» [1, с. 157].

Событийность мира и упорство в пропозициях как источники смысла синкретичны. Но события, происходящие в вещном мире, и события в нас

самих имеют разные ранги. С одной стороны, смысл порождается событием, которое Ж. Делёз определяет как «то, что должно быть понято, на что направлена воля и что представлено в происходящем» [1, с. 196]. С другой стороны, личная активность в конструировании смысла как «красоты и величия события» делает его не равным самому себе, всегда отличным от себя. Такое отличие Ж. Делёз связывает с тем, что событие – это «не то, что происходит», не происшествие, «оно внутри того, что происходит, – чистое выраженное, подающее нам знаки и ожидающее нас» [1, с. 196]. Концепция смысла обретает «свое "категориальное" пространство» в решении проблем сознания, мышления и познания [9, с. 20]. Для этого Ж. Делёз подключает «три ряда актуализаций» – в пространстве, времени и в сознании. «Недостаточно сказать, что сознание – это сознание чего-то» или «каждая вещь – это сознание» [2, с. 269], так как «любой феномен вспыхивает в системе сигнал-знак» [2, с. 271].

Таким образом, Ж. Делёз в своей постмодернистской концепции смысла обоснованно снял противостояние бытия и языка как источников смысла. Поэтому в генезисе смысла первичны не слова или предложения как логические переменные языка, а первична ментальная активность. Она формирует смыслы, которые в познании и коммуникации сигнализируют о себе посредством знаковых форм, которые транслируют выражаемое и выраженное, предметно-социальное и логическое, раскрываемое как семиотические и когнитивные аспекты смысла.

Литература и источники

1. Делёз, Ж. Логика смысла // Пер. с фр. Я. И. Свирского. – М.: Академический Проект, 2011.

2. Делёз, Ж. Различие и повторение // Пер с фр. Н. Б. Маньковской и Э. П. Юровской. – М.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.

3. Воробьева, С. В. Логика: теория аргументации и критического мышления. – Минск: БГУ, 2018.

4. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл, 2019.

5. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии. Т. 1 // Пер. с нем. А. В. Михайлова. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

6. Воробьева, С. В. Медиация как дискурсивная практика: аргументационные аспекты // Профессиональная коммуникативная личность в институциональных дискурсах: тез. междунар. круглого стола, Минск, 22–23 марта 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О. В. Лущинская (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2018.

7. Никулина, А. С. Чистое становление: проблема индивидуации в мысли Ж. Делеза // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2017. – № 2 (22).

8. Воробьева, С. В. Логика и коммуникация – Минск: БГУ, 2010.

9. Акопов, Г. В. Мысль, смысл, значение, образ, знак и их действие в пространстве социального бытия // Мир психологии. – 2020. – № 1.

ГУМАНИЗМ VERSUS ТЕХНОГУМАНИЗМ

В. И. Миськевич, Г. И. Малыхина

Гуманизм – это идеология самоутверждения западного человека. Ее исходные принципы были сформулированы еще в античности, в герметическом корпусе. Однако по-настоящему затребованной временем она оказалась в эпоху Возрождения. По сути, гуманизм (с его базисной идеей антропоцентризма) принес с собой кардинальную трансформацию мировоззрения. В прежние времена (повсеместно) социальное и человеческое бытие находило оправдание и обретало смысл только в контексте отношения к целому (Космосу, Брахману, Дао, Небу, Логосу, Богу). Будучи его частью (эманацией, проявлением, творением), социальный субъект соотносил с ним свое существование, обустраивал жизнь, поддерживал порядок и верил в незыблемость устоев. Гуманистическое мировоззрение, поставив в центр бытия человека, «обессмыслило» целое. Посредством пантеистической, деистической, а затем и атеистической реинтерпретации места и статуса в мироздании Бога, природа стала пониматься просто как совокупность множества разнообразных и разнородных вещей. И очень быстро стала пробным камнем для испытания нового видения бытия, превратившись в объект приложения творческих сил и способностей человека в качестве свободного славного мастера, творца. С течением времени были изобретены инструменты практической реализации амбиций ренессансного человека – наука, техника (технологии), практикоориентированная система образования, социальные революции и реформы, система права и правовое государство. На волне утверждения новой идеологии (некоторые авторы называют гуманизм светской религией западного мира) были разработаны различные социально-философские и политические проекты переустройства социума в интересах человека. Некоторые из них: (либеральный, социалистический, эволюционно-евгенический) были положены в основу известных социальных практик и экспериментов XIX–XX веков. Наиболее жизнеспособным среди проектов оказался либералистский с его идеалами гуманизма, прав и свобод человека, самоценности личности, свободного рынка.

Однако в настоящее время он подвергается все большему сомнению и критике. Дело в том, что классические представления о человеке (даже с учетом психоаналитической коррекции) приходят во все большее противоречие с реалиями современности. Обычный индивид просто «выпадает» из ритма и требований стремительно утверждающегося информационного общества. Комфорта и вещей становится все больше, а счастья и покоя – меньше. За «ваяние» нового типа Homo, адекватного

вызовам времени, сегодня берется наука. В фокусе интересов BNICS-технологий – конструирование «постчеловека». «Постчеловек» – это уже не социокультурный феномен (как полагали гуманисты прежних времен), а некая техническая фабрикация (изделие). Предлагаются разные варианты реализации неоевгенических проектов – от создания почти бессмертных антропоидов и киборгов до неорганических обладателей искусственного интеллекта. Посередине находим концепцию генетического «выведения» сверхлюдей, обладающих сверхспособностями и сверхвозможностями. Однако такая перспектива, очевидно, будет доступно лишь немногим – тем, кто при деньгах и власти.

А большинство должен утешить современный вариант техногуманизма в виде датаизма (от анг. *data* – данные, сведения). Его адепты убеждены, что тотальная цифровизация всего и вся, включая все возможные характеристики и параметры конкретного индивида (генетические, соматические, физиологические, психологические, ментальные, потребностно-мотивационные и т. д.) откроют для него двери в очередной «новый дивный мир» (О. Хаксли). Предполагается, что искусственный интеллект, извлекая из информационных облаков подноготную информацию о некоем NN, в любое время сможет предложить ему готовое и оптимальное решение его проблем. Муки сомнения и неопределенности, бремя выбора и ответственности не должны травмировать его психику.

Что здесь существенно: наука, инженерия и благословляющая их идеология техногуманизма смотрят на проблему кардинальной трансформации человека как сугубо техническую задачу, вполне реальную и в принципе осуществимую. Ее решение связывается с соответствующим финансированием проектов, дальнейшими исследованиями, конструированием подходящих материалов, созданием новых технологий и разработкой все более совершенных алгоритмов.

Однако за скобками моделирования нового образа человека – «постчеловека» остается вопрос: а носителем каких собственно человеческих качеств будет (должен быть) posthomo? Или им окажется совершенно другое существо с иными физическим, когнитивными и эмоциональными характеристиками? Вне рефлексии, скажем по старинке, технократов, остается и тугой узел мировоззренческих, нравственных, психологических, социальных, правовых и педагогических проблем.

Будущее надвигается стремительно, как Futureshock. Наряду с маячащими на горизонте возможными вариантами трансформации Homo, стремительно меняется и среда его обитания – природа, общество, культура и коммуникации. Социум из прочной онтологической структуры с известным набором констант и статусов (экономических, политических, гендерных, институциональных, и т. д.) превращается в некую текучую и изменчивую субстанцию. Интернет, информационно-компьютерные

технологии, сети открывает необозримые горизонты другого – виртуального – бытия общества и человека.

В этих условиях старинный педагогический вопрос – «кого, чему и как учить» – приобретает особую актуальность. Никто толком не знает, каковы будут потребности рынка через 10–15 лет, не говоря уже о более отдаленной перспективе. Однако тот факт, что мир в обозримом будущем будет по-прежнему населен «историческими» людьми, сомнению не подлежит. В этой связи, принимая во внимание сказанное выше, проблема человека, его развитие в «горизонте личности» (М. Библер) должна быть для системы образования столь же важной, как цифровые и интеллектуальные технологии, искусственный интеллект и цифровизация образования. «Оцифровать» мозг и психику молодых людей под специальность несложно. К такой перспективе они уже давно подготовлены. Процесс цифровой социализации личности начинается сегодня чуть ли не с младенчества. Широко известны и связанные с нею негативные последствия. А вот подготовить индивида (психологически, эмоционально, нравственно) к жизни, к стремительно изменяющейся реальности гораздо сложнее. Именно поэтому дискурс о человеческом в человеке сегодня актуален как никогда ранее, ибо на кону – его будущее.

Вопрос не в том, чтобы противодействовать надвигающейся «иной современности» (У. Бек), а в необходимости, в частности, переосмысления и адаптации содержания гуманитарного образования под реалии сегодняшних трендов. В данном вопросе есть моменты принципиального характера. Один из них связан с интерпретацией понятий «знание» и «информация», имеющих важнейшее значение для образовательных практик. Информация субстанциональна, и наряду с материей и энергией образует единый континуум бытия. Знания – плод «расколдовывания» мира человеком через различные формы социальных практик. Они существуют в виде знаковых систем, представляющих собой социокультурные репрезентации информационной матрицы бытия. Причем помимо объективированных форм, знание может быть и невербализованным, знаково неоформленным, быть сокровенным, неявным, неотрефлектированным, интуитивным. Их усвоение (интериоризация) в процессах «живой», непосредственной коммуникации учителя и ученика является важной, нередко недооцениваемой предпосылкой успешности педагогического процесса.

Социогуманитарные знания (история, социология, экономика, языкознание, педагогика, культурология, искусствоведение, психология, герменевтика, социология, философия и т. д.) по сути своей так или иначе связаны с мировоззрением, идеологией, верой, социальными чувствами, идеями и идеалами людей. Их предназначение – не только ориентировать социум и индивидов в истории и жизненном мире, но и служить инструментом самопознания, самопонимания и самоопределения

личности. Следовательно, продуманное социогуманитарное образование (вопрос: кто и когда этим у нас всерьез занимался?) должно быть сопряжено с ясным пониманием целей и задач его изучения и реальным «вкладом» в развитие личности «посюстороннего» молодого человека, его способности различать добро и зло, прекрасное и безобразное, справедливое и несправедливое, помогать себе и ближнему. И пока человек остается человеком, неизменной будет оставаться и суть гуманизма – относись к миру так, как хочешь, чтобы он отнесся к тебе. А что касается сегодняшних «постчеловеческих» фантазий, то их решение надо оставить заботам дня завтрашнего.

ИММАНЕНТНОСТЬ ИСТИНЫ В СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ

А. К. Мамедов

Очередные «гримасы» истории демонстрируют нам нелинейность и непредсказуемость исторического развития. Все сильнее появляется разочарование в самом процессе познания, в рациональности отражения. Произошел определенный раскол в самом человеке. И эта «расколотость» ставит во главу угла вопрос об истинности познания, о границах заблуждений и полифоничности наших представлений. Сама жизнь человека как социально-родового существа с ее перипетиями и широкой палитрой вариаций и есть познание. Индивид реализует свою самость благодаря эволюционно выработанным способностям ориентироваться и адаптироваться к окружающей среде. Картина мира, которую конструирует человек, то знание, которое он обретает, не является и не может являться ни гомоморфной копией реальности, ни результатом произвольного *ad Libitum* преобразования. Когнитивные навыки поневоле определены миром средних измерений, который он познает и преобразует с помощью своих естественных способностей. Истина, как ни парадоксально, в том числе и телесна, ибо фреймирована возможностями познания человека как мезокосмически реального существа [4, с. 8–19]. В процессе познания и соответствующих практик человек имеет дело, в первую очередь, с самим собой, ибо любая информация принимается через собственную оптику, через наработанные в процессе поисковой деятельности культурные фильтры. Мир постигается через сложные процессы идеализации, абстракции, «омертвление и огрубление», модели, которые определяются границами его познания в данный отрезок его социального бытия [3]. Человек смотрит в мир и видит собственное лицо: вообще говоря, картина мира в известной мере носит печать личности создающего ее субъекта [5]. В литературной креации реальность претерпевает дальнейшие метаморфозы, она многослойна и дискретна, прошлое, настоящее и будущее перемешиваются, создавая чудные

метафорические конструкты. Следовательно, и единой истины, как было в средневековом дискурсе, не существует, а предъявляется множество истин. Истина как собственный продукт творится и произвольно декларируется автором. Знание есть когнитивное и преобразующее отношение к миру. Культурные практики как элемент практически преобразующей деятельности также становятся неотъемлемым элементом адаптации, через игру, подражание и осмысление [6]. Помимо этого, даже религиозные символические действия-ритуалы (молитва, пение, медитация, аскеза и т. д.) поддерживают различные системы самоконтроля; ибо, осознание святости практик, консолидирует социальные группы. Неадаптационистский подход (определяет человека как операционально замкнутую систему, активно «пробующую» мир, а не «пластилиновым существом», сколь угодно гибким и пассивным (*tabula rasa*). Провозглашается, что истину неправомерно рассматривать просто как форму приспособления и итог адаптационных практик [1, с. 286], добавляются положения конструктивизма. Э. Эзер в рамках своей парадигмы отстаивает позицию, что эволюционной эпистемологии скорее адекватна когерентная теория истины, определяя ее как теорию эволюционной когерентности истины, что «ссылается на диахронную когерентность развития областей знания, которая основывается на "логике познавательного процесса", где для каждого индивида существует сетка ожиданий получения определенного знания, когнитивная оптика, которая сложилась в процессе проживания, аккультурации и является оптимальной для реального функционирования когнитивной системы. Эволюционная эпистемология может быть рассмотрена как попытка объяснить априорные структуры нашего знания через эволюцию и "динамизировать" эти структуры» [3, с. 357–384]. В научной матрице когерентной теории истины и понимания обусловленности результатов человеческого познания его местом в процессе космической эволюции эволюционная эпистемология выявляет корни некоторых заблуждений коллективного человеческого разума, раскрываются мезокосмические корни «ошибочных» выводов и представлений, когнитивных неудач науки того времени. Полнота и успешность результатов познания базируется не только и не столько на языковой и логической когерентности, а на сложившейся в результате эволюции естественной функциональной когерентности механизмов и технологий познания, функциональной когерентности способностей человеческого мозга как самореферентной системы. Знание телесно, оно воплощено, непосредственно детерминировано телесной облеченностью человека, обусловлено выработанными мезокосмическими способностями человека к отражению конкретной действительности. Окружающий мир, как отмечал Варела, может быть охарактеризован не посредством атрибутов, а посредством потенций, которые выявляются, актуализируются посредством вдействования человека в мир, так

называемой энактивации. Один из решающих аргументов в защиту множественности истин и, соответственно, множественности реальностей живых существ базируется на представлении, что всякое живое существо, а человек в высшей степени, не просто отражает мир, но и активно строит, конструирует его. Субъект постоянно вращается в круге своего собственного опыта: «Человек организует мир, организуясь сам». Поскольку человек активно строит и создает окружающий его мир, постольку радикально изменяется и представление об истине и ее критериях. Конструктивизм как теоретическая концепция находит обоснование в кибернетике кибернетики, кибернетике второго порядка, т. е. в кибернетике как эпистемологии. Два основных понятия кибернетики – циклическая причинность и структурное сопряжение систем – обычно используются при построении концепции радикального конструктивизма [6]. Исходя из этих двух понятий, выведены радикальные выводы, что каждый человек оказывается замкнутым в собственном мире, ибо осваивает, конструирует свою собственную реальность, что истина есть изобретение лжеца. В основе кибернетического мышления лежит идея цикличности, обратной связи, самоотнесенности, самоструктурирования. Ни одна система не смогла бы выжить без способности поддерживать и воспроизводить собственное поведение и свою организацию. В самоорганизации всегда есть момент цикличности: это, по сути, организация организации. Сознание сознания есть самосознание, а понимание понимания есть самопонимание. Окружающий мир в том виде, в котором мы его воспринимаем, является нашим изобретением. Вместо того чтобы беспокоиться о недоступной нам внешней реальности, разумнее сфокусировать внимание на мире, который мы строим в процессе взаимодействия и коммуникации с другими людьми, на мире нашего опыта. Кибернетика первого порядка разделяет субъект и объект, она указывает на предполагаемый независимый мир «там, вне нас». Поскольку мир есть наше изобретение, то каждый из нас когнитивно одинок, причем безнадежно. Понятие истины постоянно мимикрирует, тем самым в соответствии с позицией исследователя в самих когнитивных механизмах живых существ заложен вектор на максимально возможную очищенность результатов восприятия от привнесенных, в том числе и конкретно-телесных факторов, а сознания – от произвольных, субъективных его конструктов. Этот важный феномен К. Лоренц, назвал объективацией. Возможность объективации – это выход из бесконечного круга рекурсии и взаимной детерминации «субъект-объект». Вещественный, расчлененный на объекты мир, который мы воспринимаем, возникает только посредством того, что мы абстрагируемся от «субъективного» и случайного. То, что позволяет нам верить в реальность вещей, это, в конечном счете, постоянство, с которым определенные внешние воздействия всегда одновременно и в одной и той же закономерной связи

всплывают в нашем опыте, вопреки всем изменениям условий восприятия и внутренних состояний нашего я. Позицию Лоренца можно суммировать следующим образом, объективация действует на первичном уровне физиологических механизмов восприятия и в значительной мере сформировала понятийное мышление. Постулируется, что свойственное человеку объективированное восприятие окружающего пространства не дано a priori, оно сформировано в процессе аккультурации жизненного пространства. К. Лоренц говорил и об «обдуманной рациональной объективации», которая продолжает нерефлективную физиологическую объективацию, что выводит нас на религиозный аспект проблемы, что не получило значительного интереса в науке [2, с. 357–384]. Реальность не бесконечно пластична и не может произвольно прогибаться под действиями человека, но существуют границы и конструктивизма, и, тем более, волюнтаризма. Можно осуществить, сконструировать, построить только то, что детерминировано и согласовано с внутренними тенденциями. Адаптация многовариантна и активна: человек прощупывает, зондирует, испытывает мир и ждет от него отклика, тем самым, конструируя себя и свой мезокосмический мир. И именно в этом заблуждении появляется озарение и новое видение. Бояться впасть в заблуждение – значит, ничего не открыть, сковывать свои силы на пути познания, на котором возможны фазовые переходы, неожиданные сюрпризы, открытия на индивидуальном уровне, из которых вырастают инновации в культуре. Из тупиковых ветвей познания могут эмерджентно вырастать необычные научные конструкты (И. Павлов о свете в конце тоннеля). Многовариантный процесс коэволюции в результате и процессе которого выработан устойчивый механизм объективации результатов познания, подвергается постоянному изменению, то есть в известном смысле эволюционирует, развивается в соответствии с вызовами времени.

Литература и источники

1. Вукетич, Ф. Эволюция и познание: парадигмы, перспективы, проблемы / Перевод Е. Н. Князевой. // Эволюционная эпистемология. Антология. – СПб., М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.

2. Князева, Е. Н. Понимание истины в эволюционной эпистемологии // Истина в науке и философии. – М.: Альфа, 2010.

3. Ленин, В. И. Философские тетради. – М., 1947.

4. Мамедов, А. К. Логика социального познания (Поппер vs Маркс) // Социология. – 2016. – № 3.

5. Мамедов, А. К. Эпистемология социального познания. – М., 2017.

6. Матурана, У. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела. – Изд.2-е, доп. – М., 2019.

МЕДИЙНЫЕ ПРАКТИКИ ПУБЛИЧНОЙ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ WARGAMING)

О. А. Матусевич

Публичная история – понятие для науки достаточно новое и весьма спорное. Единого подхода к определению публичной истории нет. В научной среде отсутствует согласие относительно статуса публичной истории. Одни специалисты утверждают, что это новая область знания или междисциплинарное направление, другие считают, что это особый вид деятельности, и необязательно – профессиональных историков, третьи видят в ней реализацию просветительской функции истории в новых условиях информационного общества. На наш взгляд, стоит исходить из того обстоятельства, что публичная история не создает новое научное знание и не верифицирует его, поэтому правомернее говорить об особой практике работы с историческим материалом в публичном пространстве вне стен учебных и научных учреждений.

Появление публичной истории связано с изменением условий функционирования науки в современном обществе. Ориентация на прикладные результаты и экономическую выгоду научной деятельности сформировала тенденцию коммерциализации истории. Для публичной истории характерен широкий спектр способов внеакадемического представления исторического знания, в том числе медийная репрезентация истории. Исторический материал является востребованным контентом, т. е. текстовым и визуальным наполнением медийного продукта. История превращается в инфотейнмент (от англ. information – информация и entertainment – развлечение), что хорошо демонстрирует успех компьютерных игр на историческую тематику, в которых исторический бэкграунд гарантирует высокую прибыль за счет эмоциональных и символьных (социальное одобрение) выгод пользователя от приобретения компьютерного продукта [1]. Таким образом, история используется для повышения «реализуемости» медийного товара посредством эксплуатации познавательного интереса и, например, апелляции к патриотическим чувствам.

Показателен пример весьма успешной компьютерной игры «World Of Tanks», создатели которой активно сотрудничают с историками и музеями как на этапе разработки игры, так и в сфере маркетинга, ориентируясь в том числе и на культуру памятования событий Великой Отечественной войны в нашем регионе. «В преддверии 70-летнего юбилея Великой Победы Wargaming запустила целый ряд активностей в рамках глобальной инициативы "Помним все". В проекте "Победа! 70 лет" освещаются турниры и другие мероприятия, организованные в честь Дня Победы. Проекты инициативы "Помним все" – это возможность отдать

дань уважения героизму наших дедов и прадедов, которые сражались и умирали за Родину. Активности, организованные компанией, призваны привлечь внимание молодежи к событиям, которые 70 лет назад потрясли весь мир, и напомнить об одной из самых важных дат в национальной истории» [2]. Так, во вкладке «История и техника» есть рубрика, посвященная 9 мая, – «Узнать о победе», где публикуются воспоминания ветеранов [3]; создан интернет-проект «Фронтовой альбом» – «проект компании Wargaming, направленный на сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне и ее участниках» [4]. Для привлечения внимания к военной истории создаются документальные фильмы, например, сериал «World Of Tanks. История танкостроения». Деятельность компании Wargaming хорошо иллюстрирует не только то, как используют историю в рекламных целях, но и удачное сотрудничество с военными историками, реконструкторами и поисковым движением. Результатом такого сотрудничества стала, например, виртуальная экспозиция Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации [5].

Компания Wargaming привлекает историков (в штате компании таких специалистов несколько десятков) на всех этапах создания игры и моделей танков: для сбора информации, проверки достоверности моделей и представленности в игре. В первую очередь историки необходимы для консультирования технического сопровождения разработок. В компании отмечают, что больше всего сложностей связано с поиском достоверной информации о технике, ее чертежей и фото. При продвижении продукта компания ориентируется в том числе на познавательный интерес геймеров. Игрокам интересна как история Второй мировой, так и техника, представленная в игре. В «World Of Tanks» более 750 единиц техники, каждая модель уникальна и со своей историей. В компании подчеркивают, что в игре не реконструируются события Второй мировой, поэтому в одной команде могут сражаться танки всех представленных наций. Такой подход дает возможность формировать этически нейтральную позицию по отношению к реальным событиям прошлого. При создании документального сериала «World Of Tanks. История танкостроения» компания исходила из понимания того, что без интереса к танкостроению, не было бы огромной аудитории и успеха игры. По мнению сотрудников компании, чем больше игрок знает про танк, тем лучше он применяет знания в игре и получает больше шансов на победу в бою. Активности, приуроченные к празднованию победы в Великой Отечественной войне, создавались компанией с целью демонстрации гражданской позиции и определенного отношения к прошлому, они эффективно использовались для создания определенного имиджа игре. На это указывает тот факт, что эти проекты созданы именно о Великой Отечественной войне, а не Второй мировой, и существуют только в русскоязычной версии, следовательно, ориентированы на аудиторию стран СНГ. В компании транслируют

социально ответственный подход к истории с четким осознанием того, что тема войны – это больше, чем игра и это накладывает определенные ограничения и обязательства, например, продвигать идею памяти о войне [6].

Опыт компании Wargaming отчетливо демонстрирует, что публичная история предполагает отказ от традиционного научного подхода к историческому материалу. Как отмечает Федор Горбачев, исторический консультант компании: «Основной проблемой для истории сегодня является отсутствие продвижения истории. На сегодняшний день в нашем обществе историки – это либо ученые, которые в основном работают для таких же ученых, либо преподаватели, которые обучают базовым вещам. Естественно какой-то трансферт знаний от ученых к преподавателям происходит (на уровне преподавателей высшей школы значительный). Фактически, других потребителей у исторических знаний нет, мы рассчитываем на каких-то мифических "любителей истории". Но эти любители не появится из ниоткуда. История конкурирует за досуг людей так же, как и другие отрасли знаний, но историки не видят для себя необходимости, да и не умеют, конкурировать за досуг потенциальной аудитории. В этой ситуации выходом были бы профессионалы, которые могли продвинуть и раскрутить исторический контент, могли четко сформулировать заказ (и по форме, и по содержанию) на исторический контент. В бизнесе, который готовит развлекательный контент, есть спрос на реалистичность. Эксперту-историку проще придать проекту реалистичности (даже если речь будет идти о некой альтернативной реальности, люди все равно в восприятии опираются на свой жизненный опыт). При работе консультантом в бизнесе вы сталкиваетесь с целым рядом конфликтов интересов. Зачастую историческая достоверность может быть принесена в жертву эстетике, дизайну, еще каким-нибудь параметрам, и тут главное знать или чувствовать меру и находить баланс (излишней историчностью можно навредить всему проекту, с другой стороны, значительные отклонения от достоверности и реалистичности тоже могут навредить). В академической деятельности историческая достоверность, естественно, является альфой и омегой. С другой стороны, в бизнесе вам зачастую приходится давать ответы на вопросы, на которые нет достоверных ответов (нет источников), и, если в академической среде эти вопросы остаются открытыми, то в бизнесе приходится фантазировать реалистичные варианты» [7].

Кейс публичной истории, реализованный в рамках проекта «World Of Tanks», уникален для нашего региона. Это пример успешного прикладного использования просветительского, развлекательного и рекламного потенциала истории.

Литература и источники

1. Алексунин, В. Создание и продвижение брендов в сфере компьютерных игр // Интернет-проект «Энциклопедия маркетинга» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.marketing.spb.ru/ mr/ travel/ branding_online_games.htm. – Дата доступа: 08.09.2020.
2. Проекты. Победа! 70 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pomnimvse.org/ ru/ project/ pobeda-70let/. – Дата доступа: 08.02.2019.
3. Узнать о Победе. Говорит Сергей Отрощенков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://worldoftanks.ru/ ru/ news/ history/ 5-istori-pobedy-5/. – Дата доступа: 08.09.2020.
4. Фронтовой альбом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://frontline.su/. – Дата доступа: 08.02.2019.
5. Проекты. ЦМВС РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pomnimvse.org/ ru/ museums/ tsmvs/. – Дата доступа: 08.02.2019.
6. Переписка с PR службой Wargaming.net. Из личного архива автора.
7. Интервью Федора Горбачева (исторический консультант Wargaming). Из личного архива автора.

НОВЫЙ ТИП ДЕТЕРМИНИЗМА ВО ВТОРОМ МУЗЫКАЛЬНОМ АВАНГАРДЕ

Т. Г. Мдивани

Постмодернизм в музыке как особое духовное состояние и ментальная этика сформировался в творчестве композиторов Второго авангарда и проявил себя в жанровой сфере (хэппенинг, перфоманс, акция), стиле (сонорика, алеаторика), технике композиции (интертекстуальность, советская полистилистика). Характерные для него смена ценностных ориентиров, «деканонизация» (Ихаб Хасан), монтажность, игровая логика и проч. инспирировали новизну музыкального мышления, которое можно определить как постнеклассическое. Его характеризуют эссенциалистское понимание мира, тесно связанное, а иногда и обусловленное самоценностью инвенторства, парадигма нелинейности, отличительной чертой которой является царство нового образа детерминизма, а также культивирование новизны во всех формах проявленных и непроявленных звучаний.

Наиболее интересным результатом постмодерного композиторского творчества явилась нелинейность. Ее истоки находятся, на наш взгляд, в той ветви музыкального поставангарда, которая аппелирует к восточной идее бесконечности бытия и детерминированности «хаоса». Этим определяется внеевропейская музыкальная этика постнеклассических музыкальных композиций, главными чертами которых выступают открытость системы, фактор случайности (казуальности), «подлинная

множественность подлинно новых состояний», незакрепленность текста.

Постнеклассическая музыкальная реалия содержит в себе а) элементы нового детерминизма или б) базируется на новом детерминизме, и тем самым выступает репрезентантом нелинейной концепции музыки. Нелинейность в музыке – это амбивалентный феномен: с одной стороны, фиксируется особое состояние музыкальной материи, с другой – процесс становления творческой мысли. Нелинейность как состояние, «ставшее» маркируется аппроксимативностью, неопределенностью (элементов), многообразием звуковременных моделей, как процесс, или формирующийся «хаос» – случайностью, би- и полифуркацией, фракталами и т. п. Например, «Etudes Australes» № 1 Д. Кейджа демонстрируют нелинейность в двух ипостасях: как «незавершенная процессуальность» [4. с. 693] – разомкнутая, самодетерминированная структура, нерегламентированный во времени музыкальный процесс, и как состояние – совокупность звуков и их чередование на эссенциалистской и топографической основе. Между тем, творчество как «сублимированный каприз <…> и сублимированный произвол» [1] не содержит бессмысленной произвольности и бессознательной свободы, но степень свободы определяется ситуацией выбора (средств, целей, возможностей). Выбор осуществляется самой творческой личностью, которая руководствуется индивидуальными представлениями о реализации задуманного и способах достижения цели. Отсюда любое творческое деяние, как линейное, так и нелинейное, детерминировано и разумно по определению, и, следовательно, творческий волюнтаризм *объективен*.

Способность к свободному выражению воли, как и к управлению мыслями, чувствами и эмоциями, является прерогативой творческого разума, и предполагает разнообразные и многообразные модели воплощения любой художественной идеи, в т. ч. музыкальной. Рациональным ядром во всех случаях является «некий природный инстинкт» (Боэций), самодетерминизм (Д. Леонтьев) и «новый тип детерминизма» (М. Можейко), который атрибутирует нелинейную ипостась постнеклассической музыкальной реалии. Рациональным конструктом, определяющим характер и даже вектор развития музыкальной мысли в такого рода композициях является творческий эдикт, логическим модератором – «новый тип детерминизма». При этом эвристика неизбежно коррелирует с композиционной и стилистической нормой, мировоззрением и духовным состоянием эпохи.

В постнеклассической музыке, порожденной идеями плюрализма и деконструктивизма, царствуют нестабильность и непредсказуемость, связанные с парадигмой детерминизма нелинейного типа. В ее контексте эффектом неповторимости и новизны обладает диссипация (П. Булез, Д. Кейдж, В. Мартынов), где выражением детерминации нелинейного типа

выступает незавершаемая процессуальность. Графическое оформление постнеклассических нелинейных композиций соответствует диссипативной идее, и потому может иметь топографию круга («Agnus Dei» К. Пендерецкого), креста (С. Губайдулина), параболической фигуры (В. Екимовский), абстрактного рисунка (К. Кардью) или представлять собой сиюминутный творческий опыт *hic et nunc* (П. Булез). Как отмечалось выше, в сочинениях с нелинейной концепцией актуализируется постнеклассический постулат, связанный с принципом казуальности. Этот постулат пока не нашел четкого методологического сопровождения, хотя само явление в определенной степени уже «устарело». Мы предлагаем обратиться к синергетике, объясняющей организацию материи в условиях «хаоса» и исходящей из нелинейного понимания детерминизма.

Согласно синергетике, «все, что рождается само рождается через случайное» [2. с. 87]. Процесс «саморождения» связан с множественностью состояний и неоднозначностью путей развития музыкальной системы в условиях отсутствия перманентных взаимосвязей между ее элементами. Управление творческой мыслью в такой ситуации предполагает разные степени свободы. И поскольку свобода «есть круг внутри более широкого круга детерминизма, который, в свою очередь, находится внутри еще более широкого круга свободы, и так далее до бесконечности» [5], то вопрос о регуляторе творческих репрезентаций и их организации в условиях многозначности и парадигмальной матрицы нелинейности неизбежно приводит к принципам самоуправления и самоорганизации, неизбежно связанных с волей (композитора). Логическим базисом нелинейных композиций выступает *самодетерминизм,* или «новый тип детерминизма» (М. Можейко).

Однако понятия самодетерминации и самоконтроля не синонимичны и не идентичны по своим функциям, и их различает подход к авторству, а точнее – к авторской тантьеме, поскольку в музыкальной композиции идея свободы самовыражения осуществляет…исполнитель, а не композитор. В таких случаях «субъект не выступает автором, как при подлинной самодетерминации» [3. с. 17], но процесс исполнения музыкального текста все же организуется созидательной идеей автора музыки, композитора. То есть на всех этапах жизни постнеклассической музыкальной композиции творческий акт есть самоорганизационный процесс, априори самодостаточный, апеллирующий к детерминации нелинейного типа с обогащенным и расширенным содержанием, или к неодетерминизму (термины М. Можейко).

Адепты синергетики Е. Князева и С. Курдюмов, считают этот феномен высшим типом детерминизма: «новый образ детерминизма», или «иной тип» детерминизма, конституирует «в некотором смысле высший тип детерминизма – детерминизм с пониманием неоднозначности будущего» [2. с. 48]. То есть во всех случаях выделяется детерминантная

фракция, которая выступает рациональным конструктом целостности. На наш взгляд, самодетерминизм и самоорганизация в постнеклассической музыкальной композиции фиксируют новое состояние музыкальной реальности в ее временной и материальной субстанциях, где «парадигма детерминизма нелинейного типа» [4. с. 693], казуальность и связанная с нею предметная и логическая атрибутика становится символом постнеклассической «музыкальной цивилизации», демонстрирующей разные аспекты «нововременного *opus perfectum et absolutum*» (М. Катунян).

Культивирование в постнеклассической музыкальной композиции нелинейного типа детерминизма было связано с расширением границ музыкального начала и введением в его структуру текста аудио, слайд, свет и проч., которые были ориентированы на интерпретацию, вариантность исполнения. Регулятором созидательного процесса выступил творческий эдикт, или самоорганизующий параметр, что указывает на руководящую роль самодетерминационного фактора – творческую самоорганизацию. Расширение музыкального ряда и опора на нелинейный тип детерминизма было новым, оригинальным и отвечало главной парадигме постмодернизма – парадигме новизны. Однако гиперболизация эффекта новизны и перманентная интенция к всеобъемлющей широте, в конечном счете, привели к дисбалансу и нивелированию сложившихся ценностей, где ценностно значимым в постнеклассической музыке становится симулякр, мир означающих референтов и идея недосказанности – выразителя семантической неполноты. Между тем, проблема соотношения музыкального и вне(не)музыкального начал (в различных формах) не утрачивает своей актуальности, но ее рассмотрение требует особого междисциплинарного знания и релевантных аналитических методик. Таковой является синергетика – методологический оптимум при изучении нелинейной музыкальной композиции.

Литература и источники

1. Вышеславцев, Б. Вечное в русской философии. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uchebnikfree.com/ istoriya-filosofii-uchebnik/ svoboda-voli-tvorcheskiy-9474.html.

2. Князева, Е. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е. Князева, С. Курдюмов. – СПб.: Алетейя, 2002.

3. Леонтьев, Д. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминация личности / Психологический журнал. – 2000. – № 1.

4. Можейко, М. Неодетерминизм / История философии. Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервиз. Книжный дом, 2002.

5. Мэй, Р. Свобода и судьба. Москва: Институт общегуманитарных исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.livelib.ru/ book/ 1000902059/ about-svoboda-i-sudba-rollo-mej.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА

А. П. Мельников

Политическая культура является одной из важнейших составляющих и доминант политического развития любого общества и государства. От ее состояния и развития, качества политических ценностей и преобладающих политических ориентаций зависит политический потенциал социума, перспективы его политического и исторического генезиса.

Выступая частью общей культуры общества, политическая культура вместе с тем включена в механизм взаимодействия гражданского общества и институтов политической системы, она определяет «правила игры» субъектов политики в политической сфере. Структурно на групповом и индивидуальном уровне она включает в себя образцы политического сознания и политического поведения, а на системном уровне дополняется образцами функционирования политической системы и ее институтов.

Политическая культура чрезвычайно сложный феномен. Она включает в себя не только разнообразные политические институты, но прежде всего совокупность норм и ценностей, посредством которых человек реализует свой социально-политический статус: вырабатывает систему политических потребностей, формирует политические ориентиры и политическое поведение в целом. Иными словами, политическая культура включает в себя всю совокупность моделей деятельности людей, закодированных в их предметной среде, духовных представлениях и стандартах поведения. Иначе говоря, она представляет собой совокупность относительно устойчивых ценностей, установок, убеждений, представлений, образцов поведения, детерминирующих как формы функционирования политической системы и особенности политических процессов, так и конкретные проявления политического поведения членов общества, обеспечивающих тем самым воспроизводство политической жизни на основе преемственности.

Политическая культура любой страны уникальна, ибо складывается в процессе длительного исторического развития, на нее накладывают отпечаток природно-климатические, этнические, демографические, социальные, религиозные, геополитические и иные факторы.

Термин «политическая культура» ввел в научный оборот немецкий философ И. Г. Гердер в работе «Идеи к философии истории человечества» (1784), хотя он и не раскрыл суть данного понятия [1, с. 333, 339].

Концепция политической культуры в современной науке начала создаваться гораздо позже, только в середине XX века американскими учеными Х. Файером, Г. Алмондом и С. Вербой. Первоначально политическая культура в их представлении ограничивалась в основном сферой сознания. Позже значительный вклад в разработку теории

политической культуры внесли такие зарубежные исследователи, как М. Дюверже, Л. Пай, Г. Лассуэлл, С. Липсет, Д. Каванах, С. Хангтингтон и т. д.; в России и Беларуси – Ф. М. Бурлацкий, Э. Я. Баталов, В. Ф. Пеньков, В. А. Зимин, Г. Л. Тульчинский, А. С. Паначева, Т. Н. Самсонова, Л. Г. Титова, Е. М. Бабосов, А. И. Головнев, Н. В. Скок, Ю. П. Бондарь и др.

Несмотря на активное исследование рассматриваемой проблемы, в современной отечественной и зарубежной научной литературе нет единой концепции политической культуры и ее общепринятого определения. Существует множество подходов к трактовке данного феномена и его дефиниций. В целом политическая культура представляется как комплекс тех элементов общественного сознания и общей культуры, которые оказывают значительное влияние на формирование и развитие политических институтов, задают направление политическому процессу и политическому поведению субъектов политики. Если сформулировать предельно краткое определение рассматриваемого явления, то ценный аналитический материал, накопленный в трудах различных исследователей, позволяет определить политическую культуру как совокупность политических знаний, убеждений и принципов, проявляющихся в способах и результатах политической деятельности людей.

Что касается понятия «постмодерн», то этот термин как антитеза понятию «модерн» вошел в научный оборот тоже в XX веке. Категория «постмодерн» как социальный феномен представителями различных наук трактуется по-разному. Вначале он возник как культурологическая проблема и ассоциировался по преимуществу с архитектурными экспериментальными стилями. Позже он получил более широкое толкование и распространение на все сферы общественной жизни. В наши дни под постмодерном понимаются сациокультурные изменения, происходящие в процессе трансформации индустриального общества в постиндустриальное, информационное во второй половине XX века.

Как известно, в историческом процессе в хронологическом плане принято выделять три типа обществ: традиционное или премодерн; индустриальное общество – с конца XVIII века, весь XIX век и начало XX столетия – модерн; вторая половина XX века – XXI век – общество постмодерна. В экономических категориях им соответствует: прединдустриальное общество или аграрное; индустриальное, то есть промышленное; и постиндустриальное или информационное, технотронное общество. Таким образом, в нынешнее время постмодерн есть как бы продолжение и завершение эпохи модерна.

На западе проблемами постмодерна занимались и занимаются такие видные специалисты, как Ж.-Ф. Лиотар, П. Бурдье, Ж. Бодрийяр, Д. Белл, Ж. Делез, У. Эко, Ю. Хабермас, в России и Беларуси А. Г. Дугин,

И. Б. Ильин, В. Н. Курицын, В. С. Мартьянов, И. А. Терещенко, И. А. Чудова, Э. К. Усовская и другие.

В отличие от индустриального общества политическая культура постмодерна характеризуется рядом отличительных черт. В этой связи необходимо отметить, прежде всего, все большую эмансипацию человека от политики и политической власти; политические конфликты теряют классовый характер; снижается потребность в сильных харизматических лидерах, падает доверие к политическим партиям; рядовые граждане не хотят ограничивать и обременять себя вступлением в какие-либо организованные структуры; идеалом становится свободное электоральное волеизъявление. «Массовая приверженность давно утвердившимся иерархическим политическим партиям размывается; не желая далее быть дисциплинированным войском, общественность переходила к все более автономным видам участия, бросая при этом вызов элитам» [2, с. 22].

В постмодерном обществе вместо увлечения масс политикой усиливается роль «новых» культурных факторов, что находит проявление в увеличении так называемой культуры развлечений и росте массовой культуры в целом. В новых условиях снижается роль церкви, поскольку она ориентирует на воздержание от мирских утех; все большее значение приобретают «гибкие правила, ситуационная этика», то есть нравственный релятивизм. В условиях постмодерна падают ценности семейной жизни. Все более важным становится так называемое «сексуальное самовыражение» человека опять-таки в ущерб общечеловеческим нормам морали.

Отличительной особенностью образа жизни общества постмодерна является дальнейшая информатизация всех общественных сфер, в том числе и политической. В настоящее время информатизация по своему социальному значению сопоставима с индустриализацией эпохи модерна. В связи с этим следует отметить так называемую «театрализацию» политической сферы. Все сколько-нибудь значимые события в политической жизни принимают форму ярких спектаклей или шоу. Как считают многие исследователи, политика перестает быть сферой принципиальной деятельности человека-гражданина; политические баталии часто ни к каким серьезным последствиям не приводят. Оттого политика все больше превращается в зрелище. Таким образом, сдвиг от ценностей модерна к ценностям постмодерна ведет к выхолащиванию многих принципов политической культуры гражданского общества. Как считают некоторые исследователи, в настоящее время явственно начали проявляться две противоположные тенденции: кризис гражданской культуры в развитых странах и ее постепенный подъем в развивающихся странах.

Литература и источники

1. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977.

2. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. – 1997. – № 4.

БИОЭТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ

А. Е. Михайлов, М. В. Михайлова

Значимость развивающейся науки и создаваемых на ее основе достижений технологий возрастает среди факторов, которые динамично меняют различные стороны жизни современного общества. При этом актуализируется потребность максимального приближения профессиональной подготовки в системе высшего медицинского образования к передовым рубежам научных исследований в разработке и освоении новейших биомедицинских технологий, открывающих возможности модификации человеческой природы. Без учета различного рода последствий биотехнологических инноваций, без их адекватной гуманитарной оценки невозможно эффективное развитие не только медицины, здравоохранения других отдельных сфер, но и общества в целом.

На более высокий уровень биомедицину выводят фундаментальные исследования в таких областях как протеомика, геномика, биоинформатика и другие. Совершенствуются бионанотехнологии с использованием новых материалов, аналитической техники, средств диагностики (секвенаторы нуклеиновых кислот, биосенсоры, микрофлюидные и наночиповые устройства). Расширяется спектр методов генетической диагностики заболеваний, формируются технологии персонализированной медицины и регенеративной медицины, раскрываются молекулярные основы иммунитета и онкогенеза. Развиваются различные направления биоинженерии. Разрабатываются новые подходы в создании все более совершенных терапевтических препаратов. В перспективе медицину и здравоохранение смогут кардинально изменить наноустройства, способные отслеживать функционирование органов и систем в человеческом организме на клеточном уровне, а в случаях отклонения от заданных значений корректировать их жизнедеятельность. Это позволит снизить риски многих заболеваний, что будет способствовать продлению жизни, создавая предпосылки для повышения ее качества по различным параметрам.

В медицине, являющейся междисциплинарной областью, идут процессы интеграции и дифференциации естественнонаучных и

социально-гуманитарных знаний. Их практическое использование с необходимостью предполагает этическое и правовое регулирование происходящих в биомедицине изменений с учетом не только ближайшей, но и отдаленной перспективы. «При выборе направлений биомедицинских научных исследований, при оценке целей, средств и возможных последствий решения проблемных ситуаций в процессе применения полученных знаний социальная установка биомедицины формируется на основе аксиологической проработки ее критериев и ориентиров. Успешное решение перспективных проблем развития медицины предполагает выход за рамки ценностно нейтральной классической модели философии науки, соответствующей ранним этапам становления естествознания или его отдельным узкоспециализированым направлениям в отвлечении от культурно-исторического контекста» [1, с. 68].

Коммерциализация медицины в условиях рыночной экономики вносит свои коррективы в формирование мотивации у медицинских работников и выбор принимаемых ими решений. Изменения ценностных приоритетов зачастую стимулируют усиление социальной иерархизации и расширение форм манипуляции отдельными индивидами и социальными группами. В настоящее время отмечается распространение гипердиагностики и последующего избыточного лечения, которое может выходить далеко за рамки распространенной в поликлиническом звене полипрагмазии (одновременного назначения большого количества и часто несовместимых между собой лекарственных препаратов).

Подготовка в медицинском вузе будущих врачей выходит за рамки узкоспециализированных профессиональных дисциплин и ориентирована на более широкий мировоззренческий контекст, формируемый философией и биоэтикой. Востребованность в таком подходе подтверждается сегодняшней ситуацией, связанной с пандемией Covid-19, которая породила масштабные экономические, ментальные, социальные, политические и правовые последствия. В своей статье для The Wall Street Journal бывший госсекретарь США Генри Киссинджер утверждает, что пандемия коронавируса навсегда изменит мировой порядок. Он считает, что необходимо «параллельно с борьбой с инфекцией вести создание "поствирусного" мирового порядка». Но если «ущерб для общественного здоровья будет лишь временным, а вот политический и экономический хаос, вызванный этим вирусом, может затянуться на поколения» [2]. Для решения проблем, вызванных разрушительными последствиями кризиса, потребуется «глобальная программа сотрудничества».

С развитием биомедицины ее этико-правовая нормативная база требует конкретизации и уточнения, наполняясь новым смысловым содержанием. В последние годы в конституции ряда стран были внесены изменения с учетом биоэтического осмысления инновационных технологий в биомедицине.

При обновлении нормативной базы для биомедицины зачастую отмечается преобладание технологического подхода, сводящегося к описанию медицинских процедур при вмешательстве в организм человека. «Защита гражданских прав в документах такого вида уходит на второй план и больше напоминает некий побочный продукт, хотя именно биомедицинские технологии становятся агрессивными по отношению к человеку» [3, с. 28]. Профессиональная и мировоззренческая подготовка будущих врачей предполагает формирование у них компетенций для адекватных биоэтических и политико-правовых оценок изменений, происходящих в обществе под влиянием новых биомедицинских знаний и технологий. Такая подготовка студентов-медиков создает предпосылки и среду для перспективного развития биомедицины и совершенствования системы здравоохранения.

Принципы и правила биоэтики должны стать биоэтическими императивами, которые, включаясь в теоретическое ядро мировоззрения, оказывают все большее влияние на убеждения и установки в осмыслении возникающих проблем и в поисках ответов на вызовы времени.

Литература и источники

1. Михайлов, А. Е. Мировоззренческая подготовка будущего врача // Вятский медицинский вестник. – 2017. – № 1.

2. Киссинджер, Г. Пандемия коронавируса навсегда изменит мировой порядок / The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://inosmi.ru/ politic/ 20200408/ 247221772.html.

3. Романовский, Г. Б. Конституционные права человека и современные биотехнологии // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 5.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КАК МЕТОД СИНТЕЗА СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ТЕОРИЙ?

В. С. Михайловский

Деконструкция – это понятие современной (вторая половина XX в.) философии, которое означает понимание посредством включения в новый контекст. Концепция деконструкции была разработана французским исследователем Ж. Деррида в рамках философии языка, но получила применение и вовне: архитектура, история, литература, мода, юриспруденция и т. д. Исходная идея Ж. Деррида – это несовпадение (противоречие) смысла и текста (языка) в силу бинарных оппозиций мышления (логоцентризм) и необходимость деконструкции как метода разложения целого на части с целью познания их происхождения и функционирования как целого. Деконструировать теорию – это «деконтекстуализовать» его структуру, «рассмотреть ее собственные

свойства, часто противоречащие целостной картине исходного текста, и получить таким образом новую картину, "очищенную" от влияния предзаданной системы» [1, с. 135–136].

Концепция деконструкции Ж. Деррида глубоко философская, творчески оригинальная, обширно аргументированная, написанная на специфическом языке французского постструктурализма. В редукционистском изложении деконструкция как метод сводится к двум действиям (операциям): *переворачивание и реставрация*.

Переворачивание теории происходит в два этапа: *различение* – нахождение бинарной оппозиции из главного понятия теории и его антипода; и *инверсия* – замена главного понятия на антипод. После «переворачивания» теории происходит ее реставрация как «реконструкция». Российский исследователь А. В. Вдовина так описывает этот процесс: «На этом этапе происходит реставрация репрессированных ресурсов и возможностей понятий и в результате их обобщения новые понятия прививаются к привилегированным традиционным понятиям первой фазы переворачивания. Дело в том, что новые привилегированные понятия перевернутой концептуальной иерархии являются фантомными образами репрессированных, тех, что находятся по ту сторону метафизического дискурса. Поэтому деконструкция не останавливается на этом. Только посредством прививки к именам новых понятий тех значений и смыслов, репрессиями которых они являются, можно сказать, что деконструкция произведена» [2, с. 204]. В результате такой операции происходит «глубинная рекомпозиция» [3, с. 9]; «обретение оригинальности "вторичного"» [4, с. 66–67]. Как пишет российский исследователь Б. К. Эзри, «с методологической точки зрения деконструкция является пересмотром ранее устоявшегося за счет переформатирования первоначальных структур» [5].

Стоит отметить, что определение деконструкции как метода не является общепринятым. В литературе используются и такие дефиниции, как «принцип», «подход», «прием», «транскрипция», «способ работы мысли», «мировоззренческая рекомендация»; а также имеют место прямые запреты на понимание деконструкции как метода. Приведем цитату Ж. Деррида, которая, по нашему мнению, отражает методологический характер идеи деконструкции: «Деконструкция не может ограничиться нейтрализацией: она должна … осуществить опрокидывание классической оппозиции и общее смещение системы. Только на этом единственном основании деконструкция предоставляет себе средства вторжения в поле оппозиций, которое она критикует… Деконструкция заключается не в переходе от одной концепции к другой, но в перевороте и смещении концептуального порядка, а также неконцептуального порядка, по отношению к которому концепт себя артикулирует» [6].

Мы целенаправленно актуализируем идею деконструкции в ее

тривиальной (этимологической) форме: «де» как «обратное», «конструкция» как «сооружение». Именно такой подход возможен в рамках исследования метода синтеза социогуманитарной теории. Разделяя критику постмодернизма и принимая положение, что концепция деконструкции «низвергает авторитет платоновско-декартовско-кантовской эпистемологической традиции» [7, с. 86], мы склоны видеть эвристичный потенциал деконструкции как метода. Однако тривиальное (этимологическое) понимание деконструкции не является дерриданским подходом к деконструкции. Если мы берем теорию-реципиент, выявляем ее основную идею и ее антипод (различение), заменяем эту идею антиподом, т. е. идеей теории-донора (инверсия) и осуществляем тем самым своего рода интерпретацию одной теорией другой теории, принимая положение, что результат интерпретации не объясняет теорию-донора, а продолжает, то мы еще не осуществляем деконструкцию по Ж. Деррида. Деконструкция авторства Ж. Деррида должна привести исследователя не к формированию нового, а к формированию иного. В противном случае, с точки зрения постструктурализма, имеет место «безопасная игра, не пытающаяся в своем процессе затронуть онтологические основания, трансформировать их или вовсе заменить на что-то иное». Цитируемая российская исследовательница Т. А. Полякова далее пишет: «Игра у Деррида направлена на то, чтобы выйти за пределы наличия, поэтому ее "основанием" … становится не всегда присутствующее трансцендентальное означаемое – эквивалент бытия, а то, что ускользает от всякой наличности и бытийственности, – след, задача которого в том, чтобы не оставить места никакой онтотеологии. То есть игра в этом случае строится на отсутствии любого истока, оригинала, центра» [4, с. 66]. Можно привести пример с синтезом синергетики и неомарксизма. Получим следующее заключение: синергетическая интерпретация неомарксизма как синергетический подход в рамках неомарксистского дискурса не возможна в форме дерриданской деконструкции, т. к. изначально предполагает наличие и продолжение «неомарксистского оригинала» наблюдаемой реальности.

Другими словами, метод деконструкции Ж. Деррида не может быть способом синтеза социогуманитарной теории, т. к. не вписывается в логику научно-исследовательских программ в развитии знания. Российская исследовательница С. М. Малкина пишет: «Деконструкция как метод не может рассматриваться в рамках традиционной рациональности, наиболее четко выраженной у Декарта: именно поэтому мы не можем назвать деконструктивистскую герменевтику методом, поскольку традиционно понятие "метод" отсылает к картезианским принципам» [8, с. 19]. Более того, сама центральная идея деконструкции как критики поиска истины – критика стремления «расшифровать истину» [9, с. 368] – на сегодняшний день является слишком радикальной (не инструментальной) для

социогуманитарных исследований и синтеза знания.

Литература и источники

1. Рекшинская, А. Я. Игра в постмодерне: тотальная деконструкция // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Гуманитар. науки. – 2017. – № 2 (769).

2. Вдовина, А. В. Этика деконструкции Ж. Деррида в контексте философии постмодернизма // Науч. проблемы гуманитар. исследов. – 2011. – № 11.

3. Белозеров, А. Н. О тривиальном и академическом понимании деконструкции // Альм. студенч. и аспирант. работ по соц.-гуманитар. наукам: сб. статей / Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2017.

4. Полякова, Т. А. Текст и деконструкция // Гуманитар. и соц. науки. – 2013. – № 4.

5. Эзри, Г. К. Диалектика и деконструкция // NAUKA-RASTUDENT.RU: электрон. науч.-практ. журн. 2016. № 10 (34) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nauka-rastudent.ru/ 34/ 3705/. – Дата доступа: 09.02.2020.

6. Деррида, Ж. Подпись – событие – контекст // Б-ка Гумер. – Режим доступа: https://www.gumer.info/ bogoslov_Buks/ Philos/ Derr/ podp.php. – Дата доступа: 09.08.2020.

7. Шевлоков, В. А. Парадигма «деконструкции» и проблема истины в постмодернисткой философии в контексте становления постнеклассической науки / В. А. Шевлоков, Н. В. Худоян // Докл. Адыг (Черкес.) междунар. акад. наук. – 2015. – Т. 17, № 2.

8. Малкина, С. М. Критика метафизики и логоцентризма как основа интерпретативных стратегий деконструкции // Изв. Сарат. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2006. – Т. 6, № 1–2.

9. Деррида, Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Письмо и различие: сборник / пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого, С. Фокина; сост. и общ. ред. В. Лапицкого. – М., 2000.

СИСТЕМНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ТЕЧЕНИЙ ГУМАНИЗМА

П. Ю. Молчанов

В настоящее время существует большое количество классификационных подходов, в рамках которых выделяются различные течения современного гуманизма. Это светский и религиозный гуманизм; антропоцентрический и экоцентрический гуманизм; либеральный, социалистический и универсальный гуманизм; трансгуманизм, постгуманизм, датаизм и др [1; 2]. Однако какие из этих концепций будут являться принципиально отличными по отношению друг к другу и применительно к доминирующей системе мировоззренческих и аксиологических детерминант общества начала XXI века? На наш взгляд, для ответа на этот вопрос целесообразно использовать системно-

синергетический подход к анализу феномена гуманизма.

Для этого необходимо рассмотреть гуманизм как систему идей и выделить в ней основополагающие теоретические конструкты. Общепризнанной для гуманистов выступает идея о том, что человек является высшей ценностью, «венцом творения». Предполагается, что люди как биосоциальные существа имеют ряд константных физиологических и психических свойств, образующих некую универсальную «человеческую природу» с присущими ей сходными алгоритмами развития и социализации, ценностными представлениями и потребностями. Сюда относят физическое тело человека как биологический организм, а также этические максимы об абсолютной ценности человеческой жизни, свободе воли, равенстве, достоинстве, справедливости и т. д., которые закреплены во многих религиозных текстах и светских документах. То есть в онтологическом смысле человек в классическом гуманизме предстает как завершенный самоценный биоментальный субъект. Отсюда проистекают интенции к универсализации мировоззренческих и этических представлений, обосновываются идеи общечеловеческих ценностей и всеобщих прав человека.

Гуманистические концепции, авторы которых в принципе разделяют приведенные философские воззрения относительно человеческой сущности, следует относить к просистемным теоретическим течениям. В свою очередь, в рамках данных течений существуют альтернативные проекты. По способу легитимации превосходства людей над другими живыми существами выделяют светский и религиозный гуманизм. В первом случае – это самообоготворение человека, абсолютизация его свободной воли и разума, дающих санкцию на преобразование окружающего мира в интересах личности и общества в целом. Во втором – признание богочеловеческой сущности людей, их ответственности перед Богом или иными сверхъестественными силами, наделившими наш биологический вид правом главенствовать в посюстороннем мире [3, с. 150–152].

Подобные установки и светского, и религиозного гуманизма в своей концептуальной основе антропоцентричны, поскольку человек позиционируется либо как наивысшая форма космофизической эволюции, либо как «Образ и Подобие Божие», «венец творения». Однако на фоне обострения глобальных проблем современности антропоцентризм как мировоззренческая позиция был подвергнут жесткой критике со стороны большинства мыслителей и общественных деятелей второй половины XX – начала XXI века. Поэтому главной просистемной альтернативой классическому антропоцентрическому гуманизму стал выступать экоцентрический гуманизм. Центральная идея для представителей этого течения – равноправие человека и окружающего природного мира, их

системная гармония и взаимозависимость. О росте влияния указанной ветви гуманизма в интеллектуальной и общественно-политической культуре рубежа второго и третьего тысячелетий свидетельствует стабильный рост числа научных публикаций по данной тематике и принятие соответствующих программных документов гуманистическими организациями.

В рамках политологического подхода к феномену гуманизма Ю. Н. Харари выделил либеральный, социалистический и эволюционный гуманизм (нацизм). В рамках первого течения основной упор делается на идее свободы индивида, второго – равенстве между людьми, третьего – социальной иерархии и различиях [4, с. 291–302]. Однако, на наш взгляд, политологический подход логически противоречив и схематичен.

Во-первых, если в качестве основного дифференцирующего критерия брать классическую идеологическую схему «либерализм – консерватизм – социализм», то из предложенной Ю. Н. Харари триады выпадает эволюционный гуманизм. В терминологическом плане эту триаду логичнее обозначить как либеральный, социалистический и консервативный гуманизм.

Во-вторых, не существует неких специфических, уникальных, четко сформулированных мировоззренческих императивов для представителей различных идеологических течений. Идеалы свободы, счастья, справедливости разделяют практически все идеологи. Как правило, отлична интенциональность этих идеалов: автономная личность (либерализм), трудовой коллектив (социализм), нация или раса (консерватизм, нацизм).

В-третьих, с точки зрения системно-синергетического подхода представители либерального, социалистического и эволюционного гуманизма стоят на разных мировоззренческих позициях по отношению к основополагающим гуманистическим ценностям, перечисленным выше. Либеральное и социалистическое направления в своей сущностной основе являются просистемными, эволюционный гуманизм – антисистемным.

Существуют также радикальные течения современной науки и философии, такие как трансгуманизм, постгуманизм, датаизм, кардинально отличные от классического гуманизма. В научном сообществе в настоящее время ведутся дискуссии относительно соотношения приведенных понятий. Исторически первым считается термин «трансгуманизм», под которым изначально понималась совокупность представлений о человеке и его технологических возможностях, выходящих далеко за пределы традиционных гуманистических воззрений. Онтологическим ядром данных альтернативных представлений является идея о человеке как принципиально незавершенном, самообновляющемся биоментальном проекте: «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью» [5, с. 8]. Изменения

человеческого тела, преобразования генома, киборгизация и другие подобные радикальные трансформации телесности людей выступают для представителей трансгуманистических течений объективным и необходимым условием достижения счастливого высокотехнологичного будущего, основанного на принципах новой постчеловеческой аксиологии. Так как данные проекты принципиально отличаются от классического гуманизма, их следует относить к антисистемным. В свою очередь, антисистемные проекты могут быть как левыми, так и правыми в зависимости, соответственно, от эгалитарно-демократического либо элитарно-авторитарного характера заявленных целей и задач.

Исходя из вышеизложенного, можно выделить основные просистемные и антисистемные концепции гуманизма с точки зрения системно-синергетического подхода. К просистемным будут относиться течения, авторы которых признают завершенность психофизиологической эволюции человека как представителя вида *Homo sapiens* и наличие у людей универсальных, «естественных» этических императивов. В наиболее общем плане это различные версии антропоцентрического и экоцентрического гуманизма.

К антисистемным следует причислять гуманистические концепции, чьи последователи постулируют принципиальную незавершенность биопсихической эволюции человека и релятивистский характер его аксиологических детерминант. Подобные установки разделяют представители трансгуманистических движений.

В целом можно заключить, что приверженцев просистемных и антисистемных концепций современного гуманизма объединяет единая цель – улучшение жизни людей. Разнятся средства достижения указанной цели. Выбор этих средств в начале XXI века становится приоритетной задачей научной теории и общественной практики, от решения которой во многом будет зависеть будущее человечества.

Литература и источники

1. Коробейникова, Л. А. Современные концепции гуманизма // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/ article/n/ sovremennye-kontseptsii-gumanizma-1. – Дата доступа: 20.08.2020.

2. Дараган, Н. Д. Гуманизм и экологическая этика // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/ article/n/ gumanizm-i-ekologicheskaya-etika. – Дата доступа: 20.08.2020.

3. Бердяев, Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. – М.: Канон+: ОИ Реабилитация, 2002.

4. Харари, Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего: пер. с англ. – М., 2018.

5. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра.– М.: АСТ: Астрель, 2010.

THE MAIN CONTENT OF THE SYNTHESIZED MODEL OF MEDIA EDUCATION IN THE SCHOOL IN THE USSR IN 1984–1991 YEARS

E. V. Muryukina

We suppose that the conduction of investigation on the problem of the second part of 1980-s media education history chosen is very important on the contemporary stage of pedagogical science development, as the period of "perestroyka" became the rebounder for Russian post-Soviet science foundation and development. For instance, the humanistic strategy of education asserted since 1988 hasn't changed its timeliness today. Thus, pedagogical experience of the middle 1980-s – the beginning of 1990-s investigation is essential and promotes pedagogical system development logic definition (including all its advantages and disadvantages, peculiar for the reformation period).

Nowadays there's the objective interest of Russian scientists to the media educationalists' theoretical development and practical experience investigation, analysis and synthesis, which was actualized during the period of "perestroyka" in the Soviet Russia. We connect this fact with the creation during the times under discussion of a number of conceptions, ideas, notions that find their continuation in the contemporary media educational work.

In media educational work of the period of "perestroyka" we noted the qualitative changes that touched its methodological ground, conceptional theories, content and so on. In the investigation process we explored media educational models of many autors: O. A. Baranov, Y. I. Bozhkov, P. D. Genkin, G. A. Vlaskina, I. N. Gutova, F. M. Kozlov, Y. I. Kudina, S. N. Penzin, G. A. Polichko, I. A. Rudenko, A. Z. Saydashev, L. N. Trofimova, Y. N. Usov, A. V. Fedorov, E. A. Cherkashin.

On the basis of the material studied, the media educational practice products analysis we reconstructed the generalized theoretical model of the period of "perestroyka" (1984–1991) media education, embodied in educational institutions.

The conceptional basis of theoretical model of media education was grounded on the "essential" theories – aesthetic, practical, culturological, and "additional" ones, revealing specificity of this or that media education model: sociocultural, critical thinking development theory.

The generalized media educational model goals: During the reconstructed theoretical media educational model goals determination we referred to the works of such authors as O. A. Baranov, Y. I. Bozhkov, G. Y. Dorf, I. V. Weisfeld, I. N. Gutova, S. N. Penzin, G. A. Polichko, Y. M. Rabinovich, Y. N. Usov and others. Media educationalists distinguished educational, teaching and upbringing goals:

1. the educational goal included scholars' knowledge forming. The result

of its solution is the personality, provided, according to S. N. Penzin's opinion, with the following knowledge and abilities: the awareness of the necessity of media cultural history and theory learning; the ability to navigate in all film elements; the knowledge of media text mark criteria and the ability to use it, that forms the selective attitude towards media information.

2. the teaching goal was aimed at abilities and skills, providing their versatile communication with mass-media, forming. Teaching goal realization promoted development of the following abilities and skills: the ability to think figuratively, to find the beautiful (in media texts) and admire it; the skill of regular appealing to cinema critical, cinematological works, introducing film reviews, film directors', camera operators', actors' works; the abilities and capabilities of pondering over the film episode, including the contexts, codes and symbols; the need to share their knowledge with the others, promote the arts of cinema, TV and so on.

3. the upbringing goal was the principal one among the others. According to legal documents, regulating school education during the period of "perestroyka", content, the specificity of media education (as a branch of pedagogics, founded on the boundaries of such sciences as aesthetics and pedagogics), the result of this goal realization was the development of such qualities as: the ability to think over the point of one's life; honesty, politeness, kindness and other moral qualities, making the contacts with other people easier; sense of responsibility for the nature; the ability to cogitation over the material read, seen on the stage or screen; belief in art social functions value; aspiration to self perfection; sophisticated aesthetic tastes and ideals, love for cinema and so on [1, p. 47].

Media material: during the period of "perestroyka" material, technical conditions for media educational practice appeal were created, not only cinema but also television, press, radio, photography. Thesises research analysis showed that on the basis of cinematograph some models were worked out and approved:

– by N. V. Gutova, N. B. Kirillova, F. M. Kozlova, I. Y. Kudina, G. A. Polichko, Y. N. Usov, A. V. Fedorov, E. A. Cherkashina, N. N. Yakovleva; television – by G. Y. Vlaskina, T. U. Svistelnikova, A. V. Sharikov;

– radio – by G. Y. Dorf, I. A. Rudenko;

– video – by L. N. Trofimova;

– press – by M. I. Holmov;

– individual creativity in the field of mass media – by Y. I. Bozhkov, P. D. Genkin, A. Z. Saydashev.

Media competence in the generalized theoretical media educational model evaluation criteria. For the criteria revealing the scientific works (monographs, thesises, press and scientific journals articles, methodological materials) of such media educationalists as Y. M. Rabinovich, O. A. Baranov, S. N. Penzin, G. A. Polichko, Y. N. Usov, A. V. Fedorov and many others were

investigated.

We can claim that in the beginning of the period of "perestroyka" as an evaluation measure of schoolchildren's and students' media competence level the criteria, established in 1970-s were used. They were supported by the following aspects:

– the level of cinematograph theory and history knowledge, its specific means of expression;

– understanding of cinema poetics in the context of the other arts and means of mass communication;

– the ability to navigate in the current movie schedule;

– the motives and demands while choosing the films for scholars' and students' viewing.

In the second part of "perestroyka" period in Soviet Russia the media competence development criteria were worked out and established. They were based on the levels of film perception and its evaluation. Their theoretical ground we find in the works of I. V. Weisfeld, Y. N. Usov. We want to emphasize that the criteria of the audience competence development worked out during the period of "perestroyka" became universal; this means they could be implied not only to cinematograph, but to any media text. The importance of this peculiarity of media educational activity of the reviewed period is proved by the following facts:

– it answered the tendencies of widening range of the materials used in media education: from mainly cinematographic to television, video, periodicals and others;

– it straightened the idea of the united theoretical and methodological basis of national media education creation;

– it made the media educationalists' work easier, providing them with the universal criteria for scholars', students', adult audience media competence level evaluation.

Thus, we can claim that during the "perestroyka" period media competence criteria based on the levels of media texts perception and evaluation were theoretically established and introduced into the practical media educational activity. The levels are:

– The first level is connected with general development, focusing attention on the plot line, general topic, reflected in the film;

– The second level is based on the functional and constructive media text orientation;

– The third level deals with the accents beyond the media text perception and evaluation on the constructive (camera man's, film director's, actors' work) and retrospective compounds.

– The fourth level is the perception with the orientation on media creativity of one's own development.

As a result of the conducted investigation we found out that media

education of “perestroyka” period in Soviet Russia had peculiar characteristics, among them are:

– the flexibility of the worked out media educational models, which widened the field of their appliance;

– media education as a branch of pedagogical science got governmental support on conditions of using its potential in upbringing and educational purposes;

– governmental protection consisted in support and development stimulation of relatively branchy media educational work both in major and provincial towns;

– media education support was conducted by a wide range of specialists, such as teachers, filmmakers, art experts.

This research was funded by the grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR, project No. 19–013–00597) at the Moscow Pedagogical State University. Project theme: “Transformation processes in the domestic media education of the period of "perestroika"”. Head of the project is E. V. Muryukina.

References

1. Penzin, S. N. Cinema and aesthetic education: methodological problems. – Voronezh: Voronezh. State University, 1987. – 76 p.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СИНЕРГЕТИКИ В ИННОВАЦИОННОМ МЕНЕДЖМЕНТЕ

Е. А. Наумкина

Определяющим фактором успеха фирм, организаций, функционирующих в современном быстроменяющемся конкурентном мире, является готовность и способность людей адекватно воспринимать, понимать и творить новации. Адаптивность, гибкость, рефлексивность мышления становятся атрибутивными требованиями для менеджеров, осуществляющих инновационную деятельность. Учитывая амбивалентные последствия имплементации новаций, возникает потребность в эффективных методах их прогнозирования, оценки рисков будущих преобразований. В этих условиях управление становится системообразующим фактором дальнейшего развития системы, а проблема выбора эффективных путей управления инновациями чрезвычайно актуальной.

В последние годы многие исследователи обращаются к методологическим возможностям синергетики в управлении инновационными процессами. Она рассматривается сегодня как один из перспективных путей осмысления процессов, протекающих в обществе, в

социальных системах в переломные (бифуркационные) моменты их развития и составляет «научный базис современной теории управления» (Е. Князева).

Синергетическая методология управления процессами изменений опирается на ключевые принципы синергетики, которые были сформулированы ее основателями (Пригожин, Хакен). Многие аспекты, связанные с разработкой синергетики как самостоятельного направления исследований постнеклассической науки, рассмотрены в работах В. Аршинова, К. Делокарова, И. Добронравовой, Е. Князевой, С. Кудрюмова, В. Лекторского, В. Лукьянца, Г. Малинецкого, В. Степина и других.

Синергетический менеджмент приобретает все большее распространение в сфере управления социальными системами. Наиболее известными центрами исследования проблем синергетического управления являются Институт Санта-Фе (SFI), Центр по изучению сложных систем (Университет Мичигана), Гарвардская бизнес-школа и другие.

Синергетика исходит из того, что становление, новация является кризисом системы, изменением одного устойчивого типа ее функционирования на другой. «Возникновение нового – это момент нелинейного синтеза беспорядка и порядка, когда ситуация напряженного "балансирования на краю хаоса" разряжается согласованным движением разрозненно и разнонаправленно двигавшихся до этого элементов и разнородных структур с образованием на выходе коэволюционирующей сложности» [1]. Возможность спонтанного возникновения порядка из хаоса – важнейший момент самоорганизации системы. В этом заключается суть процесса самоорганизации.

Чтобы эффективно управлять инновациями, необходимо понимать механизм новообразований, каким образом происходит приобретение системой новых качественных характеристик. Исходя из знания механизмов самоорганизации и синергетических правил управления сложными системами, можно предложить следующую общую схему управления инновациями:

– субъект управления должен определиться, какое будущее является приемлемым и желательным для данной фирмы или организации и одновременно возможным из спектра аттракторов соответствующей системы;

– осуществление постоянного контроля за уровнем неравновесности системы;

– создание необходимых условий для введения в систему нужной флуктуации с признаками нового желаемого качества и содействия ее нуклеации;

– одновременная переориентация или угнетение развития «нежелательных» структур, которые не соответствуют магистральному

направлению эволюции системы;

– максимальное содействие достижению «кооперативного эффекта» элементами и коэволюции различных иерархических уровней системы, что будет способствовать образованию новой организационной целостности и переходу системы в новый эволюционный канал развития.

При этом менеджерам следует принять во внимание:

– переход системы к качественно новому состоянию происходит изначально не фронтально, а за счет более или менее узкой группы элементов, так называемых катализаторов (*change agents*), которые являются определяющими, с последующим развитием остальных. Отсюда вытекает проблема определения такой узкой группы элементов, которые должны первыми приобрести новое качество. Появление таких элементов может ускорить темпы эволюции системы в целом;

– важное значение в инновационном развитии социальных систем приобретает оптимальное соотношение двух начал: самоорганизациии и организации;

– с целью расширения спектра возможных вариантов будущего акцент должен быть перенесен на создание благоприятных условий для формирования новой среды функционирования системы.

Незнание этих особенностей самоорганизации сложных систем может привести к ряду ошибок в управлении инновациями. Во-первых, речь идет о стремлении попасть в будущее, которого нет в спектре возможностей системы. Во-вторых, неспособность менеджера увидеть будущую траекторию, которая уже присутствует в спектре возможных аттракторов. В первом случае мы имеем, как минимум, неэффективное использование человеческих, материальных, финансовых и других ресурсов для разработки, введения и распространения новаций, как максимум, опасность попасть в катастрофическое русло развития системы. Во втором случае мы теряем время и возможности получить конкурентные преимущества на глобальном рынке.

Что делать менеджеру, если желаемого будущего нет в спектре аттракторов управляемой системы? Означает ли это, что такая траектория является в принципе недостижимой? Синергетика предлагает с целью расширения спектра возможных вариантов будущего перенести акцент на создание благоприятных условий для формирования новой среды функционирования системы. В этой связи интересна теория инновационных сред В. Лепского [2], в которой методологические принципы синергетики рассматриваются одними из базовых принципов субъектно-ориентированной среды инновационного развития.

В этих условиях обратная связь становится универсальным средством управления. Она позволяет нечеткому адаптивному управлению приспосабливаться к получаемым реакциям системы (даже самым слабым) на осуществляемое влияние, в результате чего происходит

соответствующее изменение алгоритма управления. В этом смысле, отмечает Е. Князева, социальное управление должно быть рефлексивным, т. е. основанным на размышлениях и способным анализировать собственные действия, соотносить их к прошлому и антиципировать будущее, а также корректировать управленческие действия в связи со складывающимися ситуациями [3].

Как видим, синергетика постулирует способность субъекта управления конструировать действительность, создавать будущее. Сделать это достаточно сложно, но возможно. Об этом говорит В. Романов: «Жить в будущем сегодня – кредо креативных деятелей» [1]. Е. Князева замечает по этому поводу: «...современная установка в управлении заключается в том, чтобы не просто предвидеть будущее, но и создавать желаемое будущее, конструировать будущее, направлять развитие социальных систем и организаций в русло предпочитаемой нами и осуществимой (с точки зрения внутренних свойств социальных систем) тенденции развития» [3].

Таким образом, знание и использование базовых принципов синергетического управления позволит менеджерам повысить результативность и эффективность инноваций путем оптимизации управления ими и способствовать выходу управляемой системы на желаемый аттрактор эволюции и получать конкурентные преимущества. Синергетика показала свою конструктивность в стратегическом и инновационном менеджменте. При этом, важно понимать, что использование ее методологического потенциала является эффективным при определенных условиях и в сочетании с другими методологическими подходами. Поэтому нам представляется, что перспективы дальнейших исследований в этой области связаны с исследованием специфики применения этих общих синергетических принципов управления инновациями в различных сферах общественной жизни, социальных систем различной природы.

Литература и источники

1. Романов, В. Л. Социально-инновационный вызов государственному управлению // Сайт Курдюмова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://spkurdyumov.ru/ biology/ socialno-innovacionnyj-vyzov-gosudarstvennomu-upravleniyu/. – Дата доступа: 14.08.2020.

2. Лепский, В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития. – М., 2010.

3. Князева, Е. Взращивать социальные инновации – значит управлять креативно // Сайт Курдюмова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://spkurdyumov.ru/ forecasting/ vzrashhivat-socialnye-innovacii/. – Дата доступа: 14.08.2020.

НЕКОТОРЫЕ ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ГУМАНИТРАНЫХ И ИНФОРМАЦИОННЫХ НАУКАХ

Ю. В. Нестерович

Одним из преломлений места и роли постнеклассической рациональности в структуре современной гуманитарной науки выступает социальная эпистемология, которая обосновывается новой парадигмой социальных наук [1]. Тем не менее, знания ее представляются «факультативными» по отношению к научной эпистемологии, глубина их периферийна, а в методологии не выработаны средства элиминации противоречий. Возможность «создания универсальной диалектической модели научного знания и познания на пути синтеза (диалектического обобщения) частных моделей», противоречащих друг другу «при попытке претендовать на универсальную значимость», обосновывается С. А. Лебедевым. Хотя диалектизация результатов исследования делает в конечном итоге невозможной аксиоматизацию (строгое непротиворечивое упорядочение идей и положений) теории структуры научного исследования. Мы обосновываем иной путь перехода эпистемологии на стадию развитой науки, соответствующий новому идеалу связи науки и философии – интенсивное развитие ее, предполагающее построение общей интертеории научного познания при междисциплинарной проекции, построение соответствующей системы понятий, выступающей надстройкой к общим и частным эпистемологическим теориям, с выработкой оптимумов значений базовых терминов. С. А. Лебедев объявляет диалектическую концепцию научного познания «*вершиной*» в развитии эпистемологии – «позитивно-диалектической эпистемологией», фундирующей «наиболее адекватную и универсальную парадигму», в которой выделены четыре положения. В том числе: «диалектически противоречивая система знания и познания должна быть описана логически непротиворечивым способом». Хотя диалектический метод – специфический метод философии, формирования и взаимодействия философских категорий (при котором возникают диалектические противоречия), но не научных понятий. А эпистемология, если в ней строится научная теория, не может переводить результаты, достигнутые диалектическим методом, в результаты, получаемые на основе логического метода. Он полагает, что создание универсальной модели достижимо при соблюдении двух условий: реконструкции «рационального зерна» каждой из «частных моделей», и снятие с них «абсолютизированных форм и вызванных ею ошибок в истолковании реального процесса познания» [2] и др. Хотя «*реальный* процесс познания» изучают не эпистемология и

методология науки, а психология, нейролингвистика и иные опытные дисциплины. Усматриваем здесь наделение философии науки функцией, которую выполняет предметное теоретическое исследование.

В сложившейся ситуации снижения конструктивной роли философских знаний при обобщении научных знаний, замедлении развития эпистемологии в интенсивном плане, в методологическом аспекте мы обосновываем необходимость перехода от «пассивной эпистемологии», прикладные задачи которой ограничены главным образом анализом научных знаний, к «активной» эпистемологии, приращающей метатеоретические – прежде всего в виде терминосистем, надстраивающихся над терминосистемами научных дисциплин, и общие интертеоретические предметные знания. Необходимость перехода от методологии интер – и трансдисциплинарного синтеза к практике его, включающей конвергенцию (совмещение) базисных схем, обобщение трактовок на основе междисциплинарной проекции, экспликацию базисных понятий, оптимизацию базовых терминов. И в целом необходимость метатеоретического координирования научных теоретических знаний, формирование которых не предполагает формализации содержания на основе искусственных языков, применение методов формальной и символической логики, математических и лингвистических моделей и т. п.

Значимой особенностью осуществления интердисциплинарного синтеза в *гуманитарных науках* выступает при формировании общих интертеорий обобщение философских и научных знаний. Значимой особенностью осуществления его в *информационных науках*, продуцирующих социально-технологические знания, представляется выработка и функционирование базисных схем общих интертеорий, выступающих в качестве предпосылки непротиворечивого формирования в них понятийного аппарата, оптимизации в них терминирования. концептуализации.

Метатеоретическое координирование предстает условием и особенностью междисциплинарного синтеза общих и частных теорий, осуществляемого с вектором непротиворечивости. Оно охватывает междисциплинарную проекцию совмещения понятийного аппарата смежных областей знаний, преследующую цель устранения противоречий при использовании базисных понятий этих областей знаний, построения надстроечной терминосистемы по отношению к терминосистемам дисциплин (знания которых обобщаются и координируются), выполняющей функции корректировки и дополнения формирования базисных понятий и базовых терминов. Последняя ступень его - корреляция понятийного аппарата и терминосистем образованных систем общих интертеоретических знаний. Практика интер – и трансдисциплинарного синтеза знаний, продуцируемых в

информационных науках социально-технологического профиля, показывает, что *непротиворечивое* формирование общих интертеоретических в инфологии и документологии *невозможно* без осуществления *полновесного* метатеоретического исследования. Терминосистема инфологии имеет статус именно надстройки к терминосистемам информатики, кибернетики и пр. Вместе с тем, опыт практики построения терминосистемы документологии показывает на востребованность ее встраивания в терминосистему документоведения. При этом сетки базисных понятий, коррелируемых при построении общих интертеоретических знаний в инфологии и документологии, частично пересекаются: это понятия разных типов и видов информации, данных, записи данных, записи информации, инфоресурса и др [3] и др.

Для осуществлении метатеоретического координирования знаний необходимо не только использование продуктивных методов, а и выработка четких критериев связи общетеоретических и онтологических знаний, метатеоретических и обще – (моно – и интер)теоретических знаний, реализация в рамках транс – и междисциплинарного синтеза теорий единства метатеоретических и общетеоретических знаний. У*словием* элиминации противоречий при интердисциплинарном синтезе теоретических знаний является выработка методологических знаний, обобщающих и коррелирующих ряд сеток базисных понятий научной эпистемологии, логики, логической семантики, лингвистической семантики, когнитивной семантики, терминоведения, концептологии.

Значимой часто необходимой (для элиминации противоречий) процедурой при осуществлении междисциплинарного синтеза выступает редукция концептов, прежде всего, номинальных, к понятиям – элементам базисных схем общих теорий, а в их отсутствие – к понятиям – результатам метатеоретического исследования, и фундирующих базисные схемы. Таким результатом является не только оптимизация понятий, а и терминов, и их модернизация, дифференциация и т. д. Напр. в общей теории и метатеории коммуникации терминоединица «коммуникация» утрачивает статус термина, выполняя функцию исходного терминоэлемента, образующего термины «система, процесс, явление коммуникации, коммуникационная деятельность» и т. п. При этом происходит реинтеграция синтетического концепта коммуникации. Оптимизация понятий в рамках данной редукции и реинтеграции выполняет функцию «эпистемологических швов» при осуществлении междисциплинарного синтеза. *Концепты* – единицы научного познания, образуемые вследствие разнообразия трактовок, формируемые в результате систематизации понятий, их анализа и синтеза. *Номинальный* концепт – набор семантически связанных понятий, определений терминов, востребованных в качестве познавательного и методологического инструмента. *Синтетический* концепт не имеет особенностью наличие

нескольких логических родов; ему присуще именно объединение разных понятий в единое мысленное целое. *Аналитический* концепт – единица научного познания, не (всегда) дифференцируемая на ряд понятий, в нем содержание трансформируемого понятия (смысл термина) развивается.

Литература и источники

1. Социальная эпистемология: идеи, замыслы, программы. – М., 2010.

2. Лебедев, С. А. Основные парадигмы эпистемологии и философии науки // Вопросы философии. – 2014. – № 1.

3. Нестерович, Ю. В. Труды по экспликации базисных понятий научных теорий. Т. I: Экспликация базисных понятий документоведения и инфософии. – Минск. 2010.

МЕДИАТИЗАЦИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ПОДХОД СТИГА ХЬЯРВАРДА

Т. Е. Новицкая

В начале XXI века феномен медиатизации стал объектом изучения в ряде социальных и гуманитарных наук, особенно актуализировались такие исследования в скандинавских странах, Германии, Великобритании. Разработка теории медиатизации связана, прежде всего, с именем датского исследователя Стига Хьярварда (Stig Hjarvard) [1]. Он предлагает свою теорию влияния медиа на общество – институциональный подход. Он рассматривает медиатизацию как двусторонний процесс высокого модерна, в ходе которого медиа, во-первых, приобретают статус независимого института с собственной логикой, к которой должны приспособиться другие институты, а во-вторых, становятся неотъемлемой частью других институтов (политика, семья, религия и т. п.), поскольку все больше взаимодействий осуществляется через интерактивные телекоммуникационные средства сообщения. Институциональный подход ориентирован на то, чтобы выявить, каким образом вездесущность медиа детерминировала изменение характера, функций и структуры социальных институтов и культурных процессов. Масштабность указанных преобразований позволяет говорить о медийности современной культуры и общества.

В ходе медиатизации значение обретают не только изменения, связанные с появлением особых опосредованных медиа социальных практик. Новые практики – следствие распространения новых видов медиа. В данном случае речь идет о прямой медиатизации: ранее деятельность, которая до сих пор не была опосредована, переходит в опосредованную форму. Непрямая медиатизация выражается в том, что трансформируются социальные практики, которые прежде не были

центрированы вокруг медиа, но в сегодняшних условиях так или иначе становятся обусловленными медиасредой (деятельность формируется, наполняется и организуется медиасимволами, культурные контексты расширяются). С. Хьярвард отмечает, что различие между этими двумя формами медиатизации постепенно размывается, поскольку медиа внедряются в большинство сфер жизни общества, а последние, в свою очередь, становятся подверженным влиянию первых.

Одним из ключевых понятий институционального подхода к медиатизации является «медиалогика» (media logic, logic of media). По определению С. Хьярварда, медиалогика – это совокупность институциональных, эстетических и технологических правил и ресурсов, посредством которых работают медиа [1]. Эвристичность и продуктивность данного понятия связана с тем, что оно позволяет осмыслить влияние медиа на другие сферы социальной жизни, понять, каким образом медиа адаптируются к «логике» других сфер (в данной связи можно вспомнить понятие «сетевая логика» М. Кастельса). Оно помогает сфокусировать исследовательское внимание на разнообразии форм медиавоздействия. Медиа понимаются как работающие посредством определенных правил: как формальных (задаются их регулированием, медиаполитикой, законодательством, коммерческим маркетингом и т. п.) и неформальных (правила вещания, профессиональная культура, журналистские и драматургические, эстетические соглашения) [2]. Медиалогика относится к технологическому и институциональному modus operandi медиа, включая способы распределения материальных и символических ресурсов и использования формальных и неформальных правил. Она влияет на форму общения, на характер и функции социальных отношений.

Медиатизация – процесс, посредством которого возрастает степень подчинения общества медиа и их логике. Амбивалентность данного процесса выражена в том, что, с одной стороны, медиа интегрированы в деятельность иных социальных институтов, а с другой – сами становятся одним из важнейших социальных институтов. На сегодняшний день социальное взаимодействие, опосредованное медиа, нормализовано как внутри социальных институтов, так и между ними, а также в обществе в целом.

В результате медиатизации возрастает зависимость других институтов от ресурсов, контролирующихся медиа. И чтобы получить доступ к данным ресурсам, социальные институты вынуждены разделять правила, по которым работают медиа. По мысли Хьярварда, медиа стали отдельным институтом в результате дифференциации и разделения труда. Так, он прослеживает несколько этапов в их развитии. В период перехода от аграрного к индустриальному обществу они выступали в качестве инструмента иных социальных институтов (пример – партийная газета). С

момента появления и распространения радио СМИ стали крепнуть как культурный институт, имеющий просветительскую и образовательную миссии. В дальнейшем по мере ослабления монополии в области медиа, профессионализации сферы в целом и возникновения журналистики они перешли на стадию институционализации. В 1980-х годах в западных обществах благодаря конкуренции, рыночным отношениям и коммерциализации СМИ стали независимым институтом. В 1990-х годах с появлением мобильной телефонии и Интернета дерегулирование медиа продолжилось. Сегодня актуализировался вопрос об усилении влияния на общество новых медиа, которые достаточно слабо регулируются. Долгое время традиционные СМИ управлялись «отправителем»; а цифровые медиа в большей мере ориентированы на интересы «реципиента». Однако отчасти они продолжают выполнять коллективную функцию, предоставляя площадки для коммуникации. Хьярвард подчеркивает, что не следует сводить логику медиа к логике рынка: медиа занимаются продажей своих продуктов и услуг, но работают на свою аудиторию, включающую в себя и иные социальные институты.

Он рассматривает медиа как технологии, каждая из которых имеет набор возможностей, облегчающих или ограничивающих коммуникацию и действие. По его мысли, медиатизированное взаимодействие не является ни более, ни менее «реальным», чем непосредственное. Однако поскольку его участники не разделяют одно физическое пространство, отношения между ними обретают несколько иной характер. В то же время медиа могут расширять взаимодействие во времени и пространстве. Медиа влияют на способность субъектов управлять социальной ситуацией: они упрощают действия на нескольких этапах коммуникации одновременно, участники получают возможность оптимизировать социальные интеракции, руководствуясь своими интересами; трансформируются нормы общения и взаимоотношения между участниками. Пользователь социальных медиа может поддерживать несколько социальных взаимодействий одновременно, контролировать, где, когда и с кем вступать в коммуникацию.

С. Хьярвард выделяет три функции современных медиа. Прежде всего, они могут быть рассмотрены как интерфейс в отношениях внутри институтов и между ними. Также медиа представляют собой область общего опыта, где осуществляются постоянная репрезентация и интерпретация текущего положения дел, чем поддерживаются чувства идентичности и общности. Наконец, медиа способствуют созданию политической публичной сферы, в которой социальные институты реализуют свои интересы и легитимируются.

По его мысли, эти функции медиа представляют своего рода связующее звено между институтами. Они воплощают в себе интерпретирующую структуру для понимания процессов в обществе,

являются площадкой для обсуждения вопросов, связанных с общими интересами различных членов общества. Логика медиа трактуется им как закономерное следствие этих функций, он продвигает идею об усилении ее воздействия на общество. В то же время не стоит упускать из внимания и тот факт, что на медиа также оказывают влияние другие институты, они подчинены не только медиалогике. Степень их относительной автономии может быть определена на основании эмпирического анализа.

Литература и источники

1. Looking beyond the field: development of the mediatization research agenda. Interview with Prof. Stig Hjarvard // MATRIZes. – 2016. – Vol. 10, № 1. – Pp. 89–102.

2. Hjarvard, S. The Mediatization of Society A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // Nordicom Review. – 2008. – № 29. – Pp. 105–134.

ПУТИ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ ДИАЛЕКТИКИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

С. В. Орлов

1. В советской и российской философии XX века была проделана огромная работа по осмыслению и разработке концепции развития, доставшейся нам от Гегеля, классиков марксизма-ленинизма и великих естествоиспытателей прошлого. Весомый вклад белорусских ученых в эти исследования убедительно показал, например, Т. И. Адуло в статье «Проблемы диалектики в белорусской философии» [1]. Проделанная в прошлом работа позволяет современной диалектической и материалистической философии предложить для объяснения реальностей постиндустриального, информационного, цифрового общества не менее мощные теоретические инструменты, чем предлагают постмодернизм, феноменология и другие направления философской мысли. Сама социальная реальность требует от теории развития объяснить баланс преемственности и новизны как в объективном мире, так и в описывающих его научных концепциях.

2. В большинстве учебников философии советского периода диалектика рассматривалась преимущественно как система принципов, законов и категорий, описывающих универсальные черты и стороны процесса развития, которые присущи последнему всегда и везде, то есть являются всеобщими. Получили обоснование идеи саморазвития материального мира, единства объективной и субъективной диалектики, а также единства диалектики, логики и теории познания. Однако под влиянием как внутренней логики развития, так и запросов частных наук в

теории диалектики с середины прошлого века формируется и несколько другой подход, не отрицающий, но конкретизирующий и развивающий принципы традиционного. Некоторые философы называют его конкретно-всеобщим уровнем развертывания концепции развития. «Таившаяся в философии Гегеля, по словам Энгельса, революция, содержала важное предупреждение: доведенное до высшей степени абстрактности всеобщее… превращается в мертвое понятие. Мышление должно опираться не на абстрактное, рассудочное тождество, а на *конкретное тождество,* несущее *в-себе* различие» [2, с. 142]. На каком-то этапе своего развертывания философская мысль должна переходить от абстрактно-всеобщих понятий к понятиям конкретно-всеобщего уровня, который, будучи всеобщим, «содержит в себе одновременно особенное и единичное» [3, с. 348]. Концепция диалектики, описывающая процесс развития на конкретно-всеобщем уровне, не останавливается на раскрытии только всеобщих, всегда и везде одинаково проявляющихся законов и категорий. Конкретно-всеобщая концепция описывает процесс развития как «единый закономерный мировой процесс движения» (В. И. Ленин) от низших, простых форм материи к высшим, более сложным. В результате этого процесса формируются физическая, химическая и биологическая форма материи. В рамках последней возникают высокоорганизованные животные – позвоночные, и, по выражению Ф. Энгельса, «наконец, среди них то позвоночное, в котором природа приходит к осознанию самой себя, – человек» [4, с. 357]. Развитие общества можно представить как движение от простых, примитивных общественно-экономических формаций к более сложным, высшим. При этом в природе и обществе обнаруживается особый класс закономерностей развития – законы взаимодействия низшего и высшего. Они дают ключ к пониманию множества явлений, которые исследует современная наука – это взаимосвязь между физическими и химическими процессами, между химическим и биологическим, биологическим и социальным в человеке (обществе), между природой и обществом, природой и техникой, между ступенями общественного развития (в том числе – между классическим капитализмом и информационным, «цифровым» обществом, что заметили, например, классики постиндустриализма Д. Белл и М. Кастельс). Можно показать, что эти законы, не упоминавшиеся в традиционной концепции диалектики советского периода, начали формулировать Гегель, Энгельс, в российской философии – Б. М. Кедров, А. А. Бутаков, представители школы научной философии Пермского университета и другие философы. Сейчас их исследования данных закономерностей – мощный инструментарий анализа конкретных проблем науки, общественной практики, духовной культуры XXI века.

3. Развитие информационного общества заставляет обратить внимание еще на одну идею традиционной версии материалистической

диалектики, которая до сих пор не привлекала достаточного внимания. Развивая мысли Гегеля, В. И. Ленин писал: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его … есть *суть* (одна из "сущностей", одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики» [5, с. 316]. Если сопоставить эту идею с известными положениями о самодвижении материи [5, с. 317], можно сделать вывод, что процесс самодвижения тоже должен каким-то образом «раздваиваться». Если движение материи в целом – это только самодвижение (ничего внешнего, движущего извне для объективной реальности не существует), то внутри материального мира возможны (как заметил еще Аристотель) два противоположных типа явлений и процессов: движущееся само по себе и движимое другим. Вплоть до начала информационной эпохи этот факт казался тривиальным и не представляющим научного интереса. Создание информационных технологий наполнило абстрактное теоретическое положение живым и актуальным содержанием. Важнейшее свойство компьютера – управление технологическими процессами, то есть как раз воздействие на них извне по каким-то особым, не до конца изученным законам. Причем процесс управления происходит посредством специальных, не до конца осмысленных философами образований (материальных или идеальных?) – компьютерных программ. Управление посредством компьютера заставляет поставить ряд новых философских вопросов. Каков баланс противоположных процессов – самодвижения и внешнего управления – в развитии материи и отдельных ее форм? Не является ли управление, понимаемое в общем виде как результативное воздействие одного материального объекта на другой, всеобщим свойством материи подобно свойству отражения, глубоко проанализированному в российской философии? Ведь элементы управления есть уже в физических и химических процессах. В живой природе генетическая программа, возникшая естественным путем и отдаленно похожая на компьютерную программу, управляет развитием организма. Феномен управления заложен в самом базовом социальном процессе – процессе труда (труд есть управление веществом природы), а далее формируется в экономической, политической, социальной, культурной сферах социального организма. Частные науки явно сформировали запрос на создание новой философской концепции взаимодействия механизмов самодвижения и управления в процессах развития. «На уровне неклассической науки, – отмечал известный специалист по кибернетике и робототехнике М. Б. Игнатьев, – был введен наблюдатель, на уровне постнеклассической науки введен управитель» [6, с. 80]. Специалист по теории управления И. А. Богачек пишет: «В мире в настоящее время действуют новые закономерности, еще не познанные теорией управления. Нужны новые идеи, новые знания, новые технологии, чтобы ответить на вопросы, чрезвычайно актуальные сегодня для многих

стран… Думается, что прорыв в философскую природу управления, пристальное внимание к метаморфозам субъекта и объекта управления приблизят нас к ответу на эти вопросы» [7, с. 26]. Современная единая, целостная философская концепция самодвижения и управления – одна из важных областей приложения материалистической диалектики к решению теоретических и практических проблем цифрового, информационного общества.

Литература и источники

1. Адуло, Т. И. Проблемы диалектики в белорусской философии // Философские исследования. Сборник научных трудов. – 2017. – Вып. 4. – С. 134–150.

2. Орлов, В. В. Проблема системы категорий философии. – Пермь, 2012.

3. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. Т. 1. – М., 1974.

4. Энгельс, Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. – С. 343–626.

5. Ленин, В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. – М., 1969.

6. Игнатьев, М. Б. Кибернетическая картина мира: учеб. пособие. – СПб., 2010.

7. Богачек, И. А. Философия управления: Очерки профессионального управленца. – СПб., 1999.

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА И ПУТИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

В. Л. Павлов

Выражение «духовный мир человека» широко используется в литературе. В подавляющем большинстве случаев без малейших попыток хотя бы в общих чертах обозначить его содержание и структуру. Это же, кстати, относится и к понятию «духовность», активно применяемому в религии, морали, политике, воспитательной сфере. Как само собой разумеющееся, считается, что духовность облагораживает и возвеличивает индивида, делает его нравственно зрелым, честным и справедливым. Религия и Церковь, например, возрастание духовности в обществе связывает непосредственно с увеличением числа культовых сооружений и усилением своего влияния на людей. На самом деле это далеко не так.

Прежде всего обратимся к понятию «*мир*». В контексте нашего разговора – это не противоположное войне, а *среда* обитания субъекта. В термине доминируют пространственный компонент и содержательная наполненность. *Мир* – определенная «территория» материальных и нематериальных образований, в рамках которых человек живет и действует: семья, улица, населенный пункт, круг родственников и друзей, трудовой коллектив, конфессия, потребности и интересы, мировоззренческие установки, политические симпатии, приоритетные

телевизионные передачи, читаемая литература, любимая музыка, хобби и др. Размеры мира и его «действующие лица» (то, из чего он состоит, чем наполнен) всегда предельно конкретны. Объем и содержание рассматриваемого образования во многом дают возможность судить об индивиде, считающего его своим. Как правило, он подвижен и изменчив, хотя нередки случаи стабильности, относительной неизменчивости мира бытия конкретного субъекта (субъектов). В последнем случае он как бы «консервируется». И тогда условия и образ жизни людей, их интересы и приоритеты, стремления становятся стабильными, однообразными, как движение по кругу. В качестве примеров можно привести уклад монастырской жизни; «остановку времени» в племенах, оставшихся в собственной эволюции на ранних ступенях человечества; среду тех, кто сознательно отказывается от благ цивилизации и контактов с ее представителями.

О мире можно говорить и в более широком смысле слова. И тогда – это общество, государство, космос. Независимо от его проявлений, человек всегда живет и творит в конкретной среде, зависит от нее и одновременно пытается изменить, желательно в лучшую сторону. Вырваться субъекту за пределы наличного мира не так легко. Это касается как перехода в иное социальное окружение, обретения нового статуса, так и попыток изменить устоявшиеся стереотипы, традиции, обычаи, отстоять принципиально новые научные идеи, по-иному трактовать историческое прошлое и др.

Теперь – о *духовном мире* человека. Это весьма специфическое, особое образование нематериального характера, возникающее в процессе социализации индивида и существующее благодаря его сознанию. Оно представляет собой сложное, нередко противоречивое единство рациональных и чувственных знаний, осознанных эмоций и иррациональных влечений, желаний и волевых устремлений, переживаний прошлого, настоящего и будущего. Духовный мир не существует вне сознания, но *не может быть сведен* к нему, как и к знаниям, благодаря которым возможно функционирование сознания. Здесь со всей силой заявляет о себе *диалектическое различие*. В духовный мир кроме определенной части знаний входит и многое другое – иные проявления человеческой психики. Поэтому он, с одной стороны, объемнее, шире знаний, а с другой – уже их. *Ядром* духовного мира выступает мировоззрение личности.

Это образование возникает и функционирует как результат ранжирования человеком ценностей, определения одних в роли приоритетных, а других как второстепенных, принятия одних установок в статусе базовых и отрицание иных как неприемлемых, «очерчивание» границ интересного и неинтересного, того, чем хочется заниматься, и что вызывает отрицательную реакцию. Духовный мир может быть богатым или убогим, глубоким или поверхностным, разносторонним или

односторонним, светлым или темным, с оттенком радости или преобладанием грусти, возвышенным или прагматичным. *Он – внутри индивида как особая нематериальная сфера.* Доступ сюда, как правило, запрещен. Лишь в отдельных случаях человек может слегка приоткрыть тайны своей «внутренней жизни». Эта жизнь – не для публики. Она предельно личностная, наполнена одновременно радостью и грустью, уверенностью и сомнениями, удовольствием и страданием, желанием перемен и боязнью их. Практическая позиция человека, устные и письменные высказывания, публично декларируемые суждения относительно тех или иных идей, явлений, событий, процессов могут как адекватно, так и неадекватно выражать соответствующие стороны его духовного мира. Все дело в том, насколько индивид отрыт другим.

Несмотря на то, что духовный мир сложно поддается не только дефиниции, но и описанию, можно говорить о структуре данного образования. Условно в нем присутствует три блока: *рациональный, чувственно-эмоциональный и волевой*. Они внутренне связаны между собой, но каждый обладает спецификой. Особого внимания заслуживает вопрос об особенностях и механизмах их формирования. Он тем более важен, что речь идет о поиске и использовании эффективных каналов влияния на сознание человека с целью получения максимально желаемого результата.

В основе существования *рациональной* составляющей духовного мира лежит образование. Данный процесс необходимо понимать в самом широком смысле слова – как приобретение (накопление) индивидом знаний, имеющих рациональный характер. Рациональным является все, что противоположно чувственности. Эти знания предполагают довольно высокий уровень осознания субъектом осваиваемого материала, умение его систематизировать, увязывать с уже существующими в сознании аналогичными знаниями. В сфере рационального оперирование информацией осуществляется в ее «чистом» виде, как полноценным, самостоятельным образованием, не отягощенном чувственностью, Делать это под силу не каждому. Поэтому рациональная составляющая духовного мира у большинства людей не так уж объемна. Ее функционирование обеспечивается теоретическим мышлением, которое дано человеку от рождения лишь в виде задатка. Важнейшими средствами его развития является изучение истории философии и истории науки. Даже имея высшее образование, индивид не всегда в состоянии дать адекватную оценку конкретным фактам, событиям, ситуациям, не сбиваясь на примеры, не обращаясь к чувственности, а оставаясь в рамках рациональных рассуждений и логической аргументации.

Чувственно-эмоциональная сфера возникает и присутствует по-иному. Это поле чувственных форм отражения действительности: ощущений, восприятий, представлений, настроений, переживаний.

Основными путями влияния на ее становление и бытие выступают приобщение человека к миру природы и миру искусства. Природа, особенно в «узком» смысле слова – как все то, что имеет естественное происхождение – обладает громадным потенциалом в деле становления и развития чувственной культуры субъекта. Она действует на него облагораживающе, «учит» красоте, гармонии, совершенству. В природе все целесообразно и привлекательно. Здесь нет ничего рационального. Одна чувственность. Не случайно в литературе, нередко и в науке, присутствует мысль, что при общении с природой индивид становится добрее, спокойнее, возвышеннее. Другой канал влияния – приобщение к миру искусства. Хотя природа способна созидать собственную красоту: восходы и закаты Солнца, звуки прибоя, пение птиц, запах цветов, сияние звезд и др., искусство – территория иной красоты, созданной руками человека. Здесь законы гармонии, пропорции, совершенства (знание, во многом имеющее рациональный характер) воплощаются в чувственные образы: художественны полотна, литературные произведения, музыку, кинофильмы, театральные постановки и др. Искусство «живет» чувственностью и пробуждает ее в тех, кто с ним соприкасается. Эмоции – чувственная реакция человека на окружающую действительность, получаемую информацию и самого себя. Эмоции можно и нужно формировать. В этом деле важную роль играют не только природа и искусство, но и целенаправленное воспитательное влияние на субъекта. Не последняя роль здесь принадлежит рациональным знаниям о природе эмоций, механизмах их функционирования, способах актуализации и подавления.

Третья сфера духовного мира – *волевая*. Она связана с необходимостью преодоления человеком различных трудностей, возникающих на жизненном пути. Способ формирования – вовлечение индивида в практическую деятельность и личный пример других. Желательно, чтобы деятельность, будучи определенным образом мотивированной, предполагала применение усилий для достижения желаемого результата, и присутствовал момент личной ответственности. Чем больше этого, тем лучше. В единстве с объяснением важности наличия у субъекта надлежащего волевого потенциала практический контекст преодоления трудностей способствует постепенной выработке у него воли. Не очень приятным компонентом данного процесса выступает фактор принуждения. В том числе самопринуждения. Без этого, к сожалению, обойтись нельзя. Но самопринуждение изначально предполагает уже наличие у человека определенной воли. Получается замкнутый круг. Сильная воля – необходимое и очень важное условие обретения индивидом смысла жизни и пребывания в состоянии свободы. Важное место в детерминации воли играет личный пример других, особенно тех, кого человек уважает и «делает» с них свою жизнь:

родственников, друзей, литературных героев, исторических личностей и др.

СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ (ЛОГИКО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

В. И. Павлюкевич

Стиль мышления – один из кардинальных факторов, характеризующих эпоху, цивилизацию, культуру. Каждая эпоха (цивилизация, культура) имеет свой специфический стиль мышления, в котором концентрируются в имплицитной и явной формах воззрения социума на мир, человека, познание. Стиль мышления можно охарактеризовать как комплексную иерархическую систему категориальных идей, принципов, образцов, доминирующих в сознании социума и его индивидов и проявляющихся в теоретической и практической деятельности.

Различие эпох по стилям, типам мышления нередко отмечается в истории познания. Например, автор весьма известного учебника «Дедуктивная и индуктивная логика», изданного в конце XIX века, шотландский логик В. Минто, характеризуя интеллектуально-эпистемологическую специфику исторических условий развития логики и философской методологии, пишет: «Согласуй свои мысли друг с другом», – требовалось в век Аристотеля; «Согласуй свои мысли с авторитетом», – таков был лозунг средних веков; «Согласуй их с фактами» – вот что стало основным требованием новой эпохи [1, с. 21].

В русскоязычной литературе проблематику стиля мышления в широком философско-эпистемологическом понимании одним из первых начал глубоко и основательно исследовать А. А. Ивин (См.: [2]). В последующем эта тема получила разработку в ряде других его публикаций (См. например: [3; 4; 5]).

Все факторы стиля мышления имеют преимущественно имплицитный характер. Они срабатывают, как правило, в качестве неосознаваемых предпосылок в теоретической и практической деятельности социума и его индивидов. Как отмечает А. А. Ивин, «…задавая горизонт мышления и общие схемы его подхода к действительности, стиль мышления оказывает в конечном счете воздействие на все аспекты мыслительной деятельности в конкретную эпоху» [5, с. 19].

Когда речь идет о теоретическом мышлении, то обычно выделяют четыре стиля теоретизирования, характерных для исторических эпох: античный, средневековый, стиль мышления Нового времени и

современный стиль мышления (См.: [3, с. 250–251]). Если иметь в ввиду не только теоретическое мышление, то можно расширить эту классификацию за счет включения в нее первобытного стиля мышления.

Данная классификация имеет своим основанием выделение соответствующих значительных, эпохальных исторических периодов в развитии общества и культуры. Если же ориентироваться на более детальные логико-методологические характеристики, то можно выделить мифологический, софистический, схоластический, метафизический, догматический, диалектический, вероятностный и другие стили мышления. Ориентируясь на более частные аспекты, можно вести речь о стилях мышления научных направлений, школ, групп и отдельных исследователей.

Деления первого и второго типов имеют разные основания и, естественно, не совпадают по результатам. Было бы неверным считать, что черты мифологичности присущи, скажем, только первобытному или античному стилям мышления, а софистика, зародившаяся в эпоху Античности, умерла вместе с античным стилем мышления. Каждая значительная историческая эпоха, вырабатывая свой специфический стиль мышления, свои образцы интеллектуальной деятельности, свою систему ценностей, в тоже время усваивает, трансформирует, порой деформирует и приспосабливает к новым условиям многие черты стилей мышления предшествующих эпох. Так, в стиле мышления нашего времени можно обнаружить элементы мифологии, не закрыты врата и перед софистикой и схоластикой, в том числе в сфере гуманитарного познания, социополитических концепций, идей, рассуждений.

В структуре стиля мышления каждой эпохи всегда имеется своя доминирующая мелодия; но наряду с ней содержатся элементы предшествующих стилей мышления, а также формируются ростки будущей системы ценностей, норм, стандартов, идеалов интеллектуальной деятельности.

При анализе стиля мышления необходимо различать исторически конкретную форму его существования и логико-методологические параметры инвариантного характера. К примеру, средневековый стиль мышления – стиль мышления конкретной исторической эпохи (приблизительно V–XVI века европейской истории); схоластика – теоретическая идеология, система философско-методологических воззрений, доминировавших в этот период. Поэтому понятие «средневековый стиль мышления» можно использовать в качестве характеристики определенных особенностей в стилях мышления других исторических эпох лишь в метафорическом, переносном смысле. Схоластикой же многие вещи можно называть в прямом смысле независимо от временных параметров.

В контексте современного стиля мышления существенно отметить

два комплекса идей, отличающихся принципами в трактовке развития теоретического знания – «нормальная наука» и «анархистская наука».

Термином «нормальная наука» в философии и методологии познания называют комплексную систему научных достижений, научную теорию, которая получила достаточно широкое признание, устоялась и стабилизировалась в научном сообществе и воспринимается как базис для дальнейшего развития знания (Иногда этим термином называют и все научное сообщество, принимающее и развивающее знание на базе данной теории, данной системы знаний, данных концептуальных воззрений).

Центральным понятием «нормальной» науки является «парадигма». Парадигма – методологический образец, пример, ориентир новых научных исследований. Парадигма обеспечивает общность, согласованность, своеобразное единение исследовательской деятельности ученых, преемственность и традиции научных школ (Идеи «нормальной» науки и парадигмы введены в философию и методологию познания американским историком науки и методологом Т. Куном в работе «Структура научных революций», вышедшей в 1962 г (См.: [6]). В настоящее время понятие парадигмы стало весьма широко используемым не только в философии познания, но и в культурно-эпистемологическом контексте в целом).

Идеи, получившие название «анархистской науки», введены в философию и методологию познания П. Фейерабендом. Характерное для «нормальной науки» стремление держаться одной базисной теории и распространять ее принципы объяснения на всю исследуемую область реальности, несмотря на возникающие трудности и проблемы, связанные с этой теорией, П. Фейерабенд называет «принципом упорства». Он отмечает определенную оправданность и разумность этого принципа. Однако считает, что концепция «нормальной науки» неудовлетворительно объясняет развитие знания как чередование периодов нормальной науки с периодами научных революций. Он вводит идеи теоретического и методологического плюрализма, «пролиферации» (размножения) теорий. П. Фейерабенд считает самыми плодотворными ситуациями для развития науки борьбу альтернативных идей, концепций, теорий (См.: [7]).

Сопоставляя идеи «нормальной науки» и «анархистской науки», А. А. Ивин характеризует их как два полюса, к которым тяготеют, приближаются научные концепции и теории. При этом, отмечает А. А. Ивин, естественнонаучные теории, как правило, тянутся к форме «нормальной науки», а гуманитарные – к «анархистской» (См.: [4, с. 126–130]).

Работа выполнена при поддержке БРФФИ, проект №Г19–098 «Инновационные аспекты логической культуры мышления в научном творчестве» (02.05.2019–31.03.2021).

Литература и источники

1. Минто, В. Дедуктивная и индуктивная логика / В. Минто. – СПб., 1995.

2. Ивин, А. А. Стили теоретического мышления и методология науки / А. А. Ивин // Философские основания науки; материалы к VIII Всесоюзной конференции «Логика и методология науки», 26–28 сентября 1982 г., г. Паланга. – Вильнюс, 1982. – С. 51–56.

3. Ивин, А. А. Ценности в научном познании / А. А. Ивин // Логика научного познания. Актуальные проблемы. – М.: Наука, 1987.

4. Ивин, А. А. Основы социальной философии: Учеб. пособие для вузов / А. А. Ивин. – М.: Высш. шк., 2005.

5. Ивин, А. А. Что такое диалектика. Очерки философской полемики / А. А. Ивин. – М.: Проспект, 2015..

6. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М., 1975.

7. Фейерабенд, П. Объяснение, редукция и эмпиризм // Избранные труды по методологии науки. – М., 1986.

КОММУНИКАЦИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ

Е. В. Перепелица

Государство и общество – неоднородные субъекты, говорящие на аутентичных языках. Государство есть политическое учреждение, объединяющее всех проживающих на определенной территории людей (народ, нацию) в одно юридическое целое. Всякое государство организуется на началах определенного и конкретно утвержденного порядка, в который включаются публичная власть, органы управления и право. В правовых отношениях государство выступает как совокупность высших органов государственной власти. Общество – это живые социальные, политические, культурные и социальные структуры, обладающие собственной репрезентативностью.

Неоправданным было бы представлять государство и общество в качестве идеальных участников потенциальной коммуникации, в одинаковой степени заинтересованных в обсуждении важных для обеих сторон вопросов, и, что важно, принципиально готовых к подобному обсуждению. Между государством и обществом сохраняется неизбежный дуализм. «Различная природа органов власти и институтов гражданского общества обуславливает различия в понимании их интересов и задач» [1, с. 5]. В современном юридическом дискурсе обращается внимание на то, что деятельность государства как центрального института политической системы общества детерминируется интересами, запросами и потребностями обычных граждан.

С одной стороны, между государством и обществом существует

антиномия, иначе говоря, до конца никогда не преодолимое противоречие. С другой стороны, их строгое разграничение также невозможно: они взаимно обусловлены, переплетены и нерасторжимы, поскольку государство – суть продукт общества, одна из форм его организации. Общество существует не само по себе, а в рамках границ конкретного государства, «это своеобразные сообщающиеся сосуды: процессы, происходящие в одном из них, влияют на процессы, происходящие в другом» [1, с. 49]. Государство и общество устанавливают и поддерживают систему определенных правовых ценностей. Их взаимодействие подразумевает динамично меняющуюся последовательность действий субъектов, акторов, партнеров, вносящих в свою деятельность изменения в зависимости от того, что делает другой.

Каждое историческое время по-своему осваивает антиномию государства и общества. Противоречия между ними, безусловно, сохраняются и даже обостряются в условиях медиареальности. Тем не менее, особенность нынешней эпохи в том, что она предлагает и государству, и обществу новые роли и функции, снабжает их соединяющими, связывающими коммуникационными средствами. Государство перестает быть принципиально закрытым, отделенным для общества. В свою очередь общество проявляет способность говорить с государством само за себя, без посредников. Таким образом, грань между обществом и государством в определенной степени размыкается, становится проницаемой. В их распоряжении – интернет-форумы, сети мобильной связи, системы быстрой доставки электронных сообщений, воспользовавшись которыми можно дополнить лестницу отношений недостающими ступеньками.

Современность стимулирует институционализацию гражданского общества, инструментом которой выступают высокие технологии. Стоит признать, что граждан все меньше устраивает роль пассивных реципиентов и наблюдателей в процессах управления делами государства и общества. Они выдвигают закономерные требования к открытости, транспарентности и подотчетности государства, хотят непосредственно участвовать в повестке дня. «Гражданское общество – это всеобщий консенсус, достигаемый в рамках рационального дискурса» [2, с. 147]. При этом государство должно понимать, что в цифровую эпоху оно вынуждено действовать на арене с большим количеством игроков, представляющих общество, и что «время для адекватной реакции на требования гражданского общества сокращается в цифровом пространстве» [3, с. 2512]. Проблема сопричастности общественных структур к решению публичных вопросов выкристаллизовывается иначе, нежели это имело место прежде, в доцифровую эпоху. Поэтому перед отечественным законодателем стоит задача осознать все более важное значение данного обстоятельства с тем, чтобы попытаться претворить его в жизнь при

помощи организационно-технических решений и конкретных правовых предписаний.

Организация общественно-государственных коммуникаций, поддержание оптимальной системы обратных связей между органами публичной власти и общественными структурами требует внимания к лучшим прогрессивным образцам гражданского участия и связей с общественностью в зарубежных странах, хотя «общих рецептов» для всех и образцов для подражания не существует. При этом изучение сущностных черт сетевого взаимодействия не сводится к узко-нормативным, формально-догматическим либо техно-научным аспектам – они не улавливают всех тонкостей и нюансов сетевой коммуникации.

Очень важным в данной связи представляется преодоление правовых подходов, рожденных классическим типом научной рациональности. В пределах классического типа научной рациональности изучаются атрибутивированные законом признаки явлений и процессов. Постнеклассическая наука принимает во внимание глубокие смыслы, субъективные и иррациональные начала познаваемых явлений, внутренний правогенез, знаковые, символические феномены. Постнеклассический тип научной рациональности допускает неопределенность и контекстуальность права. Такие коннотации неподвластны чисто отражательному процессу. Постнеклассическая наука создает новые подходы, которые базируются на интер-, поли-, мульти-, мета-, транс-, кросс-, плюри-, над-, суб-дисциплинарности. «Там, где традиционная гносеология уверенно ставит точку, феноменология только начинает свои дескрипции, открывающие глубины и тайны трансцендентальной активности» [4, с. 55].

В мире новых технологий на смену типичным правовым регуляторам приходят регуляторы, отягощенные цифровым компонентом, появляются новые информационные и цифровые права, меняются местами субъекты и объекты правоотношений. «Для цифровой культуры информационной эпохи характерны деперсонифицированные субъектные взаимодействия в телекоммуникационных системах» [5, с. 132]. Узко-предметная оптика видения не оправдана, когда мы пытаемся подходить к оценке сложнейших пограничных феноменов, порожденных бурным прогрессом техники. «Поменять очки, оптический прицел – значит, поменять методологию, подходы к обсуждаемой проблеме, научиться плавать в полипарадигмальном море, чтобы в нем не утонуть» [6, с. 31].

Интернет и связанные с ним технологии продуцируют инновационные модели коммуникативного взаимодействия, опытно опережая право. Только с течением времени правовая теория и отраслевые юридические дисциплины облекают возникшие явления в легальные дефиниции, приступают к выработке понятийного языка для их объяснения.

Выстраивание двусторонних коммуникативных отношений между

государством и обществом в условиях медиареальности – вопрос последовательного поиска современных, национально приемлемых юридических и технологических решений. Подобный поиск вряд ли способны обеспечить средства классической научной рациональности.

Литература и источники

1. Гриб, В. В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: монография / В. В. Гриб. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Изд-во «Юрист», 2011.

2. Габриелян, О. А. Политические основания гражданского общества / О. А. Габриелян, В. А. Гуторов // Гражданское общество: истоки и современность / науч. ред. И. И. Кальгиной, И. Н. Лапушинский. – 3-е изд, перераб. и доп. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – С. 144–185.

3. Богданов, В. В. Гражданское общество и государство в постиндустриальную эпоху / В. В. Богданов, А. С. Макаренко // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12. – С. 2509–2513.

4. Габрусь, И. Ф. Потери и находки феноменологии / И. Ф. Габрусь // Великие преобразователи естествознания: Иммануил Кант: Тезисы докладов XV Международных чтений. 24 –25 ноября 1999., Минск. – Мн.: БГУИР, 1999. – С. 54–58.

5. Шипунова, О. Д. Тренды информационного общества и проблема идеала образования / О. Д. Шипунова, Л. И. Евсеева // Философия коммуникации: Университетское образование в социокультурной динамике информационного общества / Под ред. С. В. Клягина, О. Д. Шипуновой. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2015. – С. 129–139.

6. Ярская, В. Н. Методология диссертационного исследования: как защитить диссертацию / В. Н. Ярская. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. – 176 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ СПОСОБНОСТИ СУЖДЕНИЯ СУДЬЯМИ В КОНТЕКСТЕ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДОПРОИЗВОДСТВО

Э. О. Плотникова

Судебные решения не всегда в полной мере соответствуют предъявляемым к ним требованиям законности и обоснованности. Отчасти, причиной ошибок при вынесении решений служат сложности в реализации способности суждения судьями. Так, В. В. Балановский показывает, что основаниями для отмены решений судов первой инстанции в апелляционном порядке служат в большинстве случаев два класса оснований, находящих отражение в современном российском процессуальном законодательстве: некорректная оценка судьями

юридически значимых обстоятельств, связанная с ошибками в реализации рефлектирующей способности суждения, и нарушение или неверное применением норм материального или процессуального права, связанное с ошибками в реализации определяющей способности суждения [1, с. 304–305]. С целью устранения подобных ошибок Балановский предлагает использовать инструменты для развития судьями их естественной способности суждения [1, с. 305]. В то же время сегодня одним из главных мировых трендов является внедрение систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) для повышения эффективности судопроизводства. В частности, разработки ведутся в двух ключевых направлениях.

Первое направление использования систем ИИ в правосудии характерно для США. Так, в целях оценки возможности совершения рецидива преступления подозреваемым лицом было разработано программное обеспечение COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions), используемое судьями при вынесении решения. Несмотря на то, что COMPAS задумывался как совершенно бесстрастная, объективная программа для оценки рисков, ее применение в судебной системе вызвало широкую дискуссию. Противники COMPAS утверждают, что данное программное обеспечение имеет существенные недостатки, в частности, предвзятое отношение к расе человека при оценке риска возникновения рецидива преступления, так он по-разному оценивает возможность рецидива у европеоидов и неевропеоидов [2,3]. Здесь следует отметить, что не все специалисты, включая разработчиков COMPAS, согласны с такой критикой. Есть ряд исследований, где демонстрируется, что обвинения в расизме данного программного обеспечения безосновательны [4]. Вместе с тем, понять, кто прав в этой ситуации, не представляется возможным в силу того, что алгоритмы и базы данных, на которые опирается COMPAS, являются коммерческой тайной и недоступны для объективной оценки.

По несколько иному пути пошли европейские страны. Видя, в том числе на примере правоприменительной практики США риски внедрения ИИ в судопроизводство, Европейская комиссия по эффективности правосудия разработала «Европейскую этическую хартию использования систем искусственного интеллекта в судебных системах и их среде функционирования» (2018) [5]. В Хартии отражены 5 основных этических принципов: 1) принцип уважения фундаментальных прав человека; 2) принцип недискриминации; 3) принцип качества и безопасности обработки судебных решений и данных в безопасной технологической среде; 4) принцип прозрачности, беспристрастности и справедливости; 5) принцип «под контролем пользователя» [5, p. 7]. Таким образом, нетрудно понять, что европейский путь использования систем ИИ в правосудии значительно отличается от американского.

В Хартии оценены два варианта использования систем ИИ в

отправлении правосудия: при рассмотрении гражданских, административных дел и при рассмотрении уголовных дел. Использование систем ИИ при рассмотрении гражданских и административных дел направлено на повышение информированности граждан и консультирующих их юристов относительно исхода возникшего спора. То есть системы ИИ на основе имеющихся в открытом доступе данных об аналогичных делах осуществляют анализ возможного исхода дела, тем самым предоставляя стороне возможность урегулировать спор во внесудебном порядке, избежав судебных расходов. Тем не менее, применение подобных подходов не должно лишать стороны права на доступ к правосудию и ставить под сомнение принцип состязательности [5, p. 42]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что согласно Хартии, при рассмотрении гражданских и административных дел прерогатива судить остается у профессиональных судей. Системы ИИ представляют собой некий вспомогательный инструментарий для сторон и консультирующих юристов.

Что же касается рассмотрения уголовных дел, то здесь различие с подходом, принятым в США, становится более ощутимым. Основополагающим принципом уголовного права многих европейских стран является принцип социальной реабилитации, который подразумевает роль судьи в индивидуализации приговора на основе объективных характеристик личности (обучение, занятость, регулярность медицинского обслуживания и т. д.) [5, p. 49]. То есть применение систем ИИ, того же COMPAS, при рассмотрении уголовных дел становится для европейских стран фактически невозможным, ведь правосудие потеряет свою адресность. Кроме того, по заключению Европейской комиссии по эффективности правосудия COMPAS нарушает сразу два основополагающих этических принципа: недискриминации и прозрачности [5, p. 52–53]. Таким образом, европейский путь состоит в использовании систем ИИ лишь во вспомогательных целях, в том числе для автоматизации и упрощения технической стороны судопроизводства, например, путем создания сервисов, позволяющих сторонам ознакомиться с информацией по судебному делу, а также с базой данных прецедентного права апелляционных и кассационных судов [6, с. 83].

Главный вопрос состоит в том, сможем ли мы в перспективе полностью заменить судью или переложить часть его работы по вынесению решений, пусть и по малозначительным делам, на системы ИИ? Вероятно, что по определенным наиболее простым и типичным категориям дел, как например по делам об административных правонарушениях, да. Однако необходимо помнить об основополагающих принципах, отраженных в Хартии, без соблюдения которых существование правового государства невозможно. Вместе с тем, даже в таком случае возникает две фундаментальные проблемы. Во-первых, любая

автоматизация ведет к нарушению принципа индивидуальности и адресности правосудия. Во-вторых, чтобы системы ИИ функционировали надлежащим образом, уровень юридической техники должен быть на высочайшем уровне, так как программный код данных программ не допускает двусмысленной интерпретации, которая возможна в современных законодательных актах [7, с. 216]. Таким образом, на сегодняшний день условий для использования систем ИИ в отправлении правосудия нет, потому судьям остается полагаться на собственную способность суждения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–00067.

Литература и источники

1. Балановский, В. В. Некоторые аспекты функционирования трансцендентальной рефлексии у судей // Трансцендентальный поворот в современной философии (4): трансцендентальная метафизика, эпистемология и философия науки, теология и философия сознания. – М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2019. – С. 302–305.

2. Monahan J., L. Skeem J. Risk Assessment in Criminal Sentencing // Virginia Public Law and Legal Theory Research Paper. 2015. № 53 [Electronic resource]. – Mode of access: https://papers.ssrn.com/ sol3/ papers. cfm ?abstract _id=26 62082. – Date of access: 08.09.2020.

3. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias: There's software used across the country to predict future criminals. And it's biased against blacks // ProPublica. 23.05.2016 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.propublica.org/ article/ machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing. – Date of access: 08.09.2020.

4. Brennan T., Dieterich W., Ehret B. Evaluating the predictive validity of the COMPAS risk and needs assessment system // Criminal Justice and behavior. – 2009. – Vol. 36, № 1. – P. 21–40.

5. European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their environment. – Strasbourg: Council of Europe, 2019.

6. Бирюков, П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica. – 2019. – № 11 (156). – С. 79–87.

7. Балановский, В. В. Права и свободы человека и гражданина в контексте развития и внедрения систем искусственного интеллекта // Конституция и общественный прогресс. Вторые Прокопьевские чтения. – Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2019. – С. 209–217.

ГЕРМЕНЕВТИКА ВИЗУАЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

М. В. Пономарев

Визуальный (иконический) «поворот» в системе социально-гуманитарного познания стал одним из наиболее заметных эпистемологических явлений на рубеже XX–XXI вв. В широком социальном контексте он сопряжен с влиянием процессов цифровизации и виртуализации, становлением самых разнообразных институций информационного общества, а в методологическом плане является ярким примером постнеклассического типа научной рациональности и продолжением традиций лингвистического «поворота» [1, с. 146–152].

В качестве когнитивного явления визуализация обладает двойственной природой: с одной стороны, она во многом определяет качество восприятия объектов окружающей действительности на первичных стадиях обнаружения и различения, а с другой, может стать важным элементом категоризации и коннотации, то есть высших, наиболее продуктивных форм перцепции. В системе социально-гуманитарного познания эта особенность наглядно демонстрируется источниковедческой цепочкой «*документ – текст – образ*». По мере того, как текст в глазах исследователя утрачивает функцию событийного нарратива или сложной семантической конструкции, резко возрастает роль его творческой интерпретации, «прочтения» сквозь призму символических образов, которые способны соединить содержательные аспекты текста с подсознательно воспринимаемыми интонациями и нюансами, интегрировать текст в жизненный мир исследователя. Такой подход превращает любой текст в целостное знаково-символическое пространство, основными компонентами которого становятся именно образы, а не содержательные единицы или семантические структуры. Визуализация еще в большей степени закрепляет эту тенденцию. Визуальный образ не нуждается в сложных системах декодирования, он выступает как самодостаточный способ презентации и репрезентации реальности. В этом качестве он перестает быть «иллюстрацией» и сам приобретает черты полноценного текста – изображение уже не отсылает к реальности, а сосредотачивает изучаемую реальность в себе. Как следствие, визуальный образ приобретает априорную целостность, смысловую насыщенность и во многом помогает снять тот герменевтический «конфликт интерпретаций» (по терминологии Поля Рикера), который неизбежно возникает при рациональном «считывании» текста. Чем объясняется такой эффект?

Риски интерпретации появляются при столкновении человека со сложной, противоречивой, изменчивой реальностью, которая не может

быть осмыслена в категориях повседневного опыта и на основе «линейных» каузальных связей. Рикер отмечал, что такая ситуация «имеет место там, где есть многосложный смысл», и тогда интерпретация «состоит в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом, в выявлении уровней значения, заключенных в буквальном значении» [2, с. 51]. Попытка «считывать» все эти уровни и компоненты сложной реальности буквальным образом и приводит к «конфликту интерпретаций», то есть противоречию между рациональными умозаключениями, которые могут объяснить каждый отдельный компонент, но не обеспечивают целостное понимание. Отсюда особая значимость символизации, которая редуцирует эту множественность смыслов – любой символ позволяет локализовать восприятие на двух уровнях значений, один из которых является «прямым», первичным, наблюдаемым, а другой – иносказательным, вторичным, понимаемым. Тем самым, символизм позволяет превратить непосредственное восприятие в опорную герменевтическую практику: человек интуитивно понимает символическое значение «нечто» и на этой основе формирует абсолютно «достоверное» для себя объяснение, а не пытается суммировать множество противоречивых эмпирических данных в надежде достичь «точного» знания об этом «нечто».

Визуализация символического еще в большей степени усиливает этот когнитивный эффект. Визуальный образ максимально сближает уровни «понимаемого» и «объясняемого», «наблюдаемого» и «воспринимаемого». Иными словами, визуальный образ представляет собой единство «того, чем является» и «того, чем кажется». Поэтому символизация как средство герменевтической репрезентации реальности во многом опирается именно на формирование визуальных образов. Как отмечает Джон Ричардсон, такие образы всегда являются «"личным", или "субъективным" переживанием, … и именно они определяют продуктивность выполнения любых когнитивных заданий» [3, с. 15, 23].

Важно отметить, что визуальный образ может служить основой не только репрезентации, но и непосредственного, первичного восприятия реальности. В этом случае речь идет не о *визуализации символического*, а о *символизации визуального*, когда образное мировосприятие («визуальное мышление») вытесняет культуру аналитического «считывания» реальности – человек определенным образом «видит» реальность, что оказывается достаточным для ее понимания. С точки зрения классической теории познания такой подход является абсурдным – он подменяет фундаментальные, проверенные «знания» о мире поверхностными, ситуативными «впечатлениями», выхолащивая весь процесс познания и разрывая преемственность культурного опыта. Но постнеклассическая эпистемология видит в «визуальном мышлении» вполне действенный способ преодоления когнитивного диссонанса в условиях предельно

сложной и изменчивой реальности, а также эффективную основу для репрезентации такой реальности в визуальных символических образах (например, культура селфи, культура перфоманса).

Таким образом, в рамках постнеклассической науки эпистемологическая значимость визуального «поворота» явно выходит за рамки собственно визуализации. Он соотносится с установкой на восприятие реальности как интертекста, имеющего знаково-символическую природу. Для понимания такого текста необходимо не просто логическое вычленение смысловых единиц и реконструкция их взаимосвязи, а герменевтическое проникновение «по ту сторону» этих взаимосвязей, априорное и интуитивное восприятие смысловой целостности окружающего мира. Такая установка отчасти напоминает религиозную герменевтику, но постнеклассическая эпистемология исходит из того, что эффект «прямого» прочтения окружающего мира достигается благодаря нейропсихической мозговой деятельности, а не эзотерическим практикам. И визуализация становится одним из наиболее эффективных инструментов активизации такой мозговой деятельности, обеспечивая крайне высокий уровень взаимосвязи восприятия, мышления и воображения. Благодаря ей структуралистская аналитика (стремление «разобрать» структуру интертекста на компоненты, чтобы затем «собрать» ее как целостную и понятную модель репрезентации реальности) уступает место наглядно-образному мышлению, основанному на творческом воображении, свободных ассоциациях, тесной взаимосвязи эмоциональных переживаний и рациональных умозаключений, игровой семантике, способности оперировать образами при решении разнообразных задач. Исследователь по-прежнему воспринимает мир как текст, но дискурсивное понимание этого текста не требует выявления смыслов, «спрятанных» за словесно-речевыми конструкциями.

В ходе познания происходит визуализация любого текста – интерактивное «достраивание» его смысловой основы на знаково-символическом уровне. И эта тенденция выводит эпистемологическое значение визуального «поворота» на совершенно новый уровень – речь идет уже не просто о значимости зрительно воспринимаемой информации, а о полномасштабном вторжении наглядно-образного мышления и связанного с ним творческого воображения и в исследовательские аналитические процедуры, и в любые социальные практики. Дэн Роем, один из авторов теории «визуального мышления», задаваясь логичным вопросом: «Почему один рисунок способен практически мгновенно объяснить сложную проблему и тут же все расставить по своим местам, а другой только все усложняет и запутывает», делает показательный вывод о наличии у людей с высоким творческим потенциалом особого «визуального чутья» [4, с. 273]. Это метафорическое понятие подчеркивает роль самостоятельной герменевтической активности человека в процессе

восприятия визуализированной реальности – готовности *видеть*, а не *смотреть*. Не менее значимым является и стремление *показывать*, а не только *видеть*. На этой основе формируется способность человека продуктивно участвовать в формировании и изменении визуализированной реальности, что является одной из ключевых социальных компетенций нашего времени.

Литература и источники

1. Колодий, Н. А. Визуальный поворот и его влияние на социальное познание / Н. А. Колодий, В. В. Колодий // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316. – № 6. – С. 146–152.

2. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. – М.: Академический Проект, 2008.

3. Ричардсон, Дж. Мысленные образы. Когнитивный подход / Пер. с анг. под общ. ред. В. И. Белопольского. – М.: Когито-Центр, 2006.

4. Роэм, Д. Визуальное мышление. Как «продавать» свои идеи при помощи визуальных образов / Пер. с англ. О. Медведь. – М., 2010.

ИДЕЯ ВРЕМЕНИ В МОДЕЛЯХ МИРА А. И. ВВЕДЕНСКОГО И Н. О. ЛОССКОГО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В. С. Попова

Задачи моего рассмотрения состоят в следующем: эксплицировать из текстов А. И. Введенского и Н. О. Лосского идеи, определяющие основные характеристики понятия времени, выявить место и роль этих воззрений в их концепциях. Темпоральные размышления указанных философов (учителя и его ученика, но не последователя) так или иначе, отталкиваются от Кантова априоризма, но имеют свои особенности. Поэтому сопоставление этих концепций времени требует реконструкции взаимосвязей с их мировоззренческими, ценностными позициями. Гипотеза моего исследования такова: хронотопические представления, весь понятийный комплекс, посредством которого Введенский и Лосский выражают его (прошлое, настоящее, будущее, вечность, бессмертие, бесконечность и др.), составляют опоры их моделей мира. А модель мира, в свою очередь, характеризует субъекта как мыслителя, принадлежащего определенной культурно-исторической реальности. Поэтому при всем расхождении философских взглядов и явно выраженных интерпретаций темпоральных категорий столь различными по своим взглядам авторами, ценностные установки их философской деятельности и стили их философских размышлений будут иметь существенные общие черты. В результате следует выяснить, какое место могла занимать идея времени в моделях мира русских университетских философов первой четверти XX

века на примере А. И. Введенского и Н. О. Лосского.

О методологии исследования отмечу следующее. Философская идентичность не дана в готовом виде, она строится в процессе жизни и потому связана с темпоральными представлениями: «Личная идентичность человека создается и в прошлое, и в будущее из настоящего. В прошлое – это постоянное собирание себя из мозаики памяти о жизни при помощи "Я так хотел!", в будущее – это постоянное стремление почувствовать, схватить свою задачу и осознать в себе средства для решения ее» [1, с. 88]. Но модель мира философствующей личности отличается тем, что опорные ее понятия оказываются в том или ином виде отрефлексированными. Причем эта явная рефлексия, отраженная в философских текстах, может отличаться от неявных представлений, скрывающихся в слое «затекстов», т. е. таких уверенностей, которые имеют культурно-историческую обусловленность.

Для выявления модели мира, места в ней темпоральных представлений, их ценностно-гуманитарного смысла в принимаемой мной методологии, разработанной профессором В. Н. Брюшинкиным, используется логико-аргументативный анализ текста. При этом «особенности аргументации обусловливаются, с одной стороны, избранными логическими средствами, а с другой стороны, свойствами подразумеваемой модели мира» [2, с. 23]. Анализ тематической аргументации является эффективным средством для реконструкции модели мира, которая обязательно присутствует в мышлении того или иного философа, но не дается в явном виде. При таком анализе текстов А. И. Введенского и Н. О. Лосского можно опираться на следующую трактовку модели мира: это само собой разумеющееся представление субъекта о мире, включающее систему базисных объектов и базисных связей между этими объектами и позволяющее справиться личности с объяснением сложности бытия (см.: [2, с. 11–13]).

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 19–011–00302А «Темпоральные размышления в русской философии XIX–XX вв.: опыт реконструкции и актуализация»).

Литература и источники

1. Брюшинкин, В. Н. Особенности исследования идентичности // Ценности и смыслы. – 2010. – № 5. – С. 84–93.

2. Брюшинкин, В. Н. Сравнительное исследование западноевропейской и русской философии методами теории аргументации на примере текстов И. Канта и Вл. Соловьева // Материалы к сравнительному изучению западноевропейской и русской философии: Кант, Ницше, Соловьев. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002.

ПРАСТОРА І ЧАС У ЕЎРАПЕЙСКАЙ І АМЕРЫКАНСКАЙ ФАЛЬКЛАРЫСТЫЦЫ ЭПОХІ ПОСТМАДЭРНІЗМУ

І. В. Поўх

Інтэрпрэтацыя прасторава-часавых узаемасувязяў на працягу стагоддзяў заставалася адной з найбольш актуальных праблем заходняй філасофіі. Эпоха Сярэднявечча і адлюстраванае ў «Споведзі» Св. Аўгусціна [1] стаўленне да часу і прасторы як да суб'ектыўнага паняцця, якое кожны выкарыстоўвае, але ніхто не можа растлумачыць, якое залежыць ад таго, як мы яго ўспрымаем, створаных Богам існасцей, што вымяраюцца рухам (рух нябесных целаў, пераход будучага часу ў цяперашні і пасля ў мінулы) і існуюць, пакуль існуе гэты рух, змянілася натуральнай філасофіяй эпохі Адраджэння. Пасля эпохі Асветніцтва з яго ілюзіяй навуковага кантролю над часам і прасторай, новы крызіс сярэдзіны XIX стагоддзя падкрэсліў усё большае разыходжанне паміж знешнімі, аб'ектыўнымі паняццямі часу і прасторы і іх суб'ектыўным успрыманнем [2]. Шматлікія філасофскія плыні XX стагоддзя прапаноўвалі шэраг разнастайных погладаў на сутнасць часу і прасторы, ад мадэрнісцкай ідэі ўсеагульнага прагрэсу праз адмаўленне ад гісторыі і традыцый [3] да постмадэрнісцкага «крызісу рэпрэзентацыі» [3; 4].

Адной з праяў постмадэрнізму, як сцвярджаюць навукоўцы [5], было рэзкае павелічэнне тэмпаў развіцця інфармацыйных тэхналогій, вынікам чаго стала рэарганізацыя і глабалізацыя эканомікі, якая, у сваю чаргу, мела значны ўплыў на соцыякультурную структуру заходняга грамадства, выклікала змену жыццёвага ладу, а таксама суб'ектыўнага ўспрымання часу і прасторы. Сярод адметных уласцівасцяў постмадэрнізму вызначаюцца т. зв. «фрагментацыя» і «прасторавая дэзарыентацыя» [5, с. 3], пачуццё заклапочанасці і адарванасці, згубленая самаідэнтыфікацыя з пэўным месцам і супольнасцю. У сваю чаргу, час суб'ектыўна скараціўся. Знікла адчуванне працягласці мінулага і будучага, уласцівае папярэднім пакаленням, пакінуўшы чалавеку толькі цяперашні час, той момант, непасрэдна ў якім ён знаходзіцца. Страта ўласнай прыналежнасці да гістарычнага кантынуўму (акрэсленага традыцыйным светапоглядам і каштоўнасцямі) і спадзяванняў на будучыню вызначаюць нязменную сучаснасць як характэрную рысу постмадэрнізму.

Культура масавага спажывання – як натуральны вынік тэхналагізацыі грамадскага жыцця – адмоўна ўплывае на чалавека як асобу, сацыяльныя ўзаемасувязі і навакольнае асяроддзе, вядзе да страты аўтэнтычнасці, калі падзел паміж сапраўдным і ілюзорным сціраецца пад уздзеяннем падабенстваў і імітацый, ствараючы т. зв. «гіперпрастору» [6], якая выходзіць за межы ўпарадкаванасці і класіфікацыі. Адпаведна, глабалізацыя і дынамізацыя ўсіх сацыякультурных працэсаў, якія больш не

вызначаюцца прыналежнасцю да пэўнай мясцовасці, рэгіёну ці тэрыторыі, азначае пераход ад прасторы да струмянёў («стрымаў»), ад іерархічных структур да дэзарганізацыі. Час, у сваю чаргу, уяўляецца як паслядоўнасць фіксаваных момантаў стабільнага існавання, своеасаблівыя «альвеолы» прасторы, якія ўтрымліваюць сціснуты час. Постмадэрнісцкая прастора, такім чынам, інтэрпрэтуецца даследчыкамі як новая канцэпцыя не самой прасторы, а шляхоў яе запаўнення і, адпаведна, вызначаецца фрагментарнасцю і неўпарадкаванасцю элементаў, якія праз яе праходзяць, выступаючы своеасаблівым фонам, на якім можа адбівацца любая выява, рэфлексіўнай асновай, якая паядноўвае разнастайныя і рознапланавыя культурныя – у тым ліку, фальклорныя – праявы.

Адзначаныя вышэй адметнасці эпохі постмадэрнізму знайшлі сваё адлюстраванне ў разнастайных сацыяльна-гуманітарных навуках, у там ліку фальклярыстыцы, этналогіі, антрапалогіі і г. д. Даследчыкі [4] падкрэсліваюць дыяхранічны характар фальклярыстычных традыцый постмадэрнізму, вызначаючы іх як узаемасувязь і ўзаемадзеянне кагнітыўных сэнсаў, чаканняў, суб'ектыўных уражанняў і ацэнак, і тым самым усталёўваюць існаванне ў прасторы і часе як адзін з ключавых маркераў фальклорных адзінак. Постмадэрнізацыя фальклорнай рэчаіснасці ўвасабляецца таксама праз эпістэмалагічны пераход ад рэферэнтнасці – звароту да традыцыі як сістэмы каардынат – да «нерэферэнтнасці» альбо «пострэферэнтнасці» [4, с. 224], калі знак (сімвал) набывае ўласны сэнс і існуе самастойна, па-за рэферэнтнай сістэмай традыцыі, у межах якой узнік. Прастора і час разглядаюцца не як выключна фонавыя, эпістэмалагічна адасобленыя ад соцыуму з'явы, а праз дыялектыку прасторава-часавага кампанента ў сацыякультурным асэнсаванні рэчаіснасці, узаемаабумоўленасць прасторы і соцыуму [7]. Узаемаўплыў і дыялектыка прасторы і часу, постмадэрнісцкае стаўленне да прасторавага кампанента грамадскага жыцця як вытоку часу, а часавага кампанента – як вытоку прасторы супярэчыць уяўленню пра культуру як замкнёную сістэму і падкрэслівае нявызначанасць, нестабільнасць і неадназначнасць яе межаў [6].

Адной з найбольш актуальных у эпоху постмадэрнізму з'яўляецца праблема існавання фальклорнай культуры ва ўмовах хуткай тэхналагізацыі грамадскага жыцця [8]. На першы план выходзіць стаўленне да фальклорнай культуры не як да ўстойлівай сутнасці, а як да дынамічнага працэсу, які змяняе форму свайго існавання ў залежнасці ад патрабаванняў часу. Непасрэдным вынікам тэхналагічнага прагрэсу стала прасторава-часавая кампрэсія, сфармуляваная ў 1989 годзе географам і антраполагам Дэвідам Харві як «працэсы, якія настолькі кардынальна змяняюць аб'ектыўныя ўласцівасці прасторы і часу, што нам даводзіцца пераасэнсоўваць, часам вельмі істотна, увесь свой светапогляд» [9, с. 240]. Абсалютная прастора змяняецца абстрактнай прасторай, якая існуе

«аб’ектна» [10, с. 11], як комплекс рэчаў / знакаў і іх фармальных узаемасувязяў, мае фармальны і квантытатыўны (колькасны) характар, нівелюе як натуральныя, так і гістарычна абумоўленыя разыходжанні. Абстрактнай прасторы не ўласцівая аднароднасць – яе шматбаковасць абумоўлена наяўнасцю разнастайных узаемна процілеглых і ўзаемадапаўняльных геаметрычных і візуальных складнікаў.

Апісаныя вышэй тэндэнцыі ўвасабляюцца ў прасторавай, часавай і сацыяльнай трансфармацыі фальклорнай культуры пад уплывам сучасных тэхналогій, якія памяншаюць альбо ўвогуле нівелююць прасторавыя і часавыя адлегласці, а таксама ў форме і змесце фальклору (напрыклад, увядзенне элементаў іншаземнай (экзатычнай) культуры як прасторавая трансфармацыя, зварот да гістарычных падзей – часавая) і складае прадмет даследавання сучаснай фалькларыстыкі. Сярод асноўных праяў адзначанай вышэй трансфармацыі вылучаюцца з’яўленне новых форм імітацыі і рэпрэзентацыі, іранічная гульня з элементамі традыцыйнай культуры, канструяванне сэнсу ў новых кантэкстах, а таксама ўплыў камунікацыйных тэхналогій, эканомікі, турызму, сувенірнай і культурнай індустрыі на развіццё фальклору.

Адпаведна, фалькларыстыка, як і любая навука эпохі постмадэрнізму, усведамляючы ўласную дыскрэтнасць, стварае тэарэтычную мадэль, заснаваную на адрозненнях, мадэль, супрацьлеглую замкнёнай сістэме і накіраваную на інавацыйнае развіццё і дасягненне не ўніверсальнага, а лакальнага кансэнсусу, абмежаванага ў прасторы і часе. Такім чынам, агульнаму наратыву постмадэрнісцкая фалькларыстыка супрацьпастаўляе «малыя наратывы» творчага мыслення, антыметадаў і адкрытай сістэматызацыі.

Такім чынам, інтэрпрэтацыя прасторы і часу ў еўрапейскай і амерыканскай фалькларыстыцы эпохі постмадэрнізму вызначаецца эпістэмалагічным пераходам ад рэферэнтнасці да «нерэферэнтнасці» альбо «пострэферэнтнасці», фрагментацыяй і дыскрэтнасцю, узаемаабумоўленасцю часу, прасторы і соцыуму. Асаблівая ўвага надаецца прасторавай, часавай і сацыяльнай трансфармацыі фальклорнай культуры пад уплывам сучасных камунікацыйных тэхналогій, эканомікі і турызму, а таксама вывучэнню яе праяў на ўзроўні новых форм імітацыі і рэпрэзентацыі, гульні з элементамі традыцыйнай культуры, канструявання сэнсу ў новых кантэкстах.

Праца выканана пры фінансавай падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонда фундаментальных даследаванняў у межах задання «Беларуская фалькларыстыка ў сучасным свеце: метадалагічны, праблемна-тэматычны дыяпазон, тэарэтычныя навацыі»; дамова № Г20У-004, нумар дзяржаўнай рэгістрацыі 20201112 ад 26.06.2020.

Літаратура і крыніцы

1. Thomson, G. The Longman Standard History of Medieval Philosophy / G. Thomson, D. Kolak. – New York: Routledge, 2016. – 432 p.

2. Dickens, D. R. Time and Postmodernism / D. R. Dickens, A. Fontana // Symbolic Interaction. – 2002. – Vol. 25, № 3. – P. 389–396.

3. Dickens, D. R. Postmodernism and Social Inquiry / D. R. Dickens, A. Fontana. – New York: Routledge, 2015. – 272 p.

4. Warshaver, G. E. On Postmodern Folklore / G. E. Warshaver // Western Folklore. – 1991. – Vol. 50, № 3. – P. 219–229.

5. Francese, J. Narrating Postmodern Time and Space / J. Francese. – New York: SUNY Press, 1997. – 203 p.

6. Anttonen, P. J. Tradition through Modernity: Postmodernism and the Nation-State in Folklore Scolarship / P. J. Anttonen. – Helsinki : Finnish Literature Society, 2005. – 215 p.

7. Social Relations and Spatial Structures / ed.: D. Gregory, J. Urry. – London: Macmillan, 1985. – 440 p.

8. Bausinger, H. Folk Culture in a World of Technology / H. Bausinger. – Bloomington : Indiana University Press, 1990. – 187 p.

9. Harvey, D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change / D. Harvey. – Cambridge; Oxford : Blackwell, 1990. – 379 p.

10. Brassett, J. Space, Postmodernism and Cartographies / J. Brassett // Postmodern Surroundings / ed. : Steven Earnshaw. – Amsterdam : Rodopi, 1994. – P. 7–22.

БОРЬБА НОВОГО И СТАРОГО КАК ОДНО ИЗ ГЛАВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ СОЦИАЛЬНОЙ МАТЕРИИ

М. М. Прохоров

1. В исследовании автор следует идеям марксистской философии. Борьба нового и старого признается в ней фундаментальной проблемой мировоззрения. Она связана с революционным переворотом, основой которого является *составляющее эпоху открытие.* Выделим его основные моменты. Во-первых, объединение материализма и диалектики, обоснование *взаимообусловленности материи и движения*, с позиций которой должна рассматриваться вся действительность и всякая «часть» действительности [1, с. 5]. Во-вторых, объективная диалектика предполагает субъективную диалектику, гносеологию, вместе они образуют онтогносеологию [2], которая возникает на базе постановки и решения основного вопроса философии [3, с. 92–111]. В. И. Ленин раскрыл значимость онтогносеологии в полемике с махистами, благодаря которым впервые проник в *научное* познание физический идеализм в альянсе с метафизикой релятивизма [4, с. 327]. Третий момент – выход марксизма на

позиции концепции коэволюции, который позволил преодолеть односторонние концепции созерцательности и активизма [5; 6; 7]. По Ф. Энгельсу, в средневековой Европе возникло чрезмерное противопоставление, дуализм между духом и материей, человеком и природой, душой и телом, получив «наивысшее развитие в христианстве». И он указывал на все большее осознание людьми «своего единства с природой», подчеркивая вклад тогдашнего естествознания и возражая против идеи господства человека над природой, предстающего наподобие бога, «как кто-либо находящийся вне природы» [8, с. 495–496]. Материальный мир, обладая способностью созидать новое и развиваться, порождает homo sapiens, через деятельность которого пролонгируется бытие, нарастает их совместное, коэволюционное развития. В-четвертых, находясь внутри природы, мы должны научиться регулировать ее процессы. Правда, для этого мало простого познания, нужен переворот в практике, способе нашего производства, чтобы освободить историю от слепой игры неконтролируемых сил. Это предполагает превращение философского мировоззрения в «практическую теорию» [9, с. 307], сталкивающуюся с фундаментальной проблемой борьбы нового и старого, различения «старого», капиталистического общества, в основном преодолевшего феодализм, но чреватого *окончанием* истории, и «нового», социалистического общества, открывающего новые пути практического развития общества [10, с. 40–48].

2. Анализ капитализма К. Марксом привел к установлению *наиболее общего содержания современного мира* как перехода от капитализма к коммунизму, его прехождения и возникновения на его почве коммунизма, развивающегося далее на собственной основе [11, с. 771–773]. К. Маркс раскрыл также *особенности* современного ему капитализма свободной конкуренции, закономерность равномерного развития подавляющего большинства входящих в него стран. На этом основании он сделал вывод, что переход к коммунизму произойдет одновременно в наиболее развитых странах на высшей ступени развития капитализма, когда его потенциал будет исчерпан. К. Маркс исследовал и уровень *единичного*, например, существование в России общинного крестьянства [12, с. 12–20].

3. Исследование капитализма В. И. Лениным («Военная программа пролетарской революции», «О лозунге Соединенных штатов Европы») подтвердило вывод К. Маркса о наиболее общем содержании эпохи, но и раскрыло изменения в его природе на уровне *особенного.* Был открыт закон *неравномерности* развития разных стран капитализма в эпоху империализма и сделан вывод, что социализм не может победить одновременно *во всех* странах, что первоначально он победит в одной или нескольких странах, а остальные останутся буржуазными или добуржуазными. Таков был результат превращения «конкуренции» в «монополию» в экономике «новейшего капитализма».

4. С тех пор прошло целое столетие. При анализе борьбы нового и старого в современном мире, как показал академик РАН С. Ю. Глазьев в статье «О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса» [13], нужен анализ происшедших изменений. Произошла структурная перестройка мировой экономики, обусловленная сменой технологических и мирохозяйственных укладов. Вытесняется старый и формируется новый миропорядок, угрожающий человечеству, ибо нынешняя эпоха аналогична «Великой депрессии». Смена началась с «перестройки» в СССР, завершившейся его крахом, распадом мировой системы социализма на фоне укрепления позиций Китая, Индии и США, где сформировались базисные «уклады», их конкуренция определит логику борьбы нового и старого. Академик дал анализ укладов. Достигнув пика могущества после распада СССР, США безнадежно проигрывают экономическое соревнование Китаю. Тот создал более эффективную систему *интегрального (смешанного)* управления развитием экономики. Сочетая государственное планирование и рыночную самоорганизацию, государственный контроль за движением денег и частное предпринимательство, интегрируя интересы всех социальных групп вокруг цели повышения общественного благосостояния, КНР демонстрирует рекордные темпы роста инвестиционной и инновационной активности, более тридцати лет лидируя по темпам экономического роста. Американская финансовая олигархия, ориентируясь на максимизацию прибыли, уступает экономике китайских коммунистов, которые приспособили рыночные механизмы для повышения народного благосостояния. Индийские националисты создали иной вариант интегральной системы управления экономикой с демократической политической системой. Все страны формируют *конвергентные* модели, сочетая социалистическую идеологию и государственное планирование с рыночными механизмами и частным предпринимательством, руководствуясь целями повышения производства материальных благ, демонстрируя развитие на фоне стагнации ведущих капиталистических стран во главе с США. С. Ю. Глазьев отмечает продвинутость уклада КНР. Американоцентричный же миропорядок погружается в хаос, в котором деградирует Россия.

5. Академик был советником Президента РФ, а в последнее время лишен этого статуса. Его рекомендации отвергнуты руководством страны. Они неприемлемы властной вертикали, не признающей марксистской трактовки наиболее *общего содержаниям эпохи,* связанной с представлениями о классовой борьбе [10, с. 47]. Она требует классовой «беспристрастности», выдавая ее за объективность. Она отказалась от марксистской идеи диктатуры пролетариата в пользу сотрудничества, возникшего в ходе второй мировой войны с фашизмом между лидерами стран антигитлеровской коалиции в виде объединения Рузвельта, Черчилля

и Сталина в «большую тройку». Истеблишмент России рассматривает его как то новое, что явилось главным приобретением человечества в XX столетии, найдя себе закрепление в Организации Объединенных наций, Совете безопасности с правом вето для каждой страны-участницы, перешедшего к России как «правопреемнице» СССР. Именно об этом пишет В. В. Путин во всех изданиях статьи «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим», которая размещена на сайте *Кремля*, в «Российской газете», в зарубежных вариантах статьи. Это, считает В. В. Путин, позволяет отрицательно относиться к советскому, социалистическому содержанию в истории СССР, заменяя его идеей антисоветского патриотизма в целях объединения всего населения, ограничивающих себя мечтами: «только б не было войны!», якобы демонстрирующих безразличие нашего населения ко всему социалистическому, советскому. В этом он видит суть утверждения демократии, обеспечивающей не *классовую*, а *компромиссную* (основанную не на диалектике, а на эклектике, идеализме и вульгарном материализме – *М. П.*) модель будущего развития страны с сохранением богатых олигархов и бедных трудящихся, призывая тех и других к мирному диалогу и сотрудничеству, и признавая такой раскол в обществе не аномальным, а нормальным историческим явлением, соответствующим нормам международного права, перенося их на внутреннее содержание политики России. А ведь на референдуме 1991 года подавляющее большинство населения высказалось за сохранение СССР, социалистического, советского содержания, наполнения истории своей страны. Властная вертикаль времен М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина грубо проигнорировала чаяния граждан. В статье В. В. Путина эта традиция продолжена.

6. Израильский политолог Яков Кедми (выходец из СССР Я. И. Казаков) выступил с анализом статьи В. В. Путина на вечере В. Соловьева 27.01.2020 [13]. С одной стороны, фактический материал, который В. В. Путин использовал в своей статье является абсолютно правдивым, признает Я. И. Кедми, ни одного аргумента, которым пользовался В. В. Путин в статье, никто даже не пытался опровергнуть. С другой стороны, согласно В. В. Путину все страны способствовали усилению Германии. В этом статья Президента РФ искажает события, ибо это утверждение нельзя распространить на СССР, который не участвовал в мюнхенском сговоре стран, умиротворявших Германию как агрессора, подталкиваемого к войне против СССР. Лишь убедившись, что его усилия по организации союза стран от фашистской угрозы нереализуемы, СССР пошел на заключение так называемого пакта Молотова-Риббентропа. Согласно Я. И. Кедми, вопрос о субъекте войны и целях, которые он преследовал в борьбе с фашистской Германией в статье В. В. Путина искажен. Ведь Гитлер не скрывал, что фашизм стремился уничтожить

СССР, покорить советский народ, совершивший прорыв за пределы капиталистического общества, учредив власть организованных в Советы трудящихся-рабочих и крестьян, построивших под руководством большевиков новое социалистическое общество. Значит, это была война против социализма в Советском союзе, против идеологии большевиков, против коммунистов. Именно поэтому США вплоть до декабря 1941 года поддерживали Германию, ведшую войну против коммунизма. В этом обстоятельстве Я. И. Кедми видит также причину победы советского народа, отстаивавшего свою *социалистическую* родину. Я. И. Кедми прав, утверждая, что статья В. В. Путина ни единого слова не говорит об этом. Тут ее основная ложь, ложь умолчания и замены советского, социалистического патриотизма антисоциалистическим.

7. Фактически в своих размышлениях политолог поднимает принципиальный вопрос о наиболее общем содержании современного мира: является ли им переход от капитализма к коммунизму, преодоление эксплуатации, победа труда над капиталом, к чему стремился советский народ как субъект войны во всех республиках СССР или это содержание было вытеснено идеей сотрудничества, компромиссных (эклектических – *М. П.*) форм жизни представителей «труда и капитала». Именно в таком контексте советскому, социалистическому противополагается демократическое содержание человеческой истории, утверждает В. В. Путин. Фактически он предлагает *новое как новое возвращение к старому и гнилому*, защищая на основе эклектики и идеализма современные формы эксплуатации «труда капиталом», отрицая всякую возможность интерпретации нового в марксистско-ленинском смысле.

8. Далее, эта проблема требует ответа на вопрос является ли возникшее в ходе войны компромиссное состояние сотрудничества «большой тройки» относительным, релятивным, исторически ограниченным определенными рамками и значением, или ему должно быть придано абсолютное значение, как надеется В. В. Путин, выстраивая на таком основании внутреннюю и внешнюю политику страны. Для марксиста ответ на него достаточно очевиден, если вспомнить НЭП, которая фигурировала как нечто относительное, преходящее во внутреннем содержании истории СССР. С. Глазьев обнаруживает подобную относительность как свойство интегральных, смешанных укладов в КНР, Индии и даже в США, оставаясь далеким от их абсолютизации, обсуждая их конкуренцию, которая, по его мнению, определяет логику современной истории. Именно поэтому С. Ю. Глазьев был уволен с поста советника Президента РФ.

9. Ясно, что борьба обеих парадигм своими корнями уходит в прошлое. Их нетрудно обнаружить в период «перестройки», которую проводили М. С. Горбачев вместе с А. Н. Яковлевым; она завершилась уничтожением социализма под флагом утверждения демократии. В

последующий исторический период она была продолжена Б. Н. Ельциным. С борьбой обеих «парадигм» мы столкнемся при чтении доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, обвинившего И. В. Сталина в «культе личности», преодоление которого требует, по мысли Н. С. Хрущева, утверждения идеалов демократии, а не социализма с его диктатурой пролетариата (вспомните расстрел демонстрации рабочих Новочеркасска в 1962 году – *М. П.*). Полагаю, что проявления этой борьбы «нового» и «старого» могут быть найдены как характерные моменты даже для ленинского и сталинского периодов. И она привела в конце концов к контрреволюционному перевороту в СССР, под флагом победы демократии над социализмом. Социалистическое развитие было прервано Великой отечественной войной, в которой социалистическое общество вновь оказалось в опасности, а его сохранение стало главной целью, которую преследовал советский народ как субъект войны, руководимый Советским правительством и коммунистической партией. Это была война «старого», в его самых реакционных, фашистских формах, опасных концом, окончанием человеческой истории, и «нового», в виде социалистического общества, открывшего новые пути и формы общественного развития, в которое включились и демократические силы самих буржуазных государств, пошедших, в конечном счете, на сотрудничество с СССР против фашизма и заимствовавших многое из жизни социалистических государств в виде черт социального государства. После уничтожения СССР многие из них отказываются от этих черт в пользу наращивания эксплуатации труда капиталом. Борьба продолжается.

Литература и источники

1. Свидерский, В. И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. – М.: Мысль, 1965. – С. 5.

2. Мировоззренческая парадигма в философии: Основоположения онтогносеологии: монография / Под ред. проф. М. М. Прохорова. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2018. – 270 с.

3. Прохоров, М. М. Основной вопрос философии и онтогносеология // Философия и общество. – 2016. – Вып. 4 (81). – С. 92–111.

4. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Изд. 5-ое. – М.: Политиздат, 1973. – Т. 18. – 525 с.

5. Прохоров, М. М. Марксизм и философия русского космизма // Вестник развития науки и образования. – 2019. – № 2. – С. 198–211.

6. Прохоров, М. М. Русский космизм и марксизм: компаративистский анализ философских оснований // Вестник Вятского государственного университета. – 2019. – № 2 (132). – С. 36–41.

7. Прохоров, М. М. Русский космизм, концепция ноосферы и марксизм // Вестник Ивановского университета. – 2020. – Вып. 1. – С. 97–111.

8. Энгельс, Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-ое. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 20. – С. 495–496.

9. Лосев, А. Ф. О мировоззрении // Лосев А. Ф. Дерзание духа. – М.: Госполитиздат, 1988. – 413 с.

10. Ленин, В. И. Три источника и три составные части марксизма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Изд. 5-ое. – М.: Политиздат, 1973. – Т. 23. – С. 40–48.

11. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. – М.: Госполитиздат, 1968. – Т. 1. – С. 771–773.

12. Маркс, К. Об освобождении крестьян в России // К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия. – М.: Политиздат, 1967. – С. 12–20.

13. Glazev.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://glazev.ru/ articles/ 1-mirovoy-krizis/ 78041-o-glubinnykh-prichinakh-narastajushhego-khaosa-i-merakh-po-preodoleniju-jekonomicheskogo-krizisa.

МИГРАЦИОННЫЕ ПАТТЕРНЫ БЕЛОРУССКИХ И РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

С. А. Пушкевич

Интеллектуальная миграция активно изучается социологией науки. Ключевыми вопросами, которые исследуются учеными в данной области, являются: 1) количественная и качественная оценка миграции научных кадров, ее распределение по научным дисциплинам; 2) влияние интеллектуальной миграции на трансфер (диффузию) технологий, а также на экономику и научно-технический потенциал стран (как государств-доноров, так и реципиентов научных кадров); 3) мотивы, побудившие ученых эмигрировать за рубеж, влияние на эмиграцию различных культурных, политических, экономических и географических факторов; 4) влияние международной академической мобильности на научную результативность ученых; 5) способы взаимодействия государств со своими научными диаспорами.

Одной из проблем, препятствующих проведению исследований интеллектуальной миграции, включая исследования научных диаспор, во многих странах (в том числе в России и Беларуси) остается отсутствие достоверной статистической информации, позволяющей оценить ее масштабы. Ученые решают данную проблему посредством сочетания официальных (государственных и международных) статистических данных с проведением масштабных и дорогостоящих обследований населения. Решением также может стать использование международных реферативных баз данных.

В настоящее время большинство научных статей в рецензируемых

журналах агрегируется на международных реферативных базах данных, таких как Scopus или Web of Science (WoS), что значительно облегчает контент-анализ больших массивов, группируемых по заданным заранее признакам. В результате становится возможным их исследование с целью отследить, как меняется отнесение учеными самих себя к отечественным или иностранным научным организациям и, соответственно, к отечественной или зарубежной науке. Одновременно это позволяет выдвигать предположения и делать выводы об их миграции за рубеж и возвращении на родину.

Социологическое исследование миграционных паттернов белорусских и российских ученых проводилось молодыми учеными Института социологии Национальной академии наук Беларуси совместно с Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации в 2020 г. методом контент-анализа международных реферативных баз данных с использованием аналитической надстройки In Cites платформы WoS. Искомыми признаками для проводимого контент-анализа стали: автор, научная организация, с которой он себя аффилирует, а также страна, к которой эта организация, а значит, и автор, относит себя.

Основная гипотеза исследования строилась на предположении, что, если ученый на протяжении нескольких лет публиковался как сотрудник отечественных (т. е. белорусских, российских) организаций, а затем имел аффилиацию с зарубежными учреждениями, то он мигрировал за рубеж и осуществляет основную научную деятельность за пределами Беларуси либо России.

Для того, чтобы выборки по Беларуси и России были сопоставимы, было принято совместное решение по Беларуси учитывать информацию по всем областям наук, а по России – взять какую-либо одну крупную область. Выбор пал на социальные науки. Исходную выборку для анализа составили публикации, изданные в период с 2008 по 2018 гг., имеющие хотя бы одного автора с аффилиацией в Республике Беларусь или Российской Федерации. Таким образом, выборка составила 13,5 тыс. статей российских авторов по социальным наукам и 12,2 тыс. статей белорусских авторов по всем областям научных исследований.

По результатам контент-анализа было идентифицировано 969 российских и 964 белорусских авторов, имеющих признаки миграции и внутренние различия по моделям мобильности. Они были сгруппированы по характерным миграционным паттернам. Было установлено, что среди российских ученых в области социальных наук наиболее высокой трансграничной подвижностью отличались представители психологических и экономических наук, а самыми мобильными белорусскими учеными стали физики, представители наук о материалах и инженерных наук. К наиболее популярным страновым направлениям миграции среди российских ученых, работающих за

рубежом, были отнесены США, Германия, Англия, Канада, Франция, Нидерланды и страны Северной Европы. Среди белорусских ученых – Россия, США, Германия. Были выявлены следующие миграционные паттерны белорусских и российских ученых:

1. Паттерн безвозвратной миграции. Характерен для 20,3 % российских и 12,4 % белорусских исследователей, работающих за рубежом и попавших в выборку. В рамках обследуемого временно́го периода (2008–2018 гг.) такие ученые сначала несколько лет указывали аффилиацию с отечественными организациями, а затем с иностранными. Некоторые (6,1 % российских авторов) продолжали указывать в статьях отнесение и к отечественным научным организациям. Среди причин таких указаний: признательность, а также формальная необходимость. Ученые, для которых оказался характерен указанный миграционный паттерн, успешно интегрированы в зарубежную науку и ориентированы на постоянную работу в принимающей стране (либо реэмиграцию в другие страны). К наиболее популярным страновым направлениям миграции среди российских ученых, работающих за рубежом, относятся США, Германия, Англия, Канада, Франция, Нидерланды и страны Северной Европы. Среди белорусских исследователей – Россия, США, Германия.

2. Паттерн циркулярной миграции. Характерен для 74,6 % российских и 46,2 % белорусских исследователей, работающих за рубежом и попавших в выборку. Данную группу составили ученые, либо активно взаимодействующие с зарубежными коллегами, либо совмещающие работу в нескольких научных организациях, в том числе зарубежных, а также участвующие в программах академического обмена и работающие по временным контрактам в зарубежных институтах. Также в эту группу вошли молодые ученые, направленные на стажировку. Описанный миграционный паттерн имеют и те ученые, которые не планировали или не смогли закрепиться в зарубежных научных организациях и вернулись на родину. Последнее характерно для 2,9 % российских исследователей, попавших в выборку исследования: в первые годы анализируемого периода у них выходили статьи с аффилиацией с российскими организациями, затем – с зарубежными, а в последние годы взятого интервала – снова с российскими. Сюда же относятся ученые, опубликовавшие только одну работу за рубежом за рассматриваемый период (33,0 % из попавших в выборку). Данную когорту могут составлять российские ученые, имевшие эпизодические научные контакты с иностранными коллегами, например, в рамках стажировок.

3. Паттерн транснациональной миграции. Для транснациональной миграции характерно постоянное движение мигранта между разными национальными пространствами. Данный миграционный паттерн характерен для 14,5 % белорусских исследователей, работающих за рубежом и попавших в выборку. Они ведут перекрестную

публикационную деятельность, как в России, так и в Беларуси на протяжении нескольких лет или с определенной периодичностью.

4. Паттерн возвратной миграции. Характерен для 4,3 % белорусских исследователей, работающих за рубежом и попавших в выборку. Они в 2008–2018 гг. работали в зарубежных научных центрах, но в последние годы стали публиковать статьи с аффилиацией к Беларуси. Это позволяет предположить, что среди привлеченных в Беларуси научных кадров есть возобновившие научное сотрудничество представители белорусской диаспоры, а также иностранные ученые.

По результатам проведенного исследования можно заключить, что для белорусских ученых в большей степени характерны паттерны циркулярной и транснациональной миграции, в меньшей степени – паттерн безвозвратной миграции; для российских – паттерны циркулярной и безвозвратной миграции.

Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ (грант Г19РМ-028 «Компаративное исследование миграционных паттернов научных кадров в России и Республике Беларусь»).

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ: К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОГО ЗНАНИЯ

И. Б. Савелова

В практике современного образования культура является не только «объектом изучения», но становится «способом проживания», совокупностью практик, формирующих идентичность человека поликультурного мира. Сутью образовательного процесса является формирование сознания в единый комплекс, состоящий из ощущений, мышления, воображения, интуиции и чувств, образование предполагает включение в различные культурные практики, в которых осуществляются процессы приобретения опыта культуросообразного поведения, адаптации к культурным средам, самоидентификации и самореализации своих творческих задатков и способностей.

«От интуитивного восприятия природы, искусства, окружающей жизни – к восприятию, творческому обогащенному знаниями», – ведет педагог ученика через весь образовательный процесс [7, с. 191]. И огромная роль в этом должна быть отведена художественному образованию, так как «искусство систематизирует совсем особенную сферу психики общественного человека – именно сферу его чувства» [1].

В таком контексте важно понимать роль художественного образования в онтологии, гносеологии и методологии образовательного процесса и, конечно, в обучении будущих педагогов. Мысль А. Эйнштейна

заставляет человечество вновь вернуться к пониманию роли искусства в образовании: «Наука и искусство – два дополняющих друг друга способа познания природы, аналитический и интуитивный. Мы привыкли считать их противоположными полюсами, но не зависят ли они друг от друга? Мыслитель, пытающийся постичь в своем сознании явления природы, стараясь свести всю их сложность к небольшому числу фундаментальных законов – не является ли он также мечтателем, погружающимся в богатство форм и воспринимающим себя частью извечного хоровода природных явлений? Это ощущение общности, которое может испытать каждый из нас, не находит отражения в истории культуры последних двух столетий. Как будто чувствуя себя слишком стесненными рамками единой души, дух искусства и дух науки разделились. Единый Фауст стал двумя одномерными сущностями. Это разделение кажется необратимым, и сегодня уже не принимается во внимание то, что обе части вместе способствовали развитию в эпоху Просвещения. Смелость в использовании своих собственных аргументов превратилась в самонадеянность. Холодный рационализм науки и технологии широко распространился и трансформировал мир до такой степени, что само существование человека оказалось под угрозой. Искусство перед этим оказалось, к сожалению, беспомощным» [6].

Эстетический подход в образовании дает возможность понимать мир, формировать картины мира, реализовывать свой творческий потенциал, т. е. приобретать субъектность участниками образовательного процесса и понять роль искусства в жизни и современном образовании [8, с. 76–86]. Концепция образования – фабула и сюжет в постижении мира, образовательные программы – сценарий, каждый урок – спектакль, каждый учитель – сценарист-режиссер-актер. Самое важное в данном процессе – понимание роли включенного участия субъектов образования, т. е. роль диалога, диалогового подхода, как способа создания культуросообразной образовательной практики. Именно поэтому, рассуждая о формирование ситуации самопознания, самоопределения и самореализации, учащихся в образовательном процессе необходимо использовать возможности искусства, как способа человеческой жизнедеятельности, необходимо искать пути создания ситуаций доверия, как основы диалога культур, важно обозначить роль образа, как структурной единицы образования.

Понимание культурно-исторического контекста в осмыслении роли искусства в развитии человечества приводит к формированию целостной картины мира, «не постепенное продвижение от незнания к знанию, иначе говоря, последовательное, линейное восприятие, а мгновенное постижение сути, всей полноты смысла. Это возможно только в том случае, когда изначально мир представляется целостностью, а не множественностью, сам же человек – органичной частью этой целостности, не выделенной из

нее и потому не противостоящей ей как субъект объекту» [5, с. 60]. Этот смысл можно проследить в тексте Н. В. Гоголя: «Все равно как нельзя узнать совершенно город, исходивши все его улицы: для этого нужно взойти на возвышенное место, откуда бы он виден был весь как на ладони» [2, с. 38]. О необходимости герменевтического круга в педагогике говорил еще Я. А. Коменский: «Знать содержит три составные части знания: образ (*idea*) – прообраз (*archetipum*), т. е. предмет знания; воспроизводимое (*ideatum*) – отпечатанный образ (*ectypum*), т. е. создание знания; воспроизводящее (*ideans*) – орудие, выводящее этот образ из чего-либо, т. е. чувство, рука, язык и т. д.» [4, с. 529].

Реализация герменевтического круга в образовании наталкивает на мысль об изменении структурной единицы образования: из урока, или предлагаемой в современной педагогической науке темы, т. е. из текста преобразовать ее в образ, который явится синтезом науки и искусства. Образ, который с точки зрения искусства «одно из средств познания и изменения мира» [9, с. 241] должен занять свое место в категории научных знаний как структура, обладающая эмоциональным воздействием, т. е. способствующая развитию эмоционального интеллекта наряду с рациональным. Познавательная деятельность должна осуществляться не только в разумно-когнитивной сфере, но и эмоционально-психической.

Значительна роль театральной педагогики, основная идея которой – максимальное личное включение в образовательный процесс. Создавая образы, как базисное основание процесса образования, полезно вспомнить шесть шагов, которым нужно следовать, которые необходимо «держать в фокусе» через призму волшебного «если» из системы К. С. Станиславского:

– Кто вы?

– Откуда вы пришли?

– Почему?

– Чего хотите?

– Куда идете?

– Что будете делать, когда попадете туда? (1936 г.)

Принципы театральной педагогики наряду с общедидактическими наиболее полно отвечают требованиям и запросам современного образования. К этим принципам относятся:

– *Принцип событийности*: означает, что во время занятий должно происходить что-то такое, что для участников действия меняет мир, через [это] переживание событий человек развивается;

– *Принцип проживания*: определяет, что событие не может быть результатом принятия внешних условий, оно может быть только результатом личного переживания, открытия;

– *Принцип личного творческого действия*: в процессе обучения свобода творчества может ограничиваться постепенно через предлагаемые

обстоятельства, проблемы и трудности, которые надо преодолеть, но не через запреты;

– *Принцип импровизации*: прежде чем думать, хороший актер должен действовать. Спонтанность, непосредственность – качества, которые позволяют раскрыть потенциал ребенка. Педагог, который сам не может быть непосредственным, боится импровизировать, не научит этому другого [3].

Возможность создавать прекрасное доступно человеку лишь в силу его однородности с природой и включенности в ее ритмы… Но и в самом творческом акте человек должен уподобиться природе. В его руках прекрасное должно непроизвольно «вырастать», «рождаться», «спонтанно возникать» [7, с. 52]. Именно в таком случае становится понятна необходимость включения искусства в образовательный процесс, так как возможности этого рода человеческой деятельности неисчерпаемы и соответствуют условиям современной педагогики: сотвори по законам эстетики знание здесь и сейчас. Актуализация творческого потенциала, основные составляющие которого мотивы, воображение, стремление действовать, ученика и педагога в ситуации реализации эстетического подхода в образовании, создаются педагогические условия развития современного образования.

Литература и источники

1. Выготский, Л. С. Психология искусства // Teatr-lib.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teatr-lib.ru/ Library/ Vygotsky/ Psychology_art/#_Toc216201373. – Дата доступа: 08.09.2020.

2. Гоголь, Н. В. О преподавании всеобщей истории / Н. В. Гоголь / Собрание сочинений в семи томах под общей редакцией С. И. Машинского и М. Б. Храпченко – Т. VI, статьи. – М.: «Художественная литература», 1986. – 560 с.

3. Как театральная педагогика помогает в школе // NEWTONEW [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://newtonew.com./discussions/ drama-education-in-russia. – Дата доступа: 08.09.2020.

4. Коменский, Я. А. Новейший метод языков / Я. А. Коменский. – Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1982. – 656 с.

5. Николаева, Н. С. Художественная культура Японии / Н. С. Николаева, – М.: Искусство, 1986. – 239 с.

6. Пайтаген, Х.-О. Красоты фракталов / Х.-О. Пайтаген, П. Х. Рихтер // Белорусская цифровая библиотека [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://library.by/ portalus/ modules/ philosophy/ show_archives. php?subaction= showfull&id= 1108488418 &archive= 0216&start_from= &ucat= 1&. – Дата доступа: 08.09.2020.

7. Полунина, В. Н. Искусство и дети: Из опыта работы учителя / В. Н. Полунина. – М.: Просвещение, 1982. – 191 с.

8. Савелава, І. Б. Эстэтычны падыход да пытання фармавання адукацыйнай прасторы ў кантэксце полікультурнасці / І. Б. Савелава // Міжкультурны дыялог: сучасная парадыгма і вопыт суседства: зб. навук. арт. / склад. і навук. рэд. Л. Уладыкоўская. – Мінск: ДІКСТ БДУ, 2014. – 96 с.

9. Словарь литературоведческих терминов / Редакторы-составители Л. И. Тимофеева и С. В. Тураева. – М.: Изд-во «Просвещение», 1974. – 509 с.

Г. И. ЧЕЛПАНОВ: УЧЕНИЕ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА

В. И. Савинцев

В конце XIX – начале XX веков происходил переход от классической философии к неклассической. Постепенно видоизменялись «образы философской жизни» и то, что раньше выступало в качестве идеала интеллектуального развития, стало претерпевать трансформации. Так, западноевропейские философы, искавшие интеллектуальной стабильности в сближении философии и математики, обратились к экспериментальным наукам. Характерный пример тому – творчество философа и психолога Г. И. Челпанова. Разрабатывая собственную версию концепции психофизического параллелизма, философ и ученый-исследователь внес весомый вклад в изучение психологического времени.

1. Время – форма чувственного познания.

Исходной точкой темпоральных построений Челпанова является трансцендентализм Канта. Челпанов поддерживает идею, что время и пространство – внеопытные формы чувственности. Однако, если метафизика XVIII – XIX вв. не углублялась в истоки возникновения этой способности души, то Челпанов, отметая различные версии «внешнего» обыденно-эмпирического происхождения, сводит ее к продуктам «логической переработки» ума [1, с. 43]. Признавая новаторство Канта в обосновании происхождения «объективного» математического знания из «субъективных» начал, Челпанов называет метафизическую (математическую) концепцию времени «искусственной»: она удобна в теоретических целях, но бесполезна в объяснении процессов сознания.

В статье «О природе времени» и книге «Мозг и душа» [2; 3]. Челпанов размышляет над свойствами психологического времени. Каково оно? В отличие от математического, психологическое время дискретно и неоднозначно в проявлениях. Оно связано с количеством и скоростью переживаемых образов. Челпанов отмечает то, что в процессах переживания и последующего припоминания, пережитый отрезок времени представляется субъектом по-разному. Потому, вслед за Августином Блаженным, он отмечает условность элементов воспринимаемого времени, акцентируя внимание на конституирующей роли субъективного

настоящего.

По мысли русского философа, экспериментальная психология преодолевает аристотелевский подход к настоящему. Челпанов приводит данные лаборатории В. Вундта, согласно которым психологическое настоящее (количество образов, которые возможно одномоментно удержать в памяти) укладывается в пределы от 1/ 500 сек. – до 2–3 сек [2, с. 46]. Своеобразно в психологической концепции Челпанова представлены понятия «прошлое» и «будущее». В жизни души они, как было отмечено выше, условны. Будучи логически отделенными от настоящего, будущее и прошлое связаны с продуктивным настоящим «комплексом ассоциаций». При необходимости образы прошлого и будущего как бы «всплывают» в памяти. При этом они постоянно трансформируются, а в некоторых случаях и забываются.

2. На пути к «междисциплинарности»: сознание-тело-время.

Еще одной чертой темпоральной концепции Челпанова является выход за пределы традиционного взгляда на природу времени. Челпанов интерпретирует время на границе естественных и гуманитарных наук. Он расширяет классическое представление о сознании как прерогативе бытия человека. Сознание взаимодействует с телом, его деятельность обусловлена уровнем организации последнего. Если бы Челпанов жил и работал в конце XX – начале XXI веков, его эпистемологические устремления, на наш взгляд, были бы близки философам-энактивистам, для которых «организм (тело-разум) и окружающий мир есть единая система. Организм находится в циклическом взаимодействии, структурном сопряжении со средой, а внешняя среда становится частью собственной организации организма, его собственным созданием, создающим его самого» [4, с. 341]. Конечно, то, что по этому поводу высказывал Челпанов, не имеет системного характера и не является учением. Это, скорее, любопытные мысли на тему соотнесения тела-сознания человека с таковым у некоторых животных и насекомых. Инновационная составляющая здесь заключается в том, что Челпанов в начале XX в. намекает на необходимость переосмысления составляющих познавательного акта с целью понять не то, с чем должно, а то, с чем в действительности имеет дело сознание.

В частности, Челпанов приводит мнение о зависимости скорости восприятия времени от скорости пульса, высказанное К. Э. фон Бэром. Далее Челпанов развивает эту идею так: «Мы можем, например, предположить, что жизнь человеческая, обнимающая детство, зрелый возраст и старчество, сведена на один месяц, и пульс человека стал биться в тысячу раз скорее, чем обыкновенно; тогда мысль его стала бы протекать в тысячу раз скорее, чем теперь. Тогда восприятие явлений изменилось бы коренным образом, именно, так как мысль его стала быстрее, то он будет в состоянии воспринимать такие движения, которых он теперь не в

состоянии воспринять вследствие их чрезмерной скорости» [3, с. 196.].

Итак Челпанов высказывает интересную мысль о том, что представляемые атрибуты мира – пространство, движение, время – имеют субъективную природу. Складываемая посредством этих атрибутов картина мира зависит не от каких-то внедренных высшими силами установок, а от особенностей телесно-духовной организации когнитивного агента.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Темпоральные размышления в русской философии XIX–XX вв.: опыт реконструкции и актуализация» № 19–011–00302 А.

Литература и источники

1. Челанов, Г. И. Введение в философию // Сочинения в 4 т. Т. 1. – Киев: НПУ; Мелитополь: МГПУ им. Б. Хмельницкого, 2014. – 405 с.

2. Челпанов, Г. И. О природе времени // Вопросы философии и психологии. – 1893. – № 19 (4). – С. 36–54.

3. Челпанов, Г. И. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. – М., 1912. – 319 с.

4. Князева, Е. Н. Познающее тело и движущийся ум: концептуальный поворот в эпистемологии // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии / Под ред. чл.-корр. РАН И. Т. Касавина и Н. Н. Ворониной. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 2018. – С. 339–350.

ДУХОВНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Д. Ш. Сагдуллаева

Модернизация общества является сложным процессом, при котором происходит обновление всех сфер жизнидеятельности человека и общества. Парадигмальное обновление в науке выступает ключевым фактором экономического, социально-политического, духовного, культурного обновления.

Модернизация (от фр. *modere* – новейший; от англ. *modernization* – обновление) – социальный процесс, выражающийся в переходе на новый уровень развития аграрных, современных и исторических обществ в период индустриализации. Данный термин означает развитие и совершенствование общества в соответствии с современными требованиями, а также предполагает обновление всех областей жизни, включая экономическую, политическую, культурную сферы.

Французский ученый Э. Дюркгейм определял модернизацию как процесс социальной дифференциации, который ведет к общественному разделению труда [1, с. 108].

Немецкий социолог М. Вебер рассматривал ее как процесс рационализации, состоящий из стремления хозяйствующих субъектов к повышению собственных экономических доходов [2, с. 38–39].

В соответствии с моделью социального прогресса, предложенной в 50–60-х гг. XX в. представителями американской школы функционализма, основным фактором, отражающим сущность процесса модернизации, является возникновение современных подходов и замещение ими «традиционных» взглядов. Согласно западной научной литературе, развитые страны мира осуществили модернизацию и приблизились к постиндустриальному обществу [3, с. 47].

Согласно либеральной трактовке, сформированной в рамках теории модернизации, данный процесс синонимичен вестернизации. По мнению сторонников этого подхода, все страны развиваются на основе единого образца и шаблона, где всем модернизированным странам свойственны общие стремления и ценности. Этот взгляд позволяет трактовать модернизацию как нестихийный процесс. Его особенность составляет переход от управляемого социального устройства к свободно конкурирующей общественной формации. В процессе проведения модернизации государство играет важную роль. В частности, в Узбекистане осуществляются процессы либерализации общества, где государство поддерживает функционирование рыночных механизмов, применяет различные средства сохранения конкурентной среды, обеспечивает условия для свободной деятельности субъектов экономики и т. д.

Несмотря на то, что подавляющее число развивающиеся стран опираются на известные модели модернизации, подавляющее большинство из них имеют свой уникальный путь развития. В настоящее время логическим продолжением реформ по дальнейшей демократизации и модернизации Узбекистана является Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям в 2017–2021 гг., разработанная на основе глубокого анализа социальной действительности. Стратегия предполагает углубление реформ по следующим направлениям:

– совершенствование государственного и общественного строительства;

– обеспечение верховенства закона и дальнейшее реформирование судебно-правовой системы;

– развитие и либерализация экономики;

– развитие социальной сферы;

– обеспечение безопасности, межнационального согласия и религиозной толерантности, осуществление взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики [4].

Процесс модернизации протекает в виде экономических, социально-политических, культурно-духовных преобразований. Признаками

модернизации культурной сферы являются: дифференциация основных элементов культурной системы, повышение доверия к науке и технологиям, повышение темпов адаптации к новым социальным реалиям и др.

Однако при проведении модернизации важно помнить, что установки культурной жизни Запада не соответствуют менталитету стран Востока. Обновление духовной сферы общества Узбекистана должно происходить на основе поддержания вековых духовно-культурных ценностей народа, глубокого изучения наследия великих предков. Историческая преемственность, взаимосвязь знаний и практической деятельности, интеллектуальных и духовных ценностей являются гарантией успешного осуществления модернизации в стране. Воспитание молодого поколения в восточных традициях, рациональный подход к процессам в период глобализации, ведение деятельности в духе сопричастности к преобразованиям, происходящим в обществе, патриотизм, самостоятельное мышление позволяют с надеждой смотреть в будущее.

Таким образом, либерализация и модернизация всех сфер жизни общества являются важными факторами формирования справедливого демократического гражданского общества. Данные процессы имеют эволюционный характер и осуществляются, исходя из особенностей каждой страны. Основными факторами достижения новых высот обновления экономики и социальной жизни страны являются совместная рациональная работа граждан и государства, основанная на мировом и национальном историческом опыте, самоотверженный труд народа во благо своей Родины.

Литература и источники

1. Смелзер, Н. Социология. – М.,1994. – 688 с.

2. Зарубина, Н. Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. – СПб., 1998. – 288 с.

3. Штомпка, П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

4. Указ Президента Республики Узбекистан от 07.02.2017 г. № УП-4947 «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» // «Народное слово», 8 февраля 2017 г [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nrm.uz/ contentf?doc =491424 _ukaz _prezidenta _respubliki _uzbekistan _ot_07_02_2017 _g_n_up-4947 _o _strategii _deystviy _po_dalneyshemu _razvitiyu _respubliki _uzbekistan – Дата доступа: 02.09.2020.

АНАЛИЗ БУДДИСТСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И СИСТЕМЫ ЕЕ ОТВЕТОВ НА СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ

Е. П. Саковский

Буддизм является духовным учением, включающим в себя необычные для представителя западной цивилизации воззрения. Одна из причин упомянутой необычности, а также сложности этого учения кроется в противоречивой и не унифицированной буддистской рациональности. Одновременно это самая «научная» из религий. Про это пишет Мартин Дж. Верхоевен: «Поскольку наука по-прежнему является чем-то вроде "религии" на Западе, почти абсолютным арбитром истины, связь буддизма с наукой имеет большое значение. Такое сравнение и ассимиляция неизбежны и в некотором смысле полезны. В то же время нам необходимо более внимательно изучить, в какой степени научная парадигма действительно передает значение Дхармы. Возможно, резонанс между буддизмом и западной наукой не так значителен, как мы думаем» [1, p. 77]. Таким образом, можно констатировать, что и буддистская рациональность в определенном смысле близка к научной.

Буддистская рациональность – это вид религиозной рациональности, формирующий повседневное мышление людей в соответствии со следующими принципами:

– признание верховенства «закона кармы» над обычными мирскими законами;

– циклическое понимание жизни и смерти, страдания и радостей, признание конечности цикла;

– признание авторитета учения Будды в меру собственного его понимания;

– стремление к достижению высокого перерождения, состояния архата и затем Будды.

Перечислим и охарактеризуем факторы, сочетание которых позволит более полно осмыслить буддистскую рациональность. На примере их анализа продемонстрируем отличия религиозной рациональности от научной, а также не противоречащее друг другу единство последних. Основные из факторов следующие:

– моральность;

– утилитарность (полезность);

– информационная насыщенность (инклюзивность, эксклюзивность, трансклюзивность);

– модель поведения;

– воспроизводимость идеала в обществе.

Под фактором моральности в данном случае стоит понимать наличие

определенных, но не обязательно структурированных правил мышления, соблюдение которых обеспечивает духовный прогресс человека и является основной для реализации конечной цели той или иной религии. Вместе с этим подразумевается частичный или полный отказ от соблюдения собственных интересов в угоду достижения религиозных целей. В учениях о Шести парамитах и Восьмеричном святом пути данный фактор ярко выражен и является фундаментом последующего развития практикующего.

Общепринято, что утилитарность следует рассматривать как деятельность человека, направленную на удовлетворение своих прагматических интересов. Однако в текущем контексте данный фактор религиозной рациональности содержит измененное значение, не исключая при этом общепринятого определения. Утилитарность, тесно связанная с фактором моральности, отражает наличие либо отсутствие синергии смыслов между выгодой, получаемой от религиозных действий и выгодой, получаемой от «мирских» действий. Например, предпринимательство в буддизме Тхеравады не носит никакого положительного смысла, если при помощи этой деятельности не поддерживаются Три драгоценности (Будда, дхарма, сангха). Тут синергия смыслов как таковая отсутствует. Напротив, в буддизме Ваджраяны предпринимательство не является важным. Важен лишь образ мыслей, при котором, действуя подобным образом, у адепта развивается понимание о пустоте всех явлений. В этом случае «мирское» действие носит как религиозный, так и привычный нам социальный (утилитарный) смысл. В этом и заключается проявление синергии смыслов. Важно отметить: если фактор моральности по своей природе воздействует на разум и мышление человека, то фактор утилитарности воздействует на сферу эмоций человека и его действия в физическом пространстве. Поэтому обеспечение особого баланса между моральностью и утилитарностью является одной из важнейших задач любой религии.

Достаточно новаторским является фактор информационной насыщенности. Под ним подразумевается не столько количественная характеристика информации, сколько качественная фильтрация смыслов и значений. Аксиоматично то, что все люди, в какой бы среде они не существовали, окружены различными потоками информации – частичками дхарм, согласно теории кшаникавады [2]. Отношения человеческого сознания и внешней информации можно описать как отношения открытой системы и окружающей ее среды. Открытая система может взаимодействовать с внешней информацией тремя способами:

– инклюзивный способ (впитывание всей информации без разбора – характерно для подсознания человека);

– эксклюзивный способ (игнорирование либо отрицание внешней информации – характерно для обыденного сознания);

– трансклюзивный способ (впитывание одних смысловых единиц и

игнорирование либо отрицание других; способ обуславливающий как логическое рациональное активное мышление, так и иррациональное мышление; ключевая характеристика рациональности).

Экстраполируя эти данные на метауровень можно сказать: как в современных развитых, так и развивающихся обществах, действуют все три способа взаимодействия. Однако превалирующий в религиозных сообществах трансклюзивный способ обуславливает необходимость фильтрации информации. Поэтому моральность и утилитарность выстраивают своего рода информационный фильтр, сдерживающий определенные типы информации, но пропускающий другие ее типы. Плотность этого фильтра обуславливает насыщенность той или иной информацией повседневность верующих. В свою очередь, сама информация перманентно влияет на содержание факторов моральности и утилитарности, образуя замкнутую структуру, где один из трех факторов обязательно влияет на два других и в то же время сам подвергается их влиянию.

На основе проведенного анализа, модель поведения может быть понята как набор инструкций, предназначенных для повседневной жизнедеятельности, сформированную взаимовлиянием описанных трех факторов. Кроме того, модель поведения имеет символическое воплощение в виде устоев, традиций, обычаев, кодексов, сводов законов. Структурированность и наличие материального письменного отражения делает модель поведения главным явным фактором религиозной рациональности. Это обуславливает отношение к содержанию устоев, традиций, законов как к идеальной модели деятельности человека, несоблюдение которой влечет санкции разной степени жесткости. При отсутствии учета других факторов такое отношение ведет к большим проблемам и ошибкам в религиозных (и, следовательно, государственных) системах.

Воспроизводимость идеала позволяет отразить как системную устойчивость самой религиозной теории, так и ее соответствие практической стороне религии. Данный фактор проясняет, какие вызовы и угрозы мешают деятельности религии, а также отображает достижимость целей религиозной системы при зацикленном их повторении разными адептами. В данном случае имеется в виду воспроизводимость достижения просветления, что является главной проблемой всей буддистской психологии [3, с. 10].

Система ответов буддистской рациональности на информационные риски зависит от того, на сколько глубоко практикуется религиозное учение, является ли практикующий мирянином либо монахом, а также какой традиции придерживается человек. Социальные же риски в полной мере зависят от информационных. Можно добавить, что реакция на социальные риски зависит от авторитета религии и практикующих ее

адептов, качества межрелигиозных отношений и степени адаптивности буддизма и буддистов к культурным особенностям общества-объекта религиозного воздействия. В этом смысле показательным является опыт распространения буддистской доктрины во времена ранней буддистской сангхи: в западном направлении (Греческие государства диадохов) и в восточном направлении (Китай и Юго-восточная Азия).

Литература и источники

1. Verhoeven, M. J. Buddhism and Science: Probing the Boundaries of Faithand Reason // Religion East and West. – 2001. – Issue 1. – P. 77–97.

2. Лысенко, В. Г. Атомистический подход в школах буддийской абхидхармы: дхармы и атомы // Вопросы философии. – 2016. – № 10. – С. 206–221

3. Абаев, Н. В. Концепция «просветления» в «Махаяна-шрад-дхотпадашастре» // Психологические аспекты буддизма. – Новосибирск: Наука, 1991. – С. 10–25.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СИСТЕМНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ АРГУМЕНТАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ДУХОВНОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

А. В. Сарычева

Анализ духовной сферы человеческой жизни предполагает экпликацию форм, в которых она себя реализует. Аргументация является одной из таких форм и позволяет выявить внутренние интенции человека. Это комплексный феномен, поскольку структурно-функциональные схемы обоснования и убеждения должны быть дополнены анализом факторов, определяющих содержательную истинность аргументов. Способы обработки, усвоения и трансляции информации зависят от содержательных компонентов, представляющих для человека модель мира. В современных исследованиях ситемное моделирование является одним из инструментариев, позволяющих посредством интерпретации аргументативных множеств проанализировать духовный мир человека [1].

Системное моделирование расширяет понимание аргументации и помогает ответить на вопрос о предпосылках, лежащих в основании выдвигаемых аргументов. Рассмотрение духовного мира человека, его индивидуальных особенностей помогает лучше понять аргументы. Однако вектор анализа изменится, если мы вступим во взаимодействие с незнакомым нам оппонентом. Попытки эксплицировать духовный мир человека, которого мы не знаем, вынуждают первично обратиться к аргументам, т. е. проанализировать информационные сообщения.

Системная модель аргументации представляет собой способ репрезентации ее формально-логических и когнитивных аспектов. Потенциал использования данной концепции в исследовании духовного

мира человека необходимо рассмотреть на различных структурных уровнях. Понятие духовного мира агрегирует в себе многообразие форм функционирования человека, обобщая которые можно выделить основные компоненты. Рассмотрение духовного мира человека включает в себя такие уровни, как рациональный, волевой и эмоционально-чувственный [2].

Рациональность субъекта является важным условием продуктивного взаимодействия, поскольку человек должен осознавать, что для того, чтобы установить контакт с другими людьми, необходимо следовать социальным конвенциям. Данные конвенциональные положения могут включать в себя критерии истины, этические нормы, социальные требования и т. д. Это отражено структуре и содержании языковых единиц, используемых агентом аргументации. Рациональный агент объективно оценивает аргументы, сознательно совершает выбор, а его собственные доводы непротиворечивы и содержательны. Системная модель аргументации включает в себя данный компонент, соотнося его с логической подсистемой.

В практической реализации аргументов взаимодействие не всегда носит конструктивный характер. В диалоге, споре, дискуссии, при обсуждении различных точек зрения зачастую человек сталкивается с непримиримыми противоречиями, с несогласием оппонентов принять наилучший аргумент. Способность «породить оторванные от реалий абстрактные модели, эвристическая ценность которых будет невелика» становится результатом исключения различных компонентов духовной жизни, влияющих на аргументацию [3, с. 21]. Преимуществом системного моделирования является признание того факта, что модель рационального субъекта может в большой степени не соответствовать реальности.

Системная модель позволяет рассматривать в качестве оснований аргументации различные модальности, отражающие эмоционально-чувственные особенности. Эмоциональная вовлеченность помогает установить диалог и обратиться к духовному миру другого человека. Информация воспринимаются по-разному именно вследствие разных систем воззрений и установок как исходных мотивов в аргументации, которая может быть интерпретирована, например, как образ жизни, как образ мыслей, как настроение. Ценностные структуры личности, определяют контекст взаимодействия, ведь «от настроенности на мир в данный момент зависит то, что человек осознает или на что он реагирует» [4, с. 62].

Системное моделирование аргументации также должно учитывать негативные последствия эмоциональной вовлеченности на уровне когнитивных и риторических подсистем. В частности, когнитивные подсистемы могут быть обусловлены критикой или вопрошанием. Аргументация, ориентированная на критику и происходящая из

англосаксонского типа рациональности, предполагает «раскрытие недостатков явлений и процессов с целью их последующей санации», ориентированная на вопрошание и происходящая из немецкой рациональности «сводится к выяснению сути общего дела или, чаще, сути происходящего для самого вопрошающего» [5, с. 75].

К примеру, рассмотрение манипуляций сопряжено с изменением психологического состояния участников аргументации. Если агенты аргументации «сильно взволнованы чем-то, смущены, растеряны», то когнитивное функционирование может быть нарушено, например, появится рассеянность внимания или увеличится количенство ошибок при анализе информации [5, с. 94].

Новые формы взаимодействия с информационной средой также неразрывно связаны с эмоционально-чувственным уровнем. Информационные тенологии являются важным фактором эмоционального равновесия и спокойствия в процессе аргументации. Не имея под рукой доступа к информации, человек начинает чувствовать дискомфорт, неуверенность в собственной разумности, оторванность от внешнего мира [6]. Когнитивный контекст аргументации выступает условием осмысления ценностно-символической идентичности агента аргументации [7] и его характеристик [3]. В условиях виртуализации жизненного мира идентичность агента аргументации раскрывается как «нестабильная и постоянно переопределяющаяся» вследствие отсутствия ценностных убеждений, стабилизирующих способы понимания собственного бытия [7, с. 81].

Аргументация нацелена на изменение системы убеждений другого человека. Убедительность аргументов определяет возможность побудить к реализации поведенческих паттернов. Волевой компонент, таким образом, является еще одним аспектом, который можно отразить в системной модели. Данный компонент отвечает за то, как человек выстраивает и отстаивает свою систему аргументов, а также определяет возможности успешного воздействия на оппонента.

Таким образом, методологический потенциал системного моделирования аргументации в исследовании духовного мира человека заключается, во-первых, в возможности построения логико-когнитивных объяснительных моделей аргументации, во-вторых, в дополнении формально-логического подхода психолого-антропологическими факторами духовности. Такой комплексный подход позволяет четко различать формально-логические и когнитивные аспекты аргументации, а также дифференцировать множество ее когнитивных проявлений на рациональном, эмоционально-чувственном и волевом уровнях. Рациональность агента аргументации сопряжена с формально-логическими характеристиками аргументов и корректностью стратегий их выдвижения. Его эмоционально-чувственная реакция – с содержательными

экспликациями информации и поведенческими паттернами. Волевой компонент сопряжен со стратегиями действий в отношении принятия аргументов.

Литература и источники

1. Брюшинкин, В. Н. Системная модель аргументации для фрагмента философского текста // Модели рассуждений–1: логика и аргументация. Сб. науч. ст. / Под общ. ред. В. Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. – С. 126–144.

2. Аверин, А. Н. Структура духовного мира человека / А. Н. Аверин // Вестник ВГУ. – № 1. – С. 72–77.

3. Лисанюк, Е. Н. Логико-когнитивная теория аргументации: дис. на соис. ученой степени доктора философских наук: 09.00.07 / Е. Н. Лисанюк. – СПб., 2015. – 297 с.

4. Воробьева, С. В. Ценности как экзистенциальный потенциал аргументации / С. В. Воробьева // Философия и ценности современной культуры: материалы Международной научной конференции, Минск, 10–11 октября 2013 г. – Минск, 2014. – С. 61–64.

5. Воробьева, С. В. Когнитивные аспекты истины в аргументации / С. В. Воробьева, А. В. Куприянец // Мировоззренческая парадигма в философии и ее имитация. Сборник статей по мат. XIV Международной научной конференции. / Нижегор. гос. архитектур.-строит. ун-т. – Нижний Новтород: ННГАСУ, 2019. – С. 74–77.

6. Гуревич, П. С. Кибернавт как символ глобального мира / П. С. Гуревич // Век глобализации. – 2010. – № 2. – С. 139–153.

7. Сарычева, А. В. Ценности студенческой молодежи в когнитивном контексте аргументации / А. В. Сарычева, С. В. Воробьева // Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи: материалы международной научно-практической online-конференции, Витебск, 6 декабря 2019 г. / Витеб. гос. ун-т. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2019. – С. 80–82.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ВЫГОРАНИЯ

В. Е. Семенков, А. С. Черноиванова

Немецкий социолог Ульрих Бек (Ulrich Beck) еще в 1980-е гг. определил современное ему общество как общество рисков, указывая как на технологические последствия научно-технического прогресса (техногенные катастрофы, загрязнение окружающей среды), так и на последствия сугубо психологические: профессиональные стрессы, боязнь общения с людьми. Эти психологические последствия вступления в общество риска привели, в том числе, к тому, что в ряде работ стали именовать синдромом выгорания.

Синдром выгорания является предметом исследований ученых со всего мира уже более 40 лет. Так или иначе, но за эти десятилетия созданы модели осмысления, выработаны подходы к изучению феномена выгорания, расширено содержание самого термина, разработаны методы профилактики. К феномену уже привлечено внимание на уровне организаций: синдром выгорания учитывается в кадровой политике предприятий и организаций. Сейчас к отраслям с повышенным риском выгорания относят социальную работу, службы экстренного реагированием (неотложная помощь, пожарные, полицейские и др.), дизайн, продажи и развитие бизнеса, медицинскую сферу, юриспруденцию и государственную службу [1].

Историю изучения выгорания можно разделить на несколько этапов: от выявления и описания частных случаев к присвоению статуса синдрома [2]. Первыми на феномен «болезни общения», «аллергии на работу» – так на бытовом уровне называли выгорание, – обратили внимание психологи и психиатры. Позднее сложилось два направления объяснения феномена выгорания: клиническое, где выгорание рассматривалось как патологическое состояние, и психодинамическое, где выгорание описывалось «как результат продолжительного стресса» [3]. Индивидуальный подход, в рамках которого проводились первые исследования, определял выгорание как результат несоответствия личных ожиданий реальной действительности. Состояние фрустрации, возникающее в таких условиях, высокий нейротизм, тревожность, гиперответственность – все это было отнесено к основным личностным факторам, значимым при формировании синдрома выгорания. Профилактика в данном случае состояла в объяснении ситуации и развитии у индивида навыков самопомощи (тренинги релаксации, аутотренинги).

С накоплением научного знания, выявлением новых исследуемых групп (изучение выгорания не только среди профессий «субъект-субъектного», но и «субъект-объектного» профиля) и расширением методик исследования были сформированы межличностный, организационный и социальный подходы к изучению данного явления. Если сторонники индивидуального подхода обращали особое внимание на роль и процессы внутри личности, то сторонники межличностного фокусировались на взаимоотношениях с другими личностями в процессе работы. Сторонники организационного подхода делали упор на важности организационного начала, а адепты социального – акцентировали внимание на более широких социальных и культурных аспектах.

Авторы данной работы считают, что описанные подходы к проблеме выгорания не являются взаимно исключающими. Сегодня организационный подход пользуется большой популярностью и признается наиболее эффективным, благодаря синхронному включению и

сочетанию факторов риска, в качестве которых выделяют следующие стрессоры: продолжительность рабочего дня и его интенсивность, характер выполняемых работ, степень самостоятельности в принятии решений, слаженность отношений по вертикали и горизонтали (с руководством и коллегами).

Кристин Сински (Christine Sinsky), доктор медицинских наук, вице-президент по вопросам профессиональной удовлетворенности в Американской Медицинской Ассоциации (AMA) комментирует: «The best response to burnout is to focus on fixing the workplace rather than focusing on fixing the worker» (прим. пер.: «Лучшая профилактика выгорания – это сосредоточиться на улучшении рабочего места, а не на улучшении сотрудника») [4]. Считается, что при создании комфортных условий трудовой деятельности процесс выгорания можно предотвратить или, по крайней мере, существенно растянуть на более длительное время. Сейчас компании экспериментируют с графиком и местом работы (создают более мягкие условия), с офисным интерьером и его наполнением, организуют жизнь за пределами работы (выездные мероприятия, тим-билдинг и др).

Социальный подход, как представление о более глобальных причинах выгорания, является предметом дискуссий последних лет. Специалисты, работающие в рамках социального подхода, рассматривают несовершенство внутриорганизационной культуры как основной фактор развития выгорания. Новаторством в этом направлении является формирование «культуры благополучия» [5], которую можно определить как создание рабочей среды с набором нормативных ценностей, взглядов и поведения, способствующих тому, что в философии именуют «заботе о себе». Забота о себе не эгоцентрична, она предполагает участливое внимание к коллегам и реципиентам.

Проблема выгорания – сложная междисциплинарнарная проблема, с который сталкиваются на бытовом, профессиональном, организационном уровнях. Из-за выгорания у людей разрушаются карьеры, личная жизнь, компании несут серьезные убытки. Специфика данной проблемы обуславливает необходимость разработки и внедрения комплексных решений. В данной статье были рассмотрены три подхода к выгоранию: индивидуальный, организационный и социальный.

Названные подходы не являются взаимоисключающими, напротив, они дополняют друг друга. Их сочетание позволит эффективно реализовать программу профилактики на разных уровнях: повышение личной стойкости (индивидуальный подход), улучшение рабочего процесса (организационный подход) и формирование «культуры благополучия» (социальный подход).

Литература и источники

1. Montanez, R. The 6 industries where people burnout the fastest / R. Montanez [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.theladders.com/ career-advice/ the-6-industries-where-people-burnout-the-fastest – Date of access: 01.09.2020.

2. Неруш, Т. Г. Основные этапы изучения феномена выгорания / Т. Г. Наруш // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2017. – Т. 17, вып. 4. – С. 454–459.

3. Meyersen, D. E. Feeling stressed and burnout: A feminist reading and re-visioning of stress-based emotions within medicine and organization science / D. E. Meyersen // Organization Science, 1998. – Vol. 9 (1). – P. 103–110.

4. Berg, S. WHO adds burnout to ICD-11. What it means for physicians / S. Berg // Journal of the American Medical Assosiation [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ama-assn.org/ practice-management/ physician-health/ who-adds-burnout-icd-11-what-it-means-physicians – Date of access: 11.09.2020.

5. Shanafelt, T. D. Executive leadership and physician well-being: nine organizational strategies to promote engagement and reduce burnout / T. D. Shanafelt, J. H. Noseworthy // Mayo Clinic Proceedings. – 2017. – Т. 92, № 1. – С. 129–146.

ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО: ОТ ТРАДИЦИИ К ПОСТМОДЕРНУ

В. Н. Семенова

В политической теории и практике начала XXI в. политическое рассматривается, исходя из различных парадигмальных подходов – традиционной, модерной и постмодерной культур, – и является результатом сложного переплетения различных политических логик: «логики традиционного общества с естественными иерархиями, логики Модерна с его стремлением к политическим стандартам универсализации и технократизации, наконец, логики постсовременности с акцентированным вниманием к Различию и Иному…» [1, с. 17].

В традиции политическое тесно взаимосвязано с иными общественными сферами и подчинено метафизическим и религиозным принципам. Одновременно политическое есть сфера актуализации совместных человеческих усилий, а также реализиция человеческой природы как микрокосмоса («человек есть животное политическое»).

Переходной фигурой от традиционного понимания политического как обусловленного метафизическими и религиозными факторами к эмансипации политического в модерне по праву считается Н. Макиавелли. В работе «Государь» (1532), отмечает российский исследователь Т. А. Алексеева, «произошло расхождение двух традиций познания политического – на нормативную и технологическую, *означавшие своеобразный переворот в восприятии социального и политического*

порядка [курсив мой – *В. С.*]» [2, с. 29]. В модерне происходит автономизация политического от иных сфер общественной жизни. Политическое оформляется в самостоятельную сферу, функционирующую по своим собственным законам: «Постепенно кристаллизуется понятие государственных интересов как управления государством по свойственным ему рациональным законам, которые не выводятся только из естественных и божественных законов, философских и моральных идеалов, а проистекают из особой реальности самого государства» [2, с. 30]. Политическое модерна встраивается в общую сциентистскую канву классической рациональности, соответствует ее критериям.

Однако и традиция, и модерн рассматривают политику телеологически, как сферу реализации космических / божественных или общественных / государственных интересов. М. М. Федорова в работе «Философия и политика» подмечает специфику именно политического: «Политика – это практика в узком смысле этого слова, но никак не техника, то есть способы применения имеющихся знаний к чему бы то ни было. Она соотносима именно с общим действием (praxis), подготовлена диалогом (lexis), в ходе которого граждане, собравшиеся в публичном месте (agora), обсуждали общие дела полиса. Тем самым политика мыслилась не по модели техники (techne), интересующейся только выбором средств для достижения конкретной цели» [1, с. 19].

Постмодернистская парадигма нацеливает исследователя и обывателя именно на технологическое понимание политики. Фиксируя маркетизацию политических процессов, российский политолог О. М. Михайленок отмечает, что данное явление «усиливает влияние рыночной среды на формирование гуманитарных и демократических ценностей, предполагает коммерциализацию общественных услуг, проникновение рынка в социальную жизнь, маркетизацию политического участия» [3, с. 113]. Описанное положение дел, на наш взгляд, не способствует достижению неких совместных общественных ценностей и идеалов, а предполагает конкуренцию социальных групп и политических элит, борьбу за власть и отстаивание привилегированного status quo.

Последняя треть XX – начало XXI вв. демонстрирует целый спектр различных методологических подходов к пониманию политического, которые можно объединить в три группы.

Первый подход – «узкое» либеральное понимание политического – рассматривает политическую сферу в ряду иных равноценных ей общественных сфер (экономической, духовной, социальной). Примат экономики в либеральных теориях фактически минимизируют политическое: политика здесь всегда является отражением экономики и, по существу, не имеет самостоятельного значения. Например, менеджеризм пытается свести политику к управленческим теориям и моделям, где политик предстает в роли профессионального топ-менеджера, которому в

принципе безразлично, чем управлять – государством или крупной корпорацией. В результате сфера политического теряет свою уникальность и специфичность, превращаясь в подобие экономических и / или управленческих структур. Политическое рассматривается как особый рынок, а итогом применения модели «покупатель-продавец» становится рациональный выбор (по аналогии с рыночным обменом), построенный на взаимной выгоде покупателя-избирателя и продавца-политика.

При «узком» подходе политическое как общественное имеет тенденцию сокращаться и выхолащиваться. В «текучей современности» (З. Бауман) не частное подавляется и поглощается общественным, как кажется на первый взгляд, а, наоборот, общественное вытесняется частным. Политическое как общественное исчезает за лавиной номиналистических частных историй, биографий и сторис в социальных сетях.

Второй подход – «широкий» – «все есть политика». «Широкий» подход, будучи наследником консервативного вектора, гиперболизирует политическое, распространяя последнее на все сферы: «политика тотальна». В таком предельном расширении присутствует все та же опасность «размывания» и исчезновения политического. Если политическим является практически все – мода, культура питания, гендер, этнос, раса и т. п. – то это приводит к исчезновению политического (если нет ничего неполитического, то исчезает само «видовое» отличие политического; если «все есть политическое», то одновременно и «ничто не суть неполитическое»). Одновременно тотальность политического (где оборотной стороной становится идеологизация политики) является фундаментальным основанием для реабилитации шмиттовского метафизического разделения на «друга» и «врага».

Спектр «широкого» понимания политического связан с традиционным философским осмыслением политического в контексте выявления метафизической (а не политической) сущности политического как пространства, необходимого для актуализации и реализации человеческой природы («человек есть политическое животное»), где одновременно суть и структура политического являются отображением космического или божественного порядка.

Понимание политического в начале XXI в. представляет собой раскачивание маятника от традиционалистского «общего дела» до «либеральной политики» как рынка, где в принципе отсутствует общий интерес и все социальные группы преследуют свои корпоративные интересы, а их представители, в свою очередь, только личные интересы. При «узком» подходе метафизическое в политическом отсутствует, само же политическое превращается в политику (realpolitics) как борьбу различных социальных групп за право быть легитимными [1, с. 24–25], которые используют новейшие технологии манипуляции общественным

мнением, информационно-коммуникативные, политические и избирательные технологии для реализации поставленных целей.

С середины XX в. прослеживается еще одна отчетливая тенденция формирования *постполитической парадигмы*, которая, по словам российского автора Д. М. Шевчука, «нивелирует возможность проявления смыслов политического, причину чего можем усматривать в доминировании в политической сфере маркетинговых технологий, механизмов государственного управления и под (термином "постполитика" описывают ситуацию в США при президентстве Барака Обамы, в Франции – при президентстве Николя Саркози, в Италии – при премьерстве Сильвио Берлускони и др.)» [4, с. 122].

Данные колебания в понимании политического приводят к необходимости «повторения» вопроса о политическом (в хайдеггеровском смысле Wiederholung) с учетом всей предшествующей традиции. Рефлексия над его основаниями в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну репрезентирует фрагментарное, децентрализованное, десакрализованное и диффузное политическое.

Можно говорить о радикальной трансформации «нормального политического поля», постепенном уходе политического из традиционного поля парламентских дебатов и государственных структур, чья деятельность, в лучшем случае, превращается в управленческую. Как в эпоху Возрождения философия ушла из схоластических университетов, так и сегодня политическое «утекает» из штаб-квартир политических партий и государственных структур. Политические события на рубеже XX–XXI вв. демонстрируют появление и оформление новых субъектов политики, не только лидеров политических партий, но лидеров и активистов общественных движений (от А. Навального до Г. Тунберг), лидеров мнений, блогеров и создателей телеграмм-каналов.

Сегодня политическое присутствует в жизни человека вкраплениями, возникая как бы «ниоткуда» (например, феномен «твиттерных революций» или политического арт-активизма) и так же незаметно растворяясь и исчезая (превращаясь из политического в социально-экономическое, культурно-идеологическое или даже расовое противостояние). В эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну политическое осваивает новые социальные и культурные пространства и захватывает новые социальные группы (различные меньшинства; демографические группы, не только студенчество, но и школьников, примером чему может служить «революция пингвинов» в 2006 г. в Чили). Политическое утвердилось в моде, жизненном стиле, кинематографе, полностью освоилось в интернет-пространстве, создав новый формат политической деятельности в социальных сетях, мессенджерах, блогосфере.

Особенностями политического в эпоху перехода от позднего модерна к постмодерну в конце XX – первой трети XXI вв. становятся:

децентрализация, фрагментарный характер, ризоматичность, анонимность, символический характер, гиперреальность, медиатизация.

Литература и источники

1. Федорова, М. М. Философия и политика / М. М. Федорова // Философский журнал. – 2012. – № 2. – С. 17–26.

2. Алексеева, Т. А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения / Т. А. Алексеева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 623 с.

3. Михаленок, О. М. Маркетизация политического как адаптация к изменившимся социально-политическим отношениям / О. М. Михаленок // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей]. – М.: Новый хронограф, 2016. – Вып. 14. – С. 11–132.

4. Шевчук, Д. М. Философское понимание политики и современная (пост)политическая ситуация / Д. М. Шевчук // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 2 (26). – С. 122–129.

МЕТОД ЭВРИСТИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ И ЗАДАНИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ БИОЛОГИИ

Е. К. Ситько

Эвристика – отрасль знания, изучающая творческое, неосознанное мышление человека [1].

Основоположник эвристики Сократ считал, что последовательные продуманные вопросы стимулируют учеников логически выверять свои мысли и оценивать их достоверность. Своих учеников он приводил к истинному суждению через диалог, где задавал общий вопрос, получив ответ, задавал следующий уточняющий вопрос и так далее до окончательного ответа [2].

В идеале в рамках данного метода учитель изображает свое полное незнание предмета, чтобы спровоцировать диалог с учащимися. Благодаря этому «диалогу с невежей», учащиеся получают наиболее глубокие знания по теме. В последнее время данный метод направлен, в первую очередь, на развитие учащихся: формирование логического мышления (процессов анализа, синтеза, обобщения, умения делать умозаключения); поисковой деятельности; умения вести диалог: излагать свои мысли, отстаивать их.

Метод этот совсем не нов. Но, как известно, «все новое – это хорошо забытое старое». В последние годы все большее внимание педагогов, психологов уделяется именно проблемно-эвристическому обучению. Реалии современности таковы, что учитель давно перестал быть транслятором знаний. Задача педагога не познакомить учащихся с новыми знаниями, преподнеся их в форме пусть оригинальной и интересной, но

«готовой» для запоминания, а помочь школьнику прийти самостоятельно к знаниям, научиться выделять главное в обилии современной информации, а, соответственно, развить способности учащихся думать, рассуждать, анализировать и т. д.

Наиболее часто я использую такие элементы эвристических заданий:

1. Задание «Если бы…». Ученикам предлагается вообразить, что произойдет, если в мире что-либо кардинально измениться:

– Если бы в результате неудачного эксперимента растения потеряли способность осуществлять фотосинтез, то…

– Если бы в результате техногенной катастрофы исчезли все бактерии, то…

– Если бы в результате медицинского вмешательства у эритроцитов человека появились ядра, то…

Такие задания наиболее интересно выполняются в групповой работе. Выполнение подобных заданий позволяет лучше понять устройство реального мира, его составных элементов, развивает воображение.

2. Задание «Представьте себе….». «Представьте себе, что Вы человеческая печень (сердце, лейкоцит, жевательный зуб, аорта, и т. д.). Опишите: как Вы выглядите, что Вы чувствуете, о чем думаете, что делали (делаете, будете делать)». Этот метод хорошо использовать, как и для изучения нового материала (чтобы дать описание, надо изучить объект), так и для проверки домашнего задания.

3. Задание «7 вопросов». Для отыскания сведения о каком-либо объекте используется 7 ключевых вопросов. Этот метод я чаще использую в старших классах. «Изучая явление мейоза (митоза, репликации, транскрипции, трансляции) ответьте на 7 вопросов: Что? Где? Как? Когда? Зачем? Чем? Кто?» Рассуждение с формулировкой ответов на данные вопросы позволяет систематизировать, упорядочить знания учащихся, подвести их к «открытию» нового.

4. Задание «Символы или пиктограммы». При изучении экологии в 11 классе я зачастую предлагаю придумать свою систему символики, пиктограмм, обозначений для определения жизненных форм растений, типов биоценотических отношений, экологических законов, биологического регресса и прогресса. Такой метод работы наталкивает на изучение всесторонних свойств объектов и явлений, лучшее запоминание материала, развитие воображения, умение связывать творческие и логические операции мышления.

5. Задание на гиперболизацию. Увеличивается или уменьшается объект познания, его отдельные части или качества: придумывается самое-самое (большое, высокое, низкое, быстрое, медленное) явление (процесс, животное, растение, операция). Стартом для решения подобных заданий может быть исследование живого мира, его разнообразия, различия физиологических, биохимических процессов, происходящих в различных

живых клетках, изучение книги рекордов Гинесса и составления своей, воображаемой «книги», помогающей лучше раскрыть суть природных явлений.

6. Задание на агглютинацию. Ученикам предлагается соединить несоединимые в реальности качества, свойства, части объектов и изобразить, например, бегающее дерево, летающего кота, мяукающую лягушку, цветущую сосну, содержащую ядро бактерию кишечной палочки, описав, какие изменения должны произойти в изучаемом объекте, чтобы подобное стало гипотетически возможным.

7. «Мозговой штурм». Основная задача – сбор как можно большего числа идей в результате освобождения участников от инерции мышления и стереотипов в непринужденной обстановке. Работа происходит в следующих группах: генерации идей, критики и оценки идей, генерации контридей. Генерация идей происходит в группах по определенным правилам. На этапе генерации идей любая критика запрещена. Всячески поощряются реплики, шутки. Затем полученные в группах идеи систематизируются, объединяются по общим принципам и подходам. Далее рассматриваются всевозможные препятствия к реализации отобранных идей. Оцениваются сделанные критические замечания. Окончательно отбираются только те идеи, которые не были отвергнуты критическими замечаниями и контридеями. Данный прием чаще использую в старших классах. Пример задания в 11 классе:

8. Группа генераторы идей: «На основании имеющихся у Вас знаний о типах отношений в биоценозе Вашей группе необходимо за 7 минут предложить максимальное количество идей создания идеального садоводческого хозяйства, в котором будут получать максимальные урожаи ягод и фруктовых деревьев с использованием только биологических методов борьбы с вредителями; а также закономерности влияния одних живых организмов на другие».

9. Группа критики и оценки идей: «Проанализировать идеи, предложенные предыдущей группой, показав несостоятельность и успешность каждой из них».

10. Группа контридей: «Предложить варианты совмещения идей первой группы с достижениями НТП».

Последующий анализ с выбором лучшего варианта.

Таким образом, эвристические задания направлены на развитие эвристических способностей учащихся, т. е. способностей открывать новое в творческой, сознательной и неосознанной деятельности. Они способствуют развитию когнитивных, креативных, организационных качеств личности учащегося, могут иметь широкое применение на уроках биологии.

Литература и источники

1. Евдокимова, Е. Г. От Эвристических знаний к самообразованию учащихся / Е. Г. Евдокимова. – Саратов: СГУ им. Чернышевского, 2012. – 168 с.

2. Эвристика / Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/ wiki/Эвристика. – Дата доступа: 10.10.2020.

3. Формы и методы эвристического обучения / Педагогика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://paidagogos.com/ formyi-i-metodyi-evristicheskogo-obuchen.html. – Дата доступа: 10.10.2020.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ЭТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ СОЦИУМЕ

Т. Д. Скуднова

«Антропологический поворот» считается сегодня одним из важнейших векторов развития социально-гуманитарных наук. Он послужил толчком к фундаментальной переориентации, прежде всего, этической теории, в которой происходит переосмысление и переоценка феномена «человек», дихотомии «Я» и «Другой». Философская антропология исходит из идеи существования универсальных, всеобщих антропологических законов. Антропологический ориентир может считаться первым важным шагом на пути к трансдисциплинарности научных исследований, проводимых в рамках холистического представления о человеке, культуре, этике. Новый вектор развития помогает преодолеть границы человековедческих дисциплин, он направлен на изменение отношений «человек-человек».

С появлением цифровых технологий мир необратимо изменился, а осознать последствия этого для сохранения человека как вида на нашей планете ученым только предстоит. Неуклонный рост трансформационных процессов в социуме, глобальные цивилизационные вызовы, пандемия и др. актуализируют, в первую очередь, проблему этической культуры. Ученые отмечают, что признание человека высшей ценностью в современном мире определяет сущность ценностно-этического регулирования в социуме.

Этика – учение о морали и нравственности, раскрывающее содержание нравственного способа освоения действительности, нормы и функции морали в жизни человека и общества. Один из известнейших в России философов, занимающихся разработкой проблем этической теории А. А. Гусейнов считает, что «этика есть нормативная наука, к тому же самая общая нормативная наука. Ее называют еще практической философией. Ее изучают не только для того, чтобы узнать, что такое добродетель, а для того прежде всего, чтобы быть добродетельным. Цель

этики – не знания, а поступки» [1].

Согласно философско-этической теории конфуцианства человек, наделенный небом этическими качествами, должен поступать в соответствии с порядком Ли и моральным законом Дао и совершенствовать эти качества. Все люди, по мнению Конфуция, подразделяются на благородных мужей, обладающих «жень» (гуманностью) и простолюдинов. Ключевым понятием данной концепции является человечность, гуманность, любовь, что согласуется с «золотым правилом нравственности», получившим свою дальнейшую интерпретацию в категорическом императиве Иммануила Канта: «поступай так, чтобы ты относился ко всему человечеству как в своем лице, так и в лице всякого другого как к цели, и никогда бы не относился как к средству» [2], то есть не делай людям того, что не пожелаешь себе. Восточной философии свойственна мудрость, гуманное отношение к социальному и природному миру, ориентация человека на самоизменение и духовно-нравственное самосовершенствование. Именно поэтому, размышляя о сущности и предназначении человека, Кант писал: «Антропология – это о нашем самовоспитании» [2].

Современный этико-методологический дискурс опирается на основные идеи ярких представителей философской антропологии: М. Шелера, А. Гелена, Э. Гуссерля, Г. Плесснера, М. Хайдеггера и др. В настоящее время философская антропология обязана вспомнить о реальном человеке, попавшем в «межэпохальный зазор». В своей обращенности к сущности человека современная философская антропология актуализирует главную этическую проблему культивирования «человеческого в человеке» и соответствия его своей сущности, ибо Человеку не избежать бремени ответственности перед самим собой. Понимая это, выход из ситуации глобального цивилизационного кризиса видится в синтезе и обновлении гуманистических подходов и идеалов, в развитии новой этической теории.

Вместе с тем, ускорение темпа жизни и информатизации социума, радикальное изменение условий существования, ориентация на максимальную реализацию интеллектуального потенциала требуют наращивания и качественного улучшения характера межличностных отношений, совершенствования системы этических норм и принципов.

Сформировавшееся общество потребления, общество массовой культуры, массмедиа актуализирует нравственные проблемы общечеловеческих ценностей и их трансформаций. Перед современной этической теорией стоит целый ряд методологических задач гуманистического, антропологического, аксиологического, акмеологического характера. Формирование нравственного сознания человека как субъекта культуры, его антропологического мировоззрения и гуманистической направленности, новой системы ценностных ориентиров

и приоритетов деятельности, субъектной позиции и интеллектуальной культуры – вот неполный перечень важнейших проблем новой этики. Ключевой теоретико-практической задачей современной этики является саморазвитие и самосовершенствование личности, ее социально-значимых качеств, эмпатических и творческих способностей, социальной рефлексии.

Становится очевидным, что современное высшее образование постепенноидолжно становиться школой гуманитарной антропологии, ориентировать на освоение базовой функции системы образования – создание условий для реализации антропопрактики, то есть для разворачивания пространства самопознания, саморазвития и нравственно-этического самосовершенствования человека, в котором и возможно культурное, экзистенциальное, историческое самоопределение и самореализация личности [4]. Развитие философской антропологии и социальных институтов не происходит параллельно, антропотехнологии модернизируют современное образование, в котором становление человека приобретает синергетически сложный, нелинейный и неоднозначный характер.

Вышесказанное позволяет заключить, что антропологическая философия XXI в. предстает как основание для построения новой этической теории, которая должна опираться на соответствующие изменения в самосознании и мышлении. Новое миропонимание и, соответственно, мышление представляет собой комплекс нравственного сознания, антропологического мировоззрения, эмоционально-ценностного отношения к миру, природе, социуму, культуре и к себе самому как субъекту культуры. Известный отечественный психолог Д. А. Леонтьев назвал главными причинами «антропологической катастрофы» нарушение баланса взаимодействия личного и социального (проявление крайнего индивидуализма и крайнего коллективизма), линейную логику, черно-белое мышление [3]. Готовность изменяться, прилагать усилия по сохранению человеческого в самом себе – это внутренняя работа, которая помогает даже в сложных социальных условиях оставаться человеком.

Совершенно очевидно, что мы являемся свидетелями зарождения новой цивилизации. Пандемия изменяет мир и надо научиться в нем жить. Первые шаги в этом направлениипредлагает новый исследовательский дискурс, в котором вырабатывается новая оптика человека, новая онтология, дающая шанс на преображение и возрождение с опорой на антропологический принцип и практику автопоэзиса, т. е. практику преображения.

Литература и источники

1. Гусейнов, А. А. Этика / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян. – М., 2010.

2. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант / Сочинения / Т. 6. – М., 1996.

3. Леонтьев, Д. А. Антропологическая катастрофа: причины и следствия. Доклад на IX Саммите психологов / Д. А. Леонтьев. – СПб, 2020.

4. Скуднова, Т. Д. Образование как способ ценностно-смыслового самоопределения человека в культуре / Т. Д. Скуднова // Философия права. – 2009. – № 6 (37). – С. 56–60.

5. Скуднова, Т. Д. Психолого-педагогическая антропология / Т. Д. Скуднова. – М.: Берлин: Директ-Медиа, 2018.

6. Смирнов, С. А. Проблема преображения в философии / С. А. Смирнов // Антропопраксис. Гуманитарный ежегодник гуманитарных исследований. – Ижевск: ERGO. – 2012. – С. 5–17.

РЕКЛАМА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ МУЛЬТИВЕРСУМА

В. Н. Слюсар, Н. В. Слюсар

Влияние процессов глобализации и урбанизации, привело к качественно новой организации общественной жизнедеятельности мегаполисов, в которой четко прослеживается принцип мультиверсумности как формы сосуществования различных социальных сообществ с четко регламентированными способами взаимодействия. Именно города, отмечает З. Бауман, на протяжении всей своей истории были площадками непрерывных и стремительных изменений, способных перевернуть все остальное общество [1, с. 24]. Указанный принцип мультиверсумности противопоставляется принципу локализации, который предполагает разделение, районирование поселений и соответствующее структурное подчинение форм локальных организаций центральной власти города.

В противоположность локального принципа социальной организации утверждается новый – глобализированный, смысл которого заключается не столько в акценте на масштабность (расширение до пределов всей планеты), сколько на сохранении культурного разнообразия и высоком уровне самоорганизации. Культура в этом контексте рассматривается не как «сумма эстетических идеалов красоты» или «голос разума», который проникает сквозь границы времени и наций и говорит от имени гипотетического универсального человека, а как разнообразие образов жизни людей, процессы создания ценностей, совокупности практик, формирующих идентичность субъекта, класса, расы и гендера [2, с. 172]. Для обозначения нового качества глобального принципа социальной организации предлагается понятие «мультиверсумность» [3]. В отличие от локального принципа, предусматривающего взаимодействие между периферией и центром, между жителями отдельных районов, мультиверсумный принцип минимизирует контакты между ними. Он

провозглашает возможность построения мира как одновременного сосуществования в одном социальном пространстве нескольких культурных миров, функционирующих в значительной независимости друг от друга с незначительными взаимодействиями только в установленных пунктах («точках пересечения»).

Отчетливо мультиверсумность как принцип социальной организации раскрывается в постметрополисах. В эпоху глобализации урбанистические тенденции приводят к появлению мегаполисов и мегалолисов, т. е. городов с численностью населения более миллиона человек. В них происходят процессы перехода от Gemeinschaft к Gesellschaft (Ф. Тьоннис), т. е. процессы разложения совокупности социальных и культурных явлений местного происхождения (З. Бауман). Рост плотности городского населения, по мнению Дж. Джекобса, является необходимым условием функционирования города и должен оцениваться учеными как благо, т. к. он является мощным источником жизненной силы. На малом пространстве может проявиться колоссальное богатство различий и возможностей, по большей части уникальных и непредсказуемых, а благодаря этому – ценных [4, с. 210–211].

Пространство в таком городе предстает как комплекс культурных реальностей, функционирование смыслов которых детерминировано индивидуальными усилиями человека в стремлении принять мир, выстроить его архитектонику. Оно выступает бесконечными попытками индивида «обуздать» и организовать хаос, а город в этом пространстве понимается не как неорганизованная и нестабильная структура, а как пространственная ткань, полная динамики и ритмов, переплетающихся между собой в сложных конфигурациях и образующих новые функциональные зоны, смысловые узлы и репрезентативные тексты (например, граффити в метро, перформансы, инсталляции, афиши и объявления) [5, с. 82]. Рост численности населения мегаполисов (т. е. заполнение городского пространства) приводит к ситуации тотального создания указанных новых функциональных зон, а затем и к невозможности контроля за порядком полицейскими методами. В этой связи актуализируется вопрос разработки новой модели организации социального пространства в культурном, экономическом, политическом аспектах, а также в аспекте безопасности. В частности, относительно последнего, Л. Ванн ден Берг, П. Пол, Дж. Мингардо и К. Спелл разработали трехкомпонентную модель мониторинга городской безопасности (модель SAP). Критериями анализа в ней стали «безопасность, что воспринимается», «городская привлекательность и пространственное поведение», «политические реакции». Они применили эту модель для анализа ситуации и развития реальных и воспринимаемых мер безопасности и связанных с ними мероприятий политики в одиннадцати европейских городах (Роттердам, Антверпен, Глазго, Гаага,

Хельсинки, Герлен, Лидс, Бари, Бирмингем, Гера и Прага) [6, с. 265].

Утверждение принципа мультиверсумности существенно изменяет содержание и формы рекламных сообщений, трансформирует характер рекламы и ее функциональное предназначение. В первую очередь это касается функции установления и поддержания социальных связей и отношений особыми методами не только на уровне «товар – потребитель», но и на интерперсональном уровне. Согласимся с О. Савельевой, что реклама способствует повышению плотности социальных связей в обществе, переводя разнообразные предложения (товаров, услуг, мест и пр.) на язык запросов, ценностей, стереотипов потребителя, выступая посредником между человеком и объектом, который может удовлетворить ту или иную его потребность [7, с. 120]. Рост численности населения на одном локальном пространстве актуализирует необходимость увеличения количества рекламной продукции, что, в свою очередь, усиливает конкурентную борьбу и влечет за собой тотальное присутствие рекламы в конкретном пространстве. Реклама занимает не только специально отведенные места (билборды, ситилайты и т. д.), но и пытается сопровождать человека по всем путям его перемещения. В итоге реклама исполняет не столько свою первичную функцию – сообщать потребителю о товаре, но и пытается внушать ему потребительские желания. Ж. Бодрийяр обнаруживает тенденцию пресыщения индивида рекламой, что вызывает реакцию отторжения (рекламы разных товаров взаимно нейтрализуют друг друга, а то и сами себя своей преувеличенностью) [8, с. 178–179]. Таким образом, можно говорить о тенденции роста силы разубеждения прямо пропорциональной к росту тотализации овладения пространством. Поэтому, с одной стороны, реклама формирует универсальную систему опознавательных знаков и их прочтения, предлагая идеальные модели потребительской активности, отрицая предыдущие традиционные ритуальные статусные маркеры идентичности. С другой стороны, она способствует появлению «параллельных» миров в одном социальном пространстве путем таргетирования (направленности на конкретную целевую аудиторию). Основная задача рекламы в мультиверсумном обществе – найти своего потребителя, завладеть системой знаков распознавания, которая будет одновременно и универсальной (способной включить в процесс символического обмена любого желающего), и уникальной, пробуждающей внимание «своей» аудитории. Это касается, прежде всего, имиджевой рекламной кампании. Эффект тагертирования значительно усилился с появлением цифровой рекламы, массового пользования социальными сетями, распространением рекламы через мобильные телефоны. По сути, реклама стала одним с основных составляющих интегрирующего разные социальные общности «социального клея» для универсумов, обладающих множественностью точек склейки, где они функционируют, пересекаются, и взаимодействуют.

Литература и источники

1. Бауман, З. Город страхов, город надежд // Логос. – 2008. – № 3. – С. 24–53.

2. Горбунова, Л. Транскультурна освітня стратегія в контексті викликів глобалізації // Філософія освіти. – 2014. – № 1. – С. 158–198.

3. Слюсар, В. М. Насилля: соціально-філософська природа. – Житомир: Вид-во Євенок О. О., 2017. – 450 с.

4. Jacobs, J. The Deathand Life of Great American Cities. – New York: Random House, 1961. – 458 p.

5. Карповець, М. Місто як світ людського буття. – Острог: Видавництво Національного університету «Острозька академія», 2014. – 258 с.

6. Bergvanden, L. The Safe City: Safety and Urban Development in European Cities / L. Bergvanden, P. Pol, G. Mingardo, C. Speller. – Aldershot: Ashgate, 2006. – 334 p.

7. Савельева, О. О. Реклама как социальный и экономический институт российского общества // Белорусский экономический журнал. – 2003. – № 1. – С. 120–130.

8. Бодрийар, Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1999. – 222 с.

О МЕТОДОЛОГИИ ГУМАНИТАРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО МОНИТОРИНГА ТЕХНИЧЕСКИХ-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ

Н. М. Солодухо

Нанотехнологии, биороботизация и цифровизация позволяют человечеству совершить качественные технические скачки, открывают заманчивые перспективы. Однако многие современные технические и технологические инновации связаны со значительными рисками, как для отдельного человека, так и для цивилизованного общества в целом. Речь идет, прежде всего, о технологическом NBICS-кластере [1; 2, с. 49–31] и необходимости развития гуманитарно-цивилизационного мониторинга.

N – нанотехнологии – проект в сфере науки, техники и технологии, выступающий ведущей стороной всего технологического комплекса NBICS. Предусматривает управление процессами и контроль, начиная с нано-уровня, который соответствует молекулярной организации вещества. Пространственные структуры и различные материалы с принципиально новыми качествами, созданные искусственно, должны подвергаться специальной экспертизе, поскольку они могут обладать неизвестными вредными для живых существ и человека свойствами.

B – биотехнологии – предполагают изменение природных биологических систем, их деконструкцию и создание ранее не существовавших на генетическом и молекулярном уровнях живых систем. Эти трансформации связаны с трансгенной селекцией, выращиванием новых видов растений и животных и др. Сегодня важно оценить риски

таких трансформаций для окружающей среды, всей биосферы в целом. Проблемы клонирования животных и самого человека также относятся к остро дискуссионным вопросам современных биотехнологий.

I – информационные технологии – технологии, связанные с передачей и хранением информации и вытекающими отсюда задачами информационного менеджмента. Такого рода технологии являются достаточно новым технологическим направлением, стремительное развитие которого началось с 90-х гг. XX в. Интернет, цифровое телевидение, сотовые телефоны, цифровые базы данных генерируют колоссальный объем информации. Возможные риски их использования связаны с созданием высокой физической и психической нагрузки на потребителей информации.

C – когнитивные технологии – ориентированы на развитие сенсорных и когнитивных возможностей человека. Внедрение этих технологий основано на успехах биологии, физиологии и также связывается в рядом возможных вызовов и угроз. Сегодня называют семь направлений когнитивных технологий, и почти все эти технологические направления сопряжены со значительными рисками [3]:

1. Изготовление препаратов, влияющих на наше сознание – интеллект и эмоции. Задача, которая при этом стоит пред фармакологией, заключается не в изменении сознания, а в улучшении его когнитивных функций.

2. Нейровизуализация с помощью компьютерной, магнитно-резонансной, позитронно-эмиссионной томографий, магнитно-резонансной спектроскопии, позволяющих «увидеть» работу сознания.

3. Работа над созданием искусственных органов чувств, а также киборгов. Например, зрительные устройства теоретически способны создавать в мозгу ультрафиолетовые, инфракрасные, и рентгеновские изображения, позволяющие при этом одновременно видеть все окружающее пространство.

4. Разработка когнитивных ассистентов, которые должны будут контролировать психические состояния человека, анализируя ритмы мозга, движения глаз, особенности речи, свойства электропроводимости кожи и др. параметры организма.

5. Внедрение мозго-машинных интерфейсов, способных на прямую передачу сигналов от мозга к компьютер. Сегодня такие системы разрабатываются на биофаке МГУ, в Институте высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, в ростовском НИИ нейрокибернетики.

6. Проектирование и создание интеллектуальных роботов, которые уже сегодня могут выполнять задачи представителей разных профессий и которые в будущем смогут имитировать процессы человеческого мышления. Так, создание робота, сопереживающего человеку, – цель

«проекта эмоциональных агентов» Института лингвистики РГГУ.

7. Создание алгоритмов автоматического анализа текстов. В рамках этой задачи от компьютерных систем ждут не только классификации документов, но и автоматизации таких процессов сознания, как ассоциативное мышление, интуиция, предвидение, опыт и др.

Наконец, S – социальные технологии – предполагают применение методов решения социальных проблем, сближение между различными социальными системами, создание новых социальных структур.

В контексте этих тенденций особую роль приобретают процессы «цифровизации» (или «цифровой трансформации»), которые оказываются неоднозначными по своим последствиям [4, 5]. Цифровизация экономики как социо-экономико-технический проект под названием «Общество 5.0» была выдвинута правительством Японии в 2016 г. при активном участии японской федерации крупного бизнеса. Эта стратегия нашла последователей в разных странах мира, в частности в России (с 1918 г.). Следует учитывать, что японская концепция «Общество 5.0» не ограничена чисто экономическим и технологическим подходами – ведь, в конечном счете, речь идет о роли человека и его месте в обществе будущего.

Современные неравнодушные наблюдатели, как и прежде, делятся на оптимистов и пессимистов. От научно-технических перемен одни ожидают цивилизационного расцвета и всеобщего благоденствия, другие – распада культур и гуманитарного апокалипсиса. Что же может предложить и подсказать философия в ситуации технико-технологических инноваций? Философия всегда нацеливала на поиск «золотой середины», пройти между Сциллой и Харибдой: не помешать развитию новых мощных гуманистически ориентированных технологий и не «выдавить» техникой гуманитарное начало в человеке. Философское решение этой задачи в наше время можно сформулировать как методологию создания гуманитарно-цивилизационного мониторинга технических и технологических инноваций. Необходимо формирование структуры гуманно-этического контроля за продуцированием и производством гуманитарно опасных технологий и технических средств. С этой целью следовало бы на глобальном, региональном и локальном уровнях создать развитую систему, подобную системе экологического контроля, который все же в большей или меньшей мере повсеместно удается осуществлять. Возможно, в начале пути эта идея выглядит утопичной, но и идея экологического мониторинга когда-то представлялась нереализуемой. Надо выработать хорошо продуманную иерархию соответствующих принципов и правил и переходить к практическим действиям.

Литература и источники

1. Кричевский, Г. Е. XXI век. Камо грядеши? Роль конвергентных NBICS-технологий / Г. Е. Кричесвский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnor.org/ pubs/ reviews/ 12585.htm – Дата доступа: 15.06.2017.

2. Солодухо, Н. М. Экология в постнеклассический период: NBICS-технологический контекст / Н. М. Солодухо, А. Н. Антипов, Д. В. Савинов // Формирование экологической культуры в билингвистической образовательной среде. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Казань, 22–23 марта 2019 г. / Отв. ред. З. А. Хусаинов. – Казань, 2019. – С. 39–42.

3. Семь когнитивных технологий, которые изменят мир // «Русский репортер». № 41 (169) от 21.10.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://expert.ru/ russian_reporter/ 2010/ 41/ tehnologii – Дата доступа: 15.06.2017.

4. «Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего. VII Садыковские чтения. Материалы Международной междисциплинарной научно-образовательной конференции, Казань, 15–16 ноября 2019 г. / Под ред. Г. К. Гиззатовой, О. Г. Ивановой, А. К. Каримова и др. – Казань, 2019. – 300 с.

5. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность: Докл. к XX апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апреля 2019 г. / Под общ. ред. Н. Е. Дмитриевой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М., 2019. – 43 с.

КАЧЕСТВО, МЕРА, ГАРМОНИЯ – ИНВАРИАНТЫ СИСТЕМОГЕНЕЗА

Э. М. Сороко

1. В 1928 году в журнале «Русский колокол» была опубликована статья великого русского философа Ивана Александровича Ильина «Спасение в качестве». Значение его идей о роли качества в судьбе России столь велико, что Всероссийская организация качества учредила почетную медаль имени И. А. Ильина под девизом «За движение к качеству и его культуре!», как общественную награду за выдающиеся достижения в области качества. Приведем выдержки из этой его статьи, не утратившей актуальности и доныне, но, напротив, возросшей в своей операциональной, прогностической и проективной значимости. «Верим и знаем: придет час, – убежденно утверждает И. А. Ильин, – и Россия восстанет из распада и унижения и начнет эпоху нового расцвета и нового величия. Но возродится она и расцветет лишь после того, как русские люди поймут, что спасение надо искать в качестве!.. Всмотритесь в пути и судьбы России, вдумайтесь в ее крушение и унижение… И вы увидите, что все основные затруднения ее были от объема и количества. На протяжении веков вся беда наша, вся опасность наша состояла в том, что судьба навязывала нам неисчерпаемое обилие – обилие пространств, племен и людей – и не давала

нам времени для того, чтобы проработать это обилие, овладеть им, извлечь из него скрытые силы и довести их до качественного расцвета… Не мы брали это обилие; оно само навязывалось нам, напирая на нас угрозами и опасностями, огнем и мечом, игом и голодом. На протяжении своей истории Россия как бы задыхается в этой борьбе с объемом и количеством… И ныне верить в русское национальное возрождение – значит верить в грядущую победу качества, в победу верности над предательством, знания над невежеством, труда над хищением, воли над страстью, верить в победу божественных сил человека над сатанинским… И готовить восстановление России – значит, прежде всего готовить себя самого к качественному служению Родине, готовить свой характер, свой разум, свое чувство, свою волевую идею. Имя этой волевой идеи – русское качество... Верим и знаем: придет час, и Россия восстанет из распада и унижения и начнет эпоху нового величия. И эпоха эта будет стоять под знаком нашей волевой идеи!» [1] (Вспомним А. С. Пушкина: «Россия вспрянет ото сна / И на обломках самовластья / Напишут наши имена»).

И действительно, в масштабах науки, технологий и практики управления общественными процессами внимание к проблеме качества и ее особенностям последние десятилетия повсеместно все более возрастает [2, с. 3]. Ассоциация качества действует в Венгрии. Постоянный представитель России в ней – академик РАН Евгений Велихов. Заместитель председателя Ассоциации д. э. н. профессор Тибор Ашбот при закрытии состоявшегося в Будапеште XXV-го Конгресса этой Ассоциации подчеркнул, что созданная ныне в международном масштабе система управления качеством является всеобъемлющей. Это он кратко изложил в своей статье [2]. Это далеко не единственные свидетельства непревзойденной мощи процесса становления и интенсивного и экстенсивного вызревания в деталях феномена качества, уже явно заметным образом начавшее осуществляться в современном обществе с прошлого столетия.

Что же тут является возбуждающей причинно, активизировавшей процесс тотального приведения в действие все относящееся к качеству, начиная от спонтанных процессов окачетвления сложных организационных формирований («организмических множеств», как выразился один нобелиат), искусства (или науки?) квалиметрии – разработки определенных способов выражения качества сложных объектов как объектов сложенных в системе неких параметров, и как неотъемлемого атрибута фундаментальной связки-процесса «Количество–Качество – Мера – Гармония» (Не следует забывать, что, как показал В. Ф. Янок, «эволюция – это стремление к гармонии» [3]. Обозревая многовековую историю развития культуры, науки, образования нельзя не отметить, что в последние полтора–два столетия совершился, а точнее интенсифицировался, переход в познании, изучении, формировании,

проектировании и пр. от «моно»-объектов, «унарных», целостных к «поли»-объектам, пространственно распределенным, структурно-расщепленным, множественным, но собранным вместе на основе некоего принципа или единого основания. Ассоциации, объединения, союзы, сообщества, ансамбли, распределения и другие коллективно-групповые формы неких компонентов образующих множество, соединения того или иного материала взывающие к поиску его сведения воедино, к собиранию по некоему базовому основанию, или свойству, присущему всем составляющим эту совокупность субъединицам. Словом, в макромасштабе в обществе совершается в делах познания, творчества, проектирования и созидания переход от парадигмы логикоцентризма к парадигме системоцентризма. Если еще в прошлом веке по логике можно было видеть в магазинах двух – и трехтомные фолианты, то к нынешнему веку они выродились до величины чуть превышающей объем брошюры. Парадигма системоценризма породила многотомные фолианты по теории, методологии, технологиям обработки и типам организации, процессам гармонизации и хаотизации (деструктивизации) самого различного рода систем – как вещественных, материальных так и невещественных, знаковых, обнаруживаемых на высших уровнях сущности вещей, при высоких навыках обобщения и отвлечения со стороны познающего мир субъекта. Если нечто незримо – это не значит, что его нет и найти его невозможно. Все философские категории (равно как и все принципы и законы) незримы. Но сие не означает, что их нет, что они не существуют, что они лишь плод человеческого ума и воображения, и не влияют на мир, на его организацию и функционирование. Отнюдь, они постигаемы на уровне общего и всеобщего, не воспринимаемого органами чувств. А кто знает общее, – говаривал Аристотель, – тот знает все.

Итак, системы… Они суть тот вид реалий, на которых, начиная с прошлого века, человек сконцентрировал силы чтобы вникнуть в принципиально новые, открывающиеся ему горизонты за пределами логики. Образно говоря, человек отходит от отдельных деревьев и погружается в лес деревьев, где множественность присущая предметной реальности, связанная неким единством, привносит новизну, немыслимую в прежней парадигме зиждущейся на материале разобщенных сущностей, отдельностей, уникумов. И что новое открывается в данном случае при взглядах на феномен качества исключительно систем.

2. Мера гармонии как важнейшая ценность в методологическом оснащении инновационных проектов.

Сегодня, намечая, осмысливая, проектируя и прокладывая пути в будущее с повсеместной актуализацией и раскрытием инновационного потенциала в самых различных творческих практиках, все созидательные силы общества сходятся в единых целях и общих задачах. Здесь концентрирует усилия весь оснащенный наукой интеллект общества, его

политическая, экономическая, управленческая элита, создатели стратегически значимых программ развития, дизайнеры организационных и функциональных структур, профильные институты и отдельные мыслители. Помимо использования в своих разработках объективных тенденций становления экономических укладов и сопутствующей им трансформации социокультурного процесса, помимо освоения предопределяемых законами универсума инвариантных отношений, они так или иначе обращаются к опыту прошлого. И это отнюдь не случайно, ибо, как сказал поэт, «большое видится на расстоянии». Первый, наиболее яркий пример для осмысления дают древние греки, всплеском своей культуры, искусства, науки совершившие прорыв, значительно опередив свое время. Они до сих пор сверкают прекрасным бриллиантом на горизонтах истории. И, как отмечают многие исследователи той эпохи, это удалось им благодаря тому, что творческие порядки, все созидательные устремления и инициативы, все производственные, духовно-нравственные каноны и нормы они выстраивали на основе отношений меры и гармонии. Этими отношениями у древних греков пронизано все: от ваяния и зодчества до театральных постановок, от разрисованных чернолаковых ваз до колесниц, от законов государственного устройства до неписаных законов морали, от кораблестроительного до военного искусства, от философских до математических изысканий. И не случайно потому К. Маркс отметил: «Греки навсегда останутся нашими учителями». Здесь ключевое слово «навсегда»: каких бы рубежей в своем развитии ни достигло общество в последующие времена, как бы ни был высок взлет его культуры и освоения природы, – пример греков во многих отношениях останется непревзойденным образцом. Словом, мера служит в познании инвариантом системогенеза. Она же определяет и наивысшее качество создаваемого.

Литература и источники

1. Ильин, И. А. Спасение в качестве / И. А. Ильин // Русский колокол. – 1928. – № 4. – С. 3–7.

2. Ашбот, Т. Качество как двигатель общественного развития / Т. Ашбот // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 2. – С. 73–74.

3. Янок, В. Ф. Философия гармонии / В. Ф. Янок. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1993.

КУЛЬТУРА И ЗОЛОТАЯ ТРИАДА «НАУКА–ОБРАЗОВАНИЕ–ПРОИЗВОДСТВО»

Л. А. Сосновский, С. С. Щербаков, А. А. Лазаревич

1. Понятийное вступление. Философия – это *осмысление Всего*:

прошлого, настоящего, будущего, оно происходит *только* в процессе *жизнедеятельности Homo sapiens* и *сообщества людей*. Философское осмысление *бытия*, следовательно, есть парадигма *духовности*; оно формирует *сознание* человека, которое может *отражать Все*: и материальное *сущее*, и воображаемое *грядущее*. Коренное отличие философии от религии состоит в том, что религия – это *вера* (с элементами знания), тогда как философия – это *знание* (с элементами веры). Общей основой науки и религии является *воображение*, которое есть чувство и осознание будущего [1].

Понятие *культуры* не имеет такой общности, как понятие философии. Культура, по сути, *не знает будущего*. *Есть материальная и духовная культура прошлого и настоящего*, что придает ей силу *доказательного познания*: культурные артефакты можно *ощутить*, *увидеть*, *измерить* (и т. д.).

Наша конференция посвящена, как мы понимаем, философскому анализу категории и явлений культуры, точнее, части этой проблемы: интеллектуальная культура Беларуси. А мы хотим обратить внимание присутствующих на один, с нашей точки зрения, важный недостаток такого традиционного анализа. Посмотрим в два авторитетных литературных источника: Философский энциклопедический словарь 1989 г (815 с.) и современный (2009 г.). Философский словарь (846 с.). Нетрудно найти в обоих словарях статьи и материалы по философии науки, по философии техники, по философии жизни, по философии культуры. Но, к сожалению, в них нет *обобщающей* статьи по *философии образования* (а также по *философии педагогики*, тесно связанной с образованием). А ведь есть много статей, диссертаций и т. п. по философии образования. Посмотрите текущую литературу: *интеллектуальная, инновационная, креативная* (и т. д.) культура. Главным стимулом (и поводом) для подготовки нашего здесь доклада стало желание предложить *некоторое обобщение* по обсуждаемому вопросу.

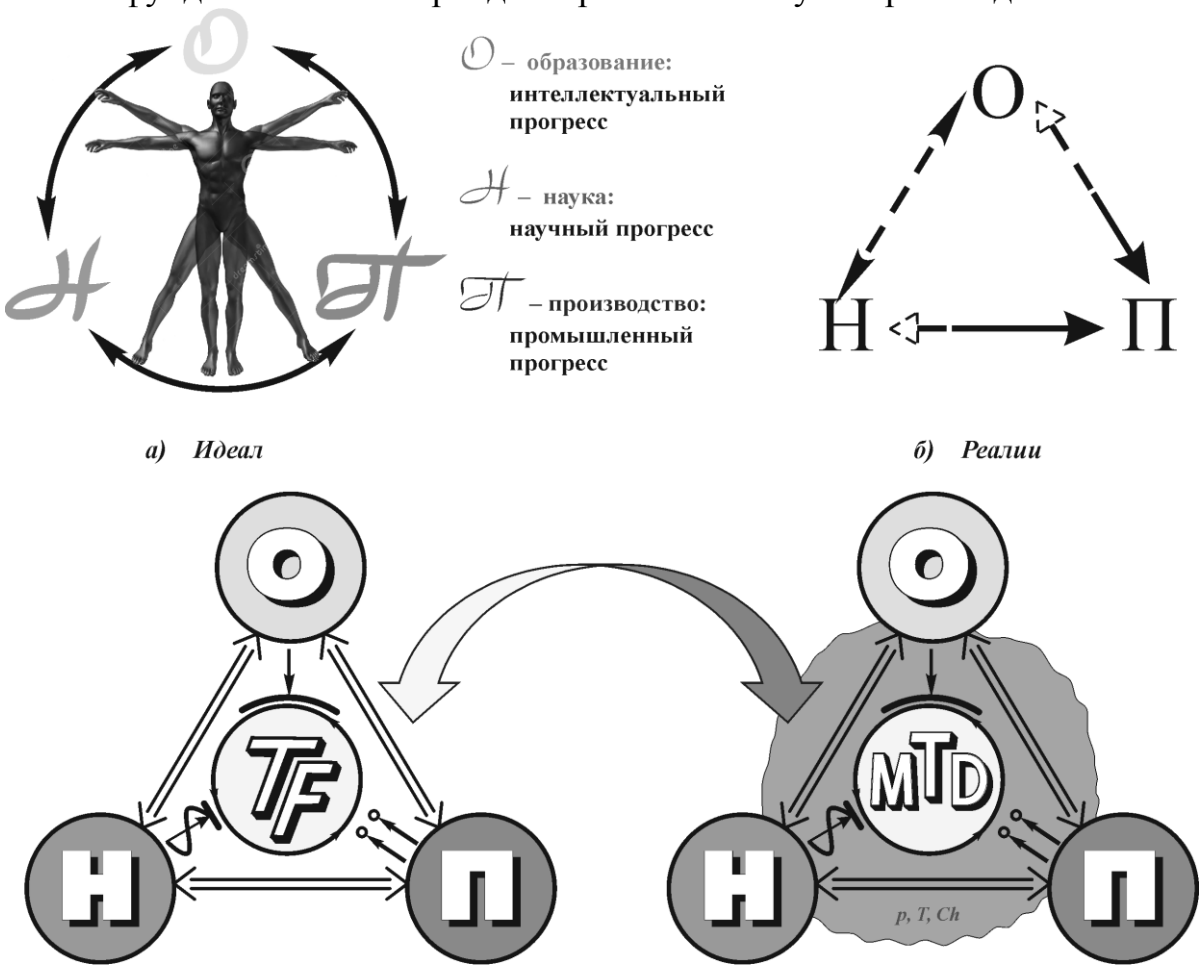
2. О золотой триаде «наука–образование–производство»: трибофатика и механотермодинамика. Мы обратимся к двум научно-техническим статьям [2, 3], в которых обсуждается эта проблема; наглядно она представлена на рисунке 1.

Согласно рисунку 1, *фундаментальная триада* «образование–наука–производство» (ОНП) есть идеал (рисунок 1, *а*), к которому может (и должно) стремиться любое сообщество людей, в том числе, например, и государство. А на рисунке 1, *б* дается эскиз реалий, которые, в частности, обнаруживаются в Беларуси в научно-технической области. По нашему мнению (которое, конечно же, является дискуссионным) связи Н→П и О→П, инициируемые учреждениями науки и образования, являются более устойчивыми (показаны сплошными линиями и залитыми стрелками), чем обратные связи П→Н и П→О (показаны пунктирными линиями и

светлыми стрелками). Одна из причин этого: государственные структуры предъявляют более жесткие требования к учреждениям науки и образования по внедрению их работ в производство, чем обратные требования к производителям машин и оборудования; отсюда вытекает и принцип остаточности финансирования прикладных НИОКР в промышленном секторе.

В общем виде (см. рисунок 1, *б*) ничего не говорится о *полезности* НИОКР – как не говорится и о том, что именно (какие именно прорывные достижения и в какой области деятельности) служит двигателем прогресса в триаде ОНП. Чтобы ответить на этот вопрос, на рисунке 1, *в*, *г* предложены *кластер-триады*, которые представляются как конкретизация фундаментальной триады ОНП применительно к определенной области деятельности (знания). Мы формируем на рисунке 1, *в*, *г* кластер-триады TF (Tribo-Fatigue, Трибофатика) и MTD (Mechanothermodynamics, Механотермодинамика). Здесь мы обращаем внимание на особую роль образования, связь которого с наукой, по нашему мнению, недостаточно развита (и, быть может, не вполне эффективна) в нашей стране (см. пунктир О–Н на рисунке 1, *б*). Разумеется, и это наше мнение является дискуссионным.

Рисунок 1. К анализу
фундаментальной триады образование–наука–производство



Формирование, скажем так, *частных* триад-кластеров TF и MTD (см. рисунок 1, *в, г*) вполне обусловлено субъективными «пристрастиями» (и личными достижениями) авторов доклада. Естественно, что аналогичных *интегральных* (организационных) структур в различных областях деятельности (знания) – медицине, сельском хозяйстве, биологии и т. д. – может быть столько, сколько есть (в наличии) или может быть получено *прорывных достижений* (в конкретных условиях). Но и в научно-технологической области можно (и, вероятно, нужно в нашей стране) сформировать немало триад-кластеров на базе, например, приоритетных изобретений, инновационных технологий и др. Как известно, в Республике Беларусь активно формируются кластеры наука–производство, но в них иногда не хватает третьей компоненты – образования. С другой стороны, к примеру, в Институте философии НАН Беларуси функционирую три филиала различных кафедр ВУЗов, т. е. связь науки и образования (если принимать во внимании и другие Институты Академии наук) достаточно

тесная. Однако недостаточность связи науки с производством – это, к сожалению, факт, признаваемый как учеными, так и инженерами.

Теперь, после очерченных выше ограничений, можно вернуться к анализу «наших» триад-кластеров (см. рисунок 1 *в, г*).

На основе *междисциплинарных исследований* разработаны методологические, теоретические и экспериментальные основания *новой науки – трибофатики* [4–10], созданной на стыке двух разделов механики (трибологии и механики усталостного разрушения). Термин трибофатика включен в энциклопедические издания [11, 12]; основные понятия регламентируются межгосударственным стандартом [13]; опубликован словарь терминов по трибофатике на английском, немецком, русском и белорусском языках [14]. В академическом журнале «Механика машин, механизмов и материалов» введен раздел «Механика трибофатических систем» (с 2011 г.). Издан библиографический указатель [15], который содержит 930 работ по трибофатике (1985–2015), к 2020 году их число превышает 1200.

Установлены и описаны ряд *сюрпризов трибофатики* [16, 17], в частности, прямой и обратный эффекты [18, 19, 20], явление троппи [21, 22], триада движение–повреждение–информация [23] и др. Сформулирован и экспериментально обоснован *обобщенный закон трения* при скольжении и качении, предложен *объединенный закон остаточного деформирования и износа* при качении [24] и т. д.

Используя *трансдисциплинарный* подход, разработаны *принципы (начала) механотермодинамики* [25, 26, 27, 28, 29], созданной путем объединения двух разделов физики (термодинамики и механики).

Более 150 лет в рамках механики и термодинамики разрабатывается *теория эволюции мира*. Теория эволюции, построенная в термодинамике, оказалась, по современным представлениям, неудовлетворительной: она прогнозирует грядущую тепловую смерть Вселенной, а к настоящему времени ученые осознали, что таковой не будет. В механике общую теорию эволюции систем до сих пор разработать не удалось, потому что в ее уравнениях не различается прошлое и будущее: они одинаково работают при замене времени $+t$ (будущее) на $-t$ (прошлое). В трибофатике была поставлена задача *объединения* двух великих конкурентов, чтобы более адекватно описать некоторые основные проблемы эволюционного развития мира, используя фундаментальные представления философии и, в частности, всеобщие (качественные) законы диалектики. Эта задача решена (в первом приближении, конечно) в рамках механотермодинамики – нового раздела физики [28].

Рождение новой физической дисциплины – механотермодинамики, случилось, когда были построены *два мостика*. Один – это *трибофатическая энтропия*, которая проложила путь от термодинамики к механике. Другой – это данное в трибофатике фундаментальное

представление о необратимой повреждаемости всего сущего, которое вымостило дорогу от механики к термодинамике. Этот путь и эту дорогу взаимно пронизывают *диалектические* Λ-*взаимодействия* между повреждениями, обусловленными нагрузками разной природы (механической, термодинамической, электрохимической и др.), и характерными составляющими энтропии (термодинамической, трибофатической, химической и др.). *Механотермодинамическая система*, как типичная и важная *компонента реального мира*, и ее эволюция становятся, таким образом, объектами для изучения в естествознании и требует философского осмысления.

Если выше мы кратко подчеркнули достижения в науке (буква Н на рисунке 1), то далее следует обратиться к сфере образования (буква О рисунке 1). И здесь тоже предложена *инновационная методология преподавания* (рисунок 2) дисциплин механического цикла в технических университетах, эта методика изложена, например, в работах [30–36]. На рисунке 2 приведена обобщенная иерархическая структура предлагаемого трансдисциплинарного подхода, построенная по принципу обучения в любом техническом вузе: от простого к сложному. Так, на первом этапе, в рамках изучения черчения, начертательной геометрии студентам предлагается рассмотрение специфического для их специальности (специализации) объекта силовой системы, например, коленчатого вала, колесной пары и т. п. Применение навыков, полученных при изучении стандартных учебных программ указанных дисциплин для создания чертежа, 3D-модели, сечений сложной геометрии станет основой для эффективной реализации последующих стадий расчета. По мере накопления знаний из дисциплин математического и физического циклов, в рамках второго этапа, при изучении теоретической механики и теории механизмов и машин, необходимо предусмотреть дальнейшую реализацию расчетов исследуемого объекта: определение нагрузок, исследование его кинематики и динамики как абсолютно твердого тела. Это целесообразно реализовать при выполнении соответствующих расчетно-графических и курсовых работ (проектов). С полученным «багажом» знаний и уже имеющимся массивом данных студент переходит на следующий этап (курс, семестр) для изучения таких дисциплин, как механика материалов, материаловедение, где наряду с получением базовых, общих знаний реализуются соответствующие практические расчеты для рассматриваемых объектов. Решение задач механики деформируемого твердого тела, термообработки, химического и микроструктурного анализа позволяет на следующем, четвертом этапе выполнить расчет конструкции по отдельным критериям механической усталости (пределу выносливости) и трибологии (износостойкости, пределам контактной и фрикционной усталости), а также определить требуемые размеры изделия, что в конечном итоге позволяет создать соответствующую конструкторскую

документацию. Цикл специальных дисциплин на старших курсах позволит подробно познакомиться с особенностями эксплуатации исследуемых объектов (действующие напряжения и их характер) и выявить их слабые стороны. Дальнейшее изучение дисциплин, связанных с учетом статистических данных о нагруженности и поврежденности анализируемых систем, позволяет учесть вероятностные отклонения при определении параметров сопротивления усталости и износа, оценить качество производства и эксплуатации изделия, а также выполнить прогнозирование ресурса объекта расчета по отдельным критериям. А весь этот цикл «венчает» курс трибофатики, в котором анализируется работоспособность не отдельных деталей, но реальных систем. Таким образом, здесь и реализуется переход от расчета отдельных деталей к расчету и проектированию трибофатических систем по важнейшим критериям работоспособности.

Рисунок 2. Трансдисциплинарная методология
подготовки инженеров-механиков

Что касается практической значимости работ по трибофатике и механотермодинамике, то она характеризуется сведениями, представленными в таблице 1. А философский анализ методологий

трибофатики и механотермодинамики дан в работах [37–42].

Таблица 1. Трибофатика и механотермодинамика:
основные результаты НИОКР (1985–2017)

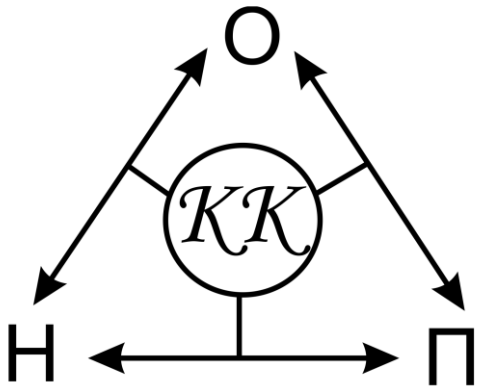
Более 1000 опубликованных работ и изобретений	**Более 20 монографий, справочников, учебных пособий на русском, английском и китайском языках**	**9 государственных стандартов, в том числе 3 межгосударственных, 4 стандарта предприятий**
18 патентов на изобретения и авторских свидетельств	**7 Международных симпозиумов по трибофатике: (Гомель (1993), Москва (1996), Пекин (2000), Тернополь (2002), Иркутск (2005), Минск (2010), Гомель (2015)), в работе которых принимали участие более 2500 ученых и специалистов**	**Доклады по трибофатике и механотермодинамике представлены более чем на 120 Международных конференциях в 50 городах мира (Москва, Пекин, Минск, Киев, Вашингтон, Лондон, Оттава, Киото, Штутгарт, Турин, Краков и др.), в работе которых принимали участие более 2000 ученых и специалистов**
147 ученых многих стран награждены Почетным дипломом «За вклад в развитие трибофатики»	**25 ученых и организаторов науки разных стран награждены Почетным юбилейным знаком «ТРИБОФАТИКА-25»**	**Новый класс испытательного оборудования: 11 модификаций машин серии СИ для комплексных износоусталостных испытаний материалов, элементов конструкций, моделей пар трения и силовых (трибофатических) систем**
10 кандидатских и 2 докторские диссертации	**В университетах РБ введены учебные курсы «Основы трибофатики», «Фундаментальные и прикладные задачи трибофатики», «Механика износоусталостного повреждения и разрушения», «Механотермодинамика». За 20 лет эти курсы прослушали более 3500 студентов и магистрантов**	**Более 60 НИР в интересах крупных предприятий (ПО «Гомсельмаш», ОАО «Гомельтрнаснефть Дружба», ОАО «МАЗ» и др.). Общий экономический эффект от внедрения выполненных работ превышает 10 млн. долларов США**

3. Философия и золотая триада «наука–образование–производство». Как отмечено во вступлении, философия науки, философия техники, философия культуры, философия жизни (жизнедеятельности) и т. д. разрабатывается давно и успешно. В золотой триаде (см. рисунок 1, *а*) глубоко исследована проблема науки (Н). В триаде нет, однако, *техники*, тоже систематически исследованной. Зато в ней есть *производство*, которое включает не только технику, но и *технологию*. Но вот проблема разработки *полноценной* философии образования (образовательной деятельности) представляется, как показано выше, *незавершенной*. В первом приближении *философия образования* – совокупность различных течений, школ, концепций, изучающих гносеологические, мировоззренческие и социальные проблемы развития и судеб научно-образовательной сферы как цивилизационной составляющей исторического процесса эволюции общества. А конкретно: когда научные результаты образуют новую учебную дисциплину в университетах (см., например, трибофатику), это становится общим достоянием научно-образовательной системы государства (см. рисунок 1). Здесь нам кажется уместным сделать и еще одно предложение: пора приступить к разработке *философской концепции золотой триады «наука–образование–производство» как целостного объекта*, характерного для

жизнедеятельности людей, государств, человеческой цивилизации. Значение такого *синтеза* переоценить нельзя: кто знает *общее*, тот знает *все* (Аристотель).

4. К интеллектуальной культуре Беларуси. В сущности, в пп. 2 и 3 мы говорили о нашем вкладе в интеллектуальную культуру Беларуси. Нам остается только обобщить основные изложенные выше идеи в *интегральную схему инновационного кластера: культура и золотая триада «наука–образование–производство»* (рисунок 3). Здесь принято понятие *когнитивная культура* (КК). Это, возможно, правильно, коль скоро речь идет о тесной связи когнитивистики и культуры, что в конструктивных формах своего выражения способно обусловить необходимую для современного общества результативность золотой триады «наука-образование-производство».

Рисунок 3. Триада-кластер когнитивная культура



Мы представляем этот доклад участникам конференции с надеждой – по Гете: «Изобретать самому прекрасно, но то, что другими найдено, знать и ценить – меньше ли, чем создавать?».

Литература и источники

1. Сосновский, Л. А. Некоторые соображения о триаде вера – знание – мировоззрение / Л. А. Сосновский // Религия и образование в светских обществах: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 27–28 мая 2014 г. – Минск: Право и экономика, 2014. – С. 49–53.

2. Сосновский, Л. А. Современная наука и мультидисциплинарная система образование–наука–производство: некоторые достижения / Л. А. Сосновский, С. С. Щербаков, А. В. Богданович // Теоретическая и прикладная механика: межвед. сб. науч.-метод. статей. – Минск: БНТУ, 2018. – Вып. 33. – С. 3–11.

3. Щербаков, С. С. Механико-математическое моделирование, испытания, прогнозирование повреждаемости, безопасности и долговечности высоконагруженных компонентов современных машин на базе методологии трибофатики и механотермодинамики / С. С. Щербаков, Л. А. Сосновский

// Актуальные вопросы машиноведения: сб. науч. тр. – Минск: ОИМ НАНБ, 2017. – Вып. 6. – С. 31–42.

4. Слово о трибофатике / ред.-сост. А. В. Богданович / Авт.: В. И. Стражев, К. В. Фролов, М. С. Высоцкий, В. Т. Трощенко, Л. А. Сосновский, Н. А. Махутов, А. В. Кухарев, П. С. Грунтов, Э. И. Старовойтов, В. А. Марченко, В. Н. Корешков, В. А. Шуринов, Л. Р. Ботвина, Ю. Н. Дроздов, М. И. Горбацевич, В. Г. Павлов, Д. Г. Эфрос. – Гомель – Минск – Москва – Киев: Remika, 1996. – 132 с.

5. Sosnovskiy, L. A. Tribo-Fatigue. Wear-Fatigue Damage and Its Prediction / L. A. Sosnovskiy // Series: Foundations of Engineering Mechanics, Springer, 2005. – 424 p.

6. **摩擦疲**劳学 **磨**损 – **疲**劳损伤及其预测. L. A. **索斯洛夫斯基著, 高万振**译 – **中国**矿业大学出版**社**, 2013. – 324 p.

7. Сосновский, Л. А. Фундаментальные и прикладные задачи трибофатики: курс лекций / Л. А. Сосновский, М. А. Журавков, С. С. Щербаков. – Минск: БГУ, 2010. – 488 с.

8. Сосновский, Л. А. Механика износоусталостного повреждения / Л. А. Сосновский. – Гомель: БелГУТ, 2007. – 434 с.

9. Щербаков, С. С. Механика трибофатических систем / С. С. Щербаков, Л. А. Сосновский. – Минск: БГУ, 2010. – 407 с.

10. Научная сессия «Философия, синергетика и трибофатика». Труды VI Международного симпозиума по трибофатике (ISTF 2010), 25 окт. – 1 нояб. 2010 г., Минск (Беларусь). / редкол.: М. А. Журавков (пред.) [и др]. – Минск: БГУ, 2010. – Т. 2. – С. 463–667.

11. Трыбафатыка // Беларуская энцыклапедыя. – Минск: Беларуская энцыклапедыя, 2002. – Т. 15. – С. 542.

12. Трибофатика // Большой белорусский энциклопедический словарь / ред. коллегия: Т. В. Белова (гл. ред.) и др. – Минск: Беларус. энцыкл. імя П. Броукі, 2011. – С. 354.

13. Трибофатика. Термины и определения (Межгосударственный стандарт): ГОСТ 30638–99. – Введ. 17.06.1999. – Мн.: Межгос. совет по стандартизации, метрологии и сертификации: Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 1999. – 17 с.

14. Андронов, П. В. Трибофатика. Трыбафатыка. Ttibo-fatigue. Tribo-ermüdung: четырехъязычный терминологический словарь / Под ред. Л. А. Сосновского, авт.-сост.: П. В. Андронов, В. А. Бабушкина, А. В. Богданович, С. С. Городецкий, А. И. Подлужный, Р. С. Сосновская, Л. А. Сосновский. – Минск–Гомель: НПО «ТРИБОФАТИКА», 1996. – 138 с.

15. Трибофатика: библиографический указатель (1985–2015) / сост. С. А. Тюрин; Белорус. гос. ун-т трансп. – Гомель: БелГУТ, 2015. – 61 с.

16. Sosnovskiy, L. A. Surprises of Tribo-Fatigue / L. A. Sosnovskiy, S. S. Sherbakov. – Magic Book, 2009. – 200 p.

17. 9 сюрпризов трибофатики (подборка статей) // Наука и инновации. − 2010. – № 9 (91). – С. 5–28.

18. Высоцкий, М. С. Новое слово в механике / М. С. Высоцкий // Наука и инновации. – 2010. – № 9 (91). – С. 17–19.

19. Sosnovskiy, L. A. Tribo-Fatigue. Wear-Fatigue Damage and Its Prediction / L. A. Sosnovskiy // Series: Foundations of Engineering Mechanics. – Springer, 2005. – 424 p.

20. **摩擦疲**劳学 **磨**损 – **疲**劳损伤及其预测. L. A. **索斯洛夫斯基著**, **高万振**译 – **中国**矿业大学出版社, 2013. – 324 p.

21. Sosnovskiy, L. A. Troppy Phenomenon / L. A. Sosnovskiy, S. S. Shcharbakou // Proc. of World Tribology Congress III [Electronic resource]: Washington, D. C. USA, September 12–16, 2005. – Washington, 2005.

22. Sosnovskiy, L. A. Troppy Phenomenon (CM104) / L. A. Sosnovskiy, S. S. Sherbakov. – Proceedings of 7th International Conference on Contact Mechanics and Wear of Rail / Wheel Systems (Brisbane, Australia, Sept. 24–27, 2006). – Brisbane. – 2006. – V. 1. – P. 115–125.

23. Комиссаров, В. В. Трибофатическая триада: взаимосвязь движения, повреждений и информации / В. В. Комиссаров // Гармоничное развитие систем – третий путь человечества: тр. 1-го Междунар. конгр., Одесса, Украина, 8–10 окт. 2011 г. – Одесса: ООО «Институт креативных технологий», 2011. – С. 144–149.

24. Сосновский, Л. А. Закон трения: от трибологии к трибофатике. Сообщение 1. Классический закон сухого трения и необходимость его корректировки / Л. А. Сосновский // Механика машин, механизмов и материалов. – 2019. – № 1 (46). – С. 64–76; Сообщение 2. Теоретические исследования // Механика машин, механизмов и материалов. – 2019. – № 2 (47). – С. 66–77; Сообщение 3. Экспериментальные исследования // Механика машин, механизмов и материалов. – 2019. – № 4 (49). – С. 95–106.

25. Sosnovskiy, L. A. Mechanothermodynamics. / L. A. Sosnovskiy, S. S. Sherbakov. – Springer, 2016. – 155 p.

26. Сосновский, Л. А. Принципы механотермодинамики / Л. А. Сосновский, С. С. Щербаков. – Гомель: БелГУТ, 2013. – 150 с.

27. Sosnovskiy, L. A. Mechanothermodynamical System and Its Behavior / L. A. Sosnovskiy, S. S. Sherbakov // Continuum Mechanics and Thermodynamics. – 2012. – № 24. – P. 239–256.

28. Сосновский, Л. А. Механотермодинамика (об объединении великих конкурентов: 1850–2015) / Л. А. Сосновский // Механика машин, механизмов и материалов. – 2016. – № 4 (37). – С. 19–41.

29. Sosnovskiy, L. A. Mechanothermodynamic Entropy and Analysis of Damage State of Complex Systems/ L. A. Sosnovskiy, S. S. Sherbakov // Entropy. – 2016. – № 18. – С. 1–34.

30. Sosnovskiy, L. A. Tribo-Fatigue in Engineering Education / L. A. Sosnovskiy, A. S. Shaginyan // Proceedings of the World Tribology Congress, London, Sept. 8–12, 1997. – London, 1997. – P. 639.

31. Сенько, В. И. Основные идеи трибофатики и их изучение в техническом университете: учеб. пособие / В. И. Сенько, Л. А. Сосновский. – Гомель: БелГУТ, 2005. – 191 с.

32. Фролов, К. В. Новая учебная дисциплина в техническом университете: «Основы трибофатики» / К. В. Фролов, Wen Shi-Zhu, В. Т. Трощенко, М. С. Высоцкий, Н. А. Махутов, В. И. Сенько, А. П. Хоменко, Yan Ximping, Л. А. Сосновский, С. В. Белокобыльский // Материалы V Международного симпозиума по трибофатике (ISTF 2005) / под ред. А. П. Хоменко. – Иркутск–Братск, 2005. – С. 47–68.

33. Сенько, В. И. Двадцатилетний опыт преподавания курса «Основы трибофатики» / В. И. Сенько, Л. А. Сосновский, А. В. Путято, В. В. Комиссаров, Е. С. Таранова, С. С. Щербаков, А. В. Богданович, В. Б. Попов // Вестник БелГУТа: Наука и транспорт. – 2016. – № 1 (32). – С. 11–31.

34. Сосновский, Л. А. Основы трибофатики: учеб. пособие: [доп. Мин-вом образования Респ. Беларусь в качестве учебного пособия для студентов технических высших учебных заведений] / Л. А. Сосновский. – Гомель: БелГУТ, 2003. – Т. 1. – 246 с.; Т. 2. – 234 с.

35. Сосновский, Л. А. Введение в трибофатику: пособие для студентов мех.-мат. ф-та, обучающихся по специальности 1–31 03 02 «Механика» (по направлениям) / Л. А. Сосновский, М. А. Журавков, С. С. Щербаков. – Минск: БГУ, 2010. – 77 с.

36. Сенько, В. И. Трансдисциплинарное проектирование объектов и силовых систем – качественно новый уровень подготовки инженеров / В. И. Сенько, Л. А. Сосновский, Н. А. Махутов, А. В. Путято, В. В. Комиссаров // Вестник БелГУТа: Наука и транспорт (специальный выпуск). – 2016. –№ 1 (32). – С. 32–38.

37. Сосновский, Л. А. Основы теории эволюции неорганических и органических систем, в том числе живых и разумных / Л. А. Сосновский, С. С. Щербаков, А. А. Лазаревич // Национальная философия в глобальном мире. – Минск: Беларуская навука, 2018. – С. 155–178.

38. Лазаревич, А. А. На пути к синергии техно – и биоразвития: технософия и трибофатика / А. А. Лазаревич // Вестник БелГУТа: Наука и транспорт (специальный выпуск). – 2016. – № 1 (32). – С. 39–44.

39. Лойко, А. И. Трибофатика и философия: стратегия трансдисциплинарных исследований / А. И. Лойко // Вестник БелГУТа: Наука и транспорт (специальный выпуск). – 2016. – № 1 (32). – С. 45–48.

40. Сороко, Э. М. Трансдисциплинарность и трибофатика: о новой линии разработки информационных технологий, их эвристических возможностях, инновационном потенциале / Э. М. Сороко // Вестник БелГУТа: Наука и транспорт (специальный выпуск). – 2016. – № 1 (32). – С. 49–51.

41. Спасков, А. Н. Генезис, регенерация и нелинейная эволюция сложных систем в механотермодинамической и субстанциально-информационной концепциях / А. Н. Спасков // Вестник БелГУТа: Наука и транспорт (специальный выпуск). – 2016. – № 1 (32). – С. 52–58.

42. Лойко, А. И. Когнитивная философия и методология когнитивных наук: белорусский контекст / А. И. Лойко // Национальная философия в глобальном мире: материалы Первого белорусского философского конгресса Республики Беларусь, Минск, 18–20 октября 2017 г. / редколлегия: В. Г. Гусаков (председатель) и др. – Минск, 2018. – С. 142–146.

СУБСТАНЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ОНТОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

А. Н. Спасков

Субъективная темпоральность коренным образом отличается от объективного времени в физике, представляемого как числовой параметр, измеряемый равномерно идущими часами. Человеческий глаз способен воспринять отдельный фотон, что означает его реагирование на единичное событие без всякого восприятия длительности этого события. Информация о периоде световой волны представляется (переживается) в нашем восприятии как ощущение определенного цвета. Но это ощущение (квалиа) возникает при восприятии множества фотонов с одинаковым периодом волны. Таким образом, в зрительном восприятии фиксируются события, которые считаются мгновенными, но в переживании длительности используются другие механизмы восприятия.

Рассмотрим, например, отдельный фотон, испущенный далекой звездой и воспринятый человеческим глазом. Хотя между этими событиями проходит время, необходимое для прохождения световой волной расстояния между источником и приемником, но с точки зрения фотона никакого времени не проходит и процесс его испускания сразу же и без всякого промежутка переходит в процесс поглощения, а расстояние между источником и приемником в системе отсчета, связанной с фотоном из-за релятивистского сокращения длин равно нулю.

Таким образом, можно сказать, что хотя свет и был испущен несколько лет назад, а возраст человека и звезды за это объективное время изменился и в их жизни произошло множество событий, но возраст самого фотона при этом не изменился и для него оба эти события представляют собой единый процесс. На этом основании можно сказать, что мы зрительно воспринимаем мир в едином времени, если брать за систему отсчета времени свет. Другими словами, квант света является связующим звеном, синхронизирующем в едином времени два удаленных в пространстве события и делающих их одновременными в собственной системе отсчета.

Рассмотрим теперь, как мы измеряем длительность между произвольными событиями, считая их мгновенными. Так как для измерения этой длительности мы используем часы, то нам нужно, прежде всего, точно фиксировать события в соответствии с определенным состоянием часов. Иначе говоря, мы должны непосредственно связать событие с состоянием часов, а это значит – сделать эти разные события тождественными в едином времени. А это как раз и достигается в психологическом акте одновременного восприятия двух событий одним и

тем же наблюдателем. То есть здесь связующим звеном является наблюдатель с синхронным восприятием зрительной информации о разных событиях. А это значит, что события, объективно не связанные друг с другом, становятся субъективно одним событием зрительного восприятия объективного мира.

Таким образом, как в специальной теории относительности, так и в классической механике роль наблюдателя в определении времени фундаментальна, хотя и не прописана явно в теории. Наблюдатель остается как бы за кадром а в теоретическом описании содержится только информация об объективном мире. Но без участия наблюдателя мы не можем зафиксировать события и измерить длительность между ними.

Но в квантовой механике роль наблюдателя еще более значительна. Мы не можем, например, утверждать об объективном и независимом существовании кванта света – фотона, испущенного далекой звездой, пока он не становится субъективным феноменом восприятия. Отсюда можно сделать парадоксальный вывод, что непосредственное восприятие фотона наблюдателем или его регистрация физическим прибором является причиной реального существования фотона, а значит и причиной его испускания в далеком прошлом. Таким образом, наблюдатель в настоящий момент времени может быть активным участником событий, происшедших в далеком прошлом. На этом основании Дж. Уилер и приходит к выводу о «соучастии» человека в творении Вселенной.

Из этих соображений можно заключить, что мир представляет собой многосвязное единство в субъективном восприятии наблюдателя. Другими словами – объективный мир становится связным единством благодаря активной роли наблюдателя, собирающего этот мир в своем субъективном восприятии. Это значит, что наблюдатель является необходимым посредником, связующим Вселенную в единство. А множество наблюдателей образуют, с этой точки зрения, базовую структуру, связывающую Вселенную в единое целое.

Мы полагаем, что появление какого-либо образа в нашем сознании – это результат квантового измерения. Любое качество и свойство, которое мы принимаем за характеристику объективной реальности – это результат взаимодействия нашего сознания и другого объекта, который в то же время является субъектом, вступающим с нами в коммуникационную связь.

Квалиа измеряется и переживается только нашим сознанием. Его нельзя зарегистрировать каким-то физическим прибором. По сути – это задача на собственные значения в квантовой теории. В результате нашего интенционального акта (наблюдения) проявляется квалиа в нашем сознании как собственное значение волновой функции. А волновая функция описывает спутанное квантовое состояние нашего сознания (активного квантового субъекта) и наблюдаемого объекта (пассивного

квантового субъекта).

То есть квалиа не существует независимо от сознания. И любое физическое свойство или качество, которое мы наблюдаем в объективном мире, не существует само по себе, независимо от сознания. Это не значит, что объекта не существует, пока мы его не наблюдаем. Он существует, но не в таком виде (качестве), как представлен в нашем сознании. Он может быть представлен в другом сознании почти таким же, что и в нашем, но все же в чем-то индивидуально отличным. Различия в представленности одного и того же объекта возникают в разных сознаниях, т. к. все они представляют собой уникальные индивидуальности, хотя во многом (в восприятии мира) и тождественные.

Восприятие пространства и времени – тоже возникает в сознании как свойство удаленности и порядка относительных положений разных субъектов. Таким образом, пространство и время – это квалиа, возникающее в сознающей себя нелокальной и единой Вселенной, как свойство представления единого и нелокального в множественности индивидуальных сознаний и их разделенности.

Время – это порядок сосуществования различных внутренних состояний, связанных с одним и тем же онтологически самотождественным субъектом.

Пространство – это порядок сосуществования онтологически различных субъектов (объектов).

В построении модели происхождения физической Вселенной, жизни и сознания ключевую роль играет понятие времени и мы для решения этой проблемы предлагаем новую субстанциально-информационную концепцию времени. Сущность этой концепции заключается в том, что мы вводим понятие субстанции для обозначения предельно глубокого онтологического основания всего сущего и причины всего возникающего и понимаем ее как генератор реальности. Реальность, в свою очередь, мы понимаем, как информационное многообразие, возникающее в результате субстанциального акта раздвоения единого состояния на субъективную и объективную составляющую. Таким образом, первичное проявление субъекта и объекта во Вселенной эквивалентно появлению фундаментального информационного кода, на основе которого можно осуществить все возможные ментальные (субъективные) и физические (объективные) состояния, которые находятся в спутанном квантовом состоянии и комплементарны друг другу, подобно негативу на фотопленке и позитиву на фотографии. В этом смысле мы рассматриваем процесс возникновения Вселенной, жизни и сознания как триединый акт квантового наблюдения, в результате которого активизируется первичный субъект (элементарное сознание или предсознание) и первичный объект (элементарное тело или частица).

Сам такой акт квантового наблюдения, который можно

рассматривать как спонтанное нарушение симметрии, и будет первичным процессом жизнедеятельности, в результате которого из неопределенного квантового состояния возникает квантовая монада, наделенная элементарным телом и сознанием. Таким образом трансцендентная субстанция проявляется в физическом мире как источник информации и генерирует разнообразные квантовые состояния, как некоторое информационное многообразие. А для обозначения фундаментального носителя информации мы вводим новое понятие хронотопаса.

Представление о том, что субстанция трансцендентна и недоступна наблюдению и умопостижению, выходит за пределы классической научной рациональности, но является, как мы полагаем, необходимым условием построения квантовой онтологии и онтологии сознания в рамках постнеклассической рациональности. Принятие этого исходного негативного положения означает, что мы не можем не только «увидеть» органами чувств или зарегистрировать приборами эту «запредельную» реальность, но и даже умственно ее представить. Возможно ее можно созерцать в мистическом опыте или иметь о ней некоторое интуитивное представление – но это уже за пределами науки и рациональности. Тем не менее, мы можем дать наименование этой идее и построить рациональную модель, объясняющую ее связь с умопостигаемым и чувственно воспринимаемым (осязаемым) миром.

Мы можем представить себе субстанцию как некую нелокальную и единую сущность, которая проявляется локально в сингулярных точках-моментах пространства-времени. Эта модель пространства-времени аналогична понятиям абсолютного пространства и времени Ньютона, который считал их «сенсориумом Бога»: «не становится ли ясным из явлений, что есть бестелесное существо, живое, разумное, всемогущее, которое в бесконечном пространстве, как бы в своем чувствилище, видит все вещи вблизи, прозревает их насквозь и понимает их вполне благодаря их непосредственной близости к нему?» [1, с. 280–281].

Но в отличие от непрерывного пространства и времени Ньютона, в нашей модели нелокальная и единая субстанция локализуется в множестве сингулярных точках-моментах, на базе которых и определяется сеть пространства-времени. Здесь картина похожа на пространственно-временную модель петлевой квантовой гравитации с узлами и спиновыми сетями.

Публикация подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г20МС-031).

Литература и источники

1. Hall, A. R. Unpublished Scientific Papers of Isaac Newton. A Selection from the Portsmouth Collection in the University Library Cambridge / A. R. Hall, B. M. Hall. – Cambridge Univ. Press, 1962. – 416 p.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ КАК РЕФЛЕКСИИ НАД ЭВОЛЮЦИЕЙ НАУКИ

А. А. Спектор

Роль философии, являющейся в огромной степени рефлексией над основаниями культуры, обсуждается в настоящее время достаточно широко. Поскольку наука – неотъемлемая часть культуры, а ее проблемы являются неизменным предметом дискуссии, именно философия оказывается наиболее подходящим средством рефлексии над ее эволюцией. Аргументом к такому подходу может служить указание на то, что в античности философия и наука были тесно связаны.

Обратимся к понятию современной науки, развивающейся со времен Галилея.

Наука (классическая, неклассическая, постнеклассическая) развивается одновременно в нескольких направлениях: с одной стороны, в направлении узкой специализации, с другой стороны, в направлении междисциплинарности. Так, биология разделилась на ботанику, зоологию, физиологию, генетику, цитологию, гистологию. Затем из зоологии выделились фелинология, герпетология, ихтиология и другие науки. Однако одновременно шло и объединение наук. Понятие «физическая химия» использовал еще М. В. Ломоносов, но активное объединение физики и химии началось тогда, когда выяснилась физико-химическая природа растворов, а особенно, когда стало ясно, что Периодический закон – величайшее открытие в области химии – может быть объяснен только с помощью физики. Это самый очевидный пример необходимости меж – и трансдисциплинарного подхода при научных исследованиях. Интересно, что именно физики исполнили тысячелетнюю мечту алхимиков: получили золото из свинца. Произошло это как побочный результат ядерной реакции, однако, количество золота было настолько мало, что никакой промышленной или коммерческой пользы подобный результат не принес. Вместе с тем, это наглядный пример того, насколько сильно пересекаются области различных наук и различных дисциплин.

Примеров разделения и объединения наук очень много. Можно вспомнить также биохимию, биофизику, биогеографию и др. Так, термин «биофизика» утвердился в конце XIX в. для области знаний, показывающих, что биологические явления есть частные случаи приложения законов физики. В началеXX в. так же утвердился термин

«биохимия». Этногеномика получила свое развитие с внедрением в широкую практику анализа ДНК и применением его к ответом на вопросы из области истории и географии. Разделение на дисциплины необходимо потому, что так удобнее воспринимается информация, которой накоплено чрезвычайно много. Негативной стороной этого процесса оказывается возникновение терминологической путаницы и методологических ошибок. В некоторых случаях путаница не важна, но в трансдисциплинарных областях она может привести к неблагоприятным последствиям. Например, известно, что генетический код един для всего живого, за малыми исключениями. Тем не менее, часто употребляется выражение «генетический код человека». Также в строительной механике имеется термин «диск» или неизменяемая часть конструкции, представляющая собой жесткий неподвижный элемент. Таким образом, объект, называемый диском, отнюдь не всегда имеет форму диска. Эти примеры показывают терминологический разброс в рамках различных дисциплин. Таким образом, при междисциплинарном и трансдисциплинарном подходах необходимо учитывать подобные различия. Кроме того, надо помнить о еще одном риске: узкая специализация, глубокие и детальные знания в одной сфере могут ввести специалиста в невольное заблуждение, что он столь же детально способен разобраться и в другой области. О сходном заблуждении писал еще Хосе Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» [1]. Чтобы избегать подобных ошибок, необходим, комплексный подход и системный взгляд, который может дать философия как методологическая рефлексия над различными науками и дисциплинами. Это огромная ответственность: философ, помимо базовых знаний должен обладать соответствующими кругозором и эрудицией. Более того, представитель любой науки, занимающийся философией, также должен обладать базовыми философскими знаниями и владеть ее методологическим аппаратом.

Возникает вопрос: когда же представитель естественной или гуманитарной науки становится философом? Если философия науки является рефлексией над основаниями науки и рассматривает ее наиболее значимые вопросы, то ответ может быть таким: ученый становится философом, когда он осуществляет эту рефлексию.

Среди видов рефлексии можно отметить следующие: рефлексию над целями, ценностями, средствами. Характерным примером рефлексии над целями является высказывание Роберта Бойля, когда он говорит, что рассматривает химию как философ. В то время как ранее целями химии провозглашались поиск золота, создание новых лекарств или совершенствование горного дела и металлургии, Бойль провозгласил ее основной задачей установление строение вещества. Иными словами, его взгляд превращает химию из прикладной науки в фундаментальную. Создание фундаментальной науки, выделение ее, является необходимым и

неизбежным этапом ее развития. Следовательно, философия в современном ее понимании в любом случае является неотторжимой частью современной науки, науки нового и новейшего времени. Это является совершенно очевидным, если вновь обратиться к античности и проследить от этого периода эволюцию науки.

Следуя концепции В. С. Степина [2], вплоть до Нового времени длился протонаучный период. Следуя и развивая концепцию о социокультурной нише науки, которую формулирует А. С. Кравец [3, с. 5–20], социокультурная ниша протонауки была слита с социокультурной нишей философии, мифологии, религии, и, разумеется, с практической деятельностью. Классическая наука тем и отличается от протонауки, что для нее свойственно соединение в систему фундаментальных и прикладных вопросов. Ее социокультурная ниша расширяется. Наука становится основой технических достижений. Развитие техники и технологий ускоряется, расширяется социокультурная ниша техники. При этом она пересекается с социокультурной нишей науки, возникают технические науки, что со временем приводит к определенным последствиям [4, с. 95–102]. От фундаментальной науки требуют быстрого практического выхода, часто не учитывая, что фундаментальные открытия сами по себе являются практическими результатами, хотя их материальная выгода не является очевидной. Анализ подобных проблем, рефлексии над эволюцией науки и техники и является одной из задач современной философии.

Литература и источники

1. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.e-reading-lib.com/ book.php?book=43015. – Дата доступа: 15.09.2020.

2. Степин, В. С. Философия науки / В. С. Степин. – М.: Гардарики, 2006.. – 384 с.

3. Кравец, А. С. Социокультурная ниша науки / А. С. Кравец // Физика в системе культуры. – М.: ИФ РАН, 1996. – С. 5–20.

4. Старжинский, В. П. Фундаментальная наука в социокультурном измерении / В. П. Старжинский, А. А. Спектор // Ученые записки ВГУ им. П. М. Машерова. – 2012. – Т. 13. – С. 95–102.

ПРИОРИТЕТЫ ИННОВАЦИОННОЙ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РЕСУРСА В СФЕРЕ ИКТ

В. П. Старжинский, Д. В. Кравченко

Экспорт высокотехнологичной продукции стал определяющим фактором в экономическом развитии парка высоких технологий (ПВТ). Способность воспринимать инновации и правильно организовывать инновационный процесс (превращать идеи в реализуемый на рынке товар)

выступила доминирующим условием для развития предприятий любого профиля. Существенно изменившиеся темпы смены старых технологий новыми потребовали внедрения наиболее эффективных форм организации инновационного процесса при наивысшей интеграции науки, производства и сбыта. Структура инновационного образования с учетом передовых практик потребовала переориентации высших учебных заведений, исследовательских институтов, создания специальных организаций и инициатив по поддержке предприятий инновационной направленности.

В условиях реальной хозяйственно-экономической деятельности, в которой функционирует и развивается ПВТ Республики Беларусь важно соблюсти баланс гармоничного, а значит, успешного экономического развития. Инновационное развитие ИТ-сферы включает в себя технологическую модернизацию – развитие высоких технологий в стране (как основное содержание современного хозяйственно-экономического комплекса), а также социальную модернизацию (где сферой преобразований являются общественные отношения и обслуживающие их социальные институты, обеспечивающие определенный тип социальных стандартов). При этом, проектирование и построение инновационной инфраструктуры центрировалось на приоритетах стартап-движения, венчурного финансирования, а также бизнес-образования в сфере ИТ-технологий.

Администрация ПВТ как субъект инновационной деятельности в качестве трендов модернизации рассматривает создание инновационной бизнес-среды, а также разработку новаций в сфере правовой, финансовой и налоговой политики. ПВТ как лидер инновационного предпринимательства готов предложить конкретные инструменты и средства инновационной модернизации интеллектуального ресурса Беларуси. Особую роль в инновационной реконструкции играет деятельность экспертно-аналитического совета (ЭАС), которая должна быть направлена на экстраполяцию опыта ПВТ на бизнес-среду страны в сфере ИТ-технологий. И, в частности, разработку методологии и инструментов по созданию инновационной бизнес-среды (нормативных документов, инструкций, кодексов установившихся практик и контроля за их соблюдением с последующим делегированием полномочий соответствующим субъектам).

ПВТ представляет собой новую и весьма результативную форму организации науки, образования и бизнеса – производства в сфере высоких технологий. Одним из ключевых факторов успеха, является создание наиболее благоприятной внешней и внутренней среды для инновационного развития. Проектирование внешней инновационной бизнес-среды включает следующие ифраструктурные приоритеты: государственные преференции, защиту прав интеллектуальной собственности, венчурное инвестирование, поддержку развития кадрового ресурса, кластерную

форму организации и др. К базовым элементам инновационной инфраструктуры как основы создания внутренней инновационной бизнес-среды относятся: бизнес-инкубатор, коворкинг, бизнес-акселератор, стартап-движение и др.

Важно определить миссию ЭАС при ПВТ. Она состоит в создании стратегии, инструментов и ресурсов для повышения практико-ориентированной и инновационной направленности научно-технологических разработок и образовательной деятельности в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и высоких технологий (ВТ) в РБ.ЭАС при ПВТ должен стать органом, осуществляющим планирование, оценку (анализ и экспертизу) в области реализации и развития основных бизнес-процессов ПВТ, долгосрочных и краткосрочных задач ПВТ, а также различного рода государственных программ и проектов в сфере ИКТ и ВТ в РБ.

Сформулируем основные приоритеты и задачи ЭАС при ПВТ:

– содействие в подготовке, анализе и экспертной оценке проектов решений администрации ПВТ и вышестоящих организаций и иных субъектов, заинтересованных в развитии сфер ИКТ и ВТ в Республике Беларусь;

– анализ и экспертная оценка проектов, касающихся реализации принципа ключевой роли государства в определении политики, а также средств государственной поддержки (налоговых и иных преференций) в сфере ИКТ и ВТ;

– проведение аналитики внутреннего и зарубежных рынков ИТ-технологий на предмет бенчмаркинга, вызовов и угроз, необходимой для понимания и прогнозирования трендов, планирования изменений в работе ПВТ;

– содействие в подготовке, анализе и экспертной оценке проектов по проблемам развития риск-ориентированного подхода к рынку криптовалют в Республике Беларусь;

– анализ и экспертная оценка проектов, касающихся развития венчурного финансирования, защиты интеллектуальной собственности и других государственных регулятивов в сфере ИКТ и ВТ;

– анализ и экспертная оценка перспектив реализации концепции инновационного образования, в том числе образовательных программ в чреждениях образования различного типа, связанных с развитием ИКТ и ВТ.

Определим стратегические приоритеты:

– выявление основных вызовов и угроз инновационной безопасности ПВТ и Республики Беларусь в сфере развития ИКТ и ВТ;

– разработка государственных целевых программ в сфере развития ИКТ и ВТ на ближайшую и отдаленную перспективу;

– содействие в подготовке, анализе и экспертизе различных

документов, отражающих научно-технологические инновации в сфере ВТ;

– анализ и экспертиза нормативно-правовых документов, регламентирующих инновационную деятельность в сфере развития ИКТ и ВТ;

– анализ и экспертиза новаций в форме отчетности, где наряду с показателями выполнения плана будут содержаться финансовые показатели прибыльности учреждения за счет инноваций;

– анализ и экспертиза новаций в формах оплаты труда в зависимости от прибыльности инновационных разработок.

Тактические приоритеты:

– определение задач ПВТ и Республики Беларусь в сфере развития ИКТ и ВТ на текущий год;

– осуществление классификации и типологизации фирм-резидентов ПВТ для выявления доминирующих трендов развития;

– анализ и экспертиза масштабов, темпов осуществления, результативности и др. показателей в сфере развития ИКТ и ВТ;

– анализ и экспертиза перспективности и вероятности успеха инновации: коммерциализации и масштабирования бизнеса;

– анализ и экспертиза степени инновационности госпрограмм, диссертаций, монографических исследований, научно-технологических разработок в сфере ИКТ;

– анализ и экспертиза бюджета и способов распределения венчурных фондов в сфере ИКТ;

– анализ и экспертиза степени разработанности бизнес-процессов (основных и вспомогательных), а также бизнес-модели в соответствующем структурном подразделении учебных и научно-исследовательских учреждений;

– анализ и экспертиза степени разработанности и внедрения отделов прототипирования во всех структурных подразделениях учебных и научно-исследовательских учреждений (смысл данной новации состоит в определении степени реализуемости проекта, поскольку создание прототипа – быстрый, малозатратный процесс, который дает возможность для анализа работы системы в целом; для бизнес-услуги прототип может быть представлен в виде презентации, отражающей реализацию сценария).

В заключение отметим, что ЭАС разработаны также приоритеты в образовательной и научно-исследовательской сферах, методология создания внутренней инновационной среды, которые, несмотря на их детальную проработку, требуют дальнейшего широкого обсуждения.

ЗАКОН ОПЕРЕЖЕНИЯ ПРОГРЕССОМ ЧЕЛОВЕКА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА: В КОНТЕКСТЕ НООСФЕРНОГО ГУМАНИЗМА

А. И. Субетто

Концепция Закона опережения прогрессом человека научно-технического прогресса была изложена автором впервые в научном докладе на VI Международной научно-практической конференции «Человек и научно-технический прогресс в социально-экономической парадигме будущего», посвященной 100-летию Финансового университета при Правительстве РФ, состоявшейся 6 марта 2019 года в Москве [1].

Почему автором сформулировано теоретическое положение об опережении прогрессом человека научно-технического прогресса как о законе будущего развития человека на Земле и в Космосе?

Во-первых, потому что человечество в конце XX века вступило в первую фазу глобальной экологической катастрофы, которая одновременно может трактоваться как наступивший предел стихийной эволюции человека (развития методом проб и ошибок), когда свобода человека, согласно Ф. А. Хайеку, базируется на невежестве [2, с. 30]). Принцип «не ведаем, что творим», с точки зрения автора статьи, является последствием невежественной свободы, рыночно-капиталистической системы хозяйствования, отрицающей планирование и управление, приведшей человечество к порогу экологической гибели в XXI веке.

Во-вторых, если человек, являющийся творцом техники и социальных условий развития, теряет контроль над результатами своей деятельности, то последствия неизбежны. Эти последствия проявляются в рыночно-капиталистических отношениях, приводящих к отчуждению человека от себя, «творимой» им техники, природы. Предел рыночно-капиталистического отчуждения приобрел форму первой фазы глобальной экологической катастрофы, который, если не будет преодолен путем перехода к ноосферному, экологическому духовному социализму и снятия всех форм отчуждения человека (с последующим превращением его в субъекта и творца истории), то приведет к экологической гибели, возможно, уже в XXI веке. О том, что «культ» техники, «слепое машинопоклонство», отсутствие ответственности человека за принятые им решения могут привести к гибели человечества, предупреждал еще в 1966 году «отец кибернетики» Н. Винер [3, с. 326].

В-третьих, в условиях рыночной формы отношений и повсеместного использования техники, функционирование науки приобретает антиэкологический, направленный против жизни характер, о чем еще в 1974 году предупредил человечество Б. Коммонер: технологии на базе частной собственности уничтожают главное богатство человечества –

экосферу [4]. Вслед за ним Р. Гудленд, Г. Дейли и С. Эль-Серафи сделали доклад в 1991 году, в котором вынесли Мировому банку следующий вердикт: «в условиях уже заполненной земной экологической ниши рыночный механизм развития экономики исчерпал себя» [5, с. 9]. Человечество живет в «пространстве» эколого-рыночно-капиталистической гибели и, не понимая этого, продолжает «молиться» тому «богу денег», против которого в статье «К еврейскому вопросу» выступал К. Маркс [6, с. 408].

С точки зрения автора, трансгуманизм, технократические модели будущего, философские «изыски» на темы «техно-киборгического» будущего и человеческого бессмертия отражают экологическое «безумие» «корыстного мира», о котором в свое время предупреждал Н. А. Бердяев: «мне кажется, в корыстном интересе таится безумие» [7, с. 470].

С экологическим концом стихийной истории закончит существование культура, оставляющая после себя пустыню (К. Маркс), гуманизм и философия, защищающие стихийные формы развития и взаимодействия человека с природой. Пути спасение человечества, с точки зрения автора, можно найти в ноосферном социализме и гуманизме, в рамках которых человек является управляющим социоприродной эволюцией субъектом, несущим ответственность за все живое на Земле, а в будущем – и в Космосе. Закон опережения прогрессом человека научно-технического прогресса – одно из важнейших онтологических оснований стратегии выживания человечества и его будущего ноосферного развития.

Литература и источники

1. Субетто, А. И. Закон опережения прогрессом человека научно-технического прогресса // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Человек и научно-технический прогресс в социально-экономической парадигме будущего», 6 марта 2019 г. / Финасн. унив-т.: под науч. ред. А. В. Воронцова – СПб.: Астерион, 2019.

2. Хайек, Ф. А. Познание, конкуренция и свобода / Ф. А. Хайек. – СПб.: Пневма, 1999. – 288 с.

3. Винер, Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. – 2-е издание. – М.: Наука, 1983. – 344 с.

4. Коммонер, Б. Замыкающийся круг / Б. Коммонер. – Л.: Гидрометеоиздат, 1974. – 280 с.

5. Зубаков, В. А. Эндоэкологическое отравление и эволюция: стратегия выживания (К саммиту ООН «Рио+10»). – СПб.: 2002. – 86 с.

6. Маркс, К. Собр.соч. в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Т. 1.

7. Бердяев, Н. А. Русская идея, основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. – М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. – 541 с.

НООСФЕРНАЯ ПАРАДИГМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ НАУКИ XXI ВЕКА

А. И. Субетто

На рубеже 80-х – 90-х годов XX века глобальный экологический кризис, который возник на рубеже 50–60-х годов, перешел, по оценке автора, в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы [1]. Сам факт вхождения человечества в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы определил начало Эпохи Великого Эволюционного Перелома [2] и одновременно наступившие Экологические Пределы всей Стихийной парадигме Истории человечества, в том числе – всей рыночно-капиталистической системе хозяйствования на Земле, которая превратилась в систему экологического самоубийства человечества.

Возникший императив выживаемости человечества как императив его выхода из сложившегося Экологического Тупика Стихийной Истории, есть императив перехода к Ноосферной парадигме Истории в виде управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта, научно-образовательного общества и Ноосферного Экологического Духовного Социализма. Этот новый путь развития человечества, который связан с «Родами Действительного – Ноосферного – Разума». Его научно-теоретическое обоснование, включая и разработку обеспечивающих механизмов, в том числе синтеза единой ноосферной науки о человеке, обществе и природе и становления ноосферного непрерывного образования, автор назвал Ноосферизмом [1, с. 3–5].

Почему речь идет о «Родах Действительного – Ноосферного – Разума» и соответственно – о «Родах Действительной – Ноосферной – Науки», как базы становления такого Разума? Потому что вся История человечества до сих пор, которую Маркс назвал «предысторией», развивалась стихийно, под «защитным зонтиком» производства негэнтропии Биосферой, намного превышавшем производство энтропии (К. Маркс: культура, которая развивается стихийно, оставляет после себя пустыню) социальным человечеством. Скачок в энергетике миро-хозяйственного природопотребления на семь порядков в среднем за XX-й век («Большой Энергетической Взрыв» в социальной эволюции) поставил предел Биосферной парадигме устойчивого развития.

Наступила Эпоха перехода Биосферы в Ноосферу, т. е. в такое качество Биосферы, в которой коллективный Разум человечества встраивается в гомеостатические механизмы Биосферы и начинает управлять Социо-Биосферной Эволюцией, соблюдая законы-ограничения, отражающие действие этих гомеостатических механизмов.

Человеческий разум должен стать разумом, управляющим социоприродной эволюцией, перейти из состояния «Разум-для-Себя» в

состояние «Разум-для-Биосферы, Земли, Космоса». Наступила эпоха, в определении Н. Н. Моисеева, «расставания с простотой» [6], и, одновременно, расставания со сложившейся системой представлений о рационализме.

Не могут считаться рациональными ни человек, ни наука, ни вся система рыночно-капиталистического бытия человека на Земле, которые породили первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы.

Рационализм становится ноосферным, т. е. рационализмом, который постоянно тестируется самым главным критерием – качеством управления социоприродной эволюцией, отвечающим требованиям открытого автором закона интеллеткно-информационно-энергетического баланса, который формулируется так [3, с. 23]: чем больше со стороны хозяйства социальной системы по своей энергетической мощи воздействие на живое вещество и гомеостатические механизмы Биосферы, тем с большим лагом упреждения должно быть обеспечено прогнозирование возможных негативных экологических последствий от такого воздействия и тем с большим лагом упреждения должно быть научное управление социоприродной эволюцией.

Речь идет о ноосферной парадигмальной революции в философии, науке, культуре, экономике, в форме бытия Разума человека на Земле. «Разум есть дух, так как достоверность того, что он – вся реальность, возведена в истину, и разум сознает себя самого как свой мир, а мир – как себя самого», – писал Г. В. Ф. Гегель [7, с. 253], 250-летие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году. Теперь мало этого осознания разумом самого себя, и всей реальности в себе. Кончилась стихийная, «предысторическая» форма его бытия. Он должен стать ноосферным, управляющим Разумом. Если этого не произойдет, если не произойдут «Роды Действительного Разума», то он исчезнет с лица Земли как «Анти-Разум», т. е. экологически самоуничтожающийся разум, не осознав свое эволюционно-ноосферное предназначение.

Рационально то, что обеспечивает высокое качество управления социоприродной эволюцией. Мы стоим на пороге осознания ноосферной парадигмы рациональности науки XXI века.

Литература и источники

1. Субетто, А. И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. – СПб.: КГУ им. Н. А. Некрасова, КГУ им. Кирилла и Мефодия, 2001. – 537 с.

2. Субетто, А. И. Эпоха Великого Эволюционного Перелома. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – 88 с.

3. Субетто, А. И. Роды Действительного Разума / Под науч. ред. Л. А. Зеленова. – СПб.: Астерион, 2015. – 200 с.

4. Субетто, А. И. Целостность отечественной гуманитарной науки в XXI веке как единой ноосферной науки о человеке: научный доклад на Международной

научной конференции «Формирование целостной отечественной гуманитарной науки на системных основаниях», Москва, 25 февраля 2020 г. / Под науч. ред. Л. А. Зеленова. – СПб.: Астерион, 2020.

5. Субетто, А. И. Ноосферизм – новая обобщающая научная идея и новая парадигма истории человечества / А. И. Субетто, П. Шанти Джаясекара, В. В. Лукоянов // Научные доклады на IX Всемирном Научном Конгрессе (Россия – Шри-Ланка – Великобритания) / Под науч. ред. А. А. Горбунова. – СПб.: Астерион, 2017.

6. Моисеев, Н. Н. Расставание с простотой – М.: АГРАФ, 1998. – 480 с.

7. Гегель, Г. В. Ф. Система наук. Часть первая. Феноменология духа // Перев. Г. Шпента. – СПб.: «НАУКА», СПб. отд-ние, 1992.

ИМПЕРАТИВЫ ВЫЖИВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА, ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА В XXI ВЕКЕ

А. И. Сыкало

Стихийное развитие социума в направлении к «все более полному удовлетворению непрерывно растущих потребностей» породило антагонистические противоречия в системе *человек-техносфера-общество*, вылившиеся в глобальную цивилизационную катастрофу. Варианты социогенеза в XXI веке свелись к единственной цели – выживание ради развития, что, предположительно, нивелировало геополитические, национальные, групповые или личные цели, либерально-демократичекие ценности. Дальнейший путь развития может быть *эволюционным* – при всеобщем и добровольном переходе от адаптации в обществе наживы и насилия к ноосфере, обществу управления человеком коэволюцией материи и сознания; *революционным* – в войне цивилизаций между противниками и сторонниками такого перехода.

Современное общество живет по юридическим законам, написанными с целью ограничения некоторых прав и возможностей людей, что, с точки зрения автора, создает растущее социальное неравенство. В то время как наука открывает законы, объективно существующие и обеспечившие 13 млрд. лет устойчивого развития (УР) вселенной. Общепринято мнение, что законы природы не распространяются на общество и становление личности, с их свободой воли и социализацией, на мой взгляд, являются заблуждением или одним из таких «мифов», как непрерывный экономический рост, принцип максимизации прибыли и др., которые привели земную цивилизацию к катастрофе.

Последние события в Беларуси – часть войны цивилизаций в современном мире, и выжить в ней малые страны смогут лишь в общем цивилизационном формате Ноосферы, приняв «диктатуру» законов

природы в виде экологического и этического императивов, как неизбежное условие УР человека, природы и общества. Как один из разработчиков Национальной стратегии устойчивого развития 2020 (НСУР-2020), вынужден констатировать, что за истекшие 15 лет Беларусь сделала, как и весь мир, шаг вперед и два шага назад на пути к УР. Принятая в Беларуси НСУР-2030 дальше от целей УР, чем НСУР-2020, поскольку она лишена научного понимания механизмов, логики и целей, критериев необходимости и достаточности, на основании которых реализуется проект. Тем не менее, по мнению автора, возможность остановить «сползание» человечества в пропасть глобальной цивилизационной катастрофы существует.

Что необходимо для этого?

Сменить такие ложные «ценности», как успешность и богатство, порождающие с неизбежностью коррупцию и иные экономические преступления в условиях рыночной конкуренции, разрушившие социум и планету, на ценности универсального эволюционизма – истину и справедливость, перейдя от конкуренции к партнерству при движении к единым для человека и общества целям. Обеспечить переход от потребления к цивилизации, ориентированной на экспансию жизни и разума во Вселенной.

Необходимо остановить растущую глобальную дегуманизацию населения, перейдя от предметного образования к проблемному, основанному на экологоориентированной системе ценностей и целей. Передать искусственному интеллекту управление цифровой экономикой для удовлетворения потребностей каждого жителя Земли «на уровне человеческого достоинства», ликвидировав социальное неравенство. Человечеству, чтобы выжить и вернуться к УР, нужно за оставшиеся до точки невозврата годы (а не десятилетия) решить семь глобальных проблем, созданных техногенной цивилизацией:

1. очистить планету от техногенных загрязнений;
2. восстановить биоразнообразие и природный круговорот веществ;
3. создать систему замкнутых безотходных технологий;
4. восстановить энергетический баланс планеты;
5. восстановить темпоральный гомеостат;
6. восстановить информационный гомеостат;
7. восстановить фрактальную симметрию биосферы и социума.

При построении дорожной карты реабилитации планеты необходимо ответить на ряд вопросов: состояние атрибутивных гомеостатов планеты, обоснование и формулировка цели по каждому из них, расчет необходимых и достаточных атрибутивных ресурсов, определение иерархии критериев, индикаторов и приоритетов, необходимых и достаточных для достижения УР. Нужна гуманитаризация технологий и встречная алгоритмизация социума – слияние естественнонаучного и

гуманитарного знания в одну науку о человеке.

Вероятность спасения Э. Фромм оценивал в 2% в 1977 г. За последние 50 лет объективные причины и механизмы краха цивилизации, как и возможность возврата мира к УР, из категории догадок и благих пожеланий переместились в сферу научного предвидения и расчета. В результате все больше исследователей рассматривают 2025 год как точку невозврата в цивилизационной катастрофе.

Цена проекта спасения намного больше, чем потратила за последние 300 лет цивилизация потребления на свои нужды, ошибки, преступления и заблуждения. Исправление ошибок всегда бесприбыльно и затратно. Поэтому капитализм, создавший катастрофу, не обеспечит возврат от принципа максимизации прибыли к принципу наименьшего действия.

Осуществление перечисленных проектов не возможно без институциональных решений. Целевое использование частных капиталов, сворачивание большинства сегментов глобальной экономики вне пределов обозначенных задач, установление социальной справедливости в сфере потребления, восстановление темпорального и информационного гомеостатов обеспечат необходимый и достаточный объем ресурсов для спасения планеты.

Отсутствие единой политической воли и приверженность парадигме потребительства большинства населения и правящих элит исключает их субъектность в новой глобальной экополитике. В повестке НСУР-21 декларировали, но не реализовали экологический императив, не остановили цивилизационную катастрофу. Этический императив пока остается вне общественного сознания без осмысления и исполнения. Остатки ресурсов планеты расходуются не на цели перехода к новому цивилизационному формату, а на потребительсво и насилие. Действия людей вступают в растущее противоречие с императивами законов природы. Декларативные шаги по переходу к УР планеты без радикальных институциональных изменений, без теории и дорожной карты, учета необходимых и достаточных ресурсов – не более чем имитация такого перехода.

Человечество создало угрозу вселенской гибели жизни и разума на Земле в точке встречи невероятных космических и исторических условий и обстоятельств. Остается надеяться на инстинкт самосохранения и разум людей, внявших аргументам науки и призывам экологов, «ужаснуться, чтобы хлебнуть отваги», и суметь успеть ликвидировать растущую дегуманизацию и невежество.

Наука гарантирует при переходе к ценностям истины и справедливости не ограниченное во времени и пространстве развитие жизни и разума. Мы сегодня в точке выбора между позорной гибелью человечества и вечным развитием. Цена – отказ от капитализма, частной собственности и конкуренции, переход от адаптации к управлению

коэволюцией материи и сознания на основе диктатуры объективных законов самоорганизации.

Наука в состоянии обеспечить выживание человека и общества, их развитие на принципах истины и справедливости. До точки невозврата осталось 5–7 лет, но уже необходимо восстановление атрибутивных гомеостатов. Главная угроза современности – это рост неопределенности и нарушение фрактальности в гибридной войне цивилизаций. Столкновения и войны цивилизаций, о которых пишут и говорят несколько сот лет, должны закончиться в ближайшие годы. К таким выводам приводит знакомство с мнением авторитетных лиц и ряда организаций: Экологическая энциклика Папы римского, доклад Римского клуба (2018), доклад Генерального секретаря ООН о кризисе капитализма и необходимости нового гражданского договора, а также аналогичные мнения лидеров крупных европейских стран. В совокупности с неспособностью развитых стран преодолеть трагедию пандемии covid-19, растет понимание ведущей роли капитализма в развитии глобальной цивилизационной катастрофы и его неспособности остановить ее и восстановить благополучие на планете.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ДИНАМИКИ ИЗМЕНЕНИЙ В ТЕХНОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ И ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Н. М. Твердынин

На протяжении более ста лет с выхода альманаха «Вехи» не утихает полемика, связанная с поставленными в этой книге проблемами о роли интеллигенции социально-политической и культурной жизни общества. Практически все проблемы, затронутые тогда не потеряли своей актуальности и сегодня. Об этом свидетельствуют постоянные переиздания [1]. Не смотря на произошедшую за последнее столетие коренную трансформацию социально-культурного пространства, вопросы о роли интеллигенции постоянно остаются востребованными при рассмотрении таких процессов как социальная динамика социума, обусловленная как эволюционными, так и революционными процессами, связанными со множеством экономических, политических и других причин.

При рассмотрении генезиса того или иного явления современной общественной жизни в постсоветский период во всех странах бывшего Советского Союза нельзя не обратить внимания на ряд общих закономерностей в трансформации взглядов интеллигенции как на исторические события, так и на отношение к другим структурным составляющим социального пространства на протяжении всего периода,

насчитывающего более ста десяти лет последних полутора веков.

Такие резкие перемены происходят пусть и не слишком часто, но всегда бывают с переменам или глобального порядка (революции), или значительными политико-экономическими сдвигами в жизни страны. Не случайно после либеральными эмигрантами в 1921 году в Праге видными представителями русской либеральной эмиграции был издан сборник «Смена вех» (Следует отметить, что, как и Вехи эта книга вызвала острую критику как слева, так и справа.). В дальнейшем подобных сборников, которые имели бы всеобъемлющий резонанс, как в обществе в целом, так и в сообществе представителей общественных наук не было, но количество публикаций на аналогичную тематику (роль интеллигенции в жизни социума) в годы, социально-политических перемен резко возрастало. При этом всегда существовал некоторый период (обычно два – четыре года), между изменением в общественной жизни и осмыслением его интеллектуалами, выражавшейся, главным образом, в резком возрастании публикационной активности, пик которой резко возрастал, а затем постепенно проходил.

Примечательно, что практически любое значимое общественно-политическое событие, которое происходило на просторах Российской империи, а затем Советского Союза и постсоветского пространства приводило к резкой трансформации системно-ценностных предпочтений во взглядах интеллигенции, так и его интеллектуального ядра, практически полно меняя системо-ценностные оценки действительности. Следует отметить, что публикаций по данной проблематике имеются очень и очень много. Но эти работы носят в описательно-исторический характер, констатируя сложившее положение в отношениях интеллигенции и общества, вплоть до мнения об исчезновении интеллигенции в прежнем понимании этого слова [2, с. 53–59] на рассматривают взаимоотношения отдельных «сегментов» интеллигентского сообщества [3, с. 153–155], причем обе процитированные работы имеют четко выраженную «республиканскую» направленность, хотя затронутые в них вопросы характерны не только для Украины, но для всего постсоветского пространства.

Прогнозы, сделанные на основании историко-философского анализа относительно будущего образованной части российского и в целом постсоветского общества, характерны скорее для авторов дальнего зарубежья. Безусловным литером среди них является известный американский историк науки и социолог Лорен Грэхэм.

Представляется, что минимизация прогностического начала связана в работах, посвященных феномену интеллигенции, связана с отсутствием соответствующих моделей. Автор данной публикации на протяжении последних лет ведет разработку модельных представлений об эволюции и характере трансформации аксиологических особенностей интеллигенции

как социального феномена. Первые предварительные результаты были опубликованы в пролом году [4, 238–242].

Основной целью исследования, является построение модели развитие процессов взаимодействия интеллектуального ядра общества с остальными представителями общества, в мировосприятии которых научное восприятие окружающей действительности превалирует над картиной, создаваемой обыденным сознанием.

Основными положениями, на которых базируется эта социально-философская модель являются следующие:

– интеллигенты и интеллектуалы рассматриваются как части одного «множества». При этом интеллектуалы представляют его центральную часть, если представлять эти две категории в виде единого объема с переменной «плотностью»;

– фундирующей составляющей для такого «множества» является временная характеристика, позволяющая не выходить за рамки принципа историзма;

– относительно координаты времени данное «множество» непрерывно меняет свою форму. Количество «подмножеств», соответствующих различным категориям интеллигентов и интеллектуалов различающимся по сфере их профессиональной деятельности постоянно меняется, но всегда остается равным всему «множеству»;

– в «множестве» происходят процессы изменения «плотности» его отдельных составных частей, отвечающих изменению социальной значимости различных профессиональных групп и других социальных структур;

– качественный состав и влияние составных различных интеллигенции и ее интеллектуальной элиты на процессы происходящие в обществе на являются пропорциональными их количественному составу;

– нельзя применять в рамках данной модели механический перенос приемов формализации из математики, естественных и технических наук.

Продолжение данной работы, как представляется, поможет приблизится не только к пониманию того, почему интеллигенция очень часто заводит в поисках истины и справедливости свой народ далеко не туда, куда изначально предполагалось в самых благих построениях и предположениях, но и позволит изначально предсказывать причины возникновения зон социальной нестабильности. Это поможет обществу избегать таких социальных катаклизмов как цветные революции, развитие негативного восприятия существующей реальности без попыток решить накопившиеся проблемы путем общественного диалога, а не загонять спорные ситуации в тупик, действуя в отрыве от интересов всего народа. Именно о таком отрыве предупреждали авторы «Вех», но, к сожалению, практика общественной жизни чаще всего являет нам обратное.

Литература и источники

1. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М.: РИПОЛ классик. 2020. – 330 с.

2. Гуцуляк, О. Дискуссия об исчезновении интеллигенции // Феномен української інтелігенції в контекстіглобальних трансформацій (до 100-річчя заснування ДВНЗ «Донецький національний технічний університет»): матеріали ІІІ Всеукраїнської науково-практичної конференціїз міжнародною участю, Покровськ, 9–10 квітня 2020 р. / Переднє сл. М. Кашуба, відп. ред. М. О. Нікульчев – Покровськ, 2020. – 205 с.

3. Сафонік, Л. «Інтелігент» й «інтелектуал»: питання розрізнення // Феномен української інтелігенції в контекстіглобальних трансформацій (до 100-річчя заснування ДВНЗ «Донецький національний технічний університет»): матеріали ІІІ Всеукраїнської науково-практичної конференціїз міжнародною участю, Покровськ, 9–10 квітня 2020 р. / Переднє сл. М. Кашуба, відп. ред. М. О. Нікульчев – Покровськ, 2020. – 205 с.

4. Твердынин, Н. М. Техническая и гуманитарная интеллигенция в России: вчера, сегодня завтра // Российская идентичность: социокультурный контекст. Сборник научных статей по итогам Международной научной конференции. – М., 2019. – 252 с.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИТУАЦИИ ПРИ СМЕНЕ ТИПОВ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Т. Е. Титовец

Содержание образования и категориальный аппарат педагогической науки претерпевают постоянные изменения в связи с парадигмальными сдвигами в методологии научного исследования, обусловленными переходом от классической к неклассической и постнеклассической рациональности [2]. Смена научной парадигмы отражается на подходах к пониманию образовательной ситуации как системы. Под образовательной ситуацией мы будем понимать совокупность условий и обстоятельств, которые определяют характер образовательной деятельности и позволяют раскрыть жизнедеятельность человека во всей ее целостности, объединяя средства обучения и воспитания в более целостные комплексы влияния на личность, способствуя ее всестороннему развитию [1]. Раскроем результаты проведенного нами герменевтико-аналитического исследования по данной проблеме.

При изначально существовавшей концепции элемантаризма, когда целое считалось равным сумме частей, любая образовательная ситуация интерпретировалась как процесс целенаправленного создания образовательного продукта (решения задач обучения или воспитания), который зависел от суммы педагогических воздействий, имевших место в этой ситуации. С концепцией холизма, при которой целое считается

больше суммы частей, образовательная ситуация стала оцениваться по-иному: предметом повышенного внимания стало сочетание тех педагогических факторов, которые в сумме могли обеспечить намного больший развивающий эффект в образовательном процессе (например, доверительные отношения между педагогом и воспитуемым в сочетании с предоставлением воспитуемому права быть первооткрывателем и творцом своей идеи и т. д.).

Синергетическая концепция подняла интерпретацию образовательной ситуации на еще более высокий уровень: все структурные элементы образовательные ситуации (стиль педагогического общения, репертуар педагогических ролей, стиль учебной деятельности обучающегося, учебно-воспитательная задача, педагогические средства, и т. д.) стали рассматриваться как элементы единой системы, которые влияют друг на друга по принципу круговой причинности (учебная задача определяет выбор педагогического средства, и наоборот, выбранное педагогическое средство может косвенно повлиять на звучание поставленной задачи, стиль профессиональной деятельности педагога и другие составляющие образовательной ситуации).

Наблюдаемая в истории науки парадигмальность в выборе объекта научного познания также отзеркаливает смену единиц анализа в образовательных ситуациях. Изначальная направленность научного познания на объект (как «вещь в себе») коррелирует с научно-педагогической традицией оценивать в образовательной ситуации, прежде всего, поведение субъекта и объекта образовательного процесса и продуктов образовательной деятельности. Как только интересом научного познания становится абстрактный объект, в теории и практике образования единицами анализа становятся более абстрактные научные категории, и образовательная ситуация начинается оцениваться с позиции таких параметров как психологический комфорт участников образовательного процесса и качество образовательной среды, динамика образовательных результатов (а не просто соответствие результата эталону), личностный рост субъектов и т. п. Как только приоритеты научного познания смещаются от абстрактного объекта к конструкту (сконструированной с помощью мышления реальности), предпринимаются попытки создания функционально-теоретических моделей проектирования образовательной ситуации с целью их применения в образовательной практике.

С возникновением новых типов научных законов, обусловленных сменой научной рациональности, меняется представление о прогностической функции создаваемых образовательных ситуациях. Жесткий детерминизм, характеризующийся тенденцией устанавливать однозначные причинно-следственные связи между педагогическим воздействием и образовательным результатом, отражает исторический этап развития педагогики, когда были обоснованы первые педагогические

закономерности, сформулированы педагогические принципы, составлены классификации педагогических методов и определено четкое место каждого педагогического новшества в развитии тех или иных составляющих образованности растущей личности. Описание и интерпретация образовательных ситуаций строго подчинялись выявленным закономерностям.

При вероятностном детерминизме и возникновении статистических и вероятностных законов стало признаваться, что создаваемые образовательные ситуации могут иметь лишь вероятностный характер и не гарантируют однозначный образовательный результат, на который они нацелены. Но в целом, создаваемая образовательная ситуация позволяет прогнозировать возможные последствия для большинства вовлеченных в нее участников.

С распространением концептов детерминированного хаоса связи между педагогическими явлениями стали рассматриваться как резонансные, зависимые от сочетания множества факторов и случайности, а научные законы – как идеализация реальности. При такой модальности понимания каузальности эффективность любого педагогического метода или средства стала больше зависимой от его сочетания с другими составляющими образовательного процесса (атмосферы уважения и привязанности, индивидуального опыта учебной деятельности обучающегося и др.), чем от степени соответствия назначения данного метода поставленной учебно-воспитательной задаче.

Смена базовой характеристики языка научного познания от текста к контексту и интертексту также соответствует закономерным изменениям в описании образовательной ситуации. Прежняя ориентация на текстовую характеристику языка поддерживала сжатую форму изложения образовательной ситуации, в которой легко распознавались педагогические принципы, хрестоматийные примеры из педагогической теории и научный аппарат педагогической науки, которые в описанной ситуации позволяли сделать однозначный вывод о компетентности педагога. Усиление контекстной характеристики языка добавило элемент неоднозначности в описание образовательных ситуаций. Они приобрели схожесть с кейсами, в которых нужно учитывать основные контексты обучения и воспитания растущей личности (индивидуальные особенности обучающегося, характер его отношений с педагогом, отношение к учебной проблеме и др.). С возникновением интертектности контекст образовательной ситуации еще более расширился и стал включать влияние на участников образовательного процесса средств массовой информации и имеющегося у них уровня медиаграмотности, влияние семьи, этнических традиций воспитания, особенностей здоровья самого обуча.щегося. Контекст образовательной ситуации стал междисциплинарным.

Смена доминирующего дискурса в методологии научного

исследования не прошла бесследно для педагогических традиций в выборе предпочтительной формы образовательной ситуации. При дедуктивном дискурсе образовательная ситуация была чаще представлена дидактико-ориентированными форматами работы с обучающимися, в которых соблюдалась четкая последовательность обучения, начиная от освоения новой информации (чаще от общего к частному и через логические заключения) к ее закреплению на практике и переносу в новые ситуации. При частично структурированном дискурсе в образовательную ситуацию вносится элемент спонтанности, игры, экспериментирования, проблематизации. Нарративный дискурс стержневым элементом образовательной ситуации делает обучение и развитие посредством истории (нарратива), выражающееся в учебных проектах и квестах, геймифицированных формах организации учебного процесса, театрализованных образовательных действиях, разыгрывании сценариев, авторской учебной режиссуре, детской научной журналистики и др.

Таким образом, для современных образовательных ситуаций характерны такие признаки как гибкий сценарий, связь с личным опытом и интересами обучающихся, направленность на овладение новыми средствами и способами взаимодействия с миром, проявление самостоятельности и творчества обучающихся.

Литература и источники

1. Ильин, Е. П. Психология общения и межличностных отношений / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2009. – 576 с.

2. Степин, В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В. С. Степин // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.

КОНФЛИКТ И КОНФРОНТАЦИЯ В ДИСКУРСЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

О. А. Туркина

Дискурс гуманитарного знания – философские, социологические, политологические, психологические, психолингвистические, собственно лингвистические, дискурс-лингвистические и конфликтологические работы – дают нам как исследователям дискурса основания для понимания того, что есть конфликт и конфронтация как коммуницируемая идея, явление, деятельность. Соответственно, в рамках такого прототипического прочтения объекта нашего исследования как явления, идеи и деятельности для нас представляется важным реконструировать модель коммуникации, операциональные категории изучаемого нами явления и то, как они представлены коммуникантами в ситуации соперничества.

Мы ставим одной из основных наших задач реконструировать ключевые категории конфликта и конфронтации из оригинальных текстов исследователей и с опорой ни них предложить теоретическую модель конфликта, которую сохранили тексты тех, кто занимался данной проблематикой.

Для построения теоретических моделей конфликта и конфронтации осмысливается опыт гуманитарного знания в контексте изучения данных явлений и реконструируются ключевые категории дефиниций этих понятий. На основании этих категорий строятся модели, которые осмысливаются в сопоставлении, в результате чего выделяются повторяющиеся категории и изучается специфика их репрезентации в разных дисциплинах.

Из работ философов и социологов (Аристотеля, Платона, Гераклита, Н. Макиавелли, Т. Гоббас, М. Вебера, К. Маркса и др.) в качестве ключевых операционализаторов прототипической модели конфликта стали, *во-первых*, участники и их характеристики, маркируемые вербально, *во-вторых,* специфика и характеристики конфликта, развивающегося в реальном и в вербальном пространствах, *в-третьих*, причинно-следственные отношения в контексте взаимодействия конфликтующих сторон [1, с. 10 −12].

Работы конфликтологов (Е. М. Бабосова, Ю. Ю. Вейнгольда, Н. Ф. Вишняковой) и политологов (Р. Дарендорфа, Ю. Г Запрудского А. В. Глуховой) в контексте политологической модели дополнили категорию «участники конфликта» позициями *цели – отношения – роли участников конфликта* [1, с. 12].

Работы психолингвистов и социолингвистов (А. А. Леонтьева, А. Е. Супруна, А. Р. Лурии, Н. Б. Мечковской, С. Г. Ильенко, К. Ф. Седова, И. А. Бубновой); представителей когнитивно-лингвистического (Е. С. Кубряковой, Ю. Д. Апресян, Т. А. Голиковой), лингвокультурологического (А. А. Лукашанца, А. А. Кожиновой, Л. В. Рычковой) и функционально-стилистического (С. Гайды, А. К. Михальской, Е. Н. Василенко) направлений, прагмалингвистов (М. Л. Макарова, Д. Г. Богушевича, О. С. Иссерс) в контексте психолингвистического знания и теории речевой деятельности позволили операционализировать ранее полученную модель конфликта категориями *языковая личность, языковые средства агрессии, разрядка*, специфицирующие адресанта.

В социолингвистической модели коммуникации фокусируется внимание на коммуникативной ситуации, коммуникативной компетенции, репертуаре языковых средств, речемыслительном сознании (тождество / несовпадение), а также кодексе речевого поведения, привлекая в модель ситуацию, социальный контекст как интегрирующий компонент [1, с. 17 − 25].

Коммуникативная лингвистика с опорой на лингвистические, социологические и культурологические основания развивает *идею взаимодействия в конфликте*: о нормах поведения конфликтующих, структуре знания о коммуникативной ситуации конфликта и др. Вербальное проявление конфликта сопряжено с невербальным. В результате в конфликте и соперничестве рождаются концепты «Я», «Мы», «Другие», которые, согласно теории социального и лингвистического знания, значимы для изучения сути, протекания и результата конфликта. Языковые, речевые, дискурсные миры коммуникантов в их специфике и образовании противостоящих групп «Свой» − «Чужой» получают свою операционализацию с развитием опыта изучения конфликта лингвистами-когнитивистами, прагмалингвистиами, лингвистами-текстологами (W. U. Dressler, R. A. de Beaugrande) и дискурсологами [2].

Изучение соперничества как коммуникативного явления неизбежно выводит исследователя на изучение структуры и типологии, а также вербальных маркеров дискурс-лидерства. Опыт каузально-генетического подхода (КГП) для изучения данного типа дискурса актуален, поскольку методологический аппарат изучения дискурса в его рамках строился на материале дискурса политических лидеров, где общим для обоих типов дискурса является вопрос лидерства [3].

Учитывая жесткую взаимосвязь в прототипической модели участников конфликта и само протекание конфликта, мы увидели необходимость единения методик дискурс-портретирования (ДП) и реконструкции дискурс-картины мира (ДКМ). Так, в методологическое основание работы по многоплановому изучению конфликта и конфронтации как его разновидности мы предлагаем интегрировать обе вышеуказанные методики, разработанные в КГП. Обе методики подвергаются тематизации (тема как единица анализа, репрезентированная вербальными маркерами). Темы в их пересечении образуют тематическую матрицу, которая и есть основание ДКМ. Соперник выстраивает свою ДКМ, надевая на себя маски, принимая роли, имея цели, вступая в отношения с Другими, демонстрируя свое видение действительности. Находясь в поле лингвистики дискурса, мы изучаем «дискурсную личность» (ДП) и «дискурсный мир» (ДКМ) [4]. Пересечение этих «миров» и «отношений» субъектов позволило увидеть наш объект исследования − конфликт − в прототипической целостности и функциональной вариативности.

Литература и источники

1. Туркина, О. А. Дискурс конфронтации-соперничества: реконструкция и моделирование / О. А. Туркина. – Минск: РИВШ, 2017. – 142 с.

2. Dressler, W. U. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, Niemeyer, 1981 (translated into English). Introduction to textlinguistics / W. U. Dressler, R. de Beaugrande. − Longman, 1981–286 p.

3. Ухванова, И. Ф. Каузально-генетический подход в контексте лингвистики дискурса / И. Ф. Ухванова-Шмыгова. – Минск: БГУ, 2014. – 223 с.

4. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. науч. тр.: в 6 вып. / Белорус. гос. ун-т; под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск: БГУ: Технопринт, 1998–2009. – Вып. 6: Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика: дораб. и доп. версия вып. 4 / И. Ф. Ухванова-Шмыгова, Е. В. Савич, Н. В. Ефимова. – 2009. – 215 с.

РАЗУМ МАТЕРИИ, МАТЕРИЯ РАЗУМА

Э. М. Хакимов

Анализ взаимоотношений категорий материя и разум в трудах советских философов показал, что мы имеем дело с понятиями, характеризующими весьма сложные объекты и их взаимоотношения. Особенностью этих объектов является невозможность адекватного раскрытия их содержания, как на языке философии, так и на языке научных дисциплин и математики. Мы всегда будем иметь неопределенный результат относительно их взаимоотношений, не сможем на основании научных методов доказать конечность или бесконечность их существования, возможность или невозможность их абсолютного преобразования друг в друга. Мы не можем ощутить или прикоснуться к материи, потрогать разум. Различие и тождество этих объектов скрыто в глубине их всеобщей сущности. Отсюда понятия, выражающие их, предстают как антиномии – противоположности, дополняющие и противоречащие друг другу. Поэтому отношения разума и материи для индивидуального сознания, не знакомого с философией, будут трансформироваться в мифы, легенды, многобожие, и, в конечном счете, в религиозные убеждения о сотворении мира единой божественной силой Творца. А. Султанов, исследуя опыт философской рефлексии над природой научного термина, отмечает «вещь, смысл вещи, время и вечность, во всяком случае, в аспекте их уразумения, неотделимы друг от друга» [1, с. 32]. Но в их единстве заложены абстрактные представления о вечности и конечности материи и разума. Следствием данного утверждения выступает представление о невозможности доказательства вечного или конечного существования материи и разума, на основании предельно обобщенных понятий (категорий) философии. М. Мамардашвили пишет, что Фихте и Гегель в отличие от Канта, «взяли в качестве объекта изучения целое научного познания с его категориями, стали рассматривать структуру отдельного научного утверждения лишь в

контексте организации системы знания, переходов между его элементами и движения на разных уровнях абстракции» [2, с. 68; 3]. С данной проблемой сталкиваются авторы теорий, пытающихся объяснить эволюцию мира на основании единых принципов развития [3; 4; 5, с. 27–31; 6, с. 54–60].

На основании предложенной автором аксиоматизации, можно обобщить основные положения взаимоотношений категорий материи и разума, изложенные в трудах советских философов, в отношении аксиом (утверждений), характеризующихся двойственной природой. Обоснование истинности аксиом связывается с созданием гипотез, которые объединяются в гипотетико – дедуктивную теорию [7, с. 175–186].

Рассмотрим аксиомы, характеризующие взаимоотношения категорий материя и разум.

1. Не существует материи, абсолютно лишенной разума, и не существует разума, абсолютно лишенного материи.

2. В материи в потенциальном виде содержится разум. В разуме в потенциальном виде содержится материя.

3. Две категории – материя и разум – объединяются в одну категорию более высокой организации, представляющую собой или материю или разум.

4. Каждая из категорий – материя и разум – делится на две антиномии, содержащие материю и разум более низкого уровня организации.

Содержания аксиом вводят представление о категориях – понятиях и их одноименных объектах. Первая и вторая аксиомы близки по содержанию и констатируют единство противоположностей. Третья и четвертая аксиомы вводят в отношения данных категорий и их объектов операции деления, объединения и иерархии, не указывая конкретных деталей и механизмов этих действий. Исходя из относительной природы исчезновения и появления категорий антиномий, в результате их взаимоотношений (введения действий делений и объединения), последние не исчезают абсолютно, а переходят в скрытое для наблюдателя состояние.

Оценивая в целом содержание аксиом, можно утверждать, что последние выступают условиями конкретизации отношений разума и материи. Представление о разуме, абсолютно свободном от материи, есть продукт мыслительной деятельности человека. Не говоря о реальном существовании чистого разума, мы можем утверждать, что представление о разуме, освобожденном от материи, течения времени и изменения пространства, сыграло большую роль в истории человечества. Это представление позволило объединить и упорядочить сознание людей на основе положений мировых религий, подарив науке представление о виртуальном, абстрактном пространстве, которое послужило полигоном для развития геометрии, математики и естественнонаучных дисциплин, и в

целом научного знания.

На основе этих рассуждений можно сделать вывод о том, что материя и разум потенциально, то есть не явно, существуют друг в друге как единство противоположностей. И только процесс развития пробуждает в них стремление к разъединению их скрытого единства и восстановлению последнего. Материя выступает как порождающая сущность, а разум как порождаемая сущность. Порожденный разум, в свою очередь, начинает творить материальные объекты, в созданном им пространстве. Это определяет временные отношения материи и разума. Материя, породив разум, продолжает развиваться по своим законам, став пространством для разума. Отношения же разума к материи отличаются от отношения материи к разуму. Разум может строить взаимоотношения с материей опосредовано, используя индивидуальные сознания разумных людей, обладающих материальным телом. Ибо только материальное тело, вместилище сознания индивида, на основании труда способно конкретно взаимодействовать с косной и живой материей, преобразуя ее под управлением разума в собственных интересах. Человеческая мысль, даже сохраненная на папирусе или высеченная на камне, не способна мысленно взаимодействовать с материей. Двойственная же сущность человека как существа, обладающего материальным телом и разумом, способна преобразовывать материю.

Литература и источники

1. Султанов, А. Х. Слово и термин. Пролегомены к философии имени / А. Х. Султанов. – М: РУДН, 2007.

2. Мамардашвили, М. К. Формы и содержание мышления / М. К. Мамардашвили. – Спб.: Азбука, 2011.

3. Акулинин, В. Н. Философия всеединства / В. Н. Акулинин. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990.

4. Орлов, В. В. Основы философии. Общая философия / В. В. Орлов. – Пермь: Пермь, 2006. – Вып. 1, 2.

5. Рыбальченко, В. А. Философские аспекты эволюции физической формы материи // Вестник ВГГУ. – 2014. – № 4. – С. 27–31.

6. Шульц, Д. Н. О пределах единого закономерного мирового процесса и виртуальном уровне материи / Д. Н. Шульц // European science journal. – 2011. – № 13 (16). – С. 54–60.

7. Хакимов, Э. М. Диалектика иерархии и неиерархии в философии и научном знании / Э. М. Хакимов. – Казань: Фэн: Акад. Наук РТ, 2007. – С. 175–186.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА НА ПРОЦЕСС СОЦИАЛИЗАЦИИ

С. О. Хилькевич

Социализация – это процесс развития индивида в условиях социума, когда личность формирует личность, подобную себе, функционирующую как неотъемлемый элемент общества [1, с. 42]. Этот интегральный трехуровневый и непрерывный процесс (включающий процессы идентификации, индивидуализации и персонификация [2]) можно рассматривать, с одной стороны, как обучение и усвоение социальных ролей и навыков, а с другой – как формирование личной идентичности и образа собственного «Я».

Согласно концепции П. Бергера и Т. Лукмана, социализация включает в себя две основные формы – первичную и вторичную. Первичная социализация есть та первая социализация, которой индивид подвергается в детстве и благодаря которой он становится членом общества. Вторичная социализация – это каждый последующий процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые сектора объективного мира его общества [3, с. 213]. Очевидным образом значимость первичной социализации в аспекте гармоничности и целостности формирования личности является неоспоримой и доминирующей, однако, проблемно протекающая вторичная социализация способна внести существенные деструктивные изменения в структуру личности и ее уже сформированную социальную продуктивность или же способствовать развитию различных психопатологических состояний.

Интенсивнее всего процесс социализации протекает в детско-юношеском периоде, именно поэтому он тесно связан с семьей и системой образования. Формирование личности в условиях функциональной (гармоничной) семьи и созидательного педагогического процесса пусть не гарантирует, но допускает высокую долю вероятности успешного завершения первичной социализации. Успешность определяется, прежде всего, правильным усвоением социальных норм, паттернов поведения и собственной идентичности (исходя из взглядов Э. Эриксона на формирование идентичности) с возможностью полноценного функционирования в социальной среде. При этом неудачная социализация в одном социальном мире может сопровождаться успешной социализацией в другом [3, с. 269], что, прежде всего, актуально для вторичной социализации.

В условиях относительной стабильности социальной реальности десятилетиями, по результатам различных междисциплинарных исследований, формировались общие представления о причинах, препятствующих полноценной и гармоничной социализации детско-подростковой аудитории (и, как следствие, дисгармоничного

формирования личности), на основании чего и разрабатывались концепции о факторах риска и соответствующие превентивные мероприятия [4, с. 812].

В последнее десятилетие социальная реальность подвергается коренным трансформациям. Технологический рывок, ознаменованный развитием и распространением интернета, вызвал не только кризис существующих ценностей, установок и институтов социализации, но и сформировал новые, во многом существенно отличающиеся от объективной реальности. Интернет-среда стала выступать не только средством, но и средой развития личности [5, с. 57]. С одной стороны пользователь вынужден адаптироваться в интернет-пространстве, социализируясь в нем, а с другой стороны – интернет-пространство начинает активно выступать как фактор, влияющий на пользователя.

Распространенность, доступность и анонимность интернета являются существенными не только в аспекте привлекательности использования (в том числе и в сравнении с активностью в объективной реальности), но и в связи с существенным влиянием на процесс социализации в целом. Полная свобода самовыражения (обусловленная анонимностью) и выбора позволяет обойтись без ограничений в выборе интересующего веб-контента и способов реализации своего выбора. Доступность информации различного содержания (в том числе и не соответствующей моральным или юридическим нормам) влияет на информационную осведомленность пользователей и формирует мировоззрение. Самопрезентация посредством любой из желаемых «масок» в итоге влияет на идентичность. Системы ценностей, установок и коммуникаций в виртуальном пространстве зачастую кардинально отличаются от бытующих в реальном мире, что приводит к конкурентному антагонистичному воздействию на индивида.

Прогрессирующее проникновение интернета во все основные сферы жизнедеятельности заставляет кардинальным образом пересматривать не только устоявшиеся социальные, педагогические, психологические и антропологические парадигмы, но и спешным образом вырабатывать новые, учитывающие активное влияние интернета на индивида. Ведь деструктивное воздействие может не ограничиваться сугубо социально-негативными последствиями, такими как снижение социальной продуктивности, трудности в коммуникации, самореализации и т. п., но и вызывать различные психопатологические состояния. Говоря о последних, можно выделить следующее:

1. Возникающие состояния удовлетворенности, эмоционального подъема и / или сопричастности к желаемой деятельности могут сдвигать вектор направленности в сторону исключительно виртуальной. Все это может способствовать последующему формированию зависимого (аддиктивного) варианта поведения.

2. Несовпадение норм и ценностей между интернет-сообществом и объективной реальностью может приводить к внутриличностным или межличностным конфликтам [6, с. 171], фрустрации и, как следствие, развитию тревожно-депрессивных состояний.

3. Формирование социальной апатии, проявляющейся в безразличии и равнодушии к тому, что происходит в общественной жизни; полной или частичной утрате интереса к будущему; ослаблении интересов и побуждений к деятельности с тенденцией к хронизации проявлений [7, с. 91].

4. Сформированные в рамках интернет-социализации коммуникативные, преодолевающие и адаптационные навыки, не ориентированные на реальное социальное пространство, могут способствовать увеличению у подростков и молодых людей риска появления аутодеструктивности, в том числе истинного суицидального поведения [4, с. 814].

Нельзя говорить об исключительно деструктивном сценарии взаимодействия индивида и виртуального пространства. Тренинг различных социальных навыков, возможность обучения и расширение кругозора за счет доступа к огромной базе информации, представленной в интернете, а также возможность самореализации (профессиональной, творческой) имеют неоспоримо положительное влияние на личность, но лишь при условии сохранения продуктивности в объективной реальности.

Изучение аспектов и проблематики влияния интернета на процесс социализации и функционирования личности является одной из важнейших междисциплинарных задач современного научного сообщества. Условия формирующейся новой реальности ставят перед социологами, философами, психологами, клиницистами и педагогами вопросы, от решения которых будет зависеть будущее грядущих поколений.

Литература и источники

1. Данилов, С. А. Риски и потенциал интернет-социализации молодежи / С. А. Данилов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. – 2012. – Т. 12, № 2. – С. 42–46.

2. Грязнова, Е. В. Индивидуализация человека в информационной социализации / Е. В. Грязнова, С. В. Афанасьев // Философская мысль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/ library_read_article.php?id=20968. – Дата доступа: 06.09.2020.

3. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995.

4. Хилькевич, С. О. Суицидальность подростков в условиях интернет-социализации / С. О. Хилькевич // Актуальные проблемы медицины: сборник научных статей Республиканской научно-практической конференции и 27-й

итоговой научной сессии Гомельского государственного медицинского университета, Гомель, 2–3 ноября 2017 г. – Гомель, 2018. – С. 811–814.

5. Ярыгина, И. И. Влияние Интернета на процесс социализации подростков / И. И. Ярыгина // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – 2018. – Т. 17, № 37. – С. 57–62.

6. Шемякина, М. А. Изменение процесса социализации под влияние информационных технологий / М. А. Шемякина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 11–2 (38). – С. 170–173.

7. Аргунова, В. Н. Влияние проявления социальной апатии у студенческой молодежи / В. Н. Аргунова, А. А. Русь // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2019. – № 4. – С. 89–99.

КАЧЕСТВО ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ КАК НОРМАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ: ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИИ

А. С. Червинский

Формирование социоэкологических концепций связано с развитием трансдисциплинарного взаимодействия, сопровождающегося заимствованием из пограничных дисциплин, имеющих если не тождественный, то, по меньшей мере, близкий по своим качественным характеристикам объект исследования параллельный по своей функциональной направленности поисковый алгоритм и определенное сходство понятийных структур.

Важным фактором концептуального конструирования является грамотное методологическое применение заимствованных: методов, принципов, понятий и нормативных критериев. Потенциально трасдисциплинарные возмажности выражены в содержании концепций, имеющих должное философское обеспечение, позволяющее, во-первых, обеспечить достаточно высокую адекватность концептуальных схем сложившейся реальности, во-вторых, адаптировать такие схемы к конкретным природохранным задачам и сделать их востребованными в практике социального природопользования. Такие концепции должны обладать универсальностью, делающих их пригодными к анализу качественных изменений как позитивного, прогрессивного характера, так и к оценке деструктивных процессов в структуре природных комплексов; необходимой конкретностью, обеспечивающей их практическое прикладное использование; репрезентативностью, позволяющей в концентрированной форме выразить значительную совокупность приемов и способов оценки состояния природной среды обитания; прогностичностью, способной обеспечить должную эвристичность оценочной процедуры даже по отношению к природным объектам

качественные характеристики которых еще не имеют должного концептуального выражения в современном естествознании;

В своем комплексном выражении исходная концептуальная система должна быть предрасположена к методологическому обеспечению к разработке и обоснованию критериев качества окружающей среды в различных по степени социоприродной оптимальности ситуациях, вплоть до экологически экстремальной.

Представляется очевидным, что в процедуре трансконцептуального взаимодействия эвристичным оказывается подход, при котором учитывается взаимная зависимость качественных и количественных характеристик экокомплекса, что обеспечивает полноту их концептуального выражения, а комплекс нормативных показателей позволяет коррелировать переменные величины: сущность исследуемого элемента в структуре биогеоценоза (количественный аспект), и его функциональную определенность (качественный аспект). Кроме того, актуальной является способность концептуального описания природной среды с учетом структурно-функциональной многокачественности составляющих компонентов, иерархическая взаимозависимость между которыми обуславливает сбалансированность оценочных процедур как на уровне собственно природных трофических связей, так и на уровне социоприродного обмена вещества, энергии и информации. Именно в контексте социоприродных взаимоотношений иерархия сущностных характеристик природных компонентов приобретает особую динамику, общая направленность которой определяется состоянием функциональных связей в системе «человек – природная среда обитания», и в зависимости от степени экологической оптимальности природных условий существования приобретает либо форму жесткой иерархии, что характерно для экологически экстремальных условий, либо форму рядоположенных факторов, что типично для ситуации экологической оптимальности.

Трансконцептуальное конструирование предполагает развитые методологические предпосылки, совокупность которых составляет определенный теоретический базис, на котором следует строить структуру познавательного, а затем и деятельного процесса, и который, при наличии определенных условий, позволит осуществлять необходимую корреляцию между абстрактно должным и реально сущим в практике социоприродного сосуществования и природопользования.

Соотносительность исходной и производной концепций в своем функциональном выражении изначально предполагает определенную взаимонаправленную адаптацию с возможным изменением структурной упорядоченности взаимодействующих компонентов. При этом процесс взаимной адаптации осуществляется комплексно и, как правило, с различными временными интервалами, что создает ситуацию определенной стохастичности протекающих изменений, особенно это

заметно в условиях концептуальных описаний биоценоза, подвергшегося направленному техногенному преобразованию. Исходная дифференциация компонентов по функциональным критериям позволяет выявлять причинно-следственную зависимость в социоприродных процессах на различных стадиях их реализаций, при этом специфические особенности разнопорядковых процессов социоприродной адаптации наиболее выраженные на начальных стадиях, постепенно по мере взаимного сближения приобретают черты общности, что является необходимой предпосылкой для их трансконцептуальной агрегации.

В этом плане большой интерес вызывает проблема практической состоятельности комплексной экологической концепции, прежде всего на уровне оценочного анализа процессов потребления природных ресурсов в качестве сырьевой составляющей функционирования современных промышленных комплексов, когда полифункциональность биосферных и промышленных комплексов в системе социоприродных связей не позволяют свести всю гамму их отношений к одномерной характеристике. Здесь неизбежны функциональные противоречия между различными аспектами природных комплексов: от эстетических до утилитарно-хозяйственных, поэтому проблема приоритета характеристик каждый раз должна иметь прикладное решение.

Определенную сложность при таком переносе исследовательского акцента представляет общая неразработанность исходных постулатов, а также неизбежный дефицит эмпирического, большей частью естественнонаучного материала, но эти издержки в полной мере компенсируются возможностью своевременного резкого сужения предмета анализа с выделением наиболее значимых в реабилитационном процессе моментов. Характерная для концепций современного естествознания разобщенность методик, особенно типичная в сфере оценки техногенного влияния на структуру биосферных компонентов, может быть преодолена в рамках подхода, при котором сопряженность нормативных показателей позволяет выявить значимость биосферного объекта и, таким образом, создать условия для определения антропогенного процесса по параметрам устойчивого развития.

Явление деградации качества среды должно трактоваться с позиций системного подхода как нарушение целостной упорядоченности в структуре природной среды. При этом человек рассматривается целостно в своей социально-биологической определенности, поскольку как биологическое существо он принадлежит системе биосферы, но как социальный индивид является элементом техногенеза и объективно противостоит системной упорядоченности биосферы. Порожденная им искусственная среда большей частью не вписывается в традиционные структуры, и, как следствие этого, несовпадение, противостояние естественно-природных и искусственно-природных образований при

превышении уровней гомеостаза биосферных систем вызывают деградацию качества. Деградация качества среды может быть определена как ситуация утраты оптимальности во взаимоотношениях человека и природы, вызванная несоответствием способа производства материальных благ ресурсо-экологическим возможностям биосферного комплекса, сопровождающаяся нарушением динамического равновесия экологической системы.

Разработка концептуальных оснований качества окружающей среды как комплексной нормативной характеристики природного окружения, отражающей условия сохранения системной целостности биосферы, необходимой для осуществления жизнедеятельности организмов и обеспечения оптимальных параметров социального природопользования, может служить исходным базисом для формирования комплекса эффективных прикладных методик оценки качества окружающей среды в Беларуси, в которых будут преодолены традиционные недостатки: фрагментарность оценочной схемы, ее внутренняя противоречивость, часто приводящая к несопоставимости результатов исследования. Это позволит сформировать адекватную белорусским реалиям комплексную оценку состояния окружающей среды, на основе которой могут быть разработаны стратегические направления социально-экономического развития Беларуси с учетом последствий глобальной экологической катастрофы.

ВЛИЯНИЕ ВЫЗОВОВ ТЕХНОНАУКИ НА РАЗВИТИЕ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ

И. В. Черникова, Д. В. Черникова

Возникающие технонаучные трансформации современной социальной реальности закономерно требуют своего философского осмысления и разработки новых научно-исследовательских теорий для реализации практических технологий, обеспечивающих устойчивое развитие науки в тесной взаимосвязи с обществом. Социогуманитарное знание есть знание о человеке и обществе. Это знание обобщает результаты культурно-исторического, художественного, философского, политического, экономического, правового сознания. С помощью социогуманитарного знания мы понимаем свое прошлое и можем представить свое будущее.

Являясь частью науки, социально-гуманитарное знание традиционно противопоставлялось естественнонаучному. На современном этапе фиксируется конвергенция социогуманитарного и естественнонаучного знания и активизация междисциплинарного диалога. При этом особую

значимость получает категория интерсубъективности, как залог эффективной коммуникации (в том числе разных научных дисциплин), соединяющей субъективные сознания людей. Возникает необходимость социогуманитарного осмысления цивилизационных ориентиров, обоснования единства рациональности и гуманитарных ценностей.

Трансформации научной рациональности обозначились формированием наряду с классической и неклассической, постнеклассической науки (В. С. Степин), предметом которой стали сложные саморазвивающиеся системы, включающие человека [1]. Развитие постнеклассической науки сопровождалось ростом технологических проектов. Природные комплексы, включающие человека, недостаточно рассматривать в рамках привычной дихотомии «естественное – искусственное». Особенность этих конструкций в том, что в них не только моделируется объектная реальность, но и конструируются ее новые фрагменты. В этом проявляется взаимопроникающее единство природного и человеческого мира. Помимо горизонтальных связей в плоском пространстве объектных параметров, вводится вертикальное измерение, включающее структурные сопряжения с человеческой деятельностью, жизненным миром, социальными практиками. Здесь в конструируемую модель реальности включаются параметры, характеризующие не только объект, но и сферу практического применения знания, его социального функционирования.

Изменения в современной науке связаны с переориентацией научной деятельности с познавательной на проективно-конструктивную, наука постепенно интегрируется в организованную по новым принципам систему взаимодействия науки, технологии, общества. Этот феномен обозначается термином технонаука. Важнейшим примерами технонауки могут служить так называемые NBICS-технологии (нано-, био-, информационные, когнитивные, социальные). Новыми «гибридными» сферами науки и социальной практики стали такие направления как Science and Technology Studies (STS), Social Assessment of Technology (TA), Responsible Research and Innovation (RRI), а также гуманитарная экспертиза [2].

Эти сферы деятельности являются трансдисциплинарными исследованиями, они актуализируют поиск новых программ обучения. В них наряду с традиционной установкой научных исследований формируется новый герменевтический подход, что в итоге призвано вести к замене «инструментального разума» на «умудренный разум». Акцент в производстве знаний переносится на проблемы этико-аксиологического характера.

Разного рода кризисы являются обратной стороной технологических и экономических достижений современной цивилизации (прогресса науки и технологий, роста потребления, повышения уровня жизни и т. п.). В

ответ на подобные вызовы происходит парадигмальный сдвиг в представлениях об окружающем мире, формируется новый тип мышления, который характеризуют как холистический, экологический, сложностный, и который следовало бы рассматривать как метод для понимания разнообразия. Отличительной чертой такого типа мышления является признание сложного характера взаимосвязанности природы и общества.

Переосмысливается понятие социальной реальности, ставится вопрос «пересборки социального». Начало этого процесса задано парадигмой коммуникативной рациональности (Ю. Хабермас), получившей развитие в акторно-сетевых теориях (М. Кастельс, Б. Латур, Д. Ло). Изменение социальной онтологии влечет за собой трансформацию во всех сферах социогуманитарной деятельности.

Кроме того, переход к науке нового типа связывают с изменением в производстве знаний (М. Гиббонс, Х. Новотны, Б. Николеску). Предложена концепция второго типа производства знания (Mode 2) с такими характеристиками как трансдисциплинарность; организационное многообразие, оценка и контроль качества, социальная ответственность и рефлексия; знание продуцируется в контексте его приложений. Согласно Б. Николеску, одного из ведущих теоретиков концепции трансдисциплинарности, она базируется на трех постулатах. Во-первых, утверждается существование многоуровневой реальности, где каждый уровень изучается отдельной дисциплиной, в то время как трансдисциплинарная методология ориентирует на описание динамики процесса на нескольких уровнях одновременно. Во-вторых, применяется иная логика понимания процессов, в которой противоположности не противопоставляются, а синтезируются по принципу дополнительности. В-третьих, в трандисциплинарном подходе сопрягается сложность мира со сложностью человеческого знания. Новое измерение («Скрытое третье») возникающего описания, обозначаемого понятием «космодернити», играет фундаментальную роль в понимании единого мира [3, с. 63].

Важной особенностью современности является усилившийся разрыв между бурным прогрессом науки и техники и развитием социально-гуманитарного знания, направленного на решение задачи постижения законов действия людей как разумных существ. В сфере социогуманитарного знания требуется осмыслить риски внедрения достижений конвергентных технологий, например: как информатизация и цифровизация влияют на аналитические способности и креативность мышления; как биотехнологии трансформируют природу человека; нарушается ли свобода воли под влиянием когнитивных технологий? В наши дни ответы на многие вопросы призваны искать социально-гуманитарные науки, вследствие чего акцент в производстве знаний переносится на проблемы этико-аксиологического характера. Поскольку дисбаланс между технологическим и моральным аспектами общественных

изменений в XXI веке только увеличился, особое значение приобретает рефлексивная деятельность по выявлению в культуре точек роста форм культурной регуляции, столь необходимых для устойчивого цивилизационного развития. В условиях технологических вызовов современности возрастает роль социогуманитарных исследований, важнейшим предметом которых является смысловая структура социальной реальности.

Трансдисциплинарные исследования, получающие все большее распространение в современной науке, актуализируют поиск новых программ обучения. Междисциплинарный и трансдисциплинарный характер многих из них призван развить у студентов практические навыки для работы в глобальном мире, научить сопоставлять культурные, языковые, политические реалии с уровнем технологического развития.

На фоне будущих изменений рынка труда, связанных с роботизацией и искусственным интеллектом, особое значение приобретают «нерутинные», специфичные для человека как для вида качества, такие как когнитивные способности высшего порядка (образ мышления о мире), системное и критическое мышление, ментальная и культурная эластичность. Помимо информационных и технологических компетенций, на первый план выходит гуманитарная грамотность, основанная на понимании социогуманитарной сферы, этически и ценностно ориентированной деятельности, навыках коммуникации и функционирования в человеческой среде.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00298.

Литература и источники

1. Степин, В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В. С. Степин // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–18.

2. Черникова, И. В. Технонаука в системе научного знания / И. В. Черникова // Технонаука и социальная оценка техники (философско-методологический анализ). – Томск: Изд-во Томского университета, 2015. – С. 8–26.

3. Nicolescu, B. The hidden third and the multiple splendor of being /B. Nicolescu // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. – М.: Навигатор, 2015. – С. 62–79.

ОТНОШЕНИЕ НАУКИ И ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Ю. В. Черновицкая

Необходимым звеном модернизации общества являются взаимоотношения науки, как важнейшего интеллектуального ресурса, и

власти. В связи с современными реалиями можно выделить новые формы власти, такие как *биовласть, власть инфраструктур* [1] с искусственно созданными системами потребления и стиля жизни, *нетократия* (впервые новый правящий класс и форма управления обществом названы так А. Бардом и Я. Зодерквистом [2] и др.; возникают новые социальные технологии власти.

Современная наука уже немыслима без биотехнологий, где используются достижения таких наук как генетика, молекулярная и клеточная биология, эмбриология и т. д. Однако такие отрасли как биомедицина (генная инженерия, клонирование, различные методы искусственного размножения), использование трансгенных организмов и т. д., вызывают споры и этические вопросы. Становится актуальной тема осуществления биовласти, понимаемой как технологии управления, механизмы организации жизни как общества, так и отдельного индивида, человеческой телесности (например, со стороны здравоохранения и образования). Наука сама задает направление исследований, человек становится объектом контроля государства, результаты научных исследований выступают причиной формирования, источником биовласти. Однако сама же наука и предостерегает власть от чрезмерного увлечения внедрением и использованием результатов исследований, коммерциализации, в частности, медицины. «Биоэтики отметили общую тенденцию коммерциализации многих сфер медицины, связанных с биотехнологиями – искусственно рожденные дети и репродуктивное здоровье людей становится предметом продажи, так же как и части человеческого тела – товаром» [3]. Биомедицинские технологии превращают такие неизменяемые в прошлом вещи, как пол, внешность в социальную условность. Исчезают основные традиционные ценности, связанные с отношением к жизни, благодаря биотехнологиям изменяется понятие живой и неживой, вновь актуален вопрос: что такое человек? «Продолжающееся размывание границ между жизнью и нежизнью неумолимо ведет к деформации понимания жизни и отношения к ней, ведь если нет ничего "однозначно живого", то исчезают и основные традиционные ценности, связанные с отношением к жизни» [4, с. 353]. Такие технологии, как ЭКО или пренатальная диагностика, передовые и необходимые, с одной стороны, с другой – ставят под сомнение жизнь как самоценность, поскольку предоставляют возможность как создать жизнь, так и, наоборот, ее прекратить. Некоторые исследователи даже считают [5, с. 211], что «пренатальная диагностика на современном этапе используется главным образом не как средство для мобилизации моральной и медицинской помощи, а как основание для инфантицида, как орудие политики "очищения расы" от неполноценных людей». Таким образом, вследствие влияния на отдельного человека, его телесность, или регулирования жизни населения в целом посредством образования,

здравоохранения, демографической политики и др., жизнь превращается в политический объект, рассматривается с точки зрения экономической эффективности, что, по мнению М. Фуко [6, с. 122–123] может привести к тому, что крайними формами биовласти становятся такие явления, как евгеника, расовая политика, а также массовый геноцид, осуществляемый по расовому либо национальному признаку, обычно обосновываемый необходимостью защиты жизни рода. Современный человек осознает, что наука, к сожалению, не всегда следует моральным принципам. Например, ученые призывают к мораторию на генную модификацию человеческих эмбрионов, выражая озабоченность по поводу этичности и безопасности этих исследований (см., например [7]). Тем не менее, остановить исследования представляется невозможным, т. к. не существует юридических сдерживающих регулятивов, поэтому, например, в Китае продолжают проводиться исследования по изменению ДНК человеческих эмбрионов.

Современная власть все больше переходит от внешнего давления к внутреннему воздействию. Индивид подвергается стандартизирующему влиянию со стороны систем здравоохранения, образования, экономики, политики, культуры. Властью устанавливается планомерная дисциплина, учет, надзор, известные заранее и принятые обществом налоги, штрафы, обязательства. Посредством внедрения различных идеологий при помощи СМИ начинают внедряться стандарты поведения, осуждается, перепрофилируется или купируется поведение, с точки зрения власти социально недопустимое. Наука работает на власть стандартов, например, фармакология активно развивает производство витаминов и БАДов, медицина – востребованную отрасль пластической хирургии, этика задает стандарты морали и нравственности. Определенные правила поведения принимаются за эталон, и индивид уже не может от них отклониться. «Власть, направленная на сохранение или изменение природы человека, стремится достичь соответствия этой природы признанному комплексу стандартов. Современному глобализованному человечеству нужны только такие люди, которые совместимы со всей системой стандартов и инфраструктур, которые обладают предсказуемым наборов стандартных вариантов поведения (человек потребляющий, человек коммуницирующий, человек экономический, человек патриотический…)» [1, с. 241].

В условиях трансформаций современного общества информация является таким же ресурсом, как энергетические и материальные ресурсы, что стимулирует разработку новых информационных технологий мировым сообществом, поскольку именно владение знанием, информацией во многом в настоящее время определяет конкурентоспособность государства. Современная наука активно участвует в разработке и применении информационных технологий, но все чаще в зону риска

попадает сам человек, все чаще он становится объектом разнообразных исследований, экспериментов, объектом управления новой власти. Растут риски и опасности, которым он подвергается, в век технологий возникают вопросы информационно-психологической безопасности личности и влияния на человека информационной среды. Сетевые информационные технологии не только способствуют консолидации общества, но, скажем, в политической сфере нередко превращаются в политическую пропаганду или даже в политико-правовое воздействие. Как справедливо отмечают исследователи: «Информация, как никогда, стала инструментом власти, в форме пропаганды и агитации она стала главным рычагом управления людьми» [8].

Многие убеждены, что «цели и устремления науки и общества в период трасформаций разделены и вошли в неустранимые противоречия, что этические нормы современной науки едва ли не противоположны общечеловеческим социально-этическим и гуманистическим нормам и принципам, а научный поиск давно вышел из-под морального контроля» [9, с. 73], но он может находиться под контролем закона, власти.

В настоящее время все больше ученых придерживаются точки зрения, что наука тесно связана с политикой, зависимой наукой проще манипулировать, познавательная и производственная деятельность человека имеет также и отрицательные последствия, любое открытие может быть использовано как во благо, так и во зло, обращается внимание на социальную ответственность ученых, указывается на важность последствий их открытий. Необходима моральная оценка деятельности как властных структур, так и отдельного ученого для преодоления кризиса доверия к современной науке и выстраивание деятельностных отношений во благо человека, человечества. Вопрос – способен ли человек воспользоваться той силой, которую предоставляет ему наука, направить ее на пользу и развитие, а не на самоуничтожение себя и места своего обитания – остается открытым.

Литература и источники

1. Шайхутдинов, Р. Г. Новые механизмы власти / Р. Г. Шайхутдинов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2006. – Серия 6, Вып. 4. – С. 235–244.

2. Бард, А. Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зодерквист // Перевод со шведского языка. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.

3. Филянова, В. Н. Человек перед лицом новейших биомедицинских технологий / В. Н. Филянова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://riss.ru/ analitycs/ 2289/. – Дата доступа: 21.08.2020.

4. Гнатик, Е. Н. Трансгуманистические проекты в эпоху конвергентных технологий / Е. Н. Гнатик // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – С. 353.

5. Гнатик, Е. Н. Неоевгеника в дискурсе отечественной культуры / Е. Н. Гнатик // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – С. 211.

6. Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Под. ред. О. Хеффе, В. С. Малахова, В. П. Филатова, при участии Т. А. Дмитриева. – М.: Культурная Революция, 2009. – С. 122–123.

7. Lanphier, E. Don't edit the human germ line / E. Lanphier, F. Urnov, S. Haecker, M. Werner, J. Smolenski [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.nature.com/ news/ don-t-edit-the-human-germ-line-1.17111. – Date of access: 10.09.2020.

8. Леонов, Н. С. Информационно-аналитическая работа в загранучреждениях / Н. С. Леонов – М.: МГИМО, 1996.

9. Гуревич, П. С. Горизонты человеческого существования / П. С. Гуревич // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – С. 73.

«ИНЬ И ЯН» – КАК ОСНОВА ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Цянь-цянь Чжун

Философия играет важную роль в традиционной китайской культуре. В древнем Китае дисциплина философии была включена в систему образования, и в процессе получения образования людям приходилось изучать традиционное китайское философское образование.

Китайская традиционная философия обычно включается в религиозную и общественную культуру Китая. Конфуцианство является основой традиционной китайской философии, в ее концепцию входят не только основные идеи Конфуция, но и некоторые другие традиционные китайские идеи – этнические мысли в других регионах и мысли других школ в Китае (школа Фа, школа инь и ян, и религиозные философии). Потому что в конфуцианстве имеет универсальные культурные особенности и элементы некоторых религиозных ритуалов Китая, поэтому некоторые ученые считают, что конфуцианствеая культура является религиозной культурой. Н. Булицина пишет, что книга «Лунь юй» и последующие комментарии к ним – это некая Библия для китайцев [1]. Идеи этих древних текстов влияли на жизнь китайцев до сих пор. Среди них теория инь и ян сыграла важную роль в развитии китайской философии, она полностью проникла в китайскую культуру, включая искусство, литературу, астрономию, политику, лингвистику и даже повседневную жизнь людей.

Цель этой статьи – проанализировать теорию инь и ян в древнекитайской философии и определить основные черты мыслей инь и ян, которые были переданы и развиты в традиционной культуре и искусстве до сегодняшнего дня. В то же время, мы также должны

попытаться определить роль и значение теории инь и ян древней китайской философии в китайских культурных процессах.

Нань Хуай-зинь считает, что основной философией Китая является конфуцианство и даосизм [4, с. 7]. Однако эта точка зрения сформировалась после длительного процесса развития. С 8-го в. до н. э. до 5-го в. до н. э. в Китае появились многие школы мысли, которые конкурировали друг с другом. Этот период называли периодом «ста школ». Позже, согласно книге историка Сима Цяня «Исторические записки», ученые разделили эти школы мысли в Китае на шесть основных школ.

Школа инь и ян относится к категории естественной философии, в основе которой лежали два первопринципа инь и ян. В качестве основы традиционной китайской философии школа инь и ян выражает универсальную дуальность мира, представляя женских и мужских, темных и светлых, холодных и теплых начал. Посредством мысли о инь и ян люди в древнем китайце обычно полагали, что космические и природные явления были результатом взаимодействия инь и ян. Кроме того, основной теорией школы инь и ян является цикличность взаимодействии. В соответствии с цикличностью инь и ян разработала теорию пяти элементов, которые представляют собой основные параметры мироздания.

Школы мин-цзя – это своего рода философская мысль с характерными для китайской философии противоречиями. Н. Булицина пишет, что в школе мин-цзя иногда складывалось впечатление, что они специально вступали в спор со своим собеседником, при этом всегда отрицая то, что другие утверждали и утверждая то, что другие отрицали [1]. Основные проблемы школы мин-цзя включают в себя форму, знания, метод, правила познания и мышления. Возникновение этой школы также опирается на мысль об инь и ян. Ученые школы мин-цзя верят, что у всего есть две стороны, без абсолютной правильности и правды. В школе мин-цзя элементы инь и ян символизируют диалектику философии.

Школа мо-цзя продвигает идею доброжелательности и взаимопомощи, и имеет строгую дисциплину и организацию. Школа возникла для борьбы страдиционным институтам, и руководитель школы Моди выдвинул идею «всеобщей любви и взаимной выгоды» и требование гуманно относился к другим. Это самая ранняя гуманитарная мысль в Китае. Помимо этого они призывали к справедливости, к единому критерию нравственности, независимо от социального положения и степеней родства. Школа мо-цзя стремилась создать идеальную социальную систему взаимной выгоды и взаимопомощи.

Идея инь и ян также отражена в этой школе. Поскольку они отстаивают моральные идеи дружбы и взаимопомощи, их одежда окрашена в белый цвет, а на графиках Тайцзи белый представляет ян (цвет справедливости), поэтому белый цвет является символом школы мо-цзя.

Школа «Фа-цзя» – это самая ранняя политическая философия в Китае. Считается, что стране необходимы строгие законы, чтобы управлять ими и строго соблюдать их, что является важным принципом для стабильного и упорядоченного развития региона. Поэтому целью школа «Фа-цзя» является создание совершенного самодержавного государственного закона. Для традиционных автократических законов правителям трудно принять создание новых законов, и именно поэтому Й Иди-ань считает, что мышление «Фа-цзя» является радикальной инновационной или силовой реформированной идеей [3, с. 8].

Таким образом, школа «Фа-цзя» противостоит другим школам: проповедуя что от всех моральных принципов следует отказаться, а следует поощрять рациональное мышление и противостоять человечеству и милосердию. Это противоположное мышление отражено в системе инь и ян. Школа «Фа-цзя» также выражает и распространяет свои мысли через теорию инь и ян.

Школа «жу-цзя» часто называют конфуцианской школой и считают основой традиционной китайской философии. Доктрина «жу-цзя» защищает лояльности к монарху и патриотизму, требует почитать родителей, и является важной доктриной для поддержания социальной стабильности. Гуо Шао-мин пишет, что в области политологии школа «жу-цзя» выступает за использование древних китайских законов для управления страной, подчеркивает необходимость защищать традиционные политические системы и культуру [2, с. 17].

Такой подход резко контрастирует со взглядами школы «Фа-цзя». Школы «жу-цзя» и «Фа-цзя» рассматриваются как противоположности инь и ян. В древнем Китае различные местные органы власти проводили много дебатов между школами, и дебаты между школами «Фа-цзя» и «жу-цзя» были самыми интенсивными.

Даосская школа – это еще одна важная система традиционной философии в Китае, помимо конфуцианской школы. «Дао Дэ цзин» является важной теорией преподавания даосской школы. Философ Нань Хуай-зинь считает, что Дао является началом формирования вселенной [5, с. 177]. В то же время даосская школа усовершенствовала теорию инь и ян и основала теорию тейцзи.

Все школы имеют разные исторические характеристики и значения. Некоторые независимые школы существуют в течение относительно короткого периода времени, в то время как некоторые школы вобрали в себя особенности других школ и превратились в основные китайские философские идеи. Но нетрудно увидеть концепцию инь и ян в качестве основы этих школ. Таким образом, в итоге понятие инь и ян, проникая и соединяясь с древнекитайской философией, образовала абсолютно неразделимое целое.

Литература и источники

1. Булицина, Н. И. Древнекитайская философия – базис китайской культуры [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/ article/ n/drevnekitayskaya-filosofiya-bazis-kitayskoy-kultury-filosofiya-iskusstvo-1. – Дата доступа: 13.03.2020.

2. Гуо, Шаомин. Наследие культуры / Шаомин Гуо. – Пекин: Китай книга Издательский дом, 2010. – 551 с.

3. Й, Йдянь. Курс социологии / Йдянь Й. – Шанхай: Шанхай Издательский дом, 2013. – 449 с.

4. Нань, Хуайцзинь. Даосизм, Тантра и таинственный Восточный регион / Хуайцзинь Нань. – Шанхай: Издательский дом университета Фудан, 1994. – 328 с.

5. Нань, Хуайцзинь. История развития китайского буддизма / Хуайцзинь Нань. – Шанхай: Издательский дом университета Фудан, 2009. – 163 с.

ДА ПЫТАННЯ ІНАВАЦЫЙНАГА РАЗВІЦЦЯ КУЛЬТУРАЛАГІЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ АНІМАЛІСТЫКІ

І. А. Швед

Чалавек імкнуўся зразумець сутнасць жывёл, як мінімум, на працягу 33 000 гадоў: першыя вядомыя нам мастацкія спробы – выявы (малюнкі) ільвоў і насарогаў на сценах пячор у паўднёвай Францыі, а таксама фігуркі коней і птушак, выразаныя з косткі маманта ў паўднёва-заходняй Германіі. З пачаткам пісьменніцтва, канструяванне сэнсу жывёльнага свету найярчэй увасобілася ў эпічнай паэме «Гільгамеш» [1], героі якой – Гільгамеш, Энкіду, Інана, паляўнічыя – выяўляюцца праз дачыненні з жывёльнам светам. Даследаванню культурнага мадэлявання вобразаў жывёл прысвечана шмат прац прадстаўнікоў розных нацыянальных навуковых школ. У эпоху культурнага плюралізму і трансфармацыі ідэй гуманізму жывёлы, прадстаўленыя ў літаратурных, мастацкіх, крытычных тэкстах (ад натуральнай гісторыі Плінія Старэйшага да прац Доны Хараўэй пра ўзаемін жывёлы і чалавека), выступаюць прадметам навуковай інтэрпрэтацыі. Вынікі такіх даследаванняў сведчаць пра тое, што большасць тэкстаў, якія ўзніклі ў заходняй культуры з яе акцэнтам на ўладу (веды) суб’екта (аўтара тэксту), адлюстроўваюць дыхатамію Новага часу «Прырода / Культура» [2], і ў гэтай дыхатаміі жывёла як частка Прыроды мае статус Іншага.

Разам з тым, як бы ў адказ на заяву Хайдэгера пра немагчымасць су-існавання людзей і жывёл, раздзялення з жывёламі быцця і сэнсу (паколькі толькі мова з’яўляецца сапраўдным домам быцця, а жывёлы, не разумеючы нашай мовы, аказваюцца бяздомнымі), у еўрапейска-амерыканскіх культуралагічных даследаваннях адбыўся «анімалістычны

паварот» (*animal turn*) і жывёлам вярнуліся (на новым вітку сацыяльна-культурнага развіцця) статус суб'екта і права голасу. Чаму вярнуліся? Бо да канструявання апазіцыі «Прырода (жывёла)/Культура (чалавек)» такой выразнай мяжы паміж чалавекам і жывёлай не праводзілася, і бінарызм жыцця чалавека і татальна Іншага – жывёлы (асабліва дзікай) – так яскрава не актуалізаваўся [3].

З узмацненнем непрагматычнага стаўлення да жывёл і пазіцыі спачування ім, трактоўкі жывёл у традыцыі Джэмеры Бентама (які пры выпрацоўцы крытэрыяў адносінаў да Іншых істот перанёс акцэнт са здатнасці жывёл да мыслення на іх здатнасць цярпець) і Пітэра Сінгера (з яго канцэпцыяй утылітарызму дзеяння) звязаны змены ў палітыцы рэпрэзентацыі жывёл у культурных тэкстах ад антрапамарфізацыі (заснаванай на старажытных уяўленнях пра агульнасць паходжання чалавека і жывёлы і іх узаемасувязь) і надзялення жывёл праектыўнай функцыяй, успрыняцця іх як люстра, у якое чалавек узіраецца, каб спасцігнуць сябе, да прызнання суб'ектнасці жывёлы, наяўнасці ў яе свайго ўласнага ўнікальнага «жыццёвага свету», да сцвярджэння магчымасці камунікатыўных, эмацыйных адносінаў з ёю і дэканструкцыі глыбока ўкаранёных у еўрапейскай філасофскай і культурнай традыцыі бінарызму [2], мяжы паміж заалагічнай і антрапалагічнай сферамі. Хоць Дэрыда не ставіў на мэце нівеліраваць розніцу паміж чалавекам і жывёлай, ён здолеў праблематызаваць непарушнасць мяжы паміж імі («памножыць формы [гэтай мяжы], ускладніць, дэлініязаваць, згусціць, загнуць і падзяліць лінію» [4]), і, крытычна асэнсаваўшы апазіцыю паміж чалавекам і жывёлай як істотай, якая «пазбаўлена мовы» і няздатная авалодаць логасам, правакатыўна запытаўся (у Дэкарта, Лакана, Хайдэгера, Левінаса і іх прыхільнікаў): «А калі жывёла адкажа?».

У апошнія два дзесяцігоддзі ўсё больш прац (у тым ліку ў суседніх з Рэспублікай Беларусь краінах) прысвячаецца крытычнаму разгляду культурнага мадэлявання вобраза жывёлы, этыка-аксіялагічных і сацыяльна-псіхалагічных аспектаў стаўлення да жывёл, вызначэнню складаных спосабаў, якімі жывёлы і людзі фарміруюць жыццё адзін другога, «раздзяляюць з чалавекам быццё і сэнс». Так, у Сілезскім універсітэце пад кіраўніцтвам Юстыны Тыменецка-Суханэк працуе лабараторыя «Animal Studies – Трэцяя культура» (Animal Studies-Trzecia Kultura) і выдаецца польскі часопіс «Animal Studies: Zoophilologica» (членам рэдакцыйнай рады якога з'яўляцца аўтар гэтага артыкула). Выразным прыкладам рэалізацыі новага падыходу да анімалістычных даследаванняў можа быць зборнік з 10 артыкулаў пад рэдакцыяй прафесараў Мічыганскага дзяржаўнага ўніверсітэта Лінды Калоф і Геаргіны М. Монтгамеры [1]. У ім у шырокім храналагічным і геаграфічным кантэкстах разгледжаны сітуатыўная абумоўленасць узаемаадносін людзей і жывёл, гісторыя і філасофія асэнсавання жывёл,

ставяцца і вырашаюцца пытанні пра тое, як людзі складаюць (канструюць), канфігуруюць (надаюць форму, структуру) і бесперапынна абмяркоўваюць сэнс (значэнне) «іншых жывёл» (у тэрміналогіі постгуманізму) у сацыяльным свеце.

На жаль, культуралагічныя даследаванні анімалістыкі беларускімі навукоўцамі, практычна не закрануў еўрапейска-амерыканскі «анімалістычны паварот», як, дарэчы, і постгуманізм, які праблематызаваў status quo чалавека і заявіў пра бія-, зоа-, экацэнтрызм. Інавацыі ў сучаснай пазнаваўчай парадыгме айчынных культуралагічных даследаваннях разгляданай тэматыкі могуць рэалізавацца праз пераносе фокусаў увагі (і адпаведна змене зыходных дапушчэнняў) з разгляду жывёл як сімвалічнага рэсурсу (гэты аспект грунтоўна даследаваны айчыннымі гуманітарыямі) на інтэрпрэтацыю культурнай гісторыі жывёл (не толькі як сімвалаў, але і як жывых істот), на аналіз узаемінаў паміж людзьмі і жывёламі, вывучэнне вопыту сітуатыўнага ўспрыняцця, асэнсавання жывёл і рэпрэзентацыі іх прадстаўнікамі розных культур і эпох (чалавек у адносінах да жывёлы / як жывёла, жывёла каля / у/ нас, разам з намі, жывёльны аспект чалавечай натуры, міжвідавая камунікацыя (паразуменне) і інш.). Пры гэтым павінны ўлічвацца кантэкст, дынаміка стаўлення чалавека да жывёлы, адпаведна мадэляванне культурнага вобраза жывёлы будзе разглядаецца як гісторыка-культурны працэс, змены ў якім можна прасачыць на працягу як «вялікай» гісторыі, так і ў адносна кароткі яе перыяд XX – пачатку XXI ст. Так, тэксты сучаснай еўрапейскай культуры, паводле К. М. Шапінскай, выяўляюць розныя мадэлі адносінаў да жывёлы-Іншага – прысваенне, адарванне, дыялагізм, інтэрсуб'ектыўнасць, атрыбут чалавечага жыцця (хатнія жывёлы) [2].

Вынікам інаватыўнага падыходу да даследавання культурнай гісторыі жывёл (як жывых істот і сімвалаў) з'яўляецца фундаментальная калектыўная праца «A Cultural History of Animals» [5]. Яна можа стаць тэарэтыка-метадалагічнай асновай і ўзорам даследаванняў адносінаў паміж людзьмі і «іншымі жывёламі» на беларускім матэрыяле. Даследаванне, прадстаўленае ў шасці тамах, ахоплівае 4500-гадовую гісторыю узаемін між чалавекам і жывёлай: ад антычнасці да ранняга Сярэднявечча (2500 да н. э. – 1000 н. э.); Сярэднявечча (1000–1400); Рэнесанс (1400–1600); Асветніцтва (1600–1800); імперская эпоха (1800–1920); сучаснасць (1920–2000). Аўтары праекта зыходзілі з меркавання, што тыя самыя праблемы актуалізуюцца ў дачыненнях паміж людзьмі і жывёламі на працягу ўсёй гісторыі, таму кожны том мае аднолькавую структуру, прычым главы ў кожным томе прысвечаны тым самым пытанням і тэмам: святое і сімвалічнае (татэм, ахвяра, статус жывёл у культуры і ўяўленні пра іх), паляванне; адамашніванне (утаймаванне, развядзенне, праца, камунікацыя); забавы і выставы (звярынцы, заапаркі, цыркі, карнавалы); навука і экзэмпляры (даследаванні, адукацыя, калекцыі і

музеі); філасофскія погляды і мастацкія рэпрэзентацыі.

Ва ўмовах трансфармацый сучаснага грамадства айчынная гуманітарыстыка можа выкарыстаць духоўна-маральны патэнцыял нацыянальнай культуры і эўрыстычныя магчымасці інтэлектуальнай спадчыны мінулага, адаптаваўшы да беларускага матэрыялу адрэфлексіраваныя замежнымі вучонымі канцэптуальныя палажэнні *animal studies*, а таксама іх вопыт фарміравання ў трансдысцыплінарным полі новай галіны ведаў, якая развіваецца ў рэчышчы постгуманізму, – зоакультуралогіі. Звязаныя з ёю дысцыпліны, у залежнасці ад аб'екта даследавання, называюць экакрытыкай, зоатэалогіяй, зоафілалогіяй, экалітаратуразнаўствам, зоапаэтыкай. Карысным для *animal studies* з'яўляецца факталагічны матэрыял і эмпірычныя абагульненні фальклярстыкі. Разам з тым адаптацыя прыведзеных вышэй падыходаў для даследавання беларускага фальклору, у тым ліку сучаснага, можа паспрыяць развіццю новага накірунка – зоафальклярыстыкі і павышэнню іміджу навукі пра фальклор.

Праца выканана пры фінансавай падтрымцы Беларускага рэспубліканскага фонда фундаментальных даследаванняў у межах задання «Беларуская фальклярыстыка ў сучасным свеце: метадалагічны, праблемна-тэматычны дыяпазон, тэарэтычныя навацыі»; дамова № Г20У-004 ад 04.05.2020).

Літаратура і крыніцы

1. Making Animal Meaning (The Animal Turn) / ed. L. Kalof, G. M. Montgomery. – New York: Michigan State University Press, 2012. – 197 p.

2. Шапинская, Е. Н. Образ животного в текстах культуры / Е. Н. Шапинская // Культура культуры [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: https://cyberleninka.ru/ article/ n/obraz-zhivotnogo-v-tekstah-kultury/ viewer. – Дата доступу: 25.06.2020.

3. Швед, И. Архаическая модель «человек – не-человеческие формы жизни» и постгуманизм / И. Швед // Człowiek w relacji do zwierząt, roślin i maszyn w kulturze: 2 t. T. 2. / red. J. Tymienieckiej-Suchanek. – Katowice: W-wo Uniwersytetu Śląskiego, 2014. – S. 15–32.

4. Derrida, J. The Animal That Therefore I Am (More to Follow) / J. Derrida; ed. M.-L. Mallet. – New York: Fordham University Press, 2008. – 176 p.

5. A Cultural History of Animals / ed. L. Kalof, B. Resl. – Oxford: Berg Publishers, 2007. – Vol. 1–6.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ В СТРУКТУРЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Д. И. Широканов, М. К. Буслова

Взаимосвязь эмпирического и теоретического исследуется в аспекте выяснения их объективного содержания как ступеней познания действительности; противоречивого выражения конкретного в абстрактных всеобщих понятиях логики; роли практики в формировании и развитии концепций и их взаимосвязи; единства в познании исторического и логического; своеобразного отражения общественно-исторического процесса формирования и развития логических форм познания в развитии индивидуального мышления.

Выяснение основных принципов взаимосвязи позволяет обосновать особое значение отношения явление – сущность для выражения единства и взаимосвязи переходов. Становление и развитие логического познания выявляет особую роль субстанции (материи), выражающей объективную основу явлений действительности. Анализ на основании движения познания от явления к сущности позволяет рассмотреть некоторые существенные, на наш взгляд, стороны диалектики понятий, выдвигает проблемы более глубокого анализа их содержания и форм, динамического характера системы их отношений, их роли в познании.

Все более глубокое познание современной научной структуры материи, ее законов, использование новых научно-технических средств исследования требует одновременно изучения и развития способов и форм отражения объективной действительности, раскрытия все более глубокого содержания диалектики природы и диалектики познания.

Философский анализ развития содержания концепций на различных уровнях познания позволяет далее выяснить процесс экстраполяции эмпирических принципов и их преобразование в теоретические принципы. Эмпирическое обобщение ограничено и не может без теоретического познания перейти от эмпирически устанавливаемой для данных явлений общей основы к всеобщей основе. Анализ функционирования понятий призван помочь уяснить этот процесс и его значение в системе научного знания.

Эмпирическое познание обозначает одну из важнейших ступеней познания, непосредственно связанную с практикой, с чувственным опытом, с накоплением, обобщением, и систематизацией фактов, необходимых для перехода к более высокой, теоретической ступени познания. В общем процессе научного познания эмпирическое познание неразрывно связано с теоретическим. Теория возникает лишь на определенном уровне развития эмпирического познания и в целом не может без опоры на эмпирию успешно развиваться и функционировать. Но

и эмпирическое познание, чтобы успешно развиваться и функционировать, взаимодействует с теоретическим, опираясь на достигнутый в теории уровень раскрытия сущности исследуемой области явлений.

В противоположность упрощенной трактовке теоретической формы познания как согласования, приведения в порядок эмпирических данных, опытных ситуаций диалектический материализм раскрывает качественную специфику теоретического познания, его форм и методов.

Эта специфика обусловлена назначением, задачей теоретического познания – раскрывать сущность явлений на основе охвата их внутренних связей, выявления целостности, системности отношений, логической непротиворечивости. Решение этой задачи требует своих средств и форм воспроизведения действительности, иного, чем при эмпирическом познании уровня абстракции, логического движения мысли, понятий.

Однако было бы неверным ограничивать эмпирический уровень предметно-чувственным познанием и не видеть, что эмпирические формы и методы связаны с использованием логических понятий, что такие способы познания, как анализ – синтез, индукция – дедукция, абстрагирование – обобщение, используются на эмпирическом и теоретическом уровнях познания. Поэтому неправомерно отождествлять чувственные формы отражения с эмпирическим познанием, а рациональное, логическое мышление и его формы – с теоретическим познанием. К тому же эти формы имеют разные основания деления. Чувственное познание, связанное с процессами абстрагирования, обобщения, индукции и дедукции, существенно различается по степени своего развития [2, с. 537–538].

Эмпирическое познание как форма научного познания представляет собой более высокий уровень отражения, чем несистематизированное, предметно-чувственное отражение. Основываясь на обобщении предметно-чувственной деятельности человека, эмпирическое познание способно выявить более общие и системные отношения и связи между исследуемыми явлениями, используя для этого новые методы и средства исследования. Поэтому нельзя согласиться с таким разделением эмпирического и теоретического, при котором первое связывается с отражением явлений, а второе – теоретическое познание с отражением сущности.

Такое разделение эмпирического и теоретического представляется нам недостаточным потому, что здесь связь сущности и явления рассматривается только в рамках связи эмпирического и теоретического.

На наш взгляд, связь явления и сущности находит свое выражение на каждой ступени познания, поскольку эмпирически установленные законы, обобщения есть ступенька в познании сущности. Хотя последняя может быть сущностью лишь первого порядка, т. е. еще недостаточно глубокой в аспекте выявления внутренних отношений в их целостности.

Следовательно, эмпирическое познание способно раскрывать те или иные стороны внутренних отношений.

Теоретическое же познание оперирует категориями и понятиями для выявления внутренних отношений в системе целого, т. е. раскрывает сущность более глубокого (второго, третьего) порядка. Соответственно и способы воспроизведения действительности в теоретическом познании будут отличны от эмпирических способов. Они направлены на раскрытие сущностной основы явлений, их субстанции, законов ее деятельности, развития, т. е. в теоретическом освоении действительности конкретное предстает не как исходное в познании, а как результат логического процесса, позволяющего раскрыть явления в их внутренней взаимосвязи, в их целостности.

В эмпирическом же познании конкретное – это исходное в познании, а эмпирические способы исследования конкретного направлены на то, чтобы выделить общие свойства, общую основу явлений, т. е. найти то, что связывает их, обусловливает их единство. Но при эмпирическом обобщении исследователь, рассматривая сходное в явлениях, лишь предполагает существование такой основы.

В силу того что эмпирическое познание не охватывает еще в целостности (на субстанциональном уровне) сущностные отношения явлений, оно не может иметь той глубины доказательства, той степени необходимости, которая присуща теоретическому познанию. В общем процессе познания эмпирическое изучение подготавливает фактическую основу, данные, систематизирует и обобщает их в рамках тех или иных представлений для перехода к более глубокому раскрытию сущности иными – теоретическими – средствами, т. е. подготавливает эмпирическую базу к раскрытию сущности второго (более высокого) порядка.

Подобно тому, как логическое воспроизведение исторического развития в его существенных моментах и переходах углубляет исторический способ описания, теоретическое познание углубляет познание сущности, которая односторонне и неполно охватывается на эмпирической ступени.

Единство эмпирического и теоретического находит свое выражение и в понятиях, на различных уровнях познания различающихся и в своих функциях и в своей содержательности и вместе с тем обнаруживающих свою целостность.

Абсолютизация значения чувственного познания принижает значение теоретических форм познания, и сводит эмпирические формы к чувственным показаниям, а факт рассматривается как чувственное показание, как показание приборов. Эмпиризм в лучшем случае допускает равнозначность теоретического и эмпирического подхода в описательных научных понятиях, которые представляются не формами отражения объективной действительности, а формами регистрации научных фактов,

облегчающими течение научной информации.

В противоположность такому подходу марксистская философия в анализе процесса познания выделяет как существенный момент отношение знаний к отображаемому. Это позволяет глубже анализировать сущность понятий как форм познания, выявлять значение различных методов познания, правильно определять роль чувственного опыта, практики как важнейшего средства, помогающего раскрывать во взаимодействиях объектов сущностные отношения.

Факты, которые для позитивизма, в сущности, есть предел знаний, в действительности становятся средством раскрытия внутренних отношений, и только в системе взаимосвязей они обретают силу доказательности На уровне теоретического знания факт получает объяснение как явление, связанное со своей основой, субстанцией. Если теория не будет опираться на факты, не будет проверяться ими, она останется в области абстрактных построений, голых схем, т. е. окажется бесполезной, схоластической. Как без идеи нельзя получить плодотворные экспериментальные данные, так и без опоры на факты, на опыт нельзя получить объективно значимую, жизненную научную теорию.

Эмпирическое познание ограничено своими рамками, которые не позволяют достаточно глубоко выявить закономерности явлений в системе целого. В силу этого эмпирическое познание не обладает развитой предсказательной функцией. Из фактов прямо не выводится идея, хотя познающий субъект, выдвигая идею, объясняющую факты, опирается или принимает их во внимание. Ученый пользуется теоретическими конструкциями, гипотезой, интуицией. Существенное значение в их выдвижении имеют и философские принципы, научная картина мира и т. д. По-новому используются и понятия для выдвижения и формирования идей, теоретических построений.

Исследование новых неизвестных ранее науке структурных уровней организации материи все явственнее раскрывает внутреннюю связь между расширением сферы научного познания и его проникновением в глубинные процессы. Усложнение форм познания находит отражение и в изменении взаимодействия между эмпирическим и теоретическим уровнями и в новых формах образования понятий.

Понятия эмпирического уровня познания со временем могут превращаться в теоретические, но не все логические понятия имеют эмпирическую основу. Отметим, что не только эмпирические понятия, но и не всякая теория раскрывает источник самодвижения. Точно так же не всякая эмпирия ограничена рамками недиалектического подхода к анализу явлений в их отношении к общему. В анализе различий эмпирического и теоретического (эмпирических и теоретических понятий) существенное значение имеет характер абстрагирования, воспроизведение конкретного.

Если в эмпирическом познании обобщение конкретных свойств,

связей не доходит до раскрытия целого в его многообразных отношениях, включая противоречия, то при теоретическом познании главное внимание (главная познавательная задача) сосредоточивается на воспроизведении отражаемого в целом, в системе существенных отношений, т. е. как такого конкретного, которое основано на теоретическом синтезе, единстве многообразного.

Эмпирический путь познания, начиная с конкретного, использует созерцание и представление и ведет к абстрактному его выделению, к фиксации его свойств, отношений. Понятия в эмпирическом познании – это формы для выделения, обозначения и абстрагирования общего как сходного, обнаруженного практикой в предметно-чувственном познании. Индуктивный характер мысленного процесса на этом уровне познания связан с процессом становления и развития понятий в таких связях, которые ограничены эмпирическим содержанием и еще. не образуют логически завершенного целого. Однако было бы ошибкой абсолютизировать этот индуктивный процесс, не видеть его связи с дедукцией. Процесс эмпирического обобщения, как и образование понятий, так или иначе исходит из неявно или явно признаваемой посылки единства мира, существования общности как внутренней основы явлений.

В понятиях осуществляется синтез не только эмпирически получаемого знания, но и переход к его теоретической ступени, т. е. понятия – та сфера, которая замыкает два противоположно направленных процесса движения мысли: от чувственно конкретного к общему и абстрактному и от абстрактного через систему понятий, определений к конкретному в теории, в логическом отражении. Единство эмпирического и теоретического в понятиях как формах отражения объективной действительности достигается и реализуется в целостном процессе познания и практике.

Понятия как формы, заключающие в себе, с одной стороны, эмпирические обобщения, а с другой–теоретические объекты в их логических отношениях и связях, – важнейшие формы воспроизведения действительности в ее сущностных отношениях. В системе связей понятия обогащают свое содержание, на теоретическом уровне эти связи обретают статус логических отношений, чувственно-предметная сторона отступает на задний план, снимается, утрачивает свой образный характер.

Чтобы точнее очертить содержание используемого понятия в научном исследовании, обычно уточняется его смысл, особенно если возможны разночтения его в данном контексте. Вместе с тем с обогащением понятий новыми теоретическими связями выявляется богатство отношений между понятиями, они становятся более содержательными, определенными и вместе с тем более подвижными, динамичными. Происходит преобразование эмпирического содержания в теоретическое, как формы отражения они играют более активную роль в

развитии знаний. Не все понятия проходят одинаково сложный путь своего становления и развития. Некоторые из них формируются, как бы минуя эмпирическую ступень становления, развития, и вводятся в теорию для обозначения некого абстрактного объекта в теории, коррелят которого неизвестен или не может быть зафиксирован существующими эмпирическими средствами познания.

Содержание подобных понятий определяется логическими отношениями, необходимость его введения и существования в данной теории – потребностями, самой теории, необходимостью заполнения недостающего звена. Эти понятия рассматриваются как чисто логические конструкты, свободные изобретения разума. Логическая необходимость введения таких понятий может иметь широкую основу, опираться на всю совокупность знаний, косвенно включающих и эмпирические.

Несомненно, что переход к теоретическим формам означал скачок в развитии мышления, обусловленный новыми способами воспроизведения действительности в идеальных формах, широким использованием абстракции, моделирования, фантазии.

Большое значение приобретают категориальные структуры мышления, на основе которых идут поиска новых сущностных отношений. Творческий процесс в силу этого приобретает новые формы, включая как. дискурсивное, так и интуитивное мышление.

Несравненно более широкая область возможного в сущностных отношениях в сфере общетеоретических построений не означает, что она неограниченна. Область возможного ограничена общими логическими формами я принципами мышления, отражающими в широких аспектах действительность.

Если же помнить эту связь, которая в логике может быть многократно опосредованной, тогда становится ясным, что свобода в конструировании понятий подчинена задаче поиска логических отношений, связей, необходимых для раскрытия сущности изучаемой действительности. Тогда логически объяснимо, почему подобные понятия находят свою физическую интерпретацию, связаны с предметно-чувственным содержанием. Во-первых, это обусловлено тем, что они возникли в системе понятий, выражающих явно или неявно (в логической форме) предметное содержание; во-вторых, тем, что познание изучаемого объекта в системе целого выявляет необходимые введения понятия с логически содержательной смысловой нагрузкой. Поэтому неудивительно, что такое понятие в системе своих отношений становится содержательным, может быть уточнено, развито, интерпретировано в общей ткани научного познания.

Интуиция и свобода творчества в формировании и введении понятий – необходимый элемент творческого познания, помогающий абстрагироваться от частностей, устаревших, недостаточно широких

принципов, выйти в; сферу неизвестного, нового. История науки знает немало примеров введения понятий и принципов не от эмпирии, а от логической необходимости, от целого, из потребностей построения такого целого, которое объясняло бы новые факты

В последующем развитие теории на основе использования новых понятий, принципов, развития практики подтверждало или не подтверждало их объективность и необходимость. Для подтверждения нередко имело существенное значение не только развитие данных принципов в теории, но и поиски их выхода в практику, в эмпирию, для чего требовалось дальнейшее развитие экспериментальных и эмпирических знаний в указанных новой теорией направлениях, построение абстрактной модели, проведение мысленных экспериментов.

ИГРА ФИГУР В КАСТОМИЗИРОВАННЫХ СРЕДАХ

А. С. Шохов

Проблема исследования сложного, оказавшись в центре внимания философов и ученых во второй половине XX века, способствовала появлению множества подходов. Они возникали в рамках синергетики (Г. Хакен, В. С. Степин и др.), трансдисциплинарности (Ж. Пиаже, Б. Николеску и др.), акторно-сетевой теории (Б. Латур, М. Каллон и др.), системной теории (Н. Луман), парадигмы сложностности (В. И. Аршинов, Я. И. Свирский и др.), «метод-сборки» (Джон Ло).

Проблему исследования сложного Никлас Луман сформулировал так: «Ни в одной из специальных дисциплин не найдется исследователя, который мог бы охватить знание в целом <…> мы имеем дело с высококомплексными структурированными системами, собственная динамика которых непроницаема и нерегулируема для любого наблюдателя» [1, с. 114]. Перечисленные характеристики сложных объектов (неохватность, непроницаемость и нерегулируемость) являются существенным ограничением для их исследования и управления ими.

Можно ли каким-либо образом познавать сложное, несмотря на сформулированное Н. Луманом ограничение? Этот вопрос вдохновляет исследователей на поиски. Одним из направлений таких поисков является изучение сред.

Интерес к средам как предмету философского анализа активно проявился во второй половине 20 века. Специфическое развитие тема среды получила в environmental philosophy (M. Auer, J. Benson и др.). В философском контексте различные аспекты и особенности сред исследовались И. В. Ершовой-Бабенко [2; 3] (ею, в частности, был введен в научный оборот термин «психомерные среды» [2, с. 37]), В. Е. Лепским [4, с. 97–136]. Неоднократно к термину «среда» обращались

Л. Н. Богатая [5, с. 22, с. 201, с. 330], И. С. Добронравова [6, с. 157], М. А. Можейко [7], В. С. Степин [8, с. 48–49] и многие другие исследователи. Понятие «среда», обычно обозначает нечто внешнее по отношению к изучаемым объектам или субъектам [5, с. 330], иногда среда понимается как нечто, еще не ставшее системой, но имеющее шанс стать ею [2, с. 19]. В данной статье предпринята попытка применения некоторых терминологических конструктов для моделирования и изучения сложного.

Среда может быть описана относительно некоей фигуры, имеющей границу, разделяющую ее внутреннюю и внешнюю среду. С точки зрения каждой данной фигуры, другие фигуры находятся в ее внешней среде. Проведение границы фигуры – это операция «distinction» [9, с. 1]. Фигурогенез можно определить как проведение замкнутой границы между внутренней и внешней средой и констатацию различий по обе стороны границы. Фигурогенез отличается от термина «фигурация», введенного Б. Латуром («сила – это одно, а придание ей формы (фигурация) – другое» [10, с. 78]). Латур описывает фигурацию в терминах силы, имея в виду, что сила может быть оформлена в виде различных фигур, которые описываются как источники действия. В данном случае фигура – это скорее геометрически сконструированный оптический инструмент для различения взаимодействующих в среде целостностей.

Фигура – это интеллектуальный конструкт, который помогает мыслить о чем-либо сложном как о целом. Сборка (термин Б. Латура [10]) этого конструкта напоминает процесс составления географических карт, в котором реальные объекты ландшафта моделируются геометрическими фигурами на бумаге или экране. Одновременно эти объекты ландшафта в каком-то смысле создаются, поскольку получают имена и соотносятся с различными классификационными шкалами.

Наблюдатель не может провести границу фигуры как пожелает. Ее сборка не является результатом только мыслительной деятельности. Как появляется на карте погоды, например, такая фигура как грозовой фронт? Грозовой фронт – это интеллектуальный конструкт, созданный синоптиком как модель реального грозового фронта, который возник из-за разницы в атмосферном давлении и температуре, а также из-за атмосферного электричества, влажности воздуха, скорости ветра и множества других факторов. Фигура грозового фронта, возникшая в сознании синоптика, является плодом сотворчества синоптика и реальных сил природы, сборка фигуры (фигурогенез) происходит в этом весьма специфическом соавторстве. Число соавторов может значительно возрасти, если синоптик работает не один. Коммуникация внутри команды синоптиков позволяет согласовать какими именно свойствами и характеристиками следует наделить интеллектуальный конструкт, чтобы он полнее соответствовал объекту, выделяемому в реальности. Необходимо отметить, что с одной стороны именно благодаря

собираемому интеллектуальному конструкту (фигуре) у команды синоптиков появляется специфическая оптика, благодаря которой они могут выделять в реальном мире объекты, соответствующие данному комплексу свойств и характеристик, с другой выделенные в реальности объекты в значительной мере определяют, как будет собран интеллектуальный конструкт.

Фигура может быть собрана не только как отображение некоей системы, конкретного человека или отдельного объекта (например, грозового фронта). Биологический вид синих китов, человечество, экономика, живопись, политика, экосистема – это понятия, которые могут быть опорными для сборки соответствующих фигур. Несмотря на то, что перечисленные понятия не имеют денотата (в реальном мире не существует вещей, которые можно назвать «биологическим видом синих китов», «человечеством», «экономикой», «живописью», «политикой», «экосистемой»), собранные на их основе фигуры позволяют мыслить об этих целостностях как о существующих объектах.

Фигуры обретают специфическое бытие между реальностью и сознанием исследователей, как оптические инструменты, благодаря которым оказывается возможным наблюдать то, что ранее было ненаблюдаемо или наблюдаемо лишь фрагментарно. По этой причине, хотя фигура и является интеллектуальным конструктом, о ней можно говорить как о целом, выделенном в среде и как о целом, существующем в реальности. Как бы парадоксально это ни звучало, фигура в одно и то же время является и не является объектом реального мира, фигура – это процесс и результат сложной сборки сложного, в которой реальный мир – один из соавторов. Для моделирования взаимодействия фигур исследователь может применить подход социологии перевода М. Каллона [11].

Целесообразно различать внутреннюю и внешнюю среду фигуры. Эти среды могут быть в той или иной мере сложно организованы. Между внутренней и внешней средой происходит обмен различными веществами, внутренняя и внешняя среды могут взаимодействовать посредством разнообразных физических полей, биохимических реакций и т. п. Фигуры могут обмениваться друг с другом сигналами, а на более сложных уровнях организованности их внутренней среды – сообщениями.

В мышлении исследователя, вовлеченного в фигурогенез, возникают модели средового порядка, которые в той или иной степени резонируют с тем, что он наблюдает. По Джону Ло «метод-сборка может быть понята как резонанс, так как она работает путем обнаружения и создания регулярностей в мире» [12, с. 296]. Метод-сборка «производит конфигурации и сборки вещей (а также отчеты о них), которые могли бы быть иными» [12, с. 294]. Фигурогенез – это пример практического применения метод-сборки.

Для каждой выделенной фигуры внешняя среда предоставляет или не предоставляет необходимые вещества или поля, необходимые ей для устойчивого функционирования внутренней среды. Так возникают представления о благоприятной и неблагоприятной среде обитания, о стратегиях поведения во внешней среде, о создании условий для функционирования и развития фигур и т. д. С позиций каждой фигуры описание внешней среды может различаться по степени ее благоприятности. Это приводит к принципиальной невозможности объективного знания о внешней среде.

Фигура не является пассивным образованием. Она изменяет и приспосабливает внешнюю среду с целью увеличить степень ее благоприятности. Поскольку другие фигуры для нее также являются объектами внешней среды, фигура выстраивает с ними такие конфигурации сетей обмена, при которых ее внутренняя среда получает все необходимое для устойчивого функционирования. *Каждая из фигур стремится кастомизировать внешнюю среду под свои запросы*. Время от времени фигуры вступают друг с другом в конкурентные отношения или в отношения кооперации, что создает *сложную конфигурацию игры фигур в кастомизированных средах*.

В игре за ресурсы любая установившаяся конфигурация сетей обмена, любое распределение возможностей и угроз недолговечны и сохраняют актуальность до следующего изменения, что формирует неиссякаемый источник игровой динамики.

Литература и источники

1. Луман, Н. Что такое коммуникация? / Н. Луман // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 114–124.

2. Ершова-Бабенко, И. В. Психосинергетика / И. В. Ершова-Бабенко. – Херсон: Изд-во «Гринь Д. С.», 2015. – 488 с.

3. Ершова-Бабенко, И. В. Психосинергетика / И. В. Ершова-Бабенко. – Сумы: Университетская книга, 2017. – С. 118–141.

4. Лепский, В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития / В. Е. Лепский. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2010. – 255 с.

5. Богатая, Л. Н. На пути к многомерному мышлению / Л. Н. Богатая. – Одесса: Печатный дом, 2010. – 481 с.

6. Добронравова, И. С. Практическая философия науки / И. С. Добронравова. – Сумы: Университетская книга, 2017. – 352 с.

7. Можейко, М. А. Синергетика // Гуманитарная энциклопедия: Концепты. Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gtmarket. ru/ concepts/ 6876. – Дата доступа: 13.02.2020.

8. Степин, В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма / В. С. Степин // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2013. – № 4. – С. 45–59.

9. Spenser-Brown, G. Lows of form / G. Spenser-Brown. – New York: 1979. – 143 p.

10. Латур, Б. Пересборка социального / Б. Латур. – М.: Издательский дом Высшей Школы Экономики, 2014. – 384 с.

11. Каллон, М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Брие. / М. Каллон // Логос. – 2017. – С. 49–94.

12. Ло, Джон. После метода: беспорядок и социальная наука. / Джон Ло. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 352 с.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НАЦИИ: СИСТЕМА ТРАДИЦИЙ ИЛИ СУММА ТЕХНОЛОГИЙ?

В. К. Щербин

Использование в научной литературе многочисленных терминов, имеющих в своем составе определение интеллектуальный (интеллектуальные инновации, интеллектуальные тенденции, интеллектуальные технологии, интеллектуальные традиции и др.), дает основания предполагать, что все подобные термины каким-то образом связаны между собой и взятые в совокупности наиболее полно характеризуют феномен «интеллектуальная культура нации». Однако более близкое знакомство с понятийным содержанием отдельных из перечисленных выше терминов показывает наличие у них взаимоисключающих значений.

В частности, что касается изучения интеллектуальных традиций (далее ИТр), то сегодня их понятийным содержанием интересуются и дают ему свою отличающуюся интерпретацию представители самых разных национальных научно-образовательных школ. К примеру, Ж. Деррида считает, что «осознать науку как традицию – значит осознать ее интегральную историчность. Отсюда любое внутринаучное прояснение, любой возврат к первым аксиомам, к первоначальным очевидностям и учреждающим понятиям есть в то же время "историческое разоблачение". Каким бы ни было наше невежество в реальной истории, нам априори известно, что всякое культурное, а значит и научное, настоящее предполагает в своей целостности целостность прошлого» [1, с. 142].

По мнению же О. Г. Шавровой, изучение ИТр имеет важное значение не только для познания прошлого, но и для прогнозирования будущего: «Нарастающий динамизм общественно-политических и этнокультурных процессов, порождающий ощущения социальной нестабильности и катастрофизма, вызывает необходимость обращения к основаниям культуры. Таким основанием, обеспечивающим устойчивое функционирование культуры и процессы преемственности в ее развитии, является культурная традиция. Представляя собой социальный механизм наследования культурно-исторического опыта от поколения к поколению,

а также необходимую форму сохранения и развития культуры, традиция одновременно выступает как достояние прошлого и как проекция в будущее, преломляясь в настоящем и организуя его. Без ее изучения нельзя адекватно осмыслить историю, понять современность и прогнозировать будущее» [2, с. 3].

Интересной является также мысль И. Т. Касавина о том, что «традиция представляет собой способ аккумуляции и трансляции коллективного опыта человеческой деятельности, выраженного в социальных стереотипах. Это значит, что в ней запечатлены схемы, нормы и идеалы опредмеченного труда. Но, с другой стороны, традиция является формой неявного знания, т. е. знания, которое существует только в процессе непосредственного общения между людьми» [3, с. 52–53].

Объединяющими моментами в понятийном содержании приведенных выше определений ИТр являются следующие: 1) историзм таких традиций; 2) их социально-прогностический характер; 3) их неявное присутствие в сознании (разуме) людей в процессе общения друг с другом.

Совсем иным набором объединяющих моментов обладают имеющиеся в научной литературе определения интеллектуальных технологий (далее ИТех). Так, А. И. Ракитов определяет термин *интеллектуальная технология* следующим образом: «…никогда еще не существовало такой технологии, которая по самой природе своей, по сущности могла бы считаться интеллектуальной. <…> Если не придавать излишне прямого и примитивного смысла словам, то в случае интеллектуальной технологии речь идет о следующем: современные компьютеры представляют собой быстродействующие вычислительные устройства. <…> В силу этого начало массового производства компьютеров можно рассматривать как начало эры интеллектуальных технологий. Тем более что компьютеры находят применение далеко за пределами собственно вычислительной деятельности» [4, с. 8–9].

В свою очередь, Т. А. Гаврилова и В. Ф. Хорошевский берут за основу определения ИТех не только использование в них компьютеров, но и применение таких технологий для решения проблем создания искусственного интеллекта, так называемых мультиагентных систем и иных задач: «Проблематика интеллектуальных агентов и мультиагентных систем (МАС) имеет уже почти 40-летнюю историю и сформировалась на основе результатов, полученных в рамках работ по распределенному искусственному интеллекту (DAI), распределенному решению задач (DPS) и параллельному искусственному интеллекту (PAI). Но, пожалуй, лишь в последнее десятилетие она выделилась в самостоятельную область исследований и приложений и все больше претендует на одну из ведущих ролей в рамках интеллектуальных информационных технологий» [5, с. 317].

Наконец Ю. В. Рождественский рассматривает всю сумму ИТех,

ставящую своей целью «отбор основных технологий и их правильное сочетание, которое формирует техническую грамотность как структуру умений человека, открывающую ему путь в сферу практики» [6, с. 84].

Как можно видеть из приведенных выше определений ИТех, основными объединяющими моментами в их содержании являются следующие: 1) компьютерный характер таких технологий; 2) их использование для создания искусственного интеллекта; 3) их ориентированность на формирование у своих пользователей технических навыков и технической грамотности; 4) их применение в сфере практики.

Проведение сравнительного анализа перечней объединяющих моментов, характеризующих понятийное содержание определений ИТр и ИТех, позволяет сделать вывод о наличии существенных различий в векторной направленности ИТр и ИТех: если главным ориентиром для ИТр является концепт «разум», то для ИТех в качестве такого ориентира выступает концепт «интеллект». Об инструментальных отличиях указанных концептов Эрих Фромм писал следующее: «Разум есть способность людей мысленно *постигать* мир в противоположность интеллекту, под которым следует понимать способности *манипулировать* миром с помощью рассудка. Разум – это инструмент, с помощью которого человек познает истину. Интеллект – это инструмент, который ему помогает успешно действовать в мире. Первый является человеческим по своей сущности, второй принадлежит животной части человека» [7, с. 481].

Поэтому гармонично совместить в рамках интеллектуальной культуры нации ИТр и ИТех вряд ли получится. Как справедливо заметил А .А. Лазаревич, «глядя на процесс глобализации, "интеллектуал" видит в этом процессе возможности для самореализации, а "интеллигент" нередко противится этим тенденциям, видит в них угрозу для своей духовной жизни и для общества в целом» [8, с. 39]. Более того, по мнению И. Т. Касавина, «вопрос о сохранении преемственности – это, скорее, переформулировка вопроса о том, можно ли сохранить относительную автономию научного сообщества от коммерции или идеологии. В противном случае исчезнут научные школы, фундаментальная наука станет делом одиночек, а сохранится лишь "технонаука", работающая на социальный заказ» [9, с. 11].

Литература и источники

1. Деррида, Ж. Введение // Гуссерль Э. Начало геометрии / Пер. с фр., нем. – М.: Издательская фирма «Ad Marginem», 1996. – С. 9–209.

2. Шаврова, О. Г. Феномен культурной традиции в современной философской герменевтике // Ноумен: Сб. науч. работ молодых ученых и аспирантов фак-та философии и социальных наук БГУ. – Минск: БГУ, 2005. – Вып. 4. – С. 3–8.

3. Касавин, И. Т. Традиция познания и познание традиций (О некоторых социальных механизмах познавательной деятельности) // Вопросы философии. – 1985. – № 11. – С. 51–60.

4. Ракитов, А. И. Введение (естественный интеллект и искусственный интеллект) // Когнитивная наука и интеллектуальная технология: Реф. сб. – М.: ИНИОН, 1991. – С. 5–27.

5. Гаврилова, Т. А. Базы знаний интеллектуальных систем / Т. А. Гаврилова, В. Ф. Хорошевский. – СПб.: Питер, 2000. – 384 с.

6. Рождественский, Ю. В. Словарь терминов (Общеобразовательный тезаурус): Общество. Семиотика. Экономика. Культура. Образование. – 2-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 112 с.

7. Фромм, Э. Ситуация человека – ключ к гуманистическому психоанализу: Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии. Сб. переводов с англ., нем., фр. Сост. П. С. Гуревич; общ. ред. Ю. Н. Попов. – М.: «Прогресс», 1988. – С. 443–482.

8. Лазаревич, А. А. Феномен «новой социальности» и проблемы ее научного постижения // Интеллектуальная культура Беларуси: когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания: материалы четвертой междунар. науч. конф., Минск, 14–15 ноября 2019 г. / В 2-х т. – Мн.: Изд-во «Четыре четверти», 2019. – Т. 1. – С. 37–40.

9. Касавин, И. Т. Выступление на круглом столе «Гуманитарные науки: вчера, сегодня, завтра» // Человек. – 2015. – № 2. – С. 9–12.

ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ В АКАДЕМИЧЕСКОЙ ДОКТОРАНТУРЕ

Э. М. Щурок

В Национальной Академии наук Беларуси, которая является высшей государственной научной организацией Республики Беларусь, подготовка научных кадров высшей квалификации выделяется в качестве приоритетного направления деятельности. Так, в 2019 г. образовательную программу второй ступени послевузовского образования реализовывали 34 научные академические организации [5, с. 384].

Основные показатели деятельности докторантуры в организациях НАН Беларуси за период 2012–2019 гг. представлены в таблице 1, что позволяет говорить об определенных проблемах в сфере подготовки научных кадров высшей квалификации. С 2012 г. в академической докторантуре происходят существенные количественные изменения. В 2012 г. численность докторантов в научных организациях НАН Беларуси составила 30 чел., а в 2019 г. в академической докторантуре обучалось уже 101 чел. Следует отметить, что в связи со вступлением в силу Кодекса Республики Беларусь об образовании, с 2012 г. в общую численность докторантов стали включать лиц, которые проходят обучение в форме соискательства. Так, в 2019 г. количество докторантов значительно выросло по сравнению с 2012 г. – в 3,4 раза, при этом в дневной докторантуре обучается только 34 человека, а 67 докторантов проходят

обучение в форме соискательства [1, с. 260; 5, с. 384]. Таким образом, начиная с 2016 г., рост численности докторантов происходит за счет обучающихся в форме соискательства.

Таблица 1. Динамика основных показателей деятельности докторантуры НАН Беларуси за период 2012–2019 гг (чел.) [1–5]

Годы	Принято в докторантуру	Выпуск докторантов	в том числе				Численность докторантов на конец года всего/очная форма/соискательство
			с защитой диссертации		с проведением предварительной экспертизы диссертации		
			чел.	%	чел.	%	
2012	9	8	–	–	–	–	30/17/13
2013	11	4	1	25,0	–	–	34/22/12
2014	6	10	–	–	–	–	28/15/13
2015	15	6	–	–	–	–	35/16/19
2016	29	6	–	–	1	16,7	54/17/37
2017	15	6	–	–	1	16,7	67/17/50
2018	29	7	–	–	–	–	88/27/61
2019	25	12	1	8,3	1	8,3	101/34/67

Оценку эффективности деятельности докторантуры следует проводить исходя из совокупности различных показателей, не только таких, как выпуск из аспирантуры, выпуск с защитой диссертации в срок обучения, выпуск с проведением предварительной защиты диссертации, но и с учетом защиты диссертации в течение 2–3 лет после окончания докторантуры.

Результативность докторантуры организаций НАН Беларуси за рассматриваемый период крайне низка. С 2014 по 2018 гг. не было ни одной защиты в срок обучения, и только 2 человека закончили докторантуру с проведением предварительной экспертизы диссертации. В 2019 г. выпуск докторантов составил 12 чел., и только 1 выпускник защитился в срок обучения в докторантуре и 1 человек завершил обучение с проведением предварительной экспертизы диссертации.

Оценить динамику такого показателя, как защита диссертации в течение 2–3 лет после окончания докторантуры, не предоставляется возможным в связи с отсутствием информации в официальных источниках. Данный показатель целесообразно и возможно рассматривать, так как в Республике Беларусь с 2012 г., согласно Постановлению Государственного комитета по науке и технологиям от 9 января 2012 г. № 1, функционирует информационно-аналитическая система мониторинга подготовки научных работников высшей квалификации (далее – АСМ НРВК), содержащая широкий спектр количественных и качественных показателей, детальное изучение и анализ которых дали бы возможность более полноценно и обоснованно оценить эффективность

функционирования системы академического послевузовского образования в целом, определить проблемные точки.

Несмотря на то, что численность обучающихся в докторантуре научных организаций НАН Беларуси существенно повысилась, наибольшая численность докторантов сохраняется в учреждениях послевузовского образования Министерства образования (45,4% в 2018 г.), а на долю научных организаций НАН Беларуси приходится только 15,7% от общей численности докторантов по республике [6, с. 124].

Система подготовки научных кадров высшей квалификации в НАН Беларуси на сегодняшний день показывает, что комплекс государственных мер, реализуемый с целью привлечения талантливой молодежи в науку, является недостаточным и не может полностью решить вопросы с научными кадрами высшей квалификации в научной сфере. Необходимо отметить, что в целях стимулирования научно-педагогической деятельности Указом Президента Республики Беларусь от 18 октября 2019 г. № 386 «О стимулировании научной деятельности и совершенствовании оплаты труда» с 1 сентября 2019 г. увеличены размеры стипендии докторантов на 513,4 рубля (с 424,8 до 938,2 рубля), а стипендии аспирантов – на 265,6 рубля (с 312,8 до 578,4 рубля). Данная мера, конечно же, направлена на повышение привлекательности как аспирантуры, так и докторантуры среди научных работников, однако какой эффект такая материальная поддержка окажет на результативность деятельности системы подготовки кадров высшей квалификации, пока оценить трудно, так как не решена проблема последующего удержания кадров в научных организациях. Недостаточный в мировом сравнении уровень оплаты труда ученых, а также низкий уровень социальной защищенности научных работников может в перспективе нарушить систему воспроизводства научных кадров высшей квалификации, привести к разрушению национальных научных школ.

Литература и источники

1. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2012 году. – Минск: Национальная академия наук Беларуси, 2013. – С. 255–262.

2. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2013 году. – Минск: Национальная академия наук Беларуси, 2014. – С. 265–266.

3. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2015 году. – Минск: Национальная академия наук Беларуси, 2016. – С. 261–290.

4. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2017 году. – Минск: Национальная академия наук Беларуси, 2018. – С. 227–232.

5. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2019 году. – Минск: Национальная академия наук Беларуси, 2020. – С. 378–386.

6. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2018 года: Аналитический доклад / под ред. А. Г. Шумилина, В. Г. Гусакова. – Минск: ГУ «БелИСА», 2019. – С. 116–128.

ЭВРИСТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТУИЦИИ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

И. Н. Юдкин-Рипун

Построение логики интуитивного мышления основывается на предложенной Э. Гуссерлем еще в 1913 г замене свойств (атрибутов) субъекта (присущих также иным субъектам) его частями [8, с. 25–26], актуализирующими его имманентные возможности, что подразумевает лейбницианский «принцип содержания предиката высказывания в его субъекте» [2, с. 171]. Соответственно, понятийная иерархия «род – вид», выражаемая рядами гипернимов – гипонимов (обозначений, соответственно, классов и входящих в них подклассов или индивидов) преобразуется в отношение «целое – часть», выражаемое рядом холонимов – меронимов (обозначений, соответственно, целого и его частей), которые становятся предметом пристального внимания лексикологии в последние годы [5]. Первоисточником тут является герменевтика, в частности принцип «герменевтического круга» как техники интерпретации текста, основывающейся на противопоставлении и взаимной коррекции частей и целого для аппроксимации скрытого смысла. Очевидной предпосылкой такой процедуры является парцелляция текста (и вообще субъекта действия), расчленение его на обособленные, замкнутые части, а тем самым и циклизация, выявление периодической структуры, где возникает противопоставление «внутренне – внешнее» (по известной теореме Жордана в топологии), а, следовательно, и дистанция, барьер между частями субъекта и между целым субъектом и миром. В пределе такие обособленные части обретают свойства уникальности и становятся эйдетическими предметами, а обозначающие их меронимы преобразуются в эйдонимы – имена собственные. Наглядный пример эйдетического переосмысления частей как индивидуальных мест демонстрируют топонимы географической карты, где «свойства объекта наследуются от множества» [3, с. 40]. Нечто подобное происходи на театральной сцене, где предметы как части обстановки обретают смысл индивидуальных субъектов.

Переход от герменевтической парцелляции и циклизации к дистанции как основному качеству эйдетического образа позволяет определить его как изолирующую абстракцию – индивидуацию. Наглядным примером является контурный рисунок, силуэт – абстрагирование границы предмета как представителя (экземпляра) класса – неотъемлемой части изображаемого субъекта. Тогда возникает задача идентификации, опознавания эйдетической абстракции, определения ее прототипов как поиск опосредования возникшей дистанции между внутренностью образа и внешним миром. Этот мир осмысливается как

историческая реальность (которая всегда отдалена дистанцией и постигаема только опосредованно), а отношение «субъект – мир» представимо как «текст – эпоха». Существенно, что опосредование дистанции выступает как проекция текста изнутри вовне (а не как «копирование» внешнего), в частности, построение глубины плоскостного изображения. Ярким примером первичности текста тут может служить творческая история романа «Братья» К. Федина, где в уже созданном персонаже Никите Кареве писатель «задним числом» узнал черты композитора Ю. Шапорина, с которым прежде знаком не был.

Между тем задачи поиска прототипов эйдетических абстракций как опосредования дистанции принадлежат эвристике, поскольку здесь заранее неизвестно, имеют ли они решение: например, известный «принцип Паппа» (название предложено Г. Пойа), т. е. решение «с конца», с предположением о достигнутом результате, является эвристической гипотезой, которая проверяется (и опровергается) самой процедурой поиска. Заметим, что такой подход практикуется в драматургии, где пьеса (сценарий) пишется именно «с конца». Если герменевтическая циркуляция между целым и деталями основывается на пресуппозиции существования метасистемы решений (в частности, риторических правил построения текста), то в эвристической процедуре априорное знание отсутствует, а «неопределенность поиска приводит нас к потенциально бесконечному лабиринту» [4, с. 32–33], где происходит уже осцилляция между альтернативными выборами. Как циркуляция в герменевтике, так и осцилляция альтернативных ходов в эвристике обнаруживают рекуррентную зависимость последующих шагов от предыдущих, обратную связь (рекурсию) внутри циклов процедуры, что определяет ритмическую структуру действий интерпретации [7]. Однако если для герменевтики ритм основывается на автоматизме этих связей, то неопределенность начальных условий и достижение озарения (инсайт) обуславливает кумулятивное строение эвристического процесса (тогда как герменевтическая циркуляция не имеет начальных и конечных пределов). При восприятии музыкального ритма «слушатель вовлекается в поисковую прогностическую деятельность» [6, с. 171], где эвристические операции становятся посредником для опознавания текстовых прототипов.

Особенно существенна ритмичность для построения глубины плоскостного изображения, которая появляется в результате внутренних трансформаций его линейной структуры, выбора масштабных альтернатив, циклизации плоскости замкнутыми контурами, установления рекуррентных зависимостей между ними. Внутренняя организация рисунка, где «ритмика параллельных рядов – вот основная проблема, возникающая на основе силуэтного видения» [9, с. 49], предшествует выходу за пределы картинной плоскости. Тогда проекция изображения вовне, идентификация его прототипа предстает как инверсное его

преобразование или ротация, соответствующая эвристическим альтернативным ходам построения пути в лабиринте, так что плоскость представляется наподобие свитка, развернутого вдаль. Увеличение размерности картинной плоскости обеспечивается построением замкнутых циклов, где линия рисунка становится пространственной, а не плоскостной, по образцу этого пути. В более общем смысле рост размерности текста, размыкание его пределов оказывается тем гравитационным «дальнодействием», благодаря которому преодолевается дистанция с историческими прототипами эпохи. Глубина плоскостного изображения, открывающая с ростом размерности внешний мир, раскрывается в феноменологическом смысле как сущность, просвечивающая за поверхностным явлением.

Поэтому эвристическая модель поиска выхода из лабиринта внутреннего текстового пространства во внешний мир оказывается средством реконструкции метасистемы, определяющей строение интерпретируемого текста. В эвристике метод решения задач не дан, а находится в процессе поиска самого решения: примером может служить формирование художественной прозы как альтернативы традиционной риторике, в ходе исторического развития создавшей свою риторику. Прототипы эйдетических образов мыслятся не как их исторические идентификаторы, но как идеалы, принадлежащие этой реконструируемой метасистеме. Такой подход особенно наглядно демонстрирует театральное искусство, где изучаются возможности, предоставляемые персонажам соответствующей эпохой. В эвристике, как и в герменевтике, отношение «целое – часть» переосмысливается как «цель – средства», но, в отличие от последней, наличие цели не определено изначально, а устанавливается в поиске (как выход из лабиринта). Поскольку «именно в тупиковых ситуациях рождаются изобретательские задачи и как преодоление тупика возникают изобретательские решения» [1, с. 99], размыкание герменевтического круга замкнутого текста в пространство истории является призванием эвристики.

Литература и источники

1. Антонов, А. В. Психология изобретательского творчества / А. В. Антонов. – Киев: Вища школа, 1978. – 176 с.

2. Измайлов, Г. В. Лейбниц и Гегель: понятие субстанции или субъекта / Г. В. Измайлов // Историко-философский ежегодник. – М.: Наука, 2005. – С. 168–187.

3. Лобанов, А. А. Геознание как новая форма знания / А. А. Лобанов // Перспективы науки и образования. – 2014. – № 5 (11). – С. 37–44.

4. Серебрянников, О. Ф. Эвристические принципы и логические исчисления / О. Ф. Серебрянников. – М.: Наука, 1970. – 284 с.

5. Слива, Т. В. Меронимы в составе ассоциативно-семантических групп / Т. В. Слива // Науковий часопис Національного педагогічного університету. Сер. 9. Сучасні тенденції розвитку мов. – 2014. – Вип. 11. – С. 223–227.

6. Юдкин, И. Н. Эстетико-психологические аспекты выразительности музыкального ритма: дис. … канд. искусствоведения / И. Н. Юдкин. – Киев, 1982. – 201 л.

7. Юдкін-Ріпун, І. М. Художні деталі в семантичному ритмі театрального твору / І. М. Юдкін-Ріпун // Мистецтвознавство України. – 2020. – № 20. – С. 280–287.

8. Husserl, E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1913. 1-r Band. Teil 1. V, VII, 323 S.

9. Strzeminski, Wl. Teoria widzenia / Wl. Strzeminski. – Krakow: Wydawnictwo literackie, 1969. – 256 s.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ ИНФОРМАЦИИ

В. Н. Яхно

Двадцать первый век невозможно представить без интернета, современное общество часто определяют как эру вычислений и поиска информации, а в научную лексику вошли такие термины, как информационная этика, философия информации, информационное правосудие, социальные сети, поисковые системы и другие. Практически все наши современники – это пользователи (юзеры) «мировой паутины», и все они в той или иной степени стали зависимы от результатов, которые получают в ответ на свои запросы в поисковых системах. Получаемая информация может затрагивать практически любые аспекты науки, техники и, к тому же, часто помогает решать бытовые затруднения. Однако повседневная практика широкого использования веб-поисковиков, как любое ежедневное событие, многолика: кроме очевидных достоинств существуют и проблемы, требующие осмысления и решения.

В первую очередь, это проблема сохранности личных данных, или конфиденциальности. Она возникает, прежде всего, в ситуации, когда пользователи являются субъектами поисковых запросов и могут быть дополнительно дифференцированы с точки зрения двух различных позиций, так как поисковые системы «настроены» и, можно сказать, «привыкли»: а) отслеживать местоположение отдельных лиц (иногда с целью их преследования) и б) получать личную информацию о людях. Личная информация о пользователях обычно собирается, когда поисковые системы используют их для «информационной деятельности». Почему именно это проблематично с точки зрения конфиденциальности? Дело в том, что поисковые компании, например, Google создают запись каждого

поиска, сделанного пользователями, и эти записи архивируются. Как известно, одно из первых серьезных публичных разбирательств, связанное с утечкой личных данных, произошло в 2006 году, когда многие пользователи Google узнали, что поисковая компания вела журнал всех своих предыдущих поисков. Четыре крупных «поисковика» были вызваны в суд администрацией Буша: Google, Yahoo, AOL и Microsoft. Администрация президента проинформировала их о том, что необходимо передать список всех запросов пользователей, введенных в их поисковую систему в течение одной недели. Тогда решение чиновников госаппарата получить и проанализировать информацию о поисковых запросах обычных пользователей вызвало резкую критику со стороны многих защитников конфиденциальности, но администрация заявила, что имеет право запрашивать электронную информацию для борьбы с угрозой войны и с терроризмом [1].

В настоящее время личная информация пользователей активно интересует не только правительственные структуры, но и коммерческую сферу жизнедеятельности общества, ее ищут так называемые «торговцы информацией» и используют для создания личных профилей. Известно о существовании примерно 500 компаний, которые в состоянии отслеживать все наши онлайн-движения. Тем самым поиск информации в интернете уподобился добыче сырья и его продаже, что позволяет нам сравнить этот процесс с анализом данных об экономической деятельности, например, горнодобывающей компании. Так, Google интегрирует информацию, собранную из Web cookies, из учетных записей пользователей, из приложений Google, таких как Gmail и Google Chrome, тем самым обеспечивая мощную инфраструктуру данных для мониторинга, записи и агрегирования деятельности пользователей в Интернете. Кроме того, Google и другие крупные поисковые компании используют «двигатели прогнозирования», чтобы построить и уточнить данные о том, кто мы (и что мы хотим делать дальше). Используя личную информацию, можно накопить в среднем 1500 единиц данных о каждом человеке в своей базе данных – это личные данные, которые варьируются от кредитных баллов до используемых лекарств.

Запросы пользователей поисковыми компаниями могут иметь важное значение и для становления свободного и открытого общества. В первые дни интернета многие полагали, что технология поисковых систем как раз способствует развитию демократии и демократических идеалов, а многие популяризаторы интернета рассматривали поисковые системы как технологию, которая способна дать голос различным социальным, экономическим и культурным группам, тем членам общества, которые не часто слышны в общественной сфере, и тем самым расширить возможности традиционно бесправных, предоставляя им доступ как к новым способам коммуникации с властью, так и к ранее недоступным

источникам информации. Однако, в реальности, возможности современного искусственного интеллекта можно рассматривать и как «антидемократический» аспект поисковой технологии, так как поисковые системы «умеют» исключать определенные веб-сайты или избирательно «фильтровать» информацию, фактически играя роль цензора. Быстрое развитие IT-технологий все чаще демонстрирует ситуации, когда доступ к информации все в большей мере контролируется более мощными, все более непрозрачными и почти полностью нерегулируемыми поисковыми системами, которые могут формировать и искажать наше будущее в значительной степени без нашего ведома. Поэтому ради свободного общества мы должны стремиться к развитию структур подотчетности поисковых систем.

Моральная и правовая подотчетность для поисковых компаний абсолютно необходима. Можно выделить ряд причин, которые говорят о необходимости для поисковых компаний нести социальную ответственность. Прежде всего, поисковые системы играют значимую роль в доступе к информации и без них Интернет просто будет недоступен для нас и, таким образом, практически бесполезен. Далее, доступ к информации является значимым для ответственного гражданства, так как общественность не может принимать обоснованные решения без доступа к достоверной информации. Кроме того, поисковые системы сегодня стали чуть ли не главным источником знаний – студенты, к сожалению, пользуются поисковыми системами чаще, чем посещают библиотеки. Наконец, крупные поисковые системы в большинстве стран принадлежат частным корпорациям, т. е. предприятиям, которые прежде всего стремятся получить прибыль. Поэтому важным шагом для решения указанных проблем было принятие в 2019 году Европейской комиссией «Этического гайдлайна для надежного искусственного интеллекта (ИИ)», который предусматривает новый регламент обработки персональных данных пользователей. В разработке его «правил» принимал участие известный итальянский философ Лучано Флориди, который является экспертом в области информационной этики. Он также консультировал по вопросам цифровой этики такие крупные транснациональные корпорации, как Cisco, Facebook, Google, IBM и Microsoft. По его убеждению: «гайдлайн в области этики ИИ» – это еще один «хороший пример» совместных усилий, который «мы выпустили с высокоуровневой экспертной группой при Еврокомиссии. Теперь, если компании хотят сделать что-то хорошее, им больше не надо придумывать свои правила с нуля» [2].

Вопросы моральной и правовой ответственности в области использования информационно-коммуникативных технологий, в настоящее время активно исследует немецкий философ М. Нагенборг. Он указывает на необходимость регулярного «этического наблюдения» для

современного социума за соблюдением неприкосновенности личных данных пользователей. А для этого необходимо сформировать в обществе особую сферу информационного правосудия, так как соблюдение конфиденциальности обязательно: во-первых, потому что конфиденциальность сама по себе является социальным благом, и, во-вторых, она – неотъемлемое право любого гражданина [3].

Таким образом, многие проблемы, которые возникают в контексте деятельности поисковых компаний, являются вопросами социальной, а именно моральной и правовой ответственности и нуждаются в пристальном внимании гражданского общества.

Литература и источники

1. Волгин, Ю. Администрация Буша потребовала от Google открыть статистику поисковых запросов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.trud.ru/ article/ 20–01–2006/ 173218 _administratsija _busha _potrebovala _ot _google _otkryt.html. – Дата доступа: 20.08.2020.

2. Флориди, Л. Если вам неинтересны информационные концепты, вы не понимаете XXI век / Л. Флориди [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.colta.ru/ articles/ society/ 21599-luchano-floridi-esli-vam-neinteresny-informatsionnye-kontsepty-vy-ne-ponimaete-xxi-vek – Дата доступа: 15.10.2019.

3. Nagenborn, Michael. Designing Spheres of Informational Justice [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.michaelnagenborg.de/ pdf/ Nagenborg _Spheres-abstract.pdf. – Date of access: 15.05.2020.

Круглый стол «Гегель и гегельянство: история, рецепции, критика», посвященный 250-летию со дня рождения Г. В. Ф. Гегеля и 200-летию публикации «Философии права» («Grundlinien der Philosophie des Rechts»)

СТАНАЎЛЕННЕ НАВУКІ СУЧАСНАГА ТЫПУ І ФІЛАСОФІЯ ГЕГЕЛЯ

А. І. Бабко

Філасофія Гегеля ўяўляе сабой глыбокую, сістэматычна распрацаваную рэакцыю на грунтоўна важныя для канстытуявання культуры Новага часу працэсы. Таму вывучэнне згаданага духоўнага феномена дазваляе дакладней і выразней выявіць існасць грамадства, што паўстала ў выніку Вялікай французскай рэвалюцыі, а даследаванне падзей, што ў ім адбываліся, рухае наперад засваенне гегелеўскай тэарэтычнай спадчыны. Дадзеная тэза мае моц і ў адносінах да станаўлення навукі сучаснага тыпу. Гегель глыбока асэнсаваў згаданы працэс, і ў яго сістэме знаходзяць арыгінальнае вырашэнне супярэчнасці, якімі ён быў адзначаны. Разам з тым у адпаведным яе сегменце ўвасабляецца пэўны – важны і сёння – тып філасофскага бачання навуковага пазнання і яго ўзаемадзеяння з філасофіяй.

Як было згадана вышэй, узнікнне навукі сучасага тыпу мела драматычны, супярэчлівы характар. Антыдагматычная па сваёй сутнасці і скіраваная да паслядоўнай рэалізацыі высокага ідэалу свабоды мыслення, яна з самага пачатку свайго фарміравання сутыкнулася з асвечанымі даўняй традыцыяй уяўленнямі і іх носьбітамі, калектыўнымі (інстытуцыяналізаванымі) і індывідуальнымі. Адпаведныя калізіі не былі, аднак, толькі знешнімі (Новае ніколі не паўстае адразу ў чыстай і развітай форме. Дадзены момант артыкулюецца і ў гегелеўскай сістэме: новы этап у разгортванні пэўных працэсаў, новая катэгорыя ці з’ява заўсёды разглядаецца ў ёй як істотна абцяжараная спачатку старым зместам, які павінен быць пераадолены праз далейшае развіццё.). Так і прыхільнікі новай навукі мусілі прайсці праз сумненні, моманты няўпэўненасці, праз драматычнае ўнутранае змаганне (Яскравы прыклад такога стану спраў падаюць пакутлівыя ваганні Мікалая Каперніка, які ясна ўсведамляў і востра перажываў недастатковасць аргументаў на карысць

геліяцэнтрычнай астранамічнай мадэлі, марудзячы з публікацыяй вынікаў сваіх даследаванняў. Дадзеная акалічнасць належыць да падстаў для адмаўлення рэвалюцыйнага статусу тэарэтычнага даробку вялікага польскага астранома, якое мае месца ў працах некаторых гісторыкаў навукі [1, с. 63; 2, с. 76–77].). Кожны крок наперад у пераадоленні дагматычных уяўленняў даваўся новай навуцы цяжка, выклікаючы часам непаразуменні нават паміж тымі, хто шчыраваў на яе ніве (Галілей, напрыклад, у згодзе са шматвекавой традыцыяй не прыняў адкрыццяў Кеплера, паводле якіх планеты рухаюцца нераўнамерна і па эліптычных арбітах [3, с. 299]). Момант нявыспеласці, непаслядоўнасці хаваўся і ў самой існасці ранніх гістарычных увасабленняў навуковага пазнання сучаснага тыпу, якія былі ў канчатковым выніку сінтэзаваны ў механічнай карціне свету. Адзначаныя пошукам іманентных законаў прыроды, выяўленне якіх павінна кантраляваць досведам, яны суправаджаліся разам з тым стварэннем «надбудовы», якая грунтавалася на прынцыпе трансцэндэнталізму (Ілья Прыгожын і Ізабель Стэнгерс даводзяць, што ўяўленне пра прыроду як дасканалы механізм з неабходнасцю падштурхоўвала да ідэі трансцэндэнтнага Бога, які стварыў яго і даў штуршок яго функцыянаванню [4, с. 46]).

Калізія тыпаў светабачання, ў якіх увасабляюцца ідэі іманентнасці ці яе супрацьлеглага адпаведніка, не была і не магла быць асэнсаванай ва ўсёй сваёй паўнаце у межах навуковага пазнання (яна была проста «абясшкоджаная» пры дапамозе дэістычных ідэй, што адкрывала шлях для далейшага разгортвання навуковых даследаванняў). Развязаць адпаведны канфлікт магла толькі філасофія, і ў Гегеля мы знаходзім дыялектычны варыянт такой развязкі. Хоць катэгорыі іманентнасці і трансцэндэнтнасці не належаць да ключавых у слоўніку філосафа, яны з’яўляюцца надзвычай эфектыўным інструментам тэарэтычнай рэканструкцыі яго сістэмы. Творчы першапачатак разглядаецца ў ёй як іманентны свету, аднак яго іманентнасць уключае ў сябе момант саматрансцэндавання: Бог выступае як сапраўдны толькі ў выпадку сваёй самарэалізацыі, толькі ў працэсе ўсталявання «свайго іншага» [5, с. 24], г. зн. у працэсе выхаду за свае межы, які азначае разам з тым вяртанне да сябе праз усё больш поўнае самаўвасабленне ў іншым, якое робіцца сапраўды «сваім». Гегель сінтэзуе, значыцца, іманентызм і трансцэндэнталізм, робячы асновай згаданага сінтэзу ідэю іманентнасці.

Згаданы падыход цалкам адпавядае духу і сэнсу працэсаў, што разгортваліся на той час у духоўным жыцці чалавецтва (у тым ліку і ў сферы навуковага пазнання) і што разгортваюцца ў сучасных умовах (ён быў высока ацэнены і задзейнічаны ў нашай філасофскай культуры Міколам Крукоўскім [6]). У ім яскрава выяўляецца і гегелеўская мадэль арганізацыі дачыненняў паміж філасофіяй і навукай: голас філасофіі павінен загучаць тады, калі навука дасягае сваіх межаў і сутыкаецца з

праблемамі, што пераўзыходзяць яе магчымасці. Мысляр прызнаваў вяршэнства філасофіі ў сферы чалавечага пазнання, што не зрабілася ў яго, аднак, падставай для пыхлівага стаўлення да навукі. Сапраўды, з даведзенага вышэй адназначна вынікае, што навуковае пазнанне з'яўляецца аўтаномным у межах сваёй кампетэнцыі (калі Гегель і крытыкаваў пэўныя навуковыя тэорыі, дык адпаведныя крытычныя заўвагі грунтаваліся на наяўных у іх, на яго думку, канцэптуальных хібах [7, с. 196]). У выніку гегелеўскае бачанне ўзаемадачыненняў філасофіі і навукі набывае ўзважаны, памяркоўны характар: яно ўнікае аднабаковых, радыкальных пунктаў гледжання (сцыентызму і антысцыентызму), ствараючы надзейны падмурак для плённага ўзаемадзеяння абодвух тыпаў пазнавальнай дзейнасці.

Такім чынам, у распрацаванай Гегелем сістэме мы знаходзім адэкватную філасофскую рэакцыю на ўзнікненне навукі сучаснага тыпу, якая і ў сучасных умовах не страціла актуальнасці ў плане асэнсавання і эфектыўнай арганізацыі ўзаемаадносін паміж філасофскім і навуковым пазнаннем. Больш за тое, ідэя глыбокага і рухомага адзінства іманентнасці і трансцэндэнтнасці творчага першапачатку ў прыродзе і грамадстве мае грунтоўнае значэнне для духоўнага жыцця (калектыўнага і індывідуальнага) увогуле, што мусіць быць, аднак, тэмай іншага даследавання.

Літаратура і крыніцы

1. Cohen, I. B. Les origins de la physique modern / I. B. Cohen. – Paris: Éditions du Seuil, 1993. – 285 p.

2. L'Europe de science: constitucion d'un espace scientifique / sous la dir. de M. Blay, E. Nicolaïdis / M. Assimakopoulos, M. Beretta, M. Blay H. F. Cohen, M. Gally et otr. – Paris: Éditions du Seuil, 2001. – 437 p.

3. Schmutzer, E. Galilei, Galileo / E. Schmutzer. // Philosophenlexikon // hrsg. von E. Lange und D. Alexander. – 4 Aufl. – Berlin: Dietz Verlag, 1987. – S. 297–301.

4. Prigogine, I. Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature / I. Prigogine, I. Stengers. – London: Flamingo, 1985. – XXXI, 349 p.

5. Гегель, Г. В. Ф. Философия природы // Энциклопедия философских наук: в 3 т. – М.: Мысль, 1975. – Т. 2. – 695 с.

6. Крукоўскі, М. І. Бляск і трагедыя ідэалу: Філасофскія эцюды пра ідэалы, дэмакратыю і суверэнітэт / М. І. Крукоўскі. – Мінск: «Беларускі кнігазбор», 2004. – 352 с.

7. Inwood, M. A Hegel Dictionary / M. Inwood. – Oxford: Wiley, 1992. – 356 p.

Г. КОГЕН О ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЕ ГЕГЕЛЯ

В. Н. Белов

В докладе речь пойдет об опровержении оценки Б. В. Яковенко философской системы Германа Когена как синтеза философии Канта и Гегеля. Будет обоснована та точка зрения, что Коген предпринимает попытку улучшить философскую концепцию Канта изнутри этой концепции, критикуя метафизическую философию Гегеля и полагая вместе с кантовским трансцендентальным методом, а не с гегелевской метафизической системой развивать философию дальше.

Для Яковенко развитие философской мысли в целом носит прогрессивный поступательный характер. Главными пунктами на этом пути самоопределения философии, приобретения ей осознания своей самостоятельности и самодостаточности является трансцендентализм Канта и Гегеля. Причем, если, как замечает Яковенко, «Кант указал философии предмет», то «Гегель уточнил его указанием границ и смысла философского метода» [2, с. 201]. Поэтому основную заслугу Когена русский мыслитель видит в том, что тот «воссоединил в себе оба эти деяния и выдвинул их не только как основы нынешней философии, но и как основы философии вообще» [2, с. 201–202]. Таким образом, Яковенко полагает, что Коген как лучший восприемник традиции трансцендентализма, то есть истинной философии, смог проникнуть в глубины систем своих великих предшественников, овладеть преимуществами и философии Канта, и философии Гегеля и, исправляя Канта посредством Гегеля и последнего, соответственно, посредством первого, добиться их непротиворечивого и искомого синтеза.

Преодолевая дуализм кантовского трансцендентализма и избавляясь тем самым от пассивности философского мышления, а потому и его зависимости от чего-то вне его данного, Коген, согласно Яковенко, вполне справедливо и всецело в духе трансцендентальной философии интерпретируя кантовские понятия вещи в себе, ощущения, данности, превращает их в моменты мышления, которое у него от начала до конца становится самодеятельностью или самопорождением. Но с той стороны, со стороны саморазвития процесса мышления, трансцендентализм последовательней всего, по мысли русского философа, раскрыт Гегелем. И в том, что Коген здесь следует за своим предшественником, проявляется как его чуткость традиции в поиске истины, так и самостоятельность, поскольку он следует за Гегелем не слепо, но исправляя его через Канта. Успехом в этом деле, а именно в исправлении Гегеля при помощи Канта, Коген – и Яковенко полностью разделяет здесь позицию марбургского философа – обязан ориентации философии на факт науки. Последнее позволяет ему преодолеть абстрактность и формализм гегелевской

методологии: «Ибо в трансцендентальном смысле "только формальное вещественно", только чистое – содержательно, только трансцендентальное – материально. Философия должна быть ориентирована на науку; в противном случае, под покровом диалектического формализма, она снова впадет в субъективизм, сосредоточиваясь на мышлении, просто лишенном содержания и по недоразумению выдаваемом за абсолютное, снова потеряет всякую узду и заживет произвольно» [2, с. 214]. Таким образом, согласно стойкому убеждению русского философа, в своей системе Коген благодаря усилиям по синтезу философии Канта и Гегеля наиболее адекватно смог выразить потребности развития современной философии, определив ее содержание и форму. Тем же мотивом, а именно мотивом наиболее значимого философского построения начала XX в., обусловлена и критическая сторона исследования Б. Яковенко. По его мнению, критический анализ трансцендентализма Когена одновременно должен открывать пути для дальнейшего развития всей философии. И Яковенко, следуя определенной логике своего исследования, связанной с выделением опорных пунктов движения мысли, что позволяет ему сразу сосредоточиться на главном, в критическом рассмотрении философии Когена определяет основную «болевую» точку его трансцендентализма: неокончательное избавление от психологизма. То есть русский философ в интеллектуальных построениях великого марбуржца усматривает те недостатки, от которых тот сам стремится избавить свою философию и за что критикует Канта.

Последний же вывод русского философа, произведенный на основе глубокого и разностороннего анализа философской системы Когена, звучит достаточно оптимистично, как программа для собственных философских разысканий: «И подобно тому, как последний прогресс трансцендентализма был куплен ценою целого ряда резиньяций, ценою лозунга: "Назад к Канту", так теперь мы можем смело сказать себе, уже вернувшись к Канту и проведя его через Гегеля: "Вперед вместе с Когеном!"» [2, с. 239].

Между тем Коген выделяет две фундаментальных ошибки в философии тождества Гегеля: устранение различия между понятием и бытием, мышлением и действительностью, и устранение различия между понятием и идеей и, таким образом, между бытием и долженствованием, между действительностью и задачей.

Признавая заслугу диалектического метода Гегеля в представлении истории философии и принимая его, Коген отчетливо видит и его основной недостаток: принижение роли отдельного усилия философов и мыслителей. В жесткой схеме возрастания объективного духа философы становятся марионетками, пассивными проводниками того, что желает реализовать через них история. Другой недостаток в истории философии по Гегелю глава марбургского неокантианства находит в чрезмерном

возвеличении философии по отношению к науке. Согласно же Когену, идеал исторического познания находится не просто в философии, а в ориентированной на науку философии. Только вместе, в «со-мыслии» философия и наука способны создать «историческое понятие научного разума» [1, с. 86].

Литература и источники

1. Коген, Г. Теория опыта Канта // Пер. с нем. В. Н. Белова / Г. Коген. – М.: Академический Проект, 2012.

2. Яковенко, Б. О теоретической философии Германа Когена / Б. О. Яковенко // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. – 1910. – Кн. 1.

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРЕВРАЩЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ: ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ

В. А. Белокрылова

Методологическое и общефилософское значение понятия превращенной формы определяется его интерпретативным потенциалом для анализа таких ключевых характеристик социальных систем как виртуализация, симуляция, гиперреальность. По ставшему классическим определению М. К. Мамардашвили, превращенная форма представляет собой эффект действия сложноорганизованных систем и на феноменологическом уровне является непосредственной реальностью для практически действующих в системе агентов. При этом точка зрения субъекта, сознание которого фиксирует данный эффект, не может быть просто отброшена как ложная: необходимо оперировать этой субъективной видимостью как объективно действующим фактором [1]. Предложенное Мамардашвили феноменологическое прочтение проблемы превращенной формы обращено в конечном итоге к явлению преломления системных отношений в сознании. Причем косвенные (мистифицирующие) репрезентации социальной системы образуют собственный уровень реальности. Дихотомию «истинно»/«ложно» автор предлагает дополнить модусом «превращенно». Социально-онтологический механизм генезиса превращенных форм присутствует в концепции Мамардашвили скорее в качестве фона и не является предметом специального рассмотрения.

Следует отметить, что данная концептуальная схема задала формат для современных интерпретаций проблематики превращенных форм социальности. Внимание акцентируется на системно обусловленном феноменологическом опыте сознания, индифферентно к социально-онтологическим условиям его функционирования. Между тем именно

логика исторического становления общественной деятельности, диалектика взаимопревращений его единичных и всеобщих (надындивидуальных) атрибутов являются важнейшим объяснительным принципом функционирования превращенной формы и ее места в социальной динамике. Для того чтобы заработали те вытесняющие и замещающие механизмы в сознании, посредством которых Мамардашвили определяет превращенную форму, необходимы онтологические предпосылки: определенная социальная система как источник, субстанция и субъект своих превращений.

Модель диалектического тождества мышления и бытия, которую Гегель поместил в основу своей философской системы, служит средством комплексной онтологической интерпретации значения феномена превращенных форм. При этом очевидно, что «превращенные формы» не вытекают напрямую из системы Гегеля, а их истолкование К. Марксом представляет собой материалистически переосмысленное применение гегелевских логических схем.

Ключевая категория системы Гегеля – абсолютная идея – одновременно выступает и как субстанция, и как реализующий субстанциональное содержание субъект. Как становится логически возможным поступательно-диалектическое самодвижение абсолюта? Превращаться может лишь то, 1) что имеет общую неизменную основу (иначе нельзя сказать, что именно превращается) и, вместе с тем, 2) то, что обретает новое качество, становится отличным от первоначального состояния.

Диалектические трансформации, через которые проходит гегелевский абсолют, суть его собственные превращенные формы, в которых он не проявляется в своих субстанциональных свойствах, а предстает «иноприродным» по отношению к самому себе. Так, сначала субстанция превращенно пребывает в природе, а ее самопознание направлено на обнаружение себя в ином и восстановление уже саморазличенного единства. Важно подчеркнуть, что субстанция сама отчуждает себя в форме, которая маскирует и искажает ее действительное содержание [2]. То есть превращение – это не просто иллюзия, а имманентный онтологический процесс. Процесс превращения Гегель фиксирует в парных логических формах «в себе» – «в другом», «для себя» – «для другого». «Каждая из сторон… есть самостоятельная тотальность, и именно благодаря тому, что каждая из них завершается, она одновременно переходит в другую» [3, с. 404]. Сама структура гегелевской логики представляет собой схему поступательного превращения абсолютной идеи: от своей «в себе» формы через самоотчуждение «в другом» и существование «для другого» к самоактуализации «в себе и для себя».

Идея в качестве чистой возможности (которой соответствует логическая форма «в себе») обременена необходимостью своей

объективации в материальном носителе, «в другом». В этом смысле вне и до человека идея представляет собой внутреннюю необходимость самоорганизации сущего, его имманентный закон. Такая необходимость слепа, поскольку «не знает» самой себя. Становясь «для другого» – для человека, в формах его сознания и деятельности – субстанция становится также и «для себя», точнее говоря, это различные определения одного и того же процесса. Наконец, формы своей самоактуализации – бытия «в себе и для себя» – субстанция достигает в ходе истории человеческого духа. На этом этапе его цель – обнаружение себя в ином, преодоление дихотомии субъекта и объекта, материи и духа.

Каждая форма абсолютного сама абсолютна. Это означает, что «превращенные формы», через которые идея проходит на пути к себе, имплицитно содержат весь ее бесконечный объем. Вместе с тем каждая форма, взятая в ее изолированной от всеобщего определенности, – это лишь абстрактно обособленный момент в метаморфозах универсума. Таким образом, перед нами диалектическая модель саморазличения всеобщего, которое остается самотождественным при всех своих превращениях и трансформациях.

Гегелевский идеальный абсолют фактически не имеет другого пути достижения своей действительности и истины, кроме созидательной деятельности человека. История духа, противопоставившего себя собственному инобытию в природном и снявшего это противопоставление, есть, по Гегелю, история цивилизации. Это пространство, где единство мысли и объективности из возможности превращается в действительность. Наглядно этот процесс можно представить как поступательно расширяющуюся спираль: бесконечен материальный мир, в котором опредмечена идея, бесконечен и потенциал ее самоактуализации, следовательно, бесконечны возможности становления культурного универсума.

Культура в ее духовных и материальных ипостасях выступает как продукт и движущая сила, орган и функция самопознания идеальной субстанции, как непременное условие ее действительности и истины. Это процесс практической преобразовательной деятельности, в формах которой природа существует для человека и, следовательно, всеобщее существует для себя. Именно через родовую, преобразовательную деятельность, через трансформации общечеловеческого духа в истории и культуре идея приходит к своей истине, в результате достигается единство мысли и объективности. «Человек стремится вообще к тому, чтобы познать мир, завладеть им и подчинить его себе, и для этой цели он должен как бы разрушить, то есть идеализировать реальность мира» [3, с. 158].

По Гегелю, артефакты и события не произвольны, они «закодированы» как в объектно-предметном, так и в субъектном

компоненте человеческой практики. Отсюда, по Гегелю, культура фактически предстает как непрекращающийся процесс отождествления мышления и бытия посредством взаимопроникновения и взаимопревращения. «Объект в себе есть понятие, и, когда последнее как цель реализуется, эта реализация является лишь проявлением его собственной внутренней сущности. Объективность есть, таким образом, как бы только покров, под которым скрывается понятие... *Идея в своем процессе сама создает себе эту иллюзию, противопоставляет себе нечто другое, и ее деятельность состоит в снятии этой иллюзии*... Инобытие... как снятое, само есть необходимый момент истины, которая существует лишь тогда, когда она делает себя своим собственным результатом» [3, с. 399].

Таким образом диалектическая модель превращений форм абсолютного у Гегеля схематизирует превращения в истории общества и культуры. Идеальная потенция, заключенная в природных формах, становится действительностью посредством активности преобразующего мир «родового», общественного человека. Это деятельностное созидание особой, надприродной объективности – цивилизации во всем многообразии ее культурных форм. Процесс этот носит двусторонний характер: во-первых, в его рамках реализуется имманентный потенциал, истина природного (стать культурой, второй природой), во-вторых, в ходе преобразования природного «субъективный дух» получает возможность сделать предметом рефлексии свое собственное идеальное содержание, становление себя в качестве подлинного «макрокосма». Таким образом, в гегелевской системе субъективные цели действующих людей оказываются в себе назначением самой объективности, необходимым опосредующим моментом поступательной актуализации идеального потенциала. «Цель сохраняет себя в борьбе против объективного и одновременно в нем самом, ибо кроме того, что она есть одностороннее субъективное, особенное, она есть также конкретно всеобщее, в себе сущее тождество субъективного и объективного» [3, с. 398]. Итак, человеческий, преобразующе-деятельностный способ бытия в мире, по Гегелю, есть необходимое продолжение самой объективности. «Покоренная живым существом неорганическая природа претерпевает это потому, что она в себе есть то же самое, что жизнь есть для себя» [3, с. 407].

Гегелевская идея диалектического превращения абсолюта в своих собственных формах послужила перспективным концептуальным приемом, который материалистически переинтерпретировал и использовал в своей философии К. Маркс. Иллюстрацией подобной творческой переработки служат понятия превращенной формы и социального качества, сохраняющие эвристичность в современной эпистемологической ситуации.

Публикация подготовлена в рамках проекта «Инновационные аспекты логической культуры мышления в научном творчестве», выполняемого при поддержке БРФФИ, договор № Г19–098 от 02.05.2019.

Литература и источники

1. Мамардашвили, М. Превращенные формы. О необходимости иррациональных выражений / М. К. Мамардашвили // Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1990. – С. 315–328.

2. Бакрадзе, К. С. Система и метод философии Гегеля / К. С. Бакрадзе. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та им. И. В. Сталина, 1958. – 465 с.

3. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1: Наука логики. – 452 с.

ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ В РАКУРСЕ ГЕГЕЛЕВСКОЙ КРИТИКИ КЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

С. В. Воробьева

Актуальность гегелевской критики классического образа определенности сопряжена с пониманием пределов применимости законов двузначной логики в дискурсивной практике, связанной с решением коллизий, особенно правовых и медицинских [1]. Остановлюсь на первых, хотя структурно, с позиции логики эти дискурсивные коллизии неразличимы. Значимыми вопросами в их структуре выступают, во-первых, характерологические свойства антисимметричных и асимметричных отношений, во-вторых, обусловленность коллизий окказиональным (случайным) значением и смыслом. Методология решения коллизий восходит к указанной гегелевской критике.

Гегель выступил против классической модели определенности, в которой сущность как неизменное начало вещи раскрывается в контексте законов тождества, непротиворечивости и исключенного третьего. В его модели противоречие не оценивается как ошибка, аномалия или «болезненный пароксизм», а выступает основой любого движения и любой жизненности. Оно находит свое отражение в понятийном мышлении (основе сущего) в качестве неотъемлемой части бытия. Понятийная сущность бытия сочетает в себе противоречащие друг другу предикаты и их синтез. «Всякое состояние или действие в своей наивысшей точке переходят в свою противоположность», что Гегель иллюстрирует абсолютизированной законностью и беззаконием в праве, анархией и деспотизмом в политике, крайними печалью и радостью в жизни, которые взаимно приводят друг к другу [2, с. 209].

Ценность гегелевской критики заключается в обосновании иной логики, в которой контрадикторная несовместимость не признается

противоречием вследствие наличия истинностных провалов в высказываниях, например, «Пациент здоров или не здоров», «Упаковка товара гарантирует или не гарантирует его сохранность при транспортировке». В ней принцип обратимости выступает развитием идеи тождества, подразумевая устойчивость, или меру колебаний вокруг уравновешивающей точки прямых и обратных процессов. Принцип двойственности развивает закон противоречащих высказываний, предполагая обнаружение точки равновесия в системе оппозиций. Принцип альтернативности на основе закона исключения третьего полагает поиск разных способов сохранности объектов, или разных его репрезентаций [3, с. 223–224]. В логике Гегеля «определенность обнаруживает себя как существенное различие и, выступая в противоположности к чему-то другому, порождает коллизию» как «состояние разлада», как противостояние всеобщего и особенного [4, с. 260, 125].

Тождество в классической определенности рефлексивно и симметрично вследствие того, что лишено онтологической нагрузки. По мере ее возрастания границы тождественности как пределы самосохранения сущности становятся подвижными и регистрируются в системе антисимметричных и асимметричных отношений [5, с. 202, 214]. Именно для обоснования этих отношений как условий моделирования сущности в неопределенных текучих условиях Гегель аналитически препарирует бытие, ставшее дополнением аристотелевской аналитики мышления. Формами выражения антисимметричных отношений служат парные категории, например, *возможность* / *действительность*, *необходимость* / *случайность*, которые фрактальны вследствие того, что каждое отдельное явление содержит элемент другого. В асимметрии в отличие от антисимметричных отношений обязательным условием выступает неравенство – неодинаковое положение (статус) в отношениях, например, *причина* / *следствие*.

С одной стороны, возможность как тенденция изменения предмета возникает в контексте действительности (объективного наличного состояния), которая всегда ставит вопросы о том, какие возможности в ней реализовались. С другой стороны, реализованная возможность, ставшая действительностью, или актуализация, «обретает все параметры существования: действительность есть ставшее непосредственным единство сущности и существования, или внутреннего и внешнего; действительность есть конкретное единство сущности и явления» [4, с. 177]. Переход возможности в действительность может быть необходимым или случайным, что опосредовано отсутствием или наличием окказионального смысла. Поэтому характеристическими признаками необходимости перехода выступают свойства общности, типичности и устойчивости, признаками случайности – свойства

единичного, нетипичного и преходящего, связанные, соответственно, с узуальным или окказиональным значением. Если необходимость выражает основную тенденцию, то случайность определяется степенью удаленности от нее. В частности, необходимость можно характеризовать как «рождение производимого явления из сущности <…> производящего явления» [1, с. 72], что означает наличие между ними необходимой связи, или асимметрии.

В основе любой коллизии «лежит нарушение, которое не может сохраняться в качестве нарушения, а должно быть устранено» [4, с. 260]. В правовых коллизиях сталкиваются выраженные в высказываниях или действиях принципы или ценности, не однозначно трактуемые в юридических терминах и в категориях нравственной истины или морального права (истина / ложь, честность / обман, справедливость / несправедливость). Объективные и субъективные причины таких коллизий связаны с антисимметричными отношениями, в пределах которых становится затруднительным обоснование асимметрии. Первые обусловлены динамикой развития, сталкивающей прежние нормы и новые ситуации, вторые – человеческими компетенциями в регулировании первых.

Иллюстрирую правовую коллизию разнонаправленными интересами грузоотправителя, стремящегося сократить использование «упаковочных материалов до минимально возможных пределов» для «компактной установки грузовых единиц внутри транспортного средства», и грузоперевозчика, принимающего ответственность за сохранность груза путем визуального определения возможности его потенциальной деформации [6, с. 52]. Судьи, вынося решения, «исходят из договорных обязательств перевозчика об обязанности водителя оценить достаточность упаковки путем визуального осмотра». При этом они не учитывают, во-первых, «возможность грузовых единиц упруго деформироваться под воздействием нажатия и надавливания», во-вторых, возможность грузоотправителя пренебречь некоторым процентом повреждения груза при определенной экономии средств на его упаковку [6, с. 52]. Возможно ли из видимости прочности упаковки (явления) умозаключить о ее физической прочности (сущности)? Здесь имеют место антисимметричные отношения, когда равновероятна истинность высказываний «Явление есть сущность», «Сущность есть явление» и «Явление и сущность равны». Только невозможность не может стать действительностью. Это подтверждается временн*о*й асимметрией, при которой порождаемое явление не наступает раньше явления порождающего, так как сущность второго детерминирует причинную связь со становлением первого.

Решение правовых коллизий в суде – вопрос синтеза существующих правовых норм должного, связанных с логическим анализом замыкающихся на самих себя правовых понятий, и их применимостью,

когда обнаруживается их абстрактность и софистическая односторонность. По Гегелю это означает, что «верх законности» может превратиться «в крайнее беззаконие», когда «абстрактное право, доведенное до крайности, переходит в несправедливость» [2, с. 209], исключая любые элементы прецедентного права, восходящего к практике римских преторов, создававших и применявших правовую норму для каждого отдельного случая.

Таким образом, методологическими основаниями решения правовых коллизий выступает гегелевская система антисимметричных и асимметричных отношений как условие формализации неопределенности. Само решение предполагает установление нормативных правил, исключающих «разлад» как «непреодолимое препятствие, приводящее к несправедливости» [4, с. 263].

Литература и источники

1. Хрусталева, Ю. А. Критерии причинности в юриспруденции, философии, медицине / Ю. А. Хрусталева // Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики: сб. науч.-практ. работ. – Новосибирск: STT, 2014. – С. 70–74.

2. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1. Наука логики. – 452 с.

3. Воробьева, С. В. Логика: теория аргументации и критического мышления: учебно-методическое пособие / С. В. Воробьева. – Минск: БГУ, 2018. – 237 с.

4. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по эстетике / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 1. – 622 с.

5. Воробьева, С. В. Логика и коммуникация: пособие / С. В. Воробьева. – Минск: БГУ, 2010. – 327 с.

6. Шмелев, А. Обманчивая упаковка / А. Шмелев, А. Пахно // Транспорт. Транзит. – 2019. – № 1(2). – С. 52–54.

ФЕНОМЕН ДЕТСТВА: В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ ФИЛОСОФИИ Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ

С. Г. Доронина

В течение последних тридцати лет философия детства приобрела статус междисциплинарной программы и выступает в качестве методологического ориентира для некоторых естественнонаучных и социально-гуманитарных исследований. Актуализация именно философского контекста представления феномена детства, предполагает, что «философ вынужден приписывать исследовательской проблеме более широкий контекст, учитывать генетически несвойственные ей многообразные отношения» [1, с. 19–32].

Несмотря на то, что различные концепции детства имеют свой социокультурный и исторический контекст, а также развиваются и производятся в рамках определенной «дисциплинарной матрицы» («парадигмы» Т. Куна) существует их преемственность, проявляющаяся в современном дискурсе и обуславливающая его. С этой точки зрения интересно проследить влияние некоторых философских идей такого великого немецкого философа, как Г. В. Ф. Гегель на современные взгляды относительно феномена детства, отношений «взрослый–ребенок». Обращаясь к французским интерпретациям Гегеля, эту попытку можно интерпретировать как обращение к истории рассудочно мыслящего теоретика, с целью интериоризации объекта исследования и обнаружения его «глубинной рациональности» [2, с. 116].

В ходе исследования было обнаружено, что представления о детстве Г. В. Ф. Гегеля напрямую связаны с его философско-правовой концепцией. Первый тезис, подтверждающий этот факт, связан с критическим анализом древних культур, проведенный философом. С его точки зрения, рабское положение детей в древние времена и практики инфантицида являются прямым свидетельством слабых правовых устоев государства. Второй тезис, фиксирующий субстанциональный подход к интерпретации отношений мужчины и женщины, их брака, открывает еще одну грань понимания мыслителем феномена детства. Так, философ пишет: «Единство брака, которое в качестве субстанциального есть лишь глубина чувства и настроенности,… становится в детях единством самого для себя сущего существования и предметом, который они любят как свою любовь, как свое субстанциальное наличное бытие» [3, с. 219–237].

Генеративные отношения «взрослый–ребенок» в рамках концепции немецкого мыслителя можно представить как бесконечный прогресс, рождающихся и предполагающих друг друга поколений, указывающих на способ, которым «дух выражает в конечной природности свое существование в качестве рода» [3, с. 219–237]. В этом контексте дети представляют такую же значимость для «восхождения духа», как и взрослые, поскольку «объективируют» не материальную, а духовную составляющую родительской любви. «Если в имуществе единство заключено лишь во внешней вещи, то в детях это единство пребывает в духовной сфере, в которой родители любимы и которую они любят» [3, с. 219–237]. Субстанциальный подход Гегеля к интерпретации феномена детства позволяет нивелировать подчеркнуто пренебрежительное отношение к ребенку, проявленное на протяжении многих веков – начиная с Античности и вплоть до XIX, – уравнять его права с взрослыми.

Согласно представлениям философа, дети от рождения имеют право на заботу, внимание и воспитание, в то время как обязанности родителей сводятся к «услугам», основанным на «общности заботы о семье», и наказаниям. Последние, не являясь справедливостью, служат устрашением

«еще плененной природой свободы» ребенку, с целью возвышения «всеобщего в сознании и воле детей» [3, с. 219–237]. Акцентируя внимание на значимости дисциплины, направленной на истребление в ребенке чувственного и природного, мыслитель обосновывает законность наказаний.

По-своему интересно определение детей как «суть в себе свободных», не принадлежащих никому людей, которые под влиянием семейных взаимоотношений, смысл которых заключается в то, чтобы «возвысить детей над той природной непосредственностью, … превратить их в самостоятельных и свободных личностей» [3, с. 219–237], становятся нравственными личностями.

В целом, если следовать логике Гегеля, субстанциональное значение семьи, родителей и детей, проявляется в том, чтобы «объективировать» нравственные законы духовного развития. В отличие от кантианской концепции, фиксирующей вторичность ребенка по отношению к взрослому человеку и опровергающей значимость познавательного и морального опыта детей [4, с. 29–31, 399–462; 6, с. 581, 587] философ снимает жесткую оппозицию «ребенок–взрослый» и, избегая бинарных размышлений, вплетает «наличное бытие свободы» детей в общую ткань развития человечества – от природного и относительного к духовному и абсолютному.

Интересно проанализировать взгляды Г. В. Ф. Гегеля относительно природы детства, обращаясь к более поздним комментариям современных философов. Так, французский философ П. Рикер, отталкиваясь от понимания «экономики желания», дает свою интерпретацию отношений «взрослый–ребенок». Представитель философской герменевтики, анализируя «перевоплощение» образа отца в культуре и религии, утверждает, что трансформация представлений об отце и сыне (ребенке) напрямую связана с «возвращением вытесненного желания». Аналогичная диалектика повторения, с его точки зрения, обнаруживается и в области гегельянской «феноменологии духа». Если рассуждать в терминах фрейдовской теории, то П. Рикер предлагает рассматривать историю удвоения самосознания (вытеснение желания), как нарратив об отношениях отца и сына, жизни и смерти. Важным дополнением является сравнение диалектических отношений отца и сына с борьбой господина и раба, дающей будущее сексуальности, зарождающейся «в иной области, чем родство и родственные узы» [6, с. 632].

Прибегнув к ретроспективному анализу, философ указывает на существование замкнутого цикла «воспроизводства и смерти»: рискуя собственной жизнью отец (господин) обретает независимость духа над непосредственностью жизни, что, с точки зрения концепции З. Фрейда, можно назвать сублимацией и десексуализацией; ребенок (сын), вовлеченный в диалектические взаимоотношения с отцом, тяжело трудясь

и преодолевая суровые жизненные испытания, возвышается над «бесформенным» желанием.

Последующая трансформация связи отца и сына развивается в сфере договорных отношений. В договоренности «двух воль» «диалектика господина и раба» выходит на уровень более высоких отношений: «в результате совершенного между двумя волями обмена рождается как юридическое отношение к вещам, то есть собственность, так и юридическое отношение между людьми… » [6, с. 635]. Из этого можно заключить, что родственные узы детей и взрослых сами по себе не обеспечивают устойчивые отношения, если не объективируются посредством договорных отношений. Являясь категорией «философии духа», «воля» ребенка обретает первичное значение исключительно в сфере права, осуществляя затем переход к моральному самосознанию и политической жизни. Согласно такой интерпретации П. Рикера концепции Гегеля, до появления формального права ребенок как личность и уважение к нему не существовали.

Рефлексивное осмысление этих комментариев позволяет установить факт преемственности идей немецкого мыслителя в работах З. Фрейда, позже обосновавшим принцип борьбы и конкуренции за признание между отцом и сыном, ведущий к необходимости взаимной договоренности. Этот момент фундаментально неродственных отношений, обнаруженный в философии Гегеля, характерен для многих современных отношений детей и взрослых в западной культуре.

Несмотря на отсутствие в размышлениях Г. В. Ф. Гегеля уничижительных эпитетов и определений относительно природы ребенка и грубого противопоставления детей и взрослых, свойственного другим представителям философии – начиная с античных времен и заканчивая эпохой Просвещения, – тема детства актуализируется им, исходя из будущих перспектив развития ребенка. Недисциплинированные дети должны превратиться во взрослых – свободных и самостоятельных нравственных личностей, являющихся гражданами сильного правового государства. Детство как отдельный феномен, а также аксиологическая значимость ребенка, безотносительно его вовлеченности во всеобщий поток становления духа, философом не рассматривается, что в принципе являлось основной чертой отношения к детству вплоть до конца XIX столетия.

Литература и источники

1. Касавин, И. Т. Проблема и контекст. О природе философской рефлексии / И. Т. Касавин // Вопросы философии. – 2004. – № 11. – С. 19–32.

2. Постер, М. Гегелевский ренессанс / М. Постер // Философско-антропологические исследования. – 2007. – № 1. – С. 111–135.

3. Гегель, Г. В. Ф Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

4. Кант, И. Собр. соч.: в 8 т. / И. Кант.– М.: ЧОРО,1994. – Т. 8. – 718 с.

5. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – 473 с.

6. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.

«ПРАВО ГЕРОЕВ»: НЕОЖИДАННОЕ ПОНЯТИЕ ГЕГЕЛЕВСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Э. Жирар

На страницах «Философии права» Гегель диалектически изображает историческое развертывание позитивного права в его движении от возникшей «идеи свободы» до организованной, рационализированной государственности, примером которой является прусская монархия. В последних главах своего труда тогдашний профессор Берлинского университета вводит необычное понятие «право героев» (Heroenrecht). Оно появляется неожиданно и словно бросает вызов читателю: что может означать такое право, предстающее перед читателем своего рода легитимацией произвольных цезаристких амбиций, в то время как позитивная доктрина государства, изложенная немецким философом, трактует деспотическое насилие как внерациональное заблуждение, предшествующее политическому строю как таковому?

Уникальность этого гегелевского подхода понятна только в свете всей философии права. Однако Гегель с самого начала утверждает: «Философская наука о праве имеет своим предметом идею права – понятие права и его осуществление» [1, с. 59]. И, более того: «Наука о праве есть часть философии. Поэтому она должна развить из понятия идею, представляющую разум предмета, или, что то же самое, наблюдать собственное имманентное развитие самого предмета» [1, с. 60]. Соединение этих двух исходных элементов обусловливает совокупность последующих размышлений Гегеля. Профессор тем самым очерчивает метафилософские рамки, в которых развивается его правовое мышление. На этом этапе гегелевская правовая мысль выделяется двумя основными аспектами. Во-первых, Гегель, на первый взгляд, выступает против великих теоретиков естественного права XVII и XVIII веков (Гроций, Гоббс, Пуфендорф, Руссо). В самом деле, признавая в качестве элементарного постулата идею о том, что право вытекает из философии, Гегель утверждает постулат о том, что право реализуется как достижение свободы, причем философия действительно может быть только свободной. Из этого первого аспекта вытекает второй: право вписано в процесс собственного развертывания во времени, то есть в истории. Таким образом, гегелевская философия права является объектом не столько

нормативного осмысления (в частности, институционального права), сколько историко-философского изложения правового обоснования социального и политического порядка.

Короче говоря, поскольку право по своей сути является выражением свободы, и эта свобода находит место своей реализации в политической реальности, она может лишь принимать форму институционального порядка, который, таким образом, сам по себе является проявлением этой самой философской свободы в истории. Именно в этой решительной обстановке и происходит осмысление «права героев». Поэтому, когда Гегель упоминает об этом понятии «права героев», оно приобретает не деспотическое, а, напротив, институциональное значение. Таким образом, Гегель, говоря об «абсолютном праве идеи», утверждает, что если насилие предстает как «отрицание права», то оно на самом деле является проявлением «права героев на основание государств ». В этом смысле существует разница между проявлением насилия и его существенной реальностью. Можно, конечно, думать, что существует деспотическое насилие, то есть а-телеологическое насилие, целью которого является лишь наслаждение тирана. Такое осуществление власти соответствует тому, что в «Лекциях по философии истории» Гегель презрительно называет «восточным правлением», приводя пример древней Персии. При этой политической установке «один человек свободен». Но когда насилие выражается в стремлении к организации превосходно выработанного социального порядка, то «отрицание права», напротив, соответствует прогрессу права, который в этом смысле является не чем иным, как прогрессом свободы.

Великих деятелей Солона, Ликурга, Цезаря или Наполеона, к которым Гегель неявно отсылает, философ понимает, как прежде всего законодателей, государственных деятелей. Однако для Гегеля, как известно, государство – это пример реализации свободы. Таким образом, эта новая фигура героя-законодателя, по-видимому, принимает к сведению оригинальную философскую позицию. Делая «героя» не синдромом гипертрофированной индивидуальности или обостренной личностной амбиции, а, напротив, включив его в диалектический процесс социальной истории, превышающей его индивидуальность, Гегель сохраняет государство как центральную составляющую становления свободы. Включив таким образом даже исключительность как нормальную составляющую истории, Гегель, по-видимому, тем самым уступает место удивительно открытому и непредсказуемому будущему, причем фигура героя-законодателя разрушительна лишь для того, чтобы быть вместе с тем и созидателем нового.

Литература и источники

1. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

ГЕГЕЛЬ В XX В. КАК МИШЕНЬ ГАЛИМАТИЗИРУЮЩЕГО ПЕРЕВОДА

О. Ф. Иващук

Середина XIX в знаменовала собой рубеж в развитии европейской культуры. В сфере духа он проявился как закат классической философии, высшим цветом которой был немецкий идеализм. Как выразился Э. Гуссерль, «мы тщетно перелистывали бы книгу истории тысячелетий... чтобы только найти философию, которая нам, немцам, и современному человечеству казалась бы более непонятной, чем эта … философия немецкого идеализма» [1, с. 367]. Так что живущим после этого времени понадобилась рецепция ее представителей, даже тем, кто говорил на немецком языке. Случай Гегеля при этом особенно характерен, так как гегелевские ходы мысли срезаются в ней способом, который сам Гегель назвал «галиматизированием» [2, S. 71]. Переводы позволяют документировать это.

Возьмем текст, который в этом отношении показателен, поскольку переведен на английский известным гегелеведом Г. Хэррисом, а ранее по-немецки истолкован не менее известным историком и философом Р. Гаймом. Г. Хэррис приводит этот текст в своем предисловии к английскому переводу «Веры и знания», чтобы понять, что имеет в виду Гегель, когда рефлексивному обоснованию нравственности (у Канта, Якоби и Фихте) противопоставляет спекулятивное понимание и, пытаясь показать, откуда черпает свои определения подлинно нравственный поступок, говорит о «высшей, подлинно нравственной природе». В «Вере и знании» обрисовать ее в полной мере Гегелю не удалось, поэтому Хэррис обращается к Р. Гайму [3], который свой анализ «Системы нравственности», рукописи, появившейся также в Йенский период, на с. 165 дополняет, не указывая источника (текст отсутствует в обоих изданиях русского перевода книги Гайма 1861 и 2006), цитатой из другой гегелевской рукописи, вероятно, из лекций этого же периода, чтобы выпукло представить читателю тяготение Гегеля к платонизму в понимании государства. «Платонизм – одна из двух тенденций, на которые он расщепляет гегелевскую мысль, движущуюся в противоречии всеобщего и индивидуального. Вторую он называет "избыток индивидуальной жизни"» [4, с. 131], но после рассечения обе оказываются скроенными по одной схеме, понятной ему субъект-объектной оппозиции, которую П. Бурдье назвал бы *scholastic fallacy* [5, с. 294–295].

Гайм сначала пересказывает из Гегеля, что, когда древняя община разрушается, должна возникнуть новая религия и заменить утраченную нравственность общины, а затем дает цитату, чтобы подкрепить платонизирующее прочтение, согласно которому новое освящение

действительности, взамен потерянной естественной религии, должно прийти к общине извне, как директива, а не быть результатом усилий самих индивидов. Более того, что гегелевское положительное понимание нравственной природы предполагает поглощение общностью всего персонализованного. Хэррис, приводя этот отрывок для истолкования заключения «Веры и знания», представляет эту платонизирующую тенденцию как резюмирующую гегелевский поиск абсолютного.

Перевод Хэрриса можно по-русски передать так: «Эта идеалистическая сфера образует рискованную область без правил, она сложилась случайно, собрав то, что выпало из всех историй и воображения всех народов и климатов, без смысла или истины для природы, которая находится у нее в подчинении, и равным образом, не позволяя духу индивидов в этих народах утвердить свое право внутри нее, она существует без персонализованного (*personalized*) воображения, как и без персонализованного освящения» [2, P. 42]. В целом бессмыслица с неясным тоталитарным оттенком.

Но буквально перед этим пассажем в пересказанном у Гайма сюжете происходит, скорее, другое: «Религия народа, говорит он, есть только зеркало, в котором отражается его национально-политическое положение; исповедуемое народом божество служит мерилом степени, до которой развита в народе идея нравственности. Но нравственность древней общины уже пришла в упадок. Единство духа с его реальностью уже находилось в состоянии разрыва. Естественная религия, составлявшая идеальное выражение этого единства, исчезла. Теперь религия сделалась заменой утерянного в нравственной жизни народов единства духа и природы: религия и действительность получили новое освящение» [3, S. 165].

Тогда смысл отрывка в точности обратный, демократический и даже пра-историко-материалистический. Если у Гегеля религия – зеркало состояния социальности, то идеальная сфера не имеет собственной истории, т. е. вне истории народа, и не является самоопределяющейся и самодостаточной целостностью. В цитате Гайма есть еще одна фраза, которую опускает Хэррис: «Эта совокупность духовной жизни вырастает в духовный регион не из собственного основания и почвы», − далее наш перевод: «Эта идеальная сфера образует неупорядоченное, авантюрное царство, собранное из случайностей всех историй и фантазии всех народов и климатов, без значимости и истины для природы, которая подвергается его воздействию, также как без того, чтобы дух индивидов народа утвердил в ней свое право; она существует без собственной (eigentümliche) фантазии и без собственного освящения» [3, S. 165].

Отсюда понятен следующий пассаж, что сама по себе собранная из случайностей, эта идеальная сфера может обрести свое единство и форму не «сверху», и не из себя самой, также как не из индивидуального

произвола, а только «если дан свободный народ, и разум снова обретет свою реальность как нравственный дух, который может иметь мужество на собственной почве и из собственного величия обрести свой собственный религиозный гештальт», причем если народ развил такую нравственность, то «разум свою жизненность и природу своего духа возвращает через философию» [3, S. 165].

Совершенно ясно, что у Гегеля «высшая сфера» − источник нравственных определений – это совместная жизнь самих индивидов, которая, конечно, выше индивида, если его понимать как изолированного и конечного, но с этим Гегель как раз систематически спорит. Человек у Гегеля явно не является *конечным* индивидом. Это индивид, который принципиально не одинок, а разомкнут в тотальность, объединяющую его с другими, конституирующими как не-одинокого изнутри. Благодаря этому индивидуальность обретает дополнительное измерение, становится бесконечной, источником всеобщего закона, который больше не противостоит ей как чуждое и потому деспотическое начало. А высшая нравственная природа является собственной природой индивида, поскольку тот содержит измерение подлинной бесконечности в себе, конституирован этим измерением в качестве индивида.

Таким образом, перед нами два галиматизирующих прочтения, которые свидетельствуют, однако, не о недобросовестности читателей, но о том, что у читателей, наделенных всеми добродетелями учености и элитным образовательным уровнем, напрочь отсутствуют, как в этом признавался и Э. Гуссерль, «органы зрения для восприятия немецкого идеализма» [1, с. 370]. Мы здесь имеем дело с диатрибическим [6] перерождением мыслительной способности самих элит.

Что ее вызвало? Короткий ответ будет бурдьеанским: символическое насилие, которому не может противостоять типичный продукт определенной образовательной системы, именно потому, что оно имеет институциональную, а не индивидуальную природу. Та демократия, которую обосновывал Гегель как условие надлежащей способности мыслить, борьба социального верха и низа, формально одинаково допущенных в академическое поле, оказалась в этом поле под вопросом, потому что доступ низов к творчеству, а не просто пользованию навязанными схемами, со временем был ограничен. Академическое поле трансформировалось в дисциплинарное пространство, но творческое мышление, «орган восприятия» гегелевской диалектики, не может распределяться так, чтобы быть привилегией лишь одинокого полюса господства, оно есть бахтинское «pluralia tantum!» [7, с. 331].

Литература и источники

1. Гуссерль, Э. Фихтевский идеал человечества. Три лекции // Ежегодник по феноменологической философии 2009/ 2010 [II]. – М.: РГГУ, 2010.

2. Hegel, G. W.F. “Faith and Knowledge” translated by Walter Serf and H. S. Harris. – State University of New York press, Albany, 1977

3. Haym, R. Hegel und seine Zeit. – Berlin, 1857.

4. Гайм, Р. Гегель и его время. – СПб.: Наука, 2006. – 393 с.

5. Бурдье, П. Экономическая антропология. Курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993). – М.: Изд. дом Дело РАНХиГС, 2019. – 416 с.

6. Потемкин, А. В. Метафилософские диатрибы на берегах Кизитеринки. – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2003. – 576 с.

7. Бахтин, М. М. К переработке книги о Достоевском / М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО КАК МЕРА СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ В «ФИЛОСОФИИ ПРАВА» ГЕГЕЛЯ

В. И. Каравкин

Свобода бывает вообще там, где господствует закон, а не произвол отдельного человека
Гегель

Понятие «право» зарождается в смысле и значении понятия «естественное право», что означает, не данное кем-то, а прирожденное, само собой разумеющееся, существующее в мире людей, словно от природы. В близком к такому пониманию оно существовало в античном мире, затем, в учениях Спинозы, Гоббса, Локка, Руссо, Монтескье, – таков интеллигибельный исток; и утвердилось в сознании Гегеля. Согласно ему, «естественное право» является единственно возможным *предметом «Философии права»*. Он же показал, что оно является *мерой* взаимоотношений между человеком, обществом, государством, осуществляясь, здесь сказалось специфически гегелевское осмысление сущего, в формах абстрактного права, морали и нравственности.

Нас интересует *осмысление* естественного права, а не воплощение идей в жизнь, к слову, вполне достойное воплощение, даже если не выходить за временные рамки восемнадцатого столетия: Декларация прав Вирджинии 1776 г., Конституция США 1787 г. с Биллем о правах 1791 г., Декларация прав человека и гражданина 1789 г. Заметим, что отмеченные социально-политические реалии оказались фоном, на котором, объективно, не зависимо от субъективных предпочтений, осуществляла себя философско-правовая и этически-политическая мысль Гегеля.

Собственно, именно с понятия о прирожденных правах человека началась ее подлинная история, вспомним английские Великую хартию вольностей (1215) и Билль о правах (1689). Не смотря на это, возникли

возражения последователей концепции позитивного права, смысл которых сводится к тому, что законы устанавливаются государством, а идеи естественных прав являются, по сути своей, анархистскими (Б. Чичерин).

Гегель же одной из своих ранних работ, написанных почти за двадцать лет до «Философии права», дал характерное название: «О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве» [1, с. 185–275].

В фундаментальном исследовании с двойным наименованием «Основания естественного права и науки о государстве. Основы философии права», традиция краткого наименования которого «Философия права», Гегель с первых страниц отправляет нас к своей «Большой Логике». Объясняется эта важная отсылка тем, что философия права имеет «своим основанием дух логики» [2, с. 45]. Он, «дух логики», распадается на три строго следующие друг за другом части: «I. Логику бытия, II. Логику сущности и III. Логику понятия» [3, с. 48]. В понятие права воедино слились понятия бытия и сущности. Другими словами, право по сути своей является, во-первых, – естественным; во-вторых, – соответствующим рациональной мере бытия сущего. Естественным потому что не является субъективным, а задано самой действительностью, как в дальнейшем неоднократно скажет сам Гегель, «духом народа». «Рациональной мерой бытия сущего», – так как естественное в гегелевском понимании несет на себе «печать» идеи или идеального, в данном контексте оба термина представлены как синонимы. Право, как понятие, в плане логики означает, что оно является разумным. Действующее право разумно именно потому, что оно действительно. Но верно и обратное: действительным является только такое право, которое является разумным. Является мерой социальной жизни, мерой взаимоотношений общностей – семьи, гражданского общества и государства. Данная мысль становится понятной из текста «Энциклопедии философских наук». Гегель пишет, что здравый смысл, обобщенно называемый им рассудком, «принимает грезы своих абстракций за нечто истинное» [4, с. 90] и предписывает это «истинное» к области политики. Естественным, а значит действительным, является только то, что соответствует рациональной мере бытия сущего: «Что действительно, то разумно. Но не все, что существует, действительно…, – и далее, вполне злободневно, – творениям человека противопоставляется в качестве наивысшего право божественное. Однако в наши дни именно божественное право – наиболее отвергаемое» [2, с. 379]. Добавим к сказанному, что под «божественным» классик философской мысли понимал разумное. Итак, получается, согласно Гегелю, не все существующее следует признавать соответствующим естественному праву. В таком случае, естественное право выступает антропологической, в силу своего рационального статуса, мерой

социальной действительности.

Философия Гегеля в целом, и «Философии права» не является исключением, есть «время, постигнутое в мысли» [2, с. 55]. Вместе с тем, вновь процитируем классика: «Все дело в том, чтобы в видимости временного и преходящего познать субстанцию, которая имманентна, и вечное, которое присутствует в настоящем» [2, с. 54]. Вечной имманентной субстанцией социальной жизни оказывается естественное право. Оно является духовным образованием, исходной точкой которого, согласно Гегелю, следует признать свободную волю. Она, в свою очередь, есть мышление, но уже не в качестве теоретического, а практического отношения, имеющего свое основание в недрах «наличного бытия». Поэтому естественное право «есть царство осуществленной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа» [2, с. 67]. Когда речь идет о свободе, нельзя представлять ее бессодержательной, негативной, как это делает, опять-таки, рассудок или здравый смысл. Свобода – содержательна! В отношении личности она предстает в качестве абстрактного или формального права, где доминируют запреты, где основной проблематикой является все то, что сопутствует частной собственности, без которой разумная свобода не мыслима. Следующую сферу права Гегель называет моралью. Ее сущность представляется философу в том, что по своей форме эта сфера предстает в качестве права субъективной воли, что предполагает особую роль интересов людей, их требований, их поступков. Речь идет об умыслах, вине, намерениях, о том, что представляется добром и совестливостью, о ценностных характеристиках поступков и о долженствовании. Наконец, третья область естественных прав, связующая первые две в одно целое, представляет собой нравственность, которая объемлет семью, гражданское общество и государство: «нравственность есть понятие свободы, ставшее наличным миром и природой самосознания» [2, с. 200]. Как видим, понятия нравственности, свободы и государства, как бы, срастаются в гегелевской теории, предстают в качестве апогея развития естественно-правовой жизни общества. Государство в таком качестве представляется мыслителем «шествием Бога в мире», но не надо забывать, что «его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю» [2, с. 284]. Не надо забывать, что по Гегелю, «Государство есть действительность конкретной свободы…» [2, с. 286]. Не следует забывать и то, что государственное устройство, по Гегелю, не может быть кем-то создано, а представляет собой выражение «духа народа». Другое дело, что существуют государства не соответствующие данному положению вещей. Это «дурные государства», согласно терминологии философа. С предложенной Гегелем точки зрения, они лишены исторической перспективы, в данном контексте, – и не разумны и не действительны!

В завершении «Философии права» Гегель в соответствии со своей

философией истории экстраполирует процесс развития естественного права на всемирную историю: «Восток знал и знает только, что *один* свободен, греческий и римский мир знает, что *некоторые* свободны, германский мир знает, что *все* свободны. Итак, первая форма, которую мы видим во всемирной истории, есть *деспотизм*, вторая – *демократия* и *аристократия*, третья – *монархия*» [5, с. 147–148]. В контексте нашей работы, важнейшей является сама идея переноса понятия свободы в форме естественного права на процесс исторической динамики. На наш взгляд, ценными являются именно фундаментальные идеи Гегеля, а не их конкретное наполнение, так как речь идет о философской мысли.

Возможен иной ракурс видения идей Гегеля. Он противоречив! Есть основания прочесть Гегеля и так, как это сделал, скажем, К. Поппер. Мы же предложили увидеть у классика философской мысли обоснование концепции естественного права в качестве меры социальной жизни.

Литература и источники

1. Гегель, Г. В. Ф. Политические произведения / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Наука, 1978. – 438 с.

2. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

3. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1999. – 1072 с.

4. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1.– 452 с.

5. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. – СПб: Наука, 1993. – 479 с.

«НАРОД» И «НАЦИЯ»: ГЕГЕЛЬ ОБ ИСТОРИИ КАК ПРОГРЕССЕ В ОСОЗНАНИИ СВОБОДЫ

П. А. Козарева

Понятия «народ» и «нация» широко используются в целом ряде наук – этнологии, демографии, социологии, истории, философии и других областях знания. Однако, до сих пор не существует единого мнения по вопросу о содержании и подлинном смысле этих понятий, так как в приведенных выше науках категориальный аппарат и специфика самого употребления этих понятий существенно отличаются друг от друга. Тем не менее, использование термина «народ» уходит своими корнями в глубокую древность; что же касается употребления понятия «нации», то в разное время, особенно по мере развития общественных наук, оно наделялось самым различным содержанием. Не вдаваясь в детали истории данных терминов, мы все же попытались в рамках тезисов своего выступления выявить специфику гегелевского подхода к анализу понятий «народ» и «нация» в контексте рассмотрения им истории как прогресса в

осознании свободы.

«Народ» и «нация» приобретают свое истинное бытие и значение, по Гегелю, только в государстве. Он полагает, что они неразрывно связаны между собой и взаимно заменяются: «То общее, которое проявляется и познается в государстве, та форма, под которую подводится все существующее, является вообще тем, что составляет образование нации. А определенное содержание, которому придается форма общности и которое заключается в той конкретной действительности, которою является государство, есть сам дух народа» [1]. Гегель считает также, что для своего образования «нация» должна не только подводиться под критерии, которые ей дарует государство, но и быть той действительностью, благодаря которой государство и может существовать.

Опираясь на свой принцип прогресса в осознании свободы, философ, как известно, выделяет в процессе поступательного развития всемирной истории ряд периодов. Так изложение своей концепции философии истории он начинает с восточного мира, так как в процессе развития свободы этот мир находится на самой низшей стадии; здесь, собственно, и нет еще никакой истории как таковой, а сознание носит абстрактный характер: «История прозаична, – пишет он, – а в мифах еще нет истории. Сознание внешнего наличного бытия появляется лишь с абстрактными определениями, и как только обнаруживается способность к выражению законов, появляется и возможность прозаически понимать предметы» [2, с. 156].

Гегель не наделяет восточный мир свободой, так как населяющие его народы даже не осознавали, что последняя собой представляет; для них свободен «лишь один – и свободен как деспот». В своих оценках восточного мира немецкий мыслитель явно демонстрирует принцип европоцентризма, который будет реализован им и в ряде его последующих работ, включая и «Лекции по истории философии». «Восточный мир», по Гегелю, представляет собой не более, чем поступательное движение в сторону «греческого мира»; последний же начинается с египетского духа, который «являлся исходным пунктом для внутреннего и соответствующего понятию перехода к Греции» [2, с. 248].

Подводя итоги гегелевского анализа «восточного мира», известный востоковед Г. Б. Шаймухамбетова отмечает, что «под "восточным" он подразумевает нечто в области духа, компенсирующее отсутствовавшую или утраченную политическую свободу, способ примирения в чувствах и сознании с несвободными формами социально-политической жизнедеятельности за счет умаления последних, низведения их до уровня неистинного перед надеждой и образом некоего будущего предельного освобождения» [3].

Следующим этапом истории, по Гегелю, становится, как известно, «греческий мир». Его история проходит далее свой имманентно

развертывающийся путь: от «выработки реальной индивидуальности» до «периода упадка». Гегель наделяет историю греков сознанием свободы, которая, тем не менее, ограничена, ибо в греческом мире существовали рабы, а потому свобода существовала лишь для некоторых. Цель древнегреческого мира заключается в формировании «прекрасной индивидуальности», которая ярко проявила себя в древнегреческой философии. На смену миру греков, как результат «всемирно-исторического соприкосновения народов» приходит «римский мир».

Гегель проводит сравнительный анализ этих двух миров, отмечая не только их внутриполитические различия, но и национальные особенности и расхождения в культурной жизни этих двух эпох всемирной истории. Он пишет о значительном влиянии христианской религии на Римскую Империю и взаимосвязи ее процесса ее нисхождения с мировой арены из-за христианства. Неспособность Рима избежать внешних конфликтов, различного рода войн, военных столкновений и внутренних разладов привела, в конечном итоге, к его падению.

Совокупность этих факторов и привела, по Гегелю, к возникновению нового – «германского мира», которому он уделяет в работе наибольшее внимание и который «есть дух нового мира, цель которого заключается в осуществлении абсолютной истины как бесконечного самоопределения свободы, той свободы, содержанием которой является сама ее абсолютная форма» [2, с. 361].

Возвращаясь к понятию «нации», следует уточнить, что ее существование Гегель связывал исключительно с имперским государством, а потому именно в Священной Римской Империи, которая заложила фундамент для формирования «германского мира», и оформляется, как он полагает, нация. В своей работе «Конституция Германии» философ утверждает, что, распавшись, Римская Империя создала множество раздробленных немецких областей-государств и что это может привести к потере национальной идентичности. Их объединение возможно только при добровольном желании самого немецкого народа под рукой властного правителя, который сумел бы объединить эту толпу и наделить ее реальным пониманием всей мощи Германии и ее идентичности: «Толпу немецких обывателей вместе с их сословными учреждениями, которые не представляют себе ничего другого, кроме разделения немецких народностей, и для которых объединение является чем-то совершенно им чуждым, следовало бы властной рукой завоевателя соединить в единую массу и заставить их понять, что они принадлежат Германии» [4].

Гегель также много писал о немцах и их этнических особенностях: «О нас идет слава как о глубоких, но часто неясных мыслителях. Мы желаем понять глубочайшую природу вещей и их необходимую связь; в науке поэтому мы приступаем к делу в высшей степени систематически,

но впадаем нередко в формализм внешнего произвольного конструирования. Наш дух вообще в большей степени, чем дух какой-либо другой европейской нации, обращен на себя» [5].

Нельзя не признать, что именно Гегель является одним из первых авторов, который провозгласил идею «нации-государства», когда нация существует во взаимной связи с государством и подкрепляется не только формированием в его рамках единой идентичности, но и установкой на возрастание благодаря этому мощи государства. Впоследствии О. фон Бисмарк совершит тот самый подвиг, о котором так мечтал Гегель.

Опираясь на исторический опыт XX века, следует отметить, что важно четко обозначить ту грань, которая отделяет дозволенное внутри государства от развития национального самосознания. Действительное становление духа и осознание им своей свободы никоим образом не должны отождествляться с теми жертвами и жестокостями, которые понес европейский мир, включая и Германию, ибо доведенная до Абсолюта идея великой нации и государства сама себя погубила.

Литература и источники

1. Гранин, Ю. Д. «Нация» и «этнос»: эволюция подходов и интерпретаций в философии и науке XVIII–XX столетий / Ю. Д. Гранин // Вопросы Философии. – 2015. – № 9. – С. 211–215.

2. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по Философии истории / Г. В. Ф. Гегель // пер. с нем. А. М. Водена. – СПб.: «Наука», 1993. – 415 с.

3. Шаймухамбетова, Г. Б. Гегель и Восток: Принципы подхода / Г. Б. Шаймухамбетова. – М.: Издательство «Восточная литература», 1995. – 288 с.

4. Гегель, Г. В. Ф. Конституция Германии / Г. В. Ф. Гегель // Политические произведения. – М.: «Наука», 1978. – 440 с.

5. Белик, А. А. К проблеме методического инструментария исследований особенностей поликультурного образования / А. А. Белик // Психологическая наука и образование. – 2012. – № 1. – С. 1–9.

ВОПРОС ПРОИСХОЖДЕНИЯ НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКИ У А. КОЙРЕ И А. КОЖЕВА: ЗА И ПРОТИВ ГЕГЕЛЯ

И. С. Курилович

Одним из наиболее детальных интерналистских антипозитивистских толкований генезиса новоевропейской науки была концепция Александра Койре: «глубоко верю, что наука по своей сущности является теорией, а не собранием "фактов"» [1, с. 149]. Вместе с продолжением в работах младшего коллеги и друга Койре, Александра Кожева, концепции обоих, являющихся к тому же представителями французского неогегельянства,

рассматриваются нами как развитие тезиса Гегеля о христианском происхождении современной науки, но такое развитие, которое выступает против прочих гегелевских положений: соглашаясь с Гегелем в оценке значимости догмата воплощения для появления новой науки, Койре и Кожев считали важнейшими следствиями математическую физику и представление о мире, лишенном качественных различий неба и земли, что казалось Гегелю сомнительным и даже опасным.

Койре утверждал, что средневековое и античное объяснение природы радикально отличалось от новоевропейского. Одно видение устройства мира предельно контринтуитивно представителю другого, поэтому нет прямого перехода между древней физикой, восходившей к Аристотелю, и новой, берущей начало с Коперника и Галилея, достигшей полноты своего раскрытия в работах Ньютона, а философски восходящей к, возможно, неожиданному союзу Платона и Демокрита [1, с. 19] (о скрытом гегельянстве в данном сюжете сравнительной историографии науки см [2]). Основное отличие новой физики состояло в принципиальной незамкнутости космоса, его однородности или неиерархичности, бесконечности и геометричности, что значит – точной исчислимости параметров физических объектов математически, как умозрительных геометрических фигур. Для точно измеряемых физических объектов был открыт новый научный метод, эксперимент. При этом переход от мира приблизительности к указанной бесконечной вселенной прецизионности Койре объясняет соединением небесной и земной физики, по отдельности существовавших у Аристотеля, которое стало возможно благодаря появлению воплощенной теории, материализации мысли – измерительного инструмента (прежде других оптического и хронометрического) – не полезной вещи (как подзорная труба или солнечные, водяные, гиревые часы), не продолжения органов чувств (видеть дальше, считать время от восхода до обедни), но того, что органы чувств увидеть не ждут, что предсказывает ум, что было предметом умозрения (параллакс звезд, скорость падения шара и т. п.) [1, с. 117].

Кожев развил идею Койре о значимости воплощения теории, но обратился для этого не к появлению инструмента (его скорее стоит считать следствием, чем причиной соединения метафизических неба и земли), а к тому, откуда могла появиться сама по себе скандальная идея воплощения теории. Ответ Кожева известен – из догмата Воплощения Сына Божьего, Второй Ипостаси Троицы, Логоса, Иисуса Христа [3, с. 424]. Доводами в пользу христианского происхождения новой науки является то, что она появляется в христианской Европе, что единственное отличие христианства от прочих религий состоит в догмате Воплощения, а отличие новой науки от старой, античной и средневековой, математическая физика, кажется подобной этому догмату: привычка считать возможным воплощение совершенства в конечном несовершенном мире без умаления

бесконечности и совершенства, что по мнению вероучителей большинства христианских конфессий сделал Иисус, со временем привело к мысли о математической физике. Математические законы, в языческой науке использовавшиеся для описания небесной механики, в христианской науке (как воплощенный и телесно воскресший Бог по отношению к телесному миру) не подчиняют физические объекты, не управляют ими, но воплощены в них, полновесно живут их жизнью, и сами физические объекты более не чужды математике, но уже являются математизированными, оставаясь физическими. Следовательно, ученый может их изучать, не боясь трансцендентального разрыва неприменимости качественно различных законов одной природы к другой. Бесконечность и точность математики с конечностью и ускользающей нечеткостью физического мира соединена теперь неизменно, нераздельно и неразлучно – достаточно, чтобы объяснить природу количественно, математически. Возможный контраргумент о разнице в, по меньшей мере, тысячу лет между победой христианства на большей части Европы и появлением новой физики Кожев объяснил постепенность христианизации: сначала оно преобразовало индивидуальную жизнь, затем общественную, включая право, позже искусство (готическая архитектура), и лишь став привычными везде и всюду христианские идеи наконец были восприняты высшими формами интеллектуальной деятельности европейского человечества, философскими и естественнонаучными.

Сходство последовательности христианизации в гипотезе Кожева о генезисе науки Нового времени с этапами явления духа у Гегеля лишь малое совпадение на фоне того, что само представление о зависимости новой науки от христианства было продумано Гегелем. В наиболее общем метафорическом виде появление науки нового времени у Койре и Кожева совпадает с тем, как говорит Гегель в Предисловии «Феноменологии духа»: «Око духа силой вынуждено было направляться на земное и задерживаться на нем; и потребовалось много времени, чтобы ту ясность, которой обладало только сверхземное, внести в туманность и хаотичность, в коих заключался смысл посюстороннего, и придать интерес и значение тому вниманию к действительности как таковой, которая была названа опытом» [4, с. 11]. Гегель пишет, что эмпиризм [4, с. 109] в негативном, скептическом смысле возникает как шаг к реализации свободы самосознания через внутреннее удвоение, порождающее «несчастное сознание», расколотое религиозное самосознание «благочестивого субъективизма». Идея гроба Господня создает представление о том, что единичность не есть только текучая, исчезающая единичность, но есть подлинная или всеобщая [4, с. 114–115]. После того как «несчастное сознание» низвело свое для-себя-бытие до вещи, оно как бы отступило к уже преодоленному видению своего предмета как бытия или вещи, но теперь вещь и всякое бытие получили возможность быть понятыми

сознанием как оно само, то есть понятыми разумно, так теория узнается в практике [4, с. 177–178] – появляется положительный эмпиризм, идеалистический, который мы можем отождествить с естественнонаучным мышлением эпохи. Помимо воплощения, существенным для появления научного взгляда на мир оказывается и воскресение (мысль, с которой Кожев не согласился: согласно Кожеву, для появления науки достаточно было догмата воплощения. См [5, с. 133]). Благодаря воскресению сознание удостоверилось в себе, осознало, что сознание само есть действительность, что действительность сознанию не чужда, а опыт помогает сознанию узнать себя в изучаемом мире [4, с. 121–122]. Это не отменяет критики эмпиризма нового времени как гештальта – это «пустой идеализм» [4, с. 125], заполняющий пустое я. Он не отстраняется в сомнении как «несчастное сознание», а набрасывается в накоплении. Действительному разуму достоверно, что он есть вся реальность, но не став ею поистине, он себя реальностью наполняет, силясь тем самым этой реальностью стать. Так наука Нового времени становится наукой открытия законов, которые суть понятия, проявляющиеся в опыте [4, с. 132], и в проведении этих опытов над законом появляются эксперименты – выхолащивание чувственного бытия ради очищения понятия.

Если в христианском происхождении науки концепции Койре и Кожева с Гегелем совпадают, то в оценке значимости математизации естествознания и личного вклада Ньютона они явно непохожи. Согласно классику, наука до Коперника, Галилея и Ньютона была продолжением естественного сознания, последовательно восходящего от наличного бытия к сознанию всеобщего, а наука Нового времени начала с абстрактных форм и в них возводит, реконструирует всеобщее, но делает это столь же абстрактно, неподвижно [4, с. 23], посредством рассудочных законов и математики. Последняя, согласно Гегелю, приходит со снятием качественной самостоятельности инобытия духа, когда различия в нем становятся «равнодушными», т. е. сущими по величине, отличающимися количественно [4, с. 145]. Математика в физике «заимствует из опыта синтетические положения», а математические доказательства доказательствами не являются, а суть «пустая видимость» доказательств. Математический принцип величины – есть «различие, лишенное понятия», а принцип равенства – «абстрактное безжизненное единство» [4, с. 29]. Отдельным предметом критики и в вопросе законов природы, и в вопросе математического естествознания для Гегеля был один из главных кумиров Койре и Кожева – Ньютон. Само появление закона всемирного тяготения Гегель объясняет тем, что понятие закона противится множественности, притом неопределенной множественности, а потому рассудок стремится свести множество законов к одному: так вместе оказываются закон падения яблока и вращения Венеры [4, с. 81]. Наконец, у Гегеля мы находим предостережение против того, что станет главным

космологическим тезисом Койре и Кожева, против объединения неба и земли в Новое время. Гегель сомневается в необходимости объединения земной и небесной механики: он признает не единство силы тяжести (оригинальный разбор дискуссии по теме см [6]) во вселенной, в надлунном и подлунном мире, а только сопоставимость абстрактных количественных показателей, геометрических и арифметических. В ранней работе, диссертации «Об орбитах планет» классик особенно красноречив: «благодаря жалкому анекдоту о том, как Ньютон увидел падающее яблоко, толпа стала без страха взирать на небо, совершенно позабывши, что яблоко уже послужило однажды началом бедствий для всего человеческого рода, а затем поводом к гибели Трои, – дурное предзнаменование и для философских наук» [7, с. 252].

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–78–00121) в Российском государственном гуманитарном университете. This work is supported by the Russian Science Foundation under grant no. 20–78–00121 in Russian State University for the Humanities.

Литература и источники

1. Койре, А. Очерки истории философской мысли. – М.: Прогресс, 1985. – 280 с.

2. Stump, J. B. History of Science through Koyré's Lenses // Studies in History and Philosophy of Science. Part A. – 2001. – Т. 32, № 2. – P. 243–263.

3. Кожев, А. Христианское происхождение науки // Атеизм и другие работы. – М.: Праксис, 2006. – С. 416–428.

4. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа. – М.: Наука. – 495 с.

5. Кожев, А. Гегель, Маркс и христианство // Вопросы философии. – 2010. – № 10. – С. 128–143.

6. Лопатюк, Р. Ю. Критика Гегелем понятия силы в небесной механике Ньютона // История философии. – 2017. – № 2. – С. 70–72.

7. Гегель, Г. В. Ф. Работы разных лет. – М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – С. 235–265.

ФИЛОСОФИЯ ГЕГЕЛЯ: БЕЛОРУССКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ В XIX В.

А. А. Легчилин

Вопросы, связанные с развитием национального философского знания по праву находятся в центре внимания современного белорусского философского сообщества. Они активно обсуждались в рамках Первого белорусского философского конгресса (2017 г.), который прошел под девизом «Национальная философия в глобальном мире», а также специализированных профессиональных дискуссий. В последние годы в Беларуси был опубликован ряд фундаментальных работ, посвященных

изучению истории философской и общественно-политической мысли Беларуси.

Нового переосмысления требует период XIX века, осмысленный в свое время в основном с идеологических позиций. Его изучение далеко недостаточно, хотя во всех отношениях представляет собой интересное и оригинальное явление в духовной жизни белорусского общества. Уместно указать и на трудность, с которой неизбежно сталкивается всякий, кто берется за изучение данной проблемы. Периодические издания и отдельные философские произведения, выходившие в то время, сохранились в небольшом количестве экземпляров.

«Долгий XIX век» в европейской философии ассоциируется с немецкой философией. Именно эта философия завораживала, в том числе, и умы восточных европейцев. В интеллектуальной культуре региона «Северо-Западного» края, в который входила и Беларусь того времени достаточно активно обсуждались философские идеи немецких мыслителей. В 30–40 годы XIX века в Европе и, особенно в Германии, активно полемизировали по поводу модной тогда гегелевской философии. Мы предлагаем эксплицировать мене известную страницу нашей интеллектуальной истории в этом контексте, которая требует более глубинного исследования.

Главная тема вокруг, которой велись дискуссии – это проблема интерпретации гегелевской философии религии. Точки зрения были диаметрально противоположные: правогегельянцы оппонировали левогегельянцам. В нашем регионе она также нашла отражение.

Своеобразную позицию занимал новогрудский адвокат Флориан Бохвиц (1799–1856). Его трактовка немецкого идеализма и гегелевской философии религии выражена в его сочинениях: «Образ моих мыслей»; «Образ моих мыслей о цели существования человека»; «Мысли о воспитании человека» [1]. В дискуссии между правыми и левыми гегельянцами он занимал своеобразную позицию. Акцентируя внимание на религиозном сознании в жизни человека, автор опирается на философскую традицию, в том числе и на философию Гегеля. Вот один из его комментариев к системе Гегеля: «Нет ничего на свете, чтобы не зависело от разума, а разум вездесущ, и тем самым есть Бог» [1, s. 55].

Более резкую позицию по отношению к философии Гегеля занял И. П. Головинский (1807–1855) – Ректор Петербургской Римско-католической духовной академии и одновременно Архиепископ-митрополит Могилевский (1851–1855). В своем сочинении «Об отношении непосредственной философии к религии и нашей цивилизации» (1846) он критикует философию Гегеля и его сторонников, полагая, что философия религии Гегеля, выступала в форме пантеизма [2].

Подобные трактовки гегелевских идей высказывал и М. Ю. Якубович (1784–1853) – бывший учитель латинского языка

гимназий нашего региона (Поставы, Свислочь, Гродно), а затем профессор этого же предмета сначала в Киевском, а потом Московском университетах. В своем труде «Христианская философия жизни в сравнении с пантеистической философией нашего времени» (1853) он представляет философию религии Шеллинга и Гегеля как сугубо пантеистические системы [3].

Иная точка зрения была представлена в журнале «Атенеум», который издавался в Вильно с 1841 по 1851годы. На его страницах были опубликованы ряд философских текстов, посвященных Г. Гегелю. Это, прежде всего, работы Т. Щеневского: «О философии», «О законе необходимости», «Парафразы Гегеля, из его введения в историю философии». В 1842 году в Вильно вышла отдельная книга Т. Щеневского «Введение в историю человечества и человеческого духа», излагавшая гегелевскую философию истории.

В продолжение популяризации учения немецкого мыслителя сыграл основатель и редактор виленского журнала «Атенеум» Ю. И. Крашевский, по инициативе которого в журнале были представлены философские взгляды Г. Гегеля. Он перевел и опубликовал ряд работ, посвященных Гегелю. Первая – это перевод фрагмента из книги французского философа Августа Отта (Auguste Ott) «Гегель и немецкая философия» (Париж, 1844) под названием «Идея гегелевской системы» (Athenaeum.1845.T.1.), затем она вышла отдельным изданием (Вильно, 1845).Следующая работа – это перевод фрагментов книги Г. Гегеля «Лекции по истории философии» из опубликованного собрания его сочинений под редакцией К. Мишле (*Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie* (gehalten 1805/ 06 in Jena, 1816–1818 in Heidelberg und 1819–1831 in Berlin, aus Notizen und Mitschriften 1833–1836 postum herausgegeben von Karl Ludwig Michelet), которые Крашевский назвал «Очерк истории философии согласно Гегеля»(Athenaeum.1845.T.2). Следующий перевод – это «Философия природы» из того же издания Гегеля (Athenaeum.1845.T.3).

Авторские переводы и парафразы только что опубликованных текстов Гегеля в нашем регионе, с точки зрения содержания, были сделаны удачно. Они давали представление, как о гегелевском методе, так и о философии немецкого мыслителя в целом, о которой, как писал Крашевский в послесловии, «у нас много говорят, а мало знают» (Athenaeum.1845. T.1).

Литература и источники

1. Bochwic, F. Obraz mysli. Cz. 1. – Wilno, 1838–1841. – 112 s.

2. Holowinski, I. P. O stosunku bezpośredniej filozofii do religii i cywilizacji naszej // Tygodnik Petersburski: gazeta urzędowa Królestwa Polskiego. – R. 17. – 1846. – Nr. 17. – S. 126–128.

3. Jakubowicz, M. Chrześcijańska filozofia życia w porównaniu z filozofią naszego wieku panteistyczną. Cz. 1–3 / przez Maksymiliana Jakubowicza. – Wilno: Nakład i druk Teofila Glücksberga, 1853. – Cz. 1. – 289 s., Cz. 2. – 217s., Cz. 3. – 222 s.

ГЕГЕЛЬ И ГОМЕЛЬ В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

А. Д. Майданский

Л. С. Выготский и Б. Г. Столпнер, два земляка из Гомеля, сыграли особую роль в судьбе гегелевского наследия в России. Столпнер перевел Большую и Малую Логику, «Философию права», Лекции по истории философии, частично – «Философию природы» и Лекции по эстетике. И по сей день русский Гегель говорит языком Столпнера. Ну а Выготский дал впечатляюще мощный – пожалуй, лучший после Маркса – образец применения открытого Гегелем диалектического метода.

Вряд ли их знакомство случилось уже в Гомеле – слишком велика разница в возрасте. Столпнер был старше на 25 лет и оставил город еще до рождения Выготского. В московской квартире Льва Семеновича часто бывали его гомельские друзья – известный художник А. Я. Быховский, директор ЭДИ (Экспериментальный дефектологический институт, ныне – Институт коррекционной педагогики РАО). И. И. Данюшевский, филолог В. С. Узин.

Столпнер, по воспоминаниям дочери Выготского Гиты, рядом с ее отцом выглядел глубоким старцем [1, с. 192–193]. «Обычно они подолгу беседовали о чем-то, совсем мне непонятном» – ну а что может быть непонятнее Гегеля? Выготский вообще любил обсуждать сферу профессиональных увлечений каждого своего собеседника, а тут его личный интерес в философии прямо совпал с интересом Столпнера. Можно поэтому с уверенностью предположить, что речь о Гегеле заходила не раз и не два. После долгих бесед друзья молча, без видимого азарта играли в шахматы. Летом Столпнер часто приезжал к Выготским на съемную дачу, где с ним случались разные забавлявшие детей истории – он был очень близорук.

Гегель подсказал Выготскому идею опосредствования высших психологических функций и ключевую формулу «Мышления и речи»: слово есть «бытие, оживленное мыслью». Но главное – именно Гегель, опередив свое время более чем на столетие, первым создал учение, заслуживающее названия *культурно-исторической психологии*. Одним из его открытий стало включение в психологическую науку культурно-исторической проблематики.

В «Феноменологии духа» формирование человеческой психики изображается как процесс усвоения содержимого истории мировой

культуры, а предметы культуры оказываются средствами самовыражения и самопознания «я» – своего рода зеркалами, в которых сознание рассматривает самое себя. Эту аксиому культурно-исторической теории в психологии полностью разделяют Выготский и его школа – хотя ни он сам, ни его ученики напрямую не обращались к тексту «Феноменологии духа» и, возможно, даже не ведали об этой линии теоретического родства (Интересно, что наставником Выготского в Народном университете Шанявского был будущий переводчик «Феноменологии» Г. Г. Шпет.)

Гегель специально рассматривает связь логических и психологических законов мышления. Психология определяется как наука о «мире индивида», Человеческая индивидуальность есть «мир, *ей принадлежащий* (*ihrige*); она сама есть круг своего действования» [2, с. 158]. Этот круг очерчивает сегмент мировой культуры, «объективного духа», живой частицей которого и является индивидуальное сознание. Личность являет собой кристаллизованную в «душе» историю культуры.

О традиционной, эмпирической психологии, изучавшей «каждый оттенок характера», Гегель держится весьма невысокого мнения. Эта «утонченная психология», как он иронически ее характеризует, по «бедности представления о духе» ставится рядом с френологией, определяющей характер по шишкам и ямкам черепной коробки.

Феноменологическая психология образует у Гегеля всего лишь ступеньку лестницы самопознания духа, необходимый этап на пути к Логике. «Наука логики» дает нам своего рода рентгеновский снимок духа, демонстрируя его логический скелет. Здесь – развилка мысли Гегеля и Выготского. В недавно изданных записных книжках Выготского читаем: «Что такое человек? Для Гегеля – логический субъект. Для Павлова – сома, организм. Для нас – социальная личность = *совокупность общественных отношений, воплощенная в индивиде* [На полях]. Человек есть для Гегеля всегда сознание или самосознание» [4, с. 1028].

Записные марксисты-ленинцы взяли себе за правило третировать Гегеля за идеализм. «Об этом воробьи кричат с крыш», – с невеселой усмешкой замечает Выготский. – К вершинам, на которые забиралась мысль Гегеля, «нельзя долететь, но надо дойти, хромая... Гегель, хромая, шел к правде» [3, с. 87].

Заметнее всего методологическое влияние Гегеля сказывается в «инструментальной психологии» Выготского второй половины 1920-х годов. На первый план здесь выдвигается категория *опосредствования*, и в этой связи он прямо указывает на Гегеля с его понятием «хитрости разума» (*List der Vernunft*) [3, с. 296]. В переводе Столпнера соответствующее место из «Малой Логики» звучит так: «Разум столь же *хитер*, сколь *могущественен*. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности…» [5, с. 397].

Инструментально-знаковое опосредствование всех до единой

высших психологических функций составляет их отличительную особенность в сравнении с функциями «натуральными», образующими психику животных. Знаки выполняют роль культурных орудий, при помощи которых личность стимулирует и структурирует поведение, свое и чужое, изменяя восприятие, память, эмоции. Оперируя знаками, человек, так сказать, возделывает участок своей «души» (в этой связи стоит вспомнить, что слово «культура» происходит от латинского «colere» – обрабатывать, возделывать). В овладении собой и внешней природой посредством искусственных орудий, «стимулов-средств», заключается, по Выготскому, и состоит «хитрость разума», природа человека разумного.

Тезка Спинозы, Столпнер занялся переводами философских трудов после первой русской революции. В это время он активно участвует в философской жизни столицы. Читает лекции о Гегеле марксистам, спорит на эту тему с Плехановым. Его «огненная ругань» (в адрес русских религиозных философов) произвела сильное впечатление на Александра Блока, а Троцкий писал, что, в отличие от других «светских богословов», Столпнер «весь состоит из мнений, одно другого лучше».

Это при том, что до шестнадцати лет белорусский еврей Столпнер «не знал ни слова по-русски»: см. его Автобиографию, дополненную превосходным рассказом С. Н. Корсакова [6]. Знание русского и еще нескольких европейских языков он «приобрел самоучкой, без помощи каких бы то ни было учителей». В 1912 г. Столпнер начал составлять «Философский словарь» для издательства «Брокгауз-Ефрон» – прямо с гегельянской буквы «Г».

Русские издания Гегеля были в то время ужасающими, иначе не скажешь. Первопроходец В. П. Чижов не столько перевел, сколько пересказал – с большими купюрами, но так и не добравшись до конца, – «Энциклопедию философских наук» (1861–1868). Полвека спустя Э. Л. Радлов храбро доверил перевод «Феноменологии духа» (1913) своим пятерым курсисткам. А в переводе «Науки логики» Дебольского (1916). Столпнер насчитал «грубых ошибок… значительно больше тысячи», обозвав сам перевод «деревянным». Это и все, других русских изданий Гегеля попросту не было.

Придя на работу в Институт Маркса и Энгельса, Столпнер предложил А. М. Деборину издать Собрание сочинений Гегеля в шестнадцати томах, чем впоследствии и занимался до конца своей жизни. Умер Столпнер через три года после Выготского, летом 1937 г., не завершив перевод Лекций по эстетике. Оба друга, Выготский и Столпнер, болели хроническим туберкулезом легких, который заполучили в годы революции.

Работа поддержана грантом РНФ, проект № 20–18–00028.

Литература и источники

1. Выгодская, Г. Л. Лев Семенович Выготский: Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету / Г. Л. Выгодская, Т. М. Лифанова. – М.: Смысл, 1996. – 424 с.

2. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа. – М.: Наука, 2000. – 495 с.

3. Выготский, Л. С. Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо, 2006. – 1136 с.

4. Записные книжки Л. С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Е. Завершневой и Р. ван дер Веера. – М.: Канон+, 2017. – 608 с.

5. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1. Наука логики. – 452 с.

6. Корсаков, С. Н. Борис Григорьевич Столпнер (по архивным материалам). Приложение: Столпнер Б. Г. Автобиография // История философии. – 2016. – Т. 21, № 1. – С. 136–150.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФИИ ПРАВА Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ: МЕНТАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Д. В. Полежаев

Вопросы философского осмысления государства как социального феномена, его сущностных оснований и конкретно-исторических особенностей могут быть вполне убедительно представлены в двух аспектах. С одной стороны, их «набор» в определенном смысле неизбывен: от века к веку проблемные узлы, связанные с целостным пониманием государства, вновь и вновь предстают перед исследователями в смыслосодержательных оппозициях: «государство / общество», «государство / личность», «государство / право», «государство / культура», «государство / мораль» и др. С другой стороны, проблемное поле философской категории «государство» неизменно расширяется с развитием человеческой цивилизации, в том числе в его современном информационно-цифровом понимании. При этом даже «старые темы» философского дискурса необходимо приобретают новое звучание.

В таком ключе видение государства в философии Г. В. Ф. Гегеля представляется актуальным для современного исследователя и значимым не только в теоретическом и философском смысле, но и в практическом отношении, в том числе для современных политиков, государственных служащих, управленцев разного рода и чиновничества вообще. Хотя научная новизна (степень этой новизны) в измерении национально-государственных особенностей жизнедеятельности человека и человеческого сообщества остается весьма интересной в исследовательском отношении проблемой.

Иллюзия *абсолютной* новизны научного знания, философских теорий и концепций подчеркивается Г. Гегелем во введении к «Философии

права». Такого рода заблуждение в смысле абсолютизации, характерное для ряда мыслителей начала XX в., можно признать вполне возможным и в современной ситуации развития социально-гуманитарного знания, в начале XXI века. И дело, по-видимому, здесь, в первую очередь, не в том, возможна ли абсолютная истина вообще или – признаем ли мы ее существование в философском, общенаучном или конкретно-историческом смыслах. А дело чаще всего в самом обычном человеческом «забывании» философско-теоретического багажа, собранного предшественниками, и новом его «открытии». Такое понимание процесса формирования «картины мира» как отдельного человека, так и социальной группы или большого сообщества людей [7, с. 50–55], вполне возможно и не вызывает отторжения; если только не ситуации, когда исследователями в отношении тех или иных теоретических построений заявляются своего рода «права первооткрывателя» (а в наше время еще и *правообладателя*).

По этому поводу Г. Гегель вполне определенно высказывает своего рода философское недовольство. «Удивляют, – пишет он, – прежде всего тон и претензии, которые при этом обнаруживаются, как будто миру недоставало только этих ревностных распространителей истин, как будто старая волынка вещает о новых и неслыханных ранее истинах, и мы обязаны приветствовать их именно "наше время"» [1, с. 305]. Тем более что «истина о праве, нравственности, государстве столь же стара, сколь открыто дана в публичных законах, публичной морали, религии и общеизвестна…» [1, с. 305].

Заметим, что неслучайно здесь Г. Гегель помещает в один ряд понятия *права*, *нравственности*, *государства* (позже он дополнится понятиями морали, *совести*, *свободы*, *семьи*, *правды*, *любви* и др.) – они в понимании философа взаимосвязаны и не могут рассматриваться отвлеченно и раздельно. Хотя каждое из них имеет свою специфику понимания и осуществления в действительности. А. В. Гулыга, изучая творчество Г. Гегеля, замечает по этому поводу: «постичь то, что есть, – вот в чем задача философии, и как каждый из людей – сын своего времени, так и философия есть эпоха, охваченная в мыслях» [2, с. 131]. В этом смысле и измерение государства имеет свою ментальную природу, поскольку вырастает из наличных глубинно-психических установок, сформировавшихся в течение относительно длительного исторического времени.

Установившиеся в то или иное время национальные черты народа могут быть определенным образом изменены в течение исторически длительного времени. Они могут быть и направленно модифицированы под влиянием внешних воздействий, прежде всего, идеологических. Но эти воздействия государства, общества и других больших социальных феноменов должны необходимо учитывать ментальные основы социальной природы человека. Именно в этом случае произвольность

повсеместно распространенных динамических форм может быть упорядочена и приведена в соответствие с актуальными в данное конкретное время социальными нормами, ценностями, интересами и потребностями. Однако неизменной устойчивости конкретных социальных норм, ценностей и т. п. в историческом протяжении говорить было бы неверно, поэтому принципиальная открытость и незавершенность изучения феномена менталитета общества, а также основанного на нем национального сознания и др., связана с незавершенностью собственно ментальных феноменов, глубинных установок для исторически краткого отрезка времени [6, с. 18-26].

В каждую историческую эпоху, таким образом, государство может представать совершенно по-разному. Г. Гегель подчеркивает, что именно наука обязана давать толчок этим представлениям и пониманиям: «государство нуждается также в глубоком образовании и понимании и требует удовлетворения этой потребности от науки» [1, с. 311]. Но именно государство находится на вершине всего существующего социально-индивидуального мира; оно представляется собой нравственный дух как воплощение в действительности нравственной идеи, как «воля, которая мыслит и знает себя». «В нравах, – подчеркивает мыслитель, – она имеет свое непосредственное существование, а в самосознании единичного человека, его знании и деятельности – свое опосредствованное существование» [1, с. 557].

Г. Гегель, рассматривая государство, как «нравственный универсум», полагает, что именно наука о праве, философия права нацелена на постижение государства как «разумной субстанции». А главным условием прочности всякого государства Гегель считал формирование мощного и развитого чиновничьего аппарата. Именно чиновники, полагал мыслитель, воплощают лучшие качества сформировавшего государство народа – его ум, образованность и правосознание, ведь они, в отличие от аристократии или других классов, не изолированы и не направлены исключительно на самое себя.

«Эти иллюзии Гегеля, – пишет А. В. Гулыга, – высмеял Маркс: гегелевское описание бюрократии лишь частью соответствует действительности, частью же – тем представлениям, которые бюрократия имеет о себе. На самом деле "дух бюрократии есть всецело дух иезуитства, дух теологии. Бюрократы – иезуиты государства"» [2, с. 138]. Дух же и идея государства, по Гегелю, имеет совершенно определенные характеристики: «Идея государства обладает:

a) *непосредственной* действительностью (курсив здесь и далее Г. Гегеля. – *Д. П.*) и есть индивидуальное государство как соотносящийся с собой организм, государственный строй или *внутреннее государственное право*;

b) она переходит в *отношение* отдельного государства к другим

государствам – *внешнее государственное право*;

с) она есть всеобщая идея как *род* и абсолютная власть, противополагающая себя индивидуальным государствам, дух, который сообщает себе в процессе всемирной истории свою действительность» [1, с. 562–563].

Таким образом, Г. Гегель вновь подчеркивает высочайшее место государства в соотнесении с иными акторами общественно-исторического процесса – социальными группами и течениями, семьей как социальным институтом и отдельными личностями, а также иными субъектами истории.

Литература и источники

1. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель // Кант И., Гегель Г. В. Ф., Шеллинг Ф. В. И. Немецкая классическая философия. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000. – Т. 1. – С. 303–666.

2. Гулыга, А. В. Гегель / А. В. Гулыга. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Соратник, 1994. – 256 с.

3. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и «Школа Анналов» / А. Я. Гуревич. – М.: Индрик, 1993. – 328 с.

4. Полежаев, Д. В. Личность и тоталитаризм: ментальные трансформации: монография / Д. В. Полежаев. – М.: Планета, 2018. – 208 с.

5. Полежаев, Д. В. Некоторые аспекты исторической динамики ментальной идентификации (из философии Г. В. Ф. Гегеля) / Д. В. Полежаев // Этническое будущее России: научно-философское осмысление: матер. науч. конф., С.-Петербург, 19 нояб. 2010 г. / Балт. гос. техн. ун-т . – Спб., 2010. – С. 151–158.

6. Полежаев, Д. В. Природа и национальный характер (из философии Г. В. Ф. Гегеля) / Д. В. Полежаев // Актуальные проблемы географического образования в условиях введения ФГОС: матер. Всерос. науч.-практ. конф., 10 нояб. 2011 г. / редкол.: Д. В. Полежаев (отв. ред.) и др. – М.: Планета, 2012. – С. 18–26.

7. Полежаев, Д. В. Проблема формирования картины мира личности / Д. В. Полежаев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 8 (42). – С. 50–55.

ГЕГЕЛЬЯНСКИЙ АБСОЛЮТНЫЙ ИДЕАЛИЗМ РОБЕРТА БРЭНДОМА

И. Е. Прись

Абсолютный идеализм Гегеля содержит как элементы идеализма, так и реализма. Сам Гегель говорит, что его идеализм – единственно удовлетворительный способ сделать реализм понятным [1, p. 440]. В то же время, согласно Роберту Брэндому, Гегель – трансцендентальный философ. Он ищет условия возможности концептуальной

содержательности, смысла, объективности. Таким условием является ретроспективная динамическая рациональная практика «исповеди» и «прощения», в результате которой происходит исправление допущенных ошибок и приближение к «постмодернистскому» абсолютному познанию и абсолютному Духу доверия. Гегель Брэндома против «гиперобъективности» старого мира, принимающего нормы за природные факты или божественные установления, и «гиперсубъективности» эпохи модерна. Именно в грядущую эпоху «постмодерна» эти две крайности будут синтезированы [1; 2].

Следуя Канту, пишет Р. Брэндом, Гегель говорит, что его идеализм – способ (он утверждает, что в конечном итоге единственно удовлетворительный способ) *сделать реализм понятным.* ST 440

Брэндом трактует философию Гегеля как семантический нормативный прагматизм и инференционализм (в противопоставлении референционализму и традиционному репрезентационализму модерна). С этой точки зрения Гегель заимствует у Канта его прагматическую методологию и нормативную теорию суждений и действий и преодолевает проблемы, с которыми сталкивается философия Канта: непознаваемость вещи-в-себе и априорный характер норм, концептов и категорий. Концептуальный реализм Гегеля решает проблему кантовского скептицизма, тогда как проблема нормативной силы решается путем социальной натурализации нормативности.

Постоянно эволюционирующая инференционная система принимаемых в рамках дискурсивной практики суждений образует рациональное синтетическое единство апперцепции. Интегрирование нового суждения в эту систему предполагает выполнение трех нормативных задач: амплиативной (вывод следствий), критической (устранение противоречий в системе нормативных обязательств путем перестройки всей системы) и задачи обоснования нового суждения в рамках целостной системы. У Гегеля, согласно Брэндому, это натурализованная (в смысле социальной практики) версия кантовской системы апперцепции. При этом нормативность выступает в двух ипостасях: в качестве нормативных статусов и нормативных установок. Первые – принимаемые обязательства или позволения (они есть). Вторые – приписываемые (другим или себе) обязательства или позволения (в них верят или их желают). На самом деле и те, и другие не отделимы друг от друга. Все же статусы имеют известный приоритет: установки ориентируются на статусы. В то же время сами статусы вырабатываются и устанавливаются в рамках социальной (нормативной) практики при помощи установок.

Согласно Брэндому, традиционная историческая эпоха (до Нового времени) делала акцент на нормативных статусах, которые она рассматривала как часть природы или же божественное установление. Для

Брэндома гегелевское *Sittlichkeit* (этическая жизнь) – авторитет нормативных статусов над нормативными установками, то есть гиперобъективность. Модерн занял противоположную позицию: статусы зависят от установок, которые первичны (в результате обязательный характер нормативности оказался непонятным). Этот разрыв между двумя полюсами единой нормативности по сути обессмысливающий последнюю, Брэндом интерпретирует в терминах гегелевской аллегории господина и раба: господин приказывает, не неся никакой ответственности за свои действия, тогда как раб подчиняется, не имея своих собственных правил и норм, а также в терминах витгенштейновской проблемы следования правилу. Для господина существуют лишь нормативные статусы, тогда как для раба – лишь нормативные установки (говоря словами Ницше, для раба «Бог умер»). Брэндом предсказывает наступление эпохи «постмодерна», когда между нормативными статусами и установками будет установлено разумное равновесие. Это эпоха доверия, абсолютного Духа и абсолютного познания.

С точки зрения Роберта Брэндома абсолютный идеализм Гегеля представляет собой комбинацию трех точек зрения: (1) концептуального реализма (2) объективного идеализма (3) концептуального идеализма.

(1). Концептуальный реализм утверждает, что мир (реальность) концептуально артикулирован. Более того, он также утверждает гомогенность объективного концептуального содержания (той или иной части) мира и соответствующего субъективного концептуального содержания в сознании познающего субъекта. Концептуальный реализм, таким образом, делает возможным познание мира, причем познание самих вещей. Это устраняет кантовскую проблему непознаваемости вещей-в-себе.

Концептуальный реализм неотделим от модального реализма, утверждающего, что некоторые положения дел необходимы, тогда как другие только возможны, а третьи невозможны. Модальные отношения суть также отношения «материального следствия» и «материальной несовместимости», то есть отношения, устанавливаемые в соответствии с содержанием понятий. Можно сказать, что концепты и есть эти материальные отношения, а не ментальные представления. Это непсихологическая теория концептов.

(2). Объективный идеализм – следствие концептуального реализма. Объективный идеализм предполагает существование двух концептуальных уровней: объективного – относящегося к самому миру, и субъективного – относящегося к познающему (рефлексивному) сознанию. Если объективная концептуальность подчиняется алетической логике, то субъективная концептуальность подчиняется деонтической логике. Референты (реальные вещи) относятся к объективному миру и играют роль норм для субъективного уровня. Они доступны не непосредственно, а

делаются эксплицитными в результате исследования инференционных связей и исправления возникающих ошибок.

Объективный идеализм утверждает наличие взаимной (симметричной) концептуальной смысл-зависимости – зависимости субъективного и объективного концептуальных содержаний. Он утверждает принципиальную невозможность каким-либо образом схватить, представить, понять мир в отсутствие познающего субъекта и соответствующих концептов. Познание, понимание, представление – активность субъекта, делание, употребление концептов, имеющее нормативное измерение. В то же время имеет место лишь асимметричная референт-зависимость, так как существование референта не зависит от того, что мы думаем, какие концепты мы употребляем. В этом смысле это реализм, а не субъективный идеализм.

(3). Концептуальный идеализм – наиболее идеалистическая компонента гегелевской доктрины абсолютного идеализма – утверждает, что именно субъективные осознанные рациональные процессы объясняют объективный идеализм и концептуальный реализм. В частности, смысл-зависимость между объективным концептуальным содержанием материальных следствий и несовместимостей и осознанным принятием субъективного содержания институируется субъективным прагматическим процессом активного и целенаправленного (когнитивного или практического) действия субъекта. Это так называемая «объяснительная асимметрия» – прагматическая точка зрения относительно познания мира и, в частности, установления объективных норм, в процессе ретроспективного рационального анализа и перманентной динамический перестройки прошлого. Движение вперед происходит в результате исправления старых ошибок, то есть устранения несовместимых обязательств, противоречащих друг другу содержаний – «исповеди» и «прощения» – и создания новых норм. Концептуальный реализм и объектный идеализм возможны только при условии принятия такого рода процесса и являются его результатом. Таким образом, концептуальный идеализм отдает приоритет прагматическому субъективному уровню формирования концептов, норм, рациональности.

Ж. Б. реальность как норма. Норма идеальна. Я: концепт / смысл как «идеальный объект».

Реальность – идеальный смысл в том смысле, что это норма.

Мы предлагаем устранить идеалистические элементы гегелевского абсолютного идеализма Брэндома в рамках витгенштейновского по духу контекстуального реализма. Для нас натурализованное синтетическое единство апперцепции – витгенштейновская форма жизни. Концептуальный реализм мы относим к уже устоявшейся форме жизни – концептуализированному срезу реальности (Концептуальное относится к категории идеального; оно не может быть частью реальности. Гегель,

напротив, относит ноумены (референты) и феномены (смыслы) к одной и той же категории. Ноумены (референты) – идеальные феномены (смыслы).). Объективный идеализм – корреляционистский тезис, понятый дефляционистски: невозможно познавать реальность, говорить или думать о реальных вещах, не познавая, не делая суждений, не применяя концепты. Концептуальный идеализм объясняет, каким образом в реальности вырабатываются и эволюционируют нормы, концепты, онтология, формы жизни. Последние не предопределены и вторичны. С точки зрения Гегеля Брэндома об экспликации имплицитных норм и концептов и придании контингентному формы необходимого можно говорить лишь ретроспективно. Дух в понимании Гегеля и Брэндома – нормативность формы жизни, эволюционирующая концептуальность.

Литература и источники

1. Brandom, R. A Spirit of Trust: A Reading of Hegel's Phenomenology / R. Brandom. – Harvard UP, 2019

2. Reading Brandom: On a Spirit of Trust / ed.: G. Bouché. – Taylor & Francis Group, 2020. – 222 p.

СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ НАТУРФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ ШЕЛЛИНГА И ГЕГЕЛЯ

Н. В. Пухова

Трудно составить целостное представление о натурфилософских работах Ф. Шеллинга, потому что его идеи очень часто повторяются, и более того не имеют систематической завершенности, в отличии от «Философии природы» Г. Гегеля. Существует целый ряд периодизаций как его творчества в целом, так и его натурфилософского периода (К. Фишер, В. Виндельбанд, Ф. Энгельс и др.), в которые исследователи включают порой разные работы.

До 60-х гг. XX века господствовала точка зрения К. Фишера. Ее суть в том, что все произведения немецкого философа не имеют какого-либо смыслового единства или центральной идеи и поэтому возможно лишь обозначить периоды философских интересов мыслителя. Определенную сложность здесь добавляет и наличие различных литературных форм произведений Шеллинга, а также целый ряд работ, никоим образом не подпадающий под философскую тематику. Только начиная с 60-х гг. эта точка зрения меняется в связи с открытием архивов, в которых находились работы Ф. Шеллинга. Выясняется, в частности, что 14-томник который был издан сразу после смерти философа, это лишь «вершина айсберга» его произведений. С этого момента, исследователи начинают выявлять главную идею его работ: каковы условия того, чтобы реальность была

познаваема? Или, от самых ранних до самых поздних работ, стремление показать, что условием для познания и мышления, является такой принцип, который сам в мышлении не может быть прямо тематизирован. То, что делает познание возможным, само не может быть познано прямо и предметно, поэтому вся шеллинговская философия вращается вокруг разнообразных попыток тематизировать тот принцип, который служит условием возможности мышления, который будучи непознаваемым, тем не менее, некоторым образом внутри мышления о себе сигнализирует. Именно поэтому Ф. Шеллинг настаивает на том, что этот принцип не может быть выражен понятийно, а представляет собой нечто предшествующее всякому понятийно-рациональному осмыслению.

По сути, можно выделить главную и центральную идею всей шеллинговской философии (и натурфилософии в частности), – это идею поиска истины в познавательных S-O отношениях. Где субъектом выступает человек, а объектом – природа. Но по логике шеллинговской натурфилософии, субъект и мыслит объект потому что его появлению и развитию предшествовала та ситуация, когда он сам являлся объектом, прежде чем стать мыслящим субъектом. И если субъект как бы вышел из объекта, произошел из него, то и познает он объект, потому что когда-то был им самим. У Шеллинга субъект становится по-гердеровски историчным; здесь учитывается фактор изменчивости живых организмов (последние открытия естествознания). Сознание у него возникает не из пустоты: его появлению способствовала сама природа. Именно из нее и вышел человек. Поэтому, познавая ее, он познает и себя, более того, хаос природы как бы упорядочивается в мышлении человека. Только потому, что природа сама создала разум, она и сама является разумной, и позволяет себя познать.

Следующим крупным натурфилософским проектом является гегелевская концепция философии природы. Еще во франкфуртский период он наметил 3-хчленное деление своей философской системы, где «Философии природы» было угатовано место второй части. Начало ей было положено в его «Философской пропедевтике» (1811), и ряде других ранних работ. Отношение к натурфилософии в этих работах отражает интерес Г. Гегеля к аналогичным идеям Ф. Шеллинга. Лишь позднее, немецкий мыслитель осознает все несовершенство шеллинговской философии природы. И если вначале он вовсе откажется от необходимости разработки натурфилософской проблематики, то затем выстроит собственную «Философию природы», преодолевая тем самым философские проблемы системы своего великого предшественика.

В период работы в Йенском университете Г. Гегель скептически относился к натурфилософии. Несмотря на дружбу с Ф. Шеллингом, он не разделял восхищения этим разделом его философии. Так, в своих «Афоризмах» Йенского периода он высказывается о натурфилософии так:

«Натурфилософия. Пройдет много времени, прежде чем здесь перестанут пускать пыль в глаза» [1, с. 554].

Однако такое отношение к натурфилософии, как уже отмечалось, впоследствии значительно меняется. Гегель осознает, что система философии будет не полной, если она не включает в себя и философию природы. Именно поэтому уже в Нюрнберге где Г. Гегель, будучи директором гимназии, преподавал курс «Пропедевтики» в старших ее классах, «наука о природе» составляла ее вторую часть.

Природу он рассматривает как систему ступеней, каждая из которых возникает из предшествующей как более развитая ступень. Но такой процесс перехода от одной ступени к другой является лишь логическим процессом, то есть саморазвитием понятия. Если же речь идет о природных явлениях, то они не переходят естественным путем от одной ступени к другой. Эти ступени являются лишь отражением, совершающегося в природе развития логической идеи: «Природу следует рассматривать как систему ступеней, необходимо возникающих одна из другой, но не так, что одна естественным путем производит другую, а во внутренней идее, лежащей в основе природы» [2, с. 172].

В Гейдельбергский период Г. Гегель издает «Энциклопедию философских наук», в которой после изложения «Науки логики» следует «Философия природы». Такая «Философия природы» является уже более масштабной частью в системе Г. Гегеля, по сравнению с небольшой частью «науки о природе», изложенной для старшеклассников нюрнбергской гимназии. В первой части «Философии природы» излагается физика неорганической природы (физика элементарных тел, механика, элементарный процесс), физика индивидуальных тел (тяжесть, плотность, магнетизм, кристаллы, электричество, химический процесс). Во второй части речь уже идет об «органической физике», где главной целью рассмотрения является геологические процессы природы, процессы происходящие в растительном и животном мире.

Однако в Гейдельберге выходит в свет лишь первая версия «Энциклопедии философских наук». Только в Берлине Г. Гегель написал окончательную версию книги, в которой «Философии природы» был посвящен второй и самый объемный том издания. Этот том был дополнен также после смерти философа его учеником К. Л. Михелетом, который использовал при подготовке к печати рукописи Г. Гегеля, его дополнения к лекциям и конспекты трех слушателей курса по «Философии природы».

Рассуждения Г. Гегеля о научном знании показывают его недостаточное понимание новых открытий в области физики и других естественных наук. Именно поэтому, возможно, и возникла такая низкая оценка им наук о природе, которая имела место еще в его «Феноменологии духа». Например, в «Предисловии» к этой работе философ пишет о формализме Ф. Шеллинга, не учитывая, что тот в значительной мере

опирался на последние достижения физики: Вместо внутренней жизни и самодвижения ее наличного бытия такая простая определенность по поверхностной аналогии высказывается теперь о созерцании, т. е. в данном случае – о чувственном знании, и это внешнее и пустое применение формулы называется конструкцией. – С таким формализмом дело обстоит так же, как и со всяким [3, с. 27]. В этом пассаже, Г. Гегель подразумевает Ф. Шеллинга и ряд формалистических теорий его учеников и последователей. В одной из своих Йенских лекций Г. Гегель подчеркивает различие между заслугой Ф. Шеллинга в философии и формализмом его учеников. Например, один из последователей Ф. Шеллинга, Ф. Хоффман пытался применить формулы конструкции Ф. Шеллинга в области медицины [4, с. 421].

Ф. Шеллинг и Г. Гегель создали крупнейшие натурфилософские системы, которые не теряют своей актуальности и для современных вопросов методологии науки. Анализ развития их идей показывает нам глубокое понимание немецких философов значения философии для науки и их единый интерес при поиске истины. В отличие от Гегеля, для которого «Философия природы» является промежуточным этапом развития Абсолюта, Шеллинга же интересует природа как живой организм в течении всего его творческого пути. Таким образом для исследователей труднее выделить натурфилософские работы последнего.

Литература и источники

1. Гегель, Г. В. Ф. Афоризмы / Г. В. Ф. Гегель // Работы разных лет: в 2 т. – М.: Мысль, 1970. – Т. 2. – С. 530–562.

2. Гегель, Г. В. Ф. Философская пропедевтика / Г. В. Ф. Гегель // Работы разных лет: в 2 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 2. – С. 7–211.

3. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель // Соч.: в 14 т. – М.: Социально-экономическая литература, 1959. – Т. 4. – С. 1–434.

4. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Наука, 2000. – 495 с.

ОБРАЗ ГЕГЕЛЯ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Т. Г. Румянцева

Одним из поводов к написанию этих тезисов стало празднование Международным сообществом в 2020 году 250-летия со дня рождения Гегеля и 200-летие со дня выхода в свет его «Философии права», что предоставляет возможность еще раз обсудить различные аспекты его философии. Здесь нельзя не упомянуть XXXIII Международный Гегелевский Конгресс, который должен был состояться в июне 2020 г. в Варшаве, и который поставил в качестве своей главной задачи серьезным

образом переосмыслить, «исправить идеологически оскорбленный образ Гегеля и сосредоточиться на нем как мыслителе свободы». Отмечалось также, что в Центральной и Восточной Европе этот образ был в значительной мере искажен, что «привело к идеологическому злоупотреблению его философией как одной из опор недемократической системы» [1].Таким образом, именно теория свободы как главный нерв философии Гегеля была выбрана организаторами Конгресса в качестве отправной точки, чтобы сформулировать актуальные вопросы современности.

В фокусе новейших гегелевских исследований конца XX – начала XXI вв. оказалась, как наиболее актуальная, политическая философия Гегеля, вокруг которой и разворачиваются сегодня бурные дискуссии о ее содержании: носит ли она реакционный или же прогрессивный характер, тоталитарна она или либеральна, революционно-критична или конформистски-оппортунистична. При этом главными обсуждаемыми темами гегелевского учения становятся сегодня вопросы о соотношении государства и гражданского общества, личности и государства с его институтами, его отношение и оценки тогдашнего Прусского государства и Французской революции, взгляды на войну и т. п. Не остается в стороне и вопрос о связи идей Гегеля и Маркса, использовании его положений неогегельянцами различного толка и т. п.

Большую роль в формировании новых подходов к Гегелю и его наследию, тяготеющих к более умеренной его трактовке, по сравнению с все еще достаточно популярной, хотя и серьезно исказившей образ немецкого философа, интерпретацией К. Поппера, сыграло создание после Второй мировой войны в Европе «Интернационального объединения для содействия изучению гегелевской философии» и «Международного гегелевского общества», инициирующих не только повестку дня этих исследований, но и регулярный созыв Международных Гегелевских Конгрессов. Кстати, одним из ярких примеров формирования такого нового образа Гегеля стали работы нашего замечательного соотечественника академика В. С. Степина, органично связавшего гегелевскую концепцию развивающегося духа с основными принципами современного системно-структурного подхода, а самого Гегеля представившего как генератора идей, которые в своем потенциале продуктивно стимулируют новые нетривиальные подходы при разработке философских оснований науки XXI века [2, с. 330].

Тем не менее, старая дилемма, воплотившаяся в противостоянии позиций К. Поппера и Г. Маркузе, остается и сегодня по-прежнему актуальной. Напомню, что К. Поппер своей работой «Открытое общество и его враги» (1945), с одной стороны, и Г. Маркузе с его книгой «Разум и революция. Г. Гегель и становление социальной теории» (1941), – с другой, репрезентировали два кардинально противоположных образа

Гегеля и гегелевской философии в контексте ее связи с различными формами тоталитаризма: образ апологета и предтечи тоталитаризма, и образ апостола разума и подлинной свободы. Так, согласно К. Попперу, гегелевская система прославляет прусский абсолютизм в качестве абсолютного воплощения разума и закладывает новый теоретический базис немецкого национализма. «Получилось так, – пишет Поппер, что он (Гегель. – *Т. Р.*) занял положение первого официального философа пруссачества в период феодальной "реставрации" после наполеоновских войн» [3, с. 38–39]. Его же система, будучи «апологией пруссачества», является принципиально антинаучной и, вопреки заявлениям самого Гегеля, видится Попперу глубоко антирационалистичной и основанной на признании правового и морального позитивизма. Поэтому, мол, она и способствовала во многом зарождению воинствующего антилиберализма и антииндивидуализма XX века, воплотившихся в фашизме, гитлеризме и сталинизме.

Г. Маркузе же, наоборот, считал, что появление фашизма стало возможным только в результате отказа от фундаментальных положений гегелевской философии, основополагающий принцип которой он увидел в верховенстве разума над действительностью, необходимости свободной и рациональной критики существующего положения дел. Эта философия, – писал он, – «представляет собой последнее великое выражение этого культурного идеализма, последнюю великую попытку сделать мысль прибежищем разума и свободы» [4, с. 43–44].

Сформированный К. Поппером образ Гегеля как тоталитарного мыслителя продолжает, однако, и сегодня оставаться достаточно распространенным в англосаксонской литературе и в работах ряда немецких авторов – И. Фетчера, Б. Рассела, С. Хука, К. Фридриха, Я. Гоммеса, Ф. Бауэра, Э. Зауэра и др., которые игнорируют специфический смысл гегелевской философской концепции государства, ассоциирующейся у него с идеей свободы и права, а отнюдь не с аппаратом насилия и произвола.

К числу тех, кто придерживался созданного Г. Маркузе образа Гегеля и, соответственно, либеральной его трактовки, выступил уже в конце XX в. Жак Д’Онт – председатель Французского Философского общества, член Международного правления Гегелевского общества и основатель Центра исследований и документов, посвященных Гегелю и Марксу. Благодаря тщательному анализу документов, связанных с жизнью и творчеством немецкого философа, а также скрупулезной работе с его текстами им был сформирован, как он сам пишет, «новый Гегель». Исследование Д’Онта отличают многочисленные ссылки на конкретные факты, начиная с событий, связанных с загадочной смертью философа, враждебностью в отношении к нему со стороны прусского двора, приглашения сразу после смерти Гегеля в Берлин Шеллинга, призванного

«сразить и извести гадючье семя гегелевского пантеизма». В своей книге «Гегель. Биография» (1998) он приводит также ряд примеров, ярко иллюстрирующих либеральный образ Гегеля, ссылки на резкую критику им английской коррумпированной политики, то, что он никогда не превозносил монархию, абсолютизм и авторитаризм, видя силу государства в Разуме, Праве и Свободе и т. п. Д'Онт решительно отвергает все выпады К. Поппера, а заодно и Ф. Энгельса, который также называл Гегеля «официальным философом прусского государства». Д'Онт отстаивает идею о невозможности трактовки его мысли, особенно политической, вне обусловившего ее контекста и советует искать предтеч Гитлера в Пруссии начала XIX в. среди куда более подходящих кандидатур на эту роль, нежели Гегель [5, с. 447]. Главным в облике Гегеля он видит верность немецкого философа либеральным идеалам своей юности, причем, даже в зрелые годы. Он доказывает, что Гегель был вынужден приспосабливаться к условиям тех жестких политических режимов, под властью которых жил, непрестанно сдерживать себя и использовать столь характерный для него «двойной язык».

Такого рода «новый образ Гегеля» оказывается сегодня довольно притягательным особенно на Западе. Свидетельством чему служит и упомянутая в начале данной публикации ссылка на преамбулу к XXXIII Международному Гегелевскому Конгрессу, который, как уже отмечалось, назвал Гегеля «мыслителем свободы».

Разумеется, учение Гегеля, несмотря на его цельность, столь многолико, что очень не просто сформировать на его основе универсально-однозначный образ философа, тем более, что за последние 200 лет мы были свидетелями самых разных его оценок и интерпретаций – от крайне резких и негативных и тех, кто, наоборот, подходил к трактовке его образа с противоположных позиций. Здесь нельзя не упомянуть и тот его облик, который был сформирован в работах классиков марксизма-ленинизма, также не всегда объективно подходивших к оценке Гегеля.

Нам, живущим на просторах бывшего СССР, этот образ во многом достался в марксистско-ленинском замесе, от которого мы до сих пор мучительно избавляемся, однако, хотя и с большим трудом. В любом случае, давно пора отказаться от сложившихся вокруг его фигуры штампов и стереотипов и перестать воспроизводить их в студенческих аудиториях, продолжая «переворачивать его с головы на ноги», и помнить, что его идеи во многом инициировали практически все направления послегегелевской мысли. Не зря же один из создателей его наиболее яркого, хотя и весьма спорного образа А. Кожев писал, что «вполне возможно, что будущее мира, а следовательно, смысл настоящего и значение будущего, действительно зависят в конечном итоге о того, каким образом мы интерпретируем сегодня гегелевские сочинения» [6, с. 15].

Литература и источники

1. XXXIII Международный Гегелевский Конгресс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hegel2020.uw.edu.pl/ call-for-papers.

2. Степин, В. С. Человек. Деятельность. Культура / В. С. Степин. – СПб., 2018.

3. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы: в 2 т. / К. Поппер. – М., 1992. – Т. 2.

4. Маркузе, Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории / Г. Маркузе. – СПб., 2000.

5. Д'Онт, Ж. Гегель. Биография / Ж. Д'Онт. – М., 2012.

6. Декомб, В. Современная французская философия / В. Декомб. – М., 2000.

ГЕГЕЛЬ И ЭСТЕТИКА

В. А. Салеев

Философское творчество Г. В. Ф. Гегеля представляет собой вершину не только в системе немецкой классической философии (что стало практически аксиомой для историков европейской философии). Этот мыслитель, на наш взгляд, вообще воплощает, с наибольшей достоверностью, идею философского мышления, идею вершинной возможности человеческого разума. И, если также своеобразные последователи великого философа, как К. Маркс и Ф. Энгельс выше всего ценили диалектический метод Гегеля (который они по-своему материалистически интерпретировали, положив в основу понимания исторического процесса), то ныне, на наш взгляд, особенно актуальным становится другая направленность из философского наследия Гегеля. Как не странно, это понятие «духа», внесенного Гегелем в структуру философского мышления. Разумеется, Гегеля можно упрекнуть за крайний спиритуализм (что делали не только основатели марксизма, но и один из родоначальников экзистенциализма Серен Киркегор), ибо свой знаменитый «абсолютный дух» классик философии трактовал в качестве «самосознания божественного» в человеке; одновременно настаивая на том, что все исторические культурные формации человечества: античность, Средневековье, Возрождение, Новое время – есть закономерно сменяющие друг друга ступени развития «мирового духа». Речь, таким образом, идет о духовной культуре (человечества и отдельного индивида), само понятие которой, с конца XIX века, благодаря таким наиболее популярным философским доктринам, как позитивизм и марксизм, практически было вынесено за пределы философского дискурса.

Разумеется, понятие «абсолютного духа» не может быть принято ныне, уже в XXI веке в классической гегелевской интерпретации. Та концентрация идеального, которая наполняет «абсолютный дух» не может

считаться конструктивом, потому что в конечном итоге она исключает реальные основания духовности, и абсолютная идея превращается либо в мистическую структуру, либо в практическую идеологию, которая никак не может выступать мотором саморазвития, как это изначально определено мыслителем.

Кроме чисто философского «привнесения» (каковым считается диалектическая методология, о которой шла речь выше), Гегель внес существенный вклад в науку в целом, обозначив ее классический стержень. Речь идет об историческом подходе к любым проявлениям жизнедеятельности человечества и системности в построении научной теории.

Разумеется, доктрина Гегеля существенным образом сказалась на всех дисциплинах гуманитарного знания (и не только гуманитарного), но можно утверждать, что его вклад бесценен именно в области самой философии (в том числе в логике), истории философии, религиоведения, эстетике.

Впрочем, это непосредственно вытекает из самого учения Гегеля об абсолютном духе. «Над образованиями объективного духа – находим в "Краткой философской энциклопедии", – стоят три формы "абсолютного духа", т. е. созерцания, представления и знания абсолютного тождества субстанции и субъекта. В искусстве это единство только "созерцается", идеальное (идейное) просвечивает сквозь материю, в религии это единство "представляется" в лице потусторонней личности, которая есть одновременно Бог (т. е. мышление мышления) и человек (т. е. чувственное наличное бытие); только в абсолютном знании это единство познается как полное тождество субъектного (субъективного) духа, только здесь – возвышение конечной сущности человека к бесконечности» [1, с. 91].

Таким образом, абсолютная идея, при своем восхождении из сферы объективного духа в сферу абсолютного, по Гегелю, с наибольшей силой выражается в трех формах культуры – в искусстве, в религии, и в философии.

Первая, низшая ступень этого восхождения – искусство.

Вся эстетика Гегеля строится на мире художественного. В этом плане концепция Гегеля совпадает с доктриной Канта – ни один из двух великих мыслителей не выходит за рамки искусства.

Исторический, диалектический и системный подход позволил Гегелю обосновать эстетику как философскую науку. Ведь «крестный отец» эстетики А. Баумгартен смог только обозначить ее как «науку о чувственном познании», непосредственно связанную с искусством.

Гегель же, исходя из своей объемной методологии, сумел (правда, по-своему, на объектной основе) построить системный, объективно научный взгляд на эстетику, сделав ее, по сути полноправной философской наукой.

Основной вклад Гегеля в эстетику заключается в:

А) обосновании чувственной природы эстетического отношения;

Б) в постулировании объективных эстетических категорий и выдвижении «прекрасного» в качестве ведущей из них;

В) в историческом и диалектическом подходе к развитию искусства;

Г) в обосновании гармоничного соотношения содержания и формы как главного критерия произведения искусства.

Д) в определении эстетического идеала как концентрата эстетического совершенства.

Признание Гегелем чувственного начала как основания эстетического отношения человека весьма значимо, поскольку он приверженец объективизма. Красота всегда определяется человеческим отношением, и она есть чувственное выражение истины. Искусство именно через чувственные образы выражает высшие духовные интересы: «чувственное в искусстве одухотворяется, так как духовное получает в нем чувственную форму» [2, с. 45].

Гегель определяет красоту, как чувственную форму истины, таким образом, утверждая познавательную функцию искусства в качестве ведущей (что вполне отвечало запросам его времени, но ныне вызывает известные возражения).

Гегель противостоит своему предшественнику Канту в определении эстетики. Как известно, Кант отрицал эстетику как науку, с его точки зрения в сфере художественного должна властвовать только критика.

Гегель реабилитирует эстетику, создавая систему эстетических категорий. В этой системе ведущей категорией выступает Прекрасное, которое, как уже говорилось, сопрягается с Истиной, представляя собой «чувственное явление, чувственную видимость идеи» [2, с. 119].

Трагическое – это борение между человеческим началом и субстанциональным состоянием мира, которое одерживает победу. Комическое – представляет ту же самую ситуацию, но побеждает человеческое начало, разрушая старую, сложившуюся реальность, и трактуя это, как «уничтожение ничтожного и пустого». Гегель также определяет безобразное и возвышенное, соединяя последнее с красотой идеала.

Исторический и диалектический подход Гегеля к развитию искусства явился новаторским приемом, который позволил объемно посмотреть и на его сущность, и на его специфику, и на его видовые особенности.

Знаменитая триада исторических форм искусства, постулированные Гегелем – символическое, классическое и романтическое демонстрирует главное – соотношение между идеей (может трактоваться как содержание) и ее воплощением в художественной форме.

В символическом искусстве (искусстве Востока, где ведущим видом искусства является архитектура), идея как бы подавляется чувственной

формой, в классическом искусстве идея и форма находятся в гармоническом единстве (здесь на авансцену выступает античность и ведущим видом искусства становится скульптура), в романтическом искусстве (искусстве Нового времени), идея значительно превышает чувственную форму, гармония распадается. Ведущими видами искусства здесь выступают музыка и поэзия (литература). Но дальнейшее развитие идеи не может осуществляться в художественной форме и искусство постепенно умирает, на смену ему приходит религия и философия.

Главное, что вся эта грандиозная художественная панорама непрерывно движется, саморазвивается (и это есть диалектика в действии).

Правда, оценки Гегеля не всегда верные. Подлинным искусством он считает только искусство классическое. Символическое искусство он считает неразвитым, романтическое искусство предшествующим распаду и конечной гибели искусства.

Тем не менее проблема критериальности произведения искусства остается для Гегеля элементарно решаемым: это соответствие содержания и формы.

«Абсолютным» является такое искусство, содержание которого соответствует форме. Все может быть понято до искусства, но это совершается чужеродным воображением. Согласно прозаическому взгляду содержание уже в качестве сущего должно соответствовать форме; последнее есть сам «дух» [3, с. 76].

Этот гегелевский постулат – органичное соотношение содержания и формы остается актуальным и до наших дней. Иное дело, что с точки зрения современной теории эстетики, в высокохудожественном произведении искусства содержание и форма находятся в слитном единстве.

Наконец, безусловен вклад Гегеля в обоснование понятия эстетического идеала. Идеал, который является концентратом совершенства оказался, по Гегелю, равен идее прекрасного, что естественно, для доктрины «объективного идеалиста», как именовали Гегеля марксистские критики.

Ныне, 200 лет спустя после появления эстетики Гегеля, его доктрине можно предъявить целый ряд претензий. Здесь и невнимание к субъекту в эстетике, отчего вне концепции Гегеля остаются проблемы эстетического восприятия и эстетического переживания. Здесь и постулат о гибели искусства, в котором игнорируются потребности человечества в художественном, что и поныне обеспечивает существование искусства.

Можно предъявлять претензии и к европоцентристской позиции Гегеля, так явственно сказавшейся в его периодизации искусства. Можно критиковать мыслителя за его акцентирование познавательной функции искусства и принципиальное неприятие красоты природы.

Но все это не зачеркивает того бесценного вклада, что внес великий

немецкий философ в эстетику. Как уже говорилось выше, его системное структурирование и введение основных понятий (прекрасное, идеал, содержание и форма), а также выработка и определение категориальной системы эстетики собственно и создали эстетику, как философскую науку. Ее в этом плане не смогли поколебать даже «инновации» постмодернистов, стремящихся последние полвека уничтожить даже тень научного подхода к сфере эстетического и художественного.

Но на всех их изысканиях, по большей части инспирированных собственным самовыражением, лежит гигантская тень мыслителя, воплощавшего собой философию и исходившего из абсолюта, которым он измерял мышление и любую форму человеческой деятельности, включая искусство, произведения которого являются «делом свободного выбора, а художник – мастером бога» [3, с. 423].

Литература и источники

1. Краткая философская энциклопедия. – М.: «Прогресс», 1993. – 575 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика в 4-х томах. – М.: «Искусство», 1968. – Т. 1. – 330 с.
3. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика в 4-х томах. – М.: «Искусство», 1973. – Т. 4. – 667 с.

Б. КРОЧЕ И НЕОГЕГЕЛЬЯНСТВО В ИТАЛИИ

М. В. Салеева

Многие исследователи считают итальянского философа Бенедетто Кроче (1866–1952), последователем Г. В. Ф. Гегеля, неогегельянцем. В действительности, доктрина Кроче рождается и на основе учения Гегеля (понятие универсального и принцип противоречия, основанный на диалектике противоположностей) и в отторжении его. Сам Кроче говорит об этом, используя поэтическое сравнение: «Я как влюбленный Катулл, который говорит о Лесбии, что не может жить ни с ней, ни без нее» [1, с. 14]. Генеральной слабостью философского подхода Гегеля Б. Кроче считает его панлогизм. Именно панлогизм приводит, по мнению Б. Кроче, к тому, что противоположения у Гегеля (тезис и антитезис) представляют собой абстракции, не обладающие реальностью. В знаменитой гегелевской триаде: бытие-ничто-становление, Б. Кроче считает реальным (конкретным) лишь последнее понятие. Однако, синтез, по мнению Б. Кроче, в этом случае некачественен, поскольку изначально строится на абстракциях. теряется исключительно важное понятие конкретной универсальности. Оно, по мысли Б. Кроче, родилось из кантовского синтеза *a priori*, который Гегель углубил и одновременно подавил, абсолютизировав противоречия [2, с. 51–53].

Но что может противопоставить теории (так мощно представленной Гегелем) единства противоположностей, как основы развития, мыслитель,

если он задумывается над проблемой адекватного воспроизведения картины мира? Ответ Бенедетто Кроче: теорию единства различий. Кроче вводит понятие дистинкции, или различия. Отметив, в качестве методологической предпосылки, что «каждый философ мыслит корректно только тогда, когда различает» [3, с. 38], Б. Кроче утверждает доминантную роль дистинкции: «…Я пришел к выводу, что роль логического pruis играет не противоречие, а дистинкция – различие в духовном единстве. причем последнее нельзя понимать как абстрактно математическое тождество: органически живое неслиянно-нераздельное должно отразить конкретно философское понятие. только в процессе перехода от одного различия к другому можно понять природу противоречия…» [3, с. 39]. Таким образом, в философской системе, предложенной Б. Кроче, присутствует собственная, своеобразная диалектика.

Перед нами панорама движения духа (и в этом сказывается неогегельянство Кроче); только в отличие от Гегеля, который строит свою систему на принципе противоречия, лежащего в основе диалектического развития, Кроче организует собственное философское построение на принципе диалектики единства и различия понятий.

В такой интерпретации, интересно представление дихотомии «теоретического» и «практического» проявления крочеанского Духа. Акцент делается на том, что теоретический дух выступает, главным образом, в сфере познания, а практический дух как действие. Однако отметим, что Кроче предполагал постоянный взаимопереход этих форм духа.

Понятие «духа» в философской системе Бенедетто Кроче охватывает весь ареал человеческого бытия, всю наличную реальность; с другой стороны – это не столько личностный, сколько сверхчеловеческий Дух. «Это метафизическое начало, – замечает современная исследовательница философии Б. Кроче И. Овсянникова – которое превосходит и субъекты и объекты, превосходит человека и то, что не является человеческим. Дух по своим характеристикам совпадает с духовностью, свойственной человеку, но распространяется не только на сферу человеческого. В то же время Дух в философии Кроче отличается от гегелевской Идеи. Кроче убирает из своего идеализма все мистическое содержание, которое имело место у Гегеля, прежде всего "инобытие идеи", каким для Гегеля была природа» [4, с. 29–30].

Действительно, поскольку духовность, по мысли Б. Кроче, распространялась на реальность, однозначно назвать такое философское учение идеализмом неогегельянского типа, как отмечено в большинстве философских энциклопедий (как итальянских так и зарубежных) будет, с нашей точки зрения, определенной натяжкой.

В схеме философской доктрины Б. Кроче система человеческой

активности состоит из четырех форм деятельности. Формы деятельности Духа зиждятся на определяющих понятиях (категориях). Духа. Через интуицию познание представляет мир в его чувственной конкретности и неповторимой индивидуальности. Познание в концептуальной своей части строится на логическом понятии и постигает универсальное. вторая ступень обязательно предполагает первую (первая обладает определенной автономией), экономическая форма не существует без предыдущих двух форм, а последняя – этическая – строится уже на трех предыдущих формах.

Чтобы осознать то новое, что она вносит, недостаточно, на наш взгляд, основываться на классических постулатах философии. Так, Е. И. Топуридзе, защищая позицию Гегеля относительно диалектики, солидаризируется с доказательствами В. И. Ленина, который называл закон единства и борьбы противоположностей ядром диалектики [5, с. 32]. Именно здесь, в столкновении противоположностей возникает, согласно классическому гегелевскому построению (принятому и усиленному марксизмом), источник самодвижения. Согласно Е. И. Топуридзе, «движение и взаимосвязь понятий в диалектике Кроче не осуществляются» [5, с. 33]. Нам это предположение кажется спорным.

Принцип дополнительности с достаточной силой проявленный в науке в XX в (вспомним квантовую механику), способен внести существенные коррективы в гносеологии. В крочеанской системе он выглядит достаточно объемным. К тому же в плане логической стороны мышления, можно утверждать, что и диалектика в ее гегельянско-марксистском построении также отвлекается от конкретного содержания мышления, как и доктрина Б. Кроче. У последней, правда, за счет существования интуитивной формы познания, присутствующей, в снятом виде, и на этапе логического синтеза, появляется необходимая целостность, которая, как правило, бывает элиминирована в гегельянском (хотя и диалектическом) построении.

Именно равнение на гегелевскую доктрину, отталкивание от нее, ее критика составляли «осевое» отношение Б. Кроче к философии. Как уже отмечалось, Б. Кроче многократно подчеркивал, что «именно панлогизм подорвал во мне доверие к системе Гегеля» [3, с. 6]. С другой стороны, в «Философии практики» Б. Кроче отказывается признавать идеальной и собственную философскую доктрину, поскольку «никакая философская система не является окончательной, потому что никогда не бывает окончательной жизнь»…

Естественно, критический дух, постоянно живущий в Б. Кроче, взыскующий и к обновлению ее осмысления: «… я вполне сознательно отвергал компактную унитарность философских систем. По ту сторону видимого единства я не мог не замечать реальность проблемы или комплекса частных проблем, решенных или нерешенных, в определенной

мере систематизированных, вновь поднимаемых действием нового опыта» [3, с. 6]. Будучи верным себе, Б. Кроче относит сказанное и к собственной философской системе: «Мне сложно было подчиниться необходимости выводить одну ступень из другой в прогрессивном порядке, демонстрируя внутренние логические противоречия, формы духа или категории» [3, с. 6].

Исходя из сказанного, можно понять стремление Б. Кроче к пересозданию своей философской системы, которую мыслитель пытался осуществить в последний период своего творчества (в 1945–1952 годах). Эта попытка вылилилась постулированием и обоснованием существования новой категории крочеанской философии – «витальности» (жизненности). В «Истории как мышлении и действии» («La storia come pensiero e come azione», 1938) упоминается иррационализм в истории, утверждается необходимость паритета между «познанием и действием», ставится проблема более точного определения праксиса. Так появляется понятие витальности. Оно возникает из трансформации понятийной системы «полезного», на которой строилась экономическая форма Практического Духа (из классической схемы крочеанской системы категорий).

Литература и источники

1. Croce, B. La mia filosofia / B. Croce. – Milano: Adelphi Edizione, 1993. – 147 p.

2. Croce, B. Indagini su Hegel e schiarimenti filosofici / B. Croce. – Bari: «Laterza», 1952. – 305 p.

3. Кроче, Б. Антология сочинений по философии / Б. Кроче. – СПб., 1999. – 469 с.

4. Овсянникова, И. А. Либеральная философия Бенедетто Кроче / И. Овсянникова. – Омск, 1998. – 423 с.

5. Топуридзе, Е. И. Эстетика Бенедетто Кроче / Е. Топуридзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1967. – 210 с.

ВСТУПИТЬ В РАЗГОВОР О ГЕГЕЛЕ

Н. С. Семенов

О Гегеле и / или с Гегелем? Стоит ли это различать? Или одно, по сути, неотделимо от другого? Пока оставим этот вопрос в стороне; возможно, он и решается только по ходу предлагаемого изложения. В принципе, по аналогии с известным «мужеством быть» Пауля Тиллиха я хотел сказать о «мужестве мыслить»; странно, что (насколько мне известно) работа с подобным названием не была издана ни одним из философов. Я хотел поговорить о смелости гегелевской мысли, что, впрочем, потребовало бы различить такие понятия, как *мужество, смелость, храбрость, отвага, дерзание* … на все это здесь нет времени. Но смелость мысли, причем, радикальная смелость, обнаруживает себя у

самых истоков новоевропейской философии. Ведь радикальная смелость мысли должна некоторым образом предварять радикальное сомнение (и если на последнее не на словах, а на деле мало кто из нас отваживался, то именно из-за отсутствия радикальной смелости мысли). Заметим еще, что тут, в философии Нового времени, ставился вопрос – и, ясно, тоже радикально – о достоверности. Той куда более устрашающей достоверности, чем может устрашать любая мнимость. Она же, достоверность, – (опять) радикальная противоположность мнимости. И вот что же это такое у Гегеля, начиная со смелости мысли, мне и хотелось бы прояснить.

Но сменим диспозицию; рискну сказать кое-то на счет его, Гегеля, философии довольно вольным образом – и в отношении гегельянства, и в отношении гегелеведения. Может быть, эти соображения послужат кому-то импульсом – для их же опровержения или для развития собственных мыслей. Сразу отмечу: можно основательно разбираться в (нео)гегельянстве – и это, собственно, дело гегелеведов; но уже невозможно (извиняюсь за выражение) «вживую переживать» гелельянство и саму философию Гегеля – продолжая поражаться ее масштабом. А если это так, то не значит ли, что дух ушел из нее и из всего этого движения – тогда как именно духом (причем равно духом Жизни и духом Смерти) вся она и была пронизана? И вовсе не помимо него возникла, к примеру, и философия жизни, и весь «негативизм» европейской философии вплоть до деконструктивизма и еще ранее деструкции метафизики. Приведу в данной связи (этой философией и в этой философии уже нельзя «жить») и замечание Г. Кайзерлинга; замечание, кажущееся столь верным – и потому многие охотно с ним согласятся: «Однако жить сообразно глубинным вещам, по-видимому, значит больше, чем мыслить о глубинном» [1, с. 468]. Все же он делает некую оговорку («по-видимому»); и «мыслить о глубинном» – это ведь не рядовое, сплошь и рядом случающееся у так называемых «мыслящих людей». А они-таки нужны, чтобы тех других, «живущих сообразно глубинным вещам», явить миру из их, так сказать, «для-себя-самоявленности».

Я упомянул о «мнимости» (или о «видимости», разговор о которой не прекращается, начиная, по меньшей мере, с Ламберта). Но как эти «мнимости» – великие, ибо они в силу чего-то становятся таковыми, – овладевают миром? И не просто овладевают, а перестраивают и выстраивают дальше, одновременно пробивая в нем некие «дыры» и «зияния». Мнимость, которая становится феноменальной (в смысле «хорошо обоснованного феномена»), а потом претендует и на некую «онтологию». Но не смыкается ли здесь какой-то и великий, и «зловещий» круг? Ибо не Ничто ли суть «мнимость всех мнимостей»? А в то же время попробуйте-ка помыслить какую-либо «онтологию» без Ничто. В основе

же гегелевской Логики (не все согласятся) лежит именно Ничто; ведь чистое бытие, с которого начинается движение логического (по крайней мере, его рассмотрение), «практически» ему тождественно.

Между тем я только что сказал глупость. Ибо Ничто не может ни «стоять», ни «лежать»; собственно, никакое понятие или глагол-действие к нему не приложимы (как вы тут «приложитесь», к чему?). Точно так же ни в него невозможно «проникать», ни оно не может «проникать» (сея «тревогу» и «ужас», о чем любят повествовать сторонники экзистенциального философствования). То есть оно не может считаться (и быть) ни «основанием», ни «началом» (у Начала, впрочем, своя коварная двусмысленность). Оно – Ничто – и не то Безосновное, о котором говорили мистики – вплоть до Шеллинга. Таким образом, у гегелевской Логики нет основания – но она должна произвести основание. Это возможно лишь посредством самообоснования. Логическая идея начинается с самой себя и завершается собой же – в облике абсолютной идеи, как бы «исчерпав» все возможности логического движения. Но мы вовсе не приходим к состоянию, так сказать, «логического самоудовлетворения»; мы приходим к тому, что она терпит логический апокалипсис в «форме» самоотчуждения и одновременно онтологическую катастрофу – в «форме» отчуждения в иную, природную сферу бытия.

Тут мы переходим к природным формообразованиям и затем – гештальтам Духа. И перед нами, можно утверждать, встают две великие проблемы. Я назову их так: Смысл и Явление (или Феномен, но также и Выражение); Значение и Структура (но также и Закон; а, может быть, и Симптом\Свидетельство). Разве же «случайны» эти четыре тома гегелевской Эстетики (какая эстетика без темы смысла и выражения) и столь значимая его Философия права (закон и проч.)? Смысл соотносится с явлением или феноменом и взывает к выражению. Проблема скрытого (потаенного, как скажет некто потом) или наиболее полного (непотаенного) воплощения и выражения смысла в явлении. Значение соотносится со структурой и «хочет» быть обозначено (а закон – в своей специфической сфере – и «обозначает» с притязанием на некую безусловность. Впрочем, в этой «связке» Значение\Структура скрыта и возможность некоего смыслового нюанса, связанного с понятием и со-действием «пред-назначенности»). Структурно-функциональный анализ – не феноменолого-герменевтический. И если мы вопрошаем о Смысле Бытия, то это потому, что изначально предполагается: Бытие феноменально явлено и не как «носитель значений». Тогда я могу заявить: у него и вовсе нет какой-то «структуры» и «функций», а наша связь с ним какого-то совсем иного порядка. – По-другому я бы эти две великие проблемы назвал так, как они и присутствуют – давно – в классической философии: Существовать и значить; Быть и мыслить; Существование и Значение; Бытие и мышление. Но всю эту, скажем, «предельную

тематику» можно представить и так: Бытие \ Существование, Смысл \ Значение, Феномен \ Структура, Выразительность \ Нормативность.

Г. Кайзерлинг в своем «Путевом дневнике философа» отмечал (правда, с некоей оговоркой) способность Гегеля (равно упоминая и Фихте) «представлять явления, исходя из глубинного смысла» [1, с. 351]. Он утверждал: «Чем богаче средства выражения, тем лучше в них может манифестироваться смысл» [1, с. 355]. Любой феномен «ищет» выражения – и это прежде всего выражение его смысла. Так что выстраивается своего рода «цепочка» для надлежащего осмысления: феномен – выражение – смысл. А возвращаясь к теме мнимости и фиктивности (опустим тонкое различие между тем и другим), любопытно вспомнить (и соотнести) знаменитое «призрак бродит по Европе». У упомянутого здесь Кайзерлинга, между прочим – хотя и в другой связи – тоже: «Призраки наполняют этот мир». Он имел в виду определенную фиктивность наших представлений о смене эпох (а ведь по Гегелю философия есть эпоха, схваченная в мыслях): «В действительности все они существуют одновременно и одна в другой. Подобно тому, как ни одно состояние отдельного человека не проходит бесследно, а только сходит с арены в тень, условия, переставшие действовать в мировой истории, тоже продолжают существовать» [1, с. 261].

Это позволяет мне спросить: разве наши мертвые ушли – совсем и полностью? Разве их призраки и впрямь не бродят среди нас? Разве миф о «духах» умерших так уж безосновательно, как кажется с некоторых пор обстоятельно рациональному уму? Если мы этот вопрос примем всерьез, тогда нам придется заняться своего рода исследованием призрачности и всех этих «призраков». Особенно – призраки нынешнего века; те, которые окружают нас и которые «желают» иметь «дело» с нами. Ибо у них, кажется, свои «требования»; какие и откуда проистекающие? По меньшей мере, и в этом отношении Гегель в своей великой «Феноменологии духа», остается впечатляющим примером – и уроком.

Литература и источники

1. Кайзерлинг, Г. Путевой дневник философа / Г. Кайзерлинг. – СПб.: Владимир Даль, 2010. – 794 с.

ДИАЛЕКТИКА ГЕГЕЛЯ КАК НОВЫЙ ОБРАЗ НАУКИ

А. В. Титов

Отношения между богословием, философией и научным знанием в разные эпохи носило разный характер. В «раннем» христианстве отношение к философии и науке как внешней по отношению к истинному знанию форме, а значит не истинной, можно проследить в трудах

богословов [1].

Однако, труды Г. В. Ф. Гегеля в области диалектики как новой методологии познания, а позднее и А. Ф. Лосева, дают основание рассматривать их как основу единой системы различных форм знания.

В Корпусе творений Дионисия Ареопагита находим, что все движущееся и существующее движется и существует постольку, поскольку участвует в Боге [2]. В другой форме, но ту же мысль можно обнаружить у Лосева, например, в «Философии имени», где сверхсущее есть причина и основа всех восходящих форм эйдоса и присущих эйдосу форм логоса. Или там же у Дионисия находим, что Сила богословов, является как движимая духом сила, в то же время в работе А. Ф. Лосева, существенную роль играет понятие энергемы, источником которой в осмысленном меоне является первосущность (сверхсушее) [3].

Гегель разрабатывает науку логики как новую форму научного знания, которое, в новой постановке является знанием, включающим в себя так же и спекулятивные формы познания, включающие противоположности в их единстве.

По его собственным словам, Гегель ставит задачу раскрытия системы науки. Можно сказать, что не всякое знание есть наука, но и наука по Гегелю должна меняться (развиваться), причем существенно должен быть пересмотрен метод той науки, которую богословы относили к «внешней» мудрости. Гегель утверждает, что истинная наука логики есть не что иное как самодвижение Духа в его саморазвитии и предлагает метод, раскрывающий основу этого самодвижения.

Он же раскрывает и природу того, почему наука в том виде, в котором она существовала, в частности, может быть отнесена к «внешней» мудрости, и саму суть этого названия:

«То, на что мы указали как на начало науки, …, а именно рассмотрение понятий и вообще моментов понятия, определений мысли, прежде всего как формы, отличные от содержания и лишь касающиеся его, – это рассмотрение тотчас же проявляет себя в себе самом неадекватным отношением к истине, … Ибо беря их просто как формы, как отличные от содержания, принимают, что им присуще определение, характеризующие их как конечные и делающие их неспособными схватить истину, которая бесконечна в себе» [4, с. 28].

Недостаточность такого способа рассмотрения как отмечает Гегель, может быть восполнена лишь привлечением к рассмотрению не только формы, но и содержания, сути вещей. Далее он показывает, что нет отдельно формы и отдельного содержания, что так называемая форма и образует содержание, которое окажется ничем, если не будет оформлено.

И в этой новой науке надо начинать с начала: «Существующая точка зрения состоит в том, что следует вообще заняться новым понятием научного рассмотрения» [4, с. 19].

В основе метода науки логики лежит новое отношение к отрицательному, как основе внутреннего движения для образования (развертывания) системы понятий. Отрицательное так же и положительно, поскольку не превращает отрицаемое в ничто, а сохраняет его в новых границах как момент в единстве с его противоположностью.

Анализ видов «логической конструкции эйдоса», приведенных в «Философии имени» А. Ф. Лосева позволяет не только анализировать различные «виды» знания, но и прослеживать взаимную связь этих видов знания и рассматривать отдельные виды имеющихся знаний в их развитии. В этом отношении, отношение между богословием и научным знанием можно рассматривать в «сфере» отношения между мифом и наукой.

В «Философии имени» А. Ф. Лосев выделяет пять уровней эйдетической предметности:

Эйдос, в созерцательно – (феноменолого)-статическом аспекте есть:

– Схема – эйдос лишь как взаимоотношение его элементов, схематический слой эйдоса (или множество в смысле Кантора), он есть составленность целого из частей. Идея охватывающего части целого выходит за пределы частей. «Это – *совокупность идеально-математических характеристик предмета*» [3, с. 161].

– Топос – момент качественной определенности эйдоса или качественная заполненность схемы, морфный или топологический момент;

– Эйдос в узком смысле – или момент категориальной определенности эйдоса;

– Символ – воплощенность эйдоса в инобытии, смысловая вобранность инобытия в эйдос, что обуславливает его апофатичность;

– Миф – интеллигентно модифицированный символ [3, с. 161].

Каждый уровень эйдоса (форма знания) имеет свой логос и свой уровень апофатичности эйдоса, в том числе и как знания.

Это означает, что переходя в интерпретации одного уровня эйдоса на другой, например, объясняя богословские тексты, относящиеся к символическому и мифологическому уровням с помощью методов, принятых в науке, мы изменяем «смысловую структуру» анализируемого знания, рассматриваем его на уровне обоснования, не принятом в первоначальной форме. В частности, уменьшая или исключая, возникающую в следствии апофатичности, или вероятностности по Налимову, смысловую вариативность текста (мысли) вводим существенные искажения, которые могут привести к неадекватности понимания (восприятия) смысла.

На сегодняшний день, использование научных методов при анализе и интерпретации богословских текстов ведется в одном направлении – мифологический эйдос исследуется «методами» схемного эйдоса, с принятой в нем формальной логикой. Что, как уже отмечено, ведет к неизбежным искажениям

Однако движение могло бы осуществляться и в обратную сторону, т. е. в сторону изменения методологии самой науки, переход как эйдоса на новый уровень, учета в ней фактора апофатичности и образности, что уже имеет свои ростки в математике в форме теории нечетких множеств, топологии и более обобщенно в теории категорий. И эта апофатичность присутствует в науке, но как правило в срытой форме. В частности на смену Эвклидовой геометрии, как единственно возможной, пришла целая группа неэвклидовых, не исключающих, однако первую. Признание наукой ограниченности принимаемых ей за основу положений (аксиом, постулатов) может заставить ее разрабатывать методы позволяющие учитывать вариативность смысловой интерпретации зафиксированных в той или иной форме знаний. В теории категорий, в частности, появилось понятие «локальной истинности».

Другими словами, определения науки должны перестать быть застывшими, изолированными изваяниями, как их определил Гегель. Более того, каждое определене должно нести в себе потенциал всех возможных в данном понятии определений, всего понятия. У Налимова такую роль должен играть, введенный им в рассмотрение «семантический вакуум», у Лосева проявляющая себя в ином в разных формах первосущность. У Гегеля понятие в себе.

Математики не могут знать, что будет представлять из себя матеатика как понятие в завершенном виде. Но исходя из приведенной установки, в процессе развития математики появления новых ее разделов могут, а в целом и должны не только находить связь между разделами, но и если это необходимо, расширять базу оснований математики, для включения этих разделов в единую систему, имеющую основание в этой базе. Пока такая работа систематически не ведется. Более того, зачастую ей сопротивляются. Известны трудности, с которыми развивались неэвклидовы геометрии, не всеми принимается теория категорий, возможность использования неклассических логик в математических рассуждениях практически отвергается.

Современная наука только приходит к осознанию, во-первых, ограниченности принятых в ней за постулаты положений, во-вторых вариативности причинно-следственных связей.

В современной науке, все чаще обращается внимание на необходимость выработки новых подходов к методологии научного исследования, обретения ей нового образа [5].

Литература и источники

1. Иоанн Златоуст. Беседы на евангелие святого апостола Иоанна Богослова. – М: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. – Т. 1. – 463 с.

2. Дионисий Ареопагит. О Божественных именах. – СПб.: Издательство «Глагол», 1995. – 371 с.

3. Лосев, А. Ф. Философия имени. – М.: Издательство Московского университета, 1990. – 269 с.

4. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики. – СПб.: «Наука», 1997. – 799 с.

5. Налимов, В. В. Требование к изменению образа науки // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. – 1991. – № 5. – С. 18–33.

ГЕГЕЛЬ И ЗАПАДНЫЙ ЭЗОТЕРИЗМ

А. В. Филиппович

Понятие западного эзотеризма включает в себя герметизм, теософию, натурфилософию, алхимию, розенкрейцерство и другие течения, восходящие к античности либо сформировавшиеся в эпоху Возрождения [1, p. 6]. Их объединяет не только претензия на «тайное знание», но и особый тип мировоззрения, в котором мир пронизан отношениями аналогии, всеобщей взаимосвязи, символами и скрытыми сущностями, познаваемыми с помощью воображения [1, p. 10–15]. Из-за невозможности втиснуть их в определенные рамки философского или религиозного мировоззрения, течения западного эзотеризма длительное время оставались без должного внимания в науке. Однако многочисленные исследования западного эзотеризма, опубликованные за последние четверть века, позволили, в том числе, по-новому взглянуть на историю философии и раскрыть ряд ранее неизвестных аспектов мысли различных эпох, включая немецкую классическую философию.

Немецкий эзотеризм Нового времени, уходящий своими корнями в средневековый мистицизм и ренессансную герметическую традицию, имеет особую историю. Еще в XVII веке под влиянием Якоба Бёме сложилась немецкая теософия, которая вобрала в себя важнейшие ренессансные эзотерические течения. Поэтому неудивительно, что западный эзотеризм был основательно представлен в немецкой культуре XVIII века теософией, герметизмом, масонством и месмеризмом, которые соседствовали с новой рационалистической философией Просвещения. В XVIII веке интерес к энциклопедиям, всеобщей истории и сравнительной мифологии породил широкое эклектичное понятие «герметического», в которое входили египетские элементы, орфические мистерии, пифагорейство, Каббала, парацельсизм, алхимия и розенкрейцерство [2, p. 551]. В таком расширенном понимании немецкий герметизм включил в себя почти все важнейшие направления западного эзотеризма.

В этой атмосфере интерес к эзотерическим идеям был неизбежен даже у тех мыслителей, которые ориентировались на философию и естествознание Нового времени. Среди них был и Кант, впечатленный рационалистическим мистицизмом теософа Сведенборга [3, p. 169], которого, в конечном счете, основатель немецкой классической

философии подверг резкой критике. Фихте, который был знаком с эзотеризмом еще и через масонство, уже активно использовал теософские идеи Бёме для создания своего «Наукоучения» [4, p. 117]. У Шеллинга влияние герметических идей было настолько значительным, что сегодня его рассматривают как одного из представителей западного эзотеризма [5, p. 1039].

Ситуация с Гегелем, которого одновременно обвиняли и в крайнем рационализме, и в мистицизме, сложнее, особенно учитывая его статус как одного из крупнейших представителей западной философии. Однако не вызывает сомнений, что характерные для западного эзотеризма представления сыграли немалую роль в становлении его философских взглядов. Гегель родился в герцогстве Вюртемберг, где безраздельно царил проникнутый эзотеризмом швабский пиетизм, крупнейшими представителями которого были И. Бенгель и Ф. Этингер. От швабского пиетизма Гегель унаследовал мировоззрение, которое резко отличалось от рационализма и механицизма Просвещения и опиралось на категории алхимическо-биологической философии природы [6, p. 70]. Кроме того, Гегель, подобно Фихте и Шеллингу, вращался в масонских кругах, где также господствовали идеи эзотеризма.

В период с 1793 по 1801 годы Гегель активно изучал немецкую мистико-теософскую традицию М. Экхарта, И. Таулера, Я. Бёме и был знаком со многими известными масонами. В Йене (1801–1807). Гегель выступал с лекциями по Беме и Бруно, в которых давалась высокая оценка их герметических идей. От этого периода сохранились фрагменты гегелевских работ, где используются символы герметизма, и лекции Гегеля по философии природы, демонстрирующие сильное влияние алхимии [6, p. 3]. В Берлине (1818–1831). Гегель сблизился с крупным представителем эзотеризма Ф. фон Баадером, которого он цитирует, наряду с Беме, в предисловии ко второму изданию «Энциклопедии философских наук» (1827). В библиотеке Гегеля были книги таких крупных представителей западного эзотеризма, как Агриппа Неттесгеймский, Беме, Бруно и Парацельс [6, p. 255]. Все это свидетельствует о том, что интерес к эзотеризму сохранялся у Гегеля на протяжении всей жизни.

В духе герметического идеала пансофии, универсального знания, Гегель создал философскую систему, в которой положения эзотеризма играли существенную роль. При этом он использовал язык философского рационализма, избегая прямых ссылок на «запрещенные» идеи. В то же время, многие темные места произведений Гегеля обретают ясность только в контексте идей эзотеризма.

Гегель, как и Шеллинг, использует герметические концепции «древней теологии» и «вечной философии», согласно которым все предшествующие мифологические, религиозные и философские представления раскрывают одну и ту же единую доктрину. Именно

поэтому Гегель смог не только обнаружить логику в истории идей, но и объявить свою систему завершением всей философии.

Наиболее сложное и темное произведение Гегеля, «Феноменология духа», имеет структуру первой ступени герметической инициации и предполагает «очищение» сознания в ходе самопознания. Из-за присутствия идей эзотеризма философ и масон К. Виндишманн увидел в этой книге масонский манифест, о чем не преминул с восхищением сообщить самому Гегелю в письме 1810 года [6, p. 130]. Остальная часть системы Гегеля аналогична второй ступени герметической инициации – познанию Абсолюта [6, p. 130]. Гегель не случайно упоминает в «Феноменологии духа» элевсинские мистерии – одну из излюбленных тем западного эзотеризма.

Как и в герметизме, философская система Гегеля имеет форму круга, предполагающую, что Бог осуществляет самопознание и тем самым полностью становится самим собой лишь через созерцающего его человека [6, p. 14]. Необходимым моментом этого кругового движения является творение природы, которая тем самым обретает полноценный смысл и «одухотворяется» в соответствии с идеями герметизма.

В философской системе Гегеля используется герметическая идея соответствий, включающая в себя принципы «что вверху, то и внизу», аналогии микрокосма и макрокосма и всеобщей взаимосвязи вещей. Диалектика Гегеля не просто продолжает традиции античной философии: она вдохновлялась герметическими принципами полярности, преодоления и объединения противоположностей.

Гегель испытал влияние еще одного важного направления западного эзотеризма – Каббалы, с которой он был знаком по произведениям Этингера, каббалистическим интерпретациям учения Бёме, а также изложению Лурианской Каббалы в пятитомной истории философии И. Брюкера [6, p. 167]. Как и в Каббале, Бог у Гегеля рассматривается динамически, в качестве процесса, и разделяется на отдельные моменты. В этом смысле категории «Логики» Гегеля можно сравнить с сефирот кабалистического Древа Жизни.

Первая категория гегелевской «Логики» – «бытие», которое одновременно есть «ничто» – напоминает отправную точку каббалистических рассуждений – Айн Соф, которое тоже есть «ничто» [6, p. 176–177]. Примечательно, что для Лурианской Каббалы характерен способ мышления, который может быть назван «диалектическим» в самом строгом смысле этого понятия у Гегеля [7, p. 143]. В других частях системы Гегеля – «Философии природы» и «Философии духа» – используются такие идеи западного эзотеризма, как всеобщая одушевленность природы, микрокосм и макрокосм, самопознание Бога через человека.

Именно на основе творческой интерпретации идей эзотеризма Гегель

преодолел эпистемологический пессимизм и дуализм Канта, субъективный идеализм Фихте, показал ограниченность механицизма, господствовавшего в эпоху Просвещения и, в конечном счете, смог открыть совершенно новые возможности для развития философии. Хотя не все усилия немецкого философа были оценены по достоинству (как, например, его философия природы), они, тем не менее, дали импульс развитию целого ряда современных философских течений.

Таким образом, идеи западного эзотеризма образуют одну из важных предпосылок гегелевской мысли, которая смогла разрешить ряд противоречий философии Нового времени за счет обращения к таким архаичным и иррациональным формам познания мира, которые, казалось бы, навсегда утратили свое значение с наступлением «века разума». Это лишний раз подчеркивает тот факт, что в философии нет устаревших идей, а история философии в любую эпоху представляет собой неизменно актуальную основу философской мысли.

Литература и источники

1. Faivre, A. Access to Western Esotericism / A. Faivre. – New York: State University of New York Press, 1994. – 380 p.

2. Goodrick-Clarke, N. Hermeticism and Hermetic Societies // Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed. by W. Hanegraaff. – Leiden: Brill, 2006. – P. 550–558.

3. Goodrick-Clarke, N. The Western Esoteric Traditions. A Historical Introduction / N. Goodrick-Clarke. – New York: Oxford University Press, 2008. – 296 p.

4. Faivre, A. Theosophy, Imagination, Tradition: Studies in Western Esotericism / A. Faivre. – New York: State University of New York Press, 2000. – 305 p.

5. Marquet, J-F. Schelling / J-F. Marquet // Dictionary of Gnosis and Western Esotericism / ed. by W. Hanegraaff. – Leiden: Brill, 2006. – P. 1039–1040.

6. Magee, G. Hegel and the Hermetic Tradition / G. Magee. – London: Cornell University Press, 2001. – 304 p.

7. Scholem, G. Kabbalah / G. Scholem. – New York: New American Library, 1978. – 512 p.

Сведения об авторах

Антипенко Леонид Григорьевич, старший научный сотрудник сектора философии естественных наук, Институт философии РАН (г. Москва); кандидат философских наук.

Афанасьев Александр Иванович, профессор кафедры философии и методологии науки Одесского национального политехнического университета; доктор философских наук, профессор.

Бабосов Евгений Михайлович, председатель Президиума Белорусского философского общества, главный научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси.

Белов Владимир Николаевич, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов (г. Москва); доктор философских наук, профессор.

Белокрылова Вера Анатольевна, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Берков Владимир Федотович, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Беркова Ольга Владимировна, доцент кафедры «Бизнес-администрирование» факультета маркетинга, менеджмента, предпринимательства Белорусского национального технического университета (г. Минск); кандидат философских наук.

Бобко Аркадий Иванович, доцент кафедры философии и методологии гуманитарных наук Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Буслова Марина Казимировна, доцент кафедры философии и социологии Белорусского государственного университета физической культуры (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Бэдиляну Марина, ведущий научный сотрудник Центра экономики промышленности и услуг Национального Института экономических исследований Академии наук Румынии (г. Бухарест); доктор экономических наук.

Василенко Ирина Леонидовна, доцент кафедры политологии, социологии и социальных коммуникаций Одесской национальной академии связи имени А. С. Попова; кандидат философских наук, доцент.

Верещако Алексей Иванович, преподаватель факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск).

Вольнов Илья Николаевич, директор Центра технологической поддержки образования, доцент кафедры Машины и технология литейного производства Московского политехнического университета; кандидат технических наук.

Воробьева Светлана Викторовна, доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Гонашвили Александр Сергеевич, помощник проректора по научной работе Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.

Гусева Нина Васильевна, профессор кафедры Казахстанско-Американского свободного университета, руководитель Международного центра методологических исследований и инновационных программ, председатель Восточного отделения Казахстанского философского конгресса (г. Усть-Каменогорск); доктор философских наук.

Дебич Мария Андреевна, ведущий научный сотрудник отдела политики и управления в высшем образовании Института высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины (г. Киев); доктор педагогических наук, доцент.

Демидов Александр Борисович, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П. М. Машерова; кандидат философских наук, доцент.

Дождикова Раиса Нуриевна, доцент кафедры философских учений Белорусского национального технического университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Доронина Светлана Геннадиевна, аспирант Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Ермаков Евгений Сергеевич, аспирант Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Жирар Эдуар, представитель Центра современной философии Сорбонны (г. Париж), доктор философии, преподаватель.

Жук Виктор Иванович, директор Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы (г. Кишинёв), доктор философии, профессор.

Жук Сергей Александрович, преподаватель кафедры всеобщей истории Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина.

Иващук Ольга Федоровна, профессор кафедры философии Философско-социологического факультета Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва); доктор философских наук, доцент.

Игнатов Владимир Константинович, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук.

Ильганаева Валентина Александровна, профессор кафедры социокультурной деятельности Ужгородского института культуры и искусств; доктор исторических наук, профессор.

Интымакова Лариса Григорьевна, доцент кафедры общей педагогики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Таганрог); кандидат философских наук, доцент.

Каравкин Валерий Иосифович, доцент кафедры философии и политологии Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины; кандидат философских наук, доцент.

Карасевич Антон Олегович, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Кириченко Елена Геннадьевна, заведующий кафедрой философии, истории и политологии Белорусского государственного университета транспорта (г. Гомель); кандидат философских наук, доцент.

Кисель Наталья Константиновна, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Козарева Полина Александровна, студентка факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск).

Корсак Константин Витальевич, профессор кафедры иностранных языков и социально-гуманитарных дисциплин Киевского медицинского университета; доктор философских наук, профессор.

Корсак Юрий Константинович, старший научный сотрудник Института высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины (г. Киев); кандидат философских наук.

Кравченко Дмитрий Владимирович, аспирант Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Кузнецов Анатолий Владимирович, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Кузнецов Виталий Владимирович, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (г. Минск); кандидат философских наук.

Кузнецова Евгения Владимировна, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Курилович Иван Сергеевич, старший научный сотрудник Учебно-научного центра феноменологической философии Российского

государственного гуманитарного университета (г. Москва); кандидат философских наук.

Курохтина Софья Руслановна, аспирант Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич, директор Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Лазаревич Наталья Александровна, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Легчилин Анатолий Александрович, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Лепешко Борис Михайлович, профессор кафедры философии Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина; доктор исторических наук, профессор.

Лещинская Ирина Ивановна, доцент кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Лойко Лариса Егоровна, доцент кафедры философии и идеологической работы Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Лукашевич Владимир Константинович, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Майданский Андрей Дмитриевич, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета, ассоциированный сотрудник Института философии РАН (г. Москва); доктор философских наук, профессор.

Макарова Алла Александровна, докторант кафедры философии и политологии Житомирского государственного университета имени Ивана Франко; кандидат философских наук, доцент.

Малиновская Мария Александровна, магистрант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск).

Малыхина Галина Ивановна, заведующая кафедрой философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Мамедов Агамали Куламович, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; доктор социологических наук, профессор.

Матусевич Ольга Александровна, доцент кафедры философии и права Белорусского государственного технологического университета (г. Минск); кандидат исторических наук, доцент.

Мдивани Татьяна Герасимовна, ведущий научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (г. Минск); доктор искусствоведения, профессор.

Мельников Адам Петрович, доцент кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Миськевич Владимир Иосифович, доцент кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Михайлов Андрей Евгеньевич, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Кировского государственного медицинского университета; кандидат философских наук, доцент.

Михайлова Марина Васильевна, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Кировского государственного медицинского университета; кандидат философских наук, доцент.

Михайловский Вадим Сергеевич, доцент кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат политических наук, доцент.

Молчанов Павел Юрьевич, педагог дополнительного образования Минского государственного туристско-экологического центра детей и молодежи (г. Минск).

Мурюкина Елена Валентиновна, доцент кафедры медиаобразования Московского педагогического государственного университета; кандидат педагогических наук, профессор.

Наумкина Елена Анатольевна, доцент кафедры философии и социальных наук Сумского государственного педагогического университета имени А. С. Макаренко; кандидат философских наук, доцент.

Нестерович Юрий Владимирович, старший научный сотрудник Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (г. Минск); кандидат исторических наук, профессор.

Новицкая Татьяна Евгеньевна, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Орлов Сергей Владимирович, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения; доктор философских наук, профессор.

Павлов Валерий Лукьянович, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Национального университета пищевых технологий (г. Киев); кандидат философских наук, доцент.

Павлюкевич Вадим Иосифович, научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Плотникова Элина Олеговна, исполнитель проекта Российского фонда фундаментальных исследований, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (г. Калининград).

Перепелица Елена Васильевна, старший научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения правовой информатизации управления правовой информатизации Национального центра правовой информации Республики Беларусь (г. Минск); кандидат юридических наук, доцент.

Повх Ирина Васильевна, доцент кафедры иностранных языков Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина; кандидат филологических наук.

Полежаев Дмитрий Владимирович, профессор, директор центра воспитательной работы Волгоградской государственной академии последипломного образования; доктор философских наук, доцент.

Пономарев Михаил Викторович, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета; кандидат исторических наук, доцент.

Попова Варвара Сергеевна, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта (г. Калининград); кандидат философских наук.

Прись Игорь Евгеньевич, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философии (Франция), кандидат физико-математических наук.

Прохоров Михаил Михайлович, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета; доктор философских наук, профессор.

Пухова Наталья Владимировна, ассистент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск).

Пушкевич Сергей Александрович, научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (г. Минск).

Румянцева Татьяна Герардовна, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Савелова Ирина Борисовна, старший преподаватель кафедры педагогики, методист отдела методик работы с одаренными детьми Минского городского института развития образования.

Савинцев Вячеслав Игоревич, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта (г. Калининград); кандидат философских наук.

Сагдуллаева Дилбар Шухратовна, доцент кафедры «Гуманитарные науки» Ташкентского университета информационных технологий имени Мухаммада аль Хорезми; кандидат философских наук, доцент.

Саковский Евгений Петрович, младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск).

Салеев Вадим Алексеевич, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела Белорусской государственной академии искусств (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Салеева Марианна Вячеславовна, доцент кафедры романского языкознания Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат философских наук.

Сарычева Анна Владимировна, преподаватель-стажер кафедры философии Белорусского государственного экономического университета (г. Минск).

Семенков Вадим Евгеньевич, доцент Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы; кандидат философских наук, доцент.

Семенов Николай Сергеевич, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусской государственной академии искусств (г. Минск); кандидат философских наук.

Семенова Владислава Николаевна, заведующий кафедрой философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Ситько Елена Константиновна, учитель биологии Гродненской городской гимназии.

Скуднова Татьяна Дмитриевна, профессор кафедры психологии Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета; доктор философских наук, доцент.

Слюсар Вадим Николаевич, доцент кафедры философии и политологии Житомирского государственного университета имени И. Франко; доктор философских наук, доцент.

Слюсар Николай Вадимович, аспирант кафедры философии и политологии Житомирского государственного университета имени И. Франко.

Солодухо Натан Моисеевич, заведующий кафедрой философии Казанского национального исследовательского технического университета имени А.Н.Туполева – КАИ; доктор философских наук, профессор.

Сороко Эдуард Максимович, ведущий научный сотрудник Института Философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, доцент.

Сосновский Леонид Адамович, профессор кафедры «Локомотивы» Белорусского государственного университета транспорта (г. Гомель); доктор технических наук, профессор.

Спасков Александр Николаевич, заведующий Центром философско-методологических и междисциплинарных исследований Института

философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Спектор Анна Артуровна, автор, редактор ООО «Интеджер» (г. Минск).

Старжинский Валерий Павлович, профессор кафедры философских учений Белорусского национального государственного университета (г. Минск); доктор философских наук, профессор.

Стародубцева Зинаида Григорьевна, доцент кафедры русского языка и литературы Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Таганрог); кандидат филологических наук, доцент.

Субетто Александр Иванович, директор Центра ноосферного развития Научно-исследовательской лаборатории россиеведения, евразийства и устойчивого развития Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург), доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор.

Сыкало Александр Иванович, доцент кафедры общей и медицинской психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск); кандидат медицинских наук, доцент.

Твердынин Николай Михайлович, профессор кафедры химии и материаловедения Академии гражданской защиты МЧС России, профессор-совместитель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Московского государственного университета пищевых производств (г. Москва); доктор философских наук, кандидат технических наук.

Титов Андрей Валентинович, доцент кафедры «Менеджмент качества» Российского университета транспорта (МИИТ), доцент кафедры «Высшая математика» Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана; кандидат технических наук, доцент.

Титовец Татьяна Евгеньевна, доцент кафедры общей и дошкольной педагогики Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка (г. Минск); кандидат педагогических наук, доцент

Туркина Оксана Анатольевна, старший преподаватель кафедры английского языка гуманитарных специальностей факультета международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск).

Филиппович Алексей Валентинович, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Белорусской государственной академии искусств (г. Минск); кандидат философских наук.

Хакимов Эдвард Муратович, профессор кафедры теории и методики географического и экологического образования Института управления

экономики и финансов Казанского федерального университета; доктор философских наук, профессор.

Хилькевич Сергей Олегович, ассистент кафедры неврологии и нейрохирургии с курсами медицинской реабилитации и психиатрии Гомельского государственного медицинского университета; врач психиатр-нарколог.

Червинский Александр Сергеевич, старший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); кандидат философских наук, доцент.

Черникова Дарья Васильевна, заместитель директора Научно-образовательного центра урбанистики и регионального развития Томского государственного университета; кандидат философских наук.

Черникова Ирина Васильевна, заведующий кафедрой философии и методологии науки Томского государственного университета; доктор философских наук, профессор.

Черновицкая Юлия Вячеславовна, научный сотрудник сектора философии естественных наук Института философии РАН (г. Москва); кандидат философских наук.

Черноиванова Анна Сергеевна, студент Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы.

Чжун Цяньцянь, соискатель кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (г. Минск).

Чумак Светлана Петровна, ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Министерства образования, культуры и исследований Республики Молдова (г. Кишинев); доктор экономических наук, доцент.

Швед Инна Анатольевна, профессор кафедры русской литературы и журналистики Брестского государственного унивеситета имени А.С. Пушкина; доктор филологических наук, профессор.

Широканов Дмитрий Иванович, главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси (г. Минск); доктор философских наук, профессор, академик НАН Беларуси.

Шохов Александр Сергеевич, исследователь в компании Shokhov.com; кандидат философских наук.

Щербаков Сергей Сергеевич, заместитель Председателя Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь; доктор физико-математических наук.

Щербин Вячеслав Константинович, заведующий сектором исследования макроэкономических рисков Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси (г. Минск); кандидат филологических наук.

Щурок Элла Михайловна, научный сотрудник Института социологии НАН Беларуси (г. Минск).

Юдкин–Рипун Игорь Николаевич, ведущий научный сотрудник отдела экранно-сценических искусств и культурологии Института искусствоведения, фольклористики и этнологии имени М. Т. Рыльского НАН Украины, (г. Киев); доктор искусствоведения, член-корреспондент Национальной Академии художеств Украины.

Яхно Валентина Николаевна, доцент кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого; кандидат философских наук, доцент.

Научное издание

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСИ: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития

Материалы Пятой международной научной конференции
(19–20 ноября 2020 г., г. Минск)

В трех томах

Том 1

На русском, белорусском, английском языках

Статьи публикуются
в авторской редакции

Ответственный за выпуск
С. И. Санько

Подписано в печать 12.11.2020.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 22,67. Уч.-изд. л. 24,22.
Тираж 70 экз. Заказ 790.

Издатель и полиграфическое исполнение:
ОДО «Издательство “Четыре четверти”».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий
№ 1/139 от 08.01.2014, № 3/219 от 21.12.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 8-215, 220013, г. Минск.
Тел./факс: (+375 17) 331 25 42. E-mail: info@4-4.by